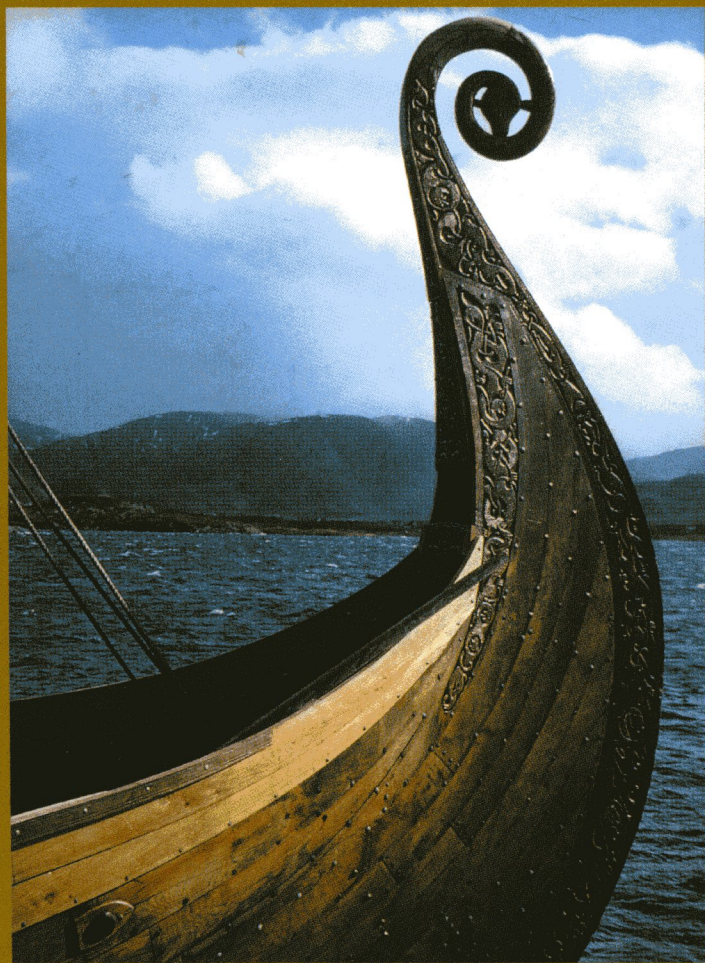

СЕВЕРНАЯ РУСЬ И НАРОДЫ БАЛТИКИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ XXIV

СЕВЕРНАЯ РУСЬ И НАРОДЫ БАЛТИКИ

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2007

В статьях сборника анализируются новейшие материалы раскопок двух наиболее значительных центров Поволховья — Ладоги и Рюрикова городища (древнейшего Новгорода), а также локальных центров Северо-Запада — городища на р. Сяси и Передольского погоста на р. Луге. Показаны многосторонние связи этих поселений с регионом Балтики и их роль в социально-экономическом развитии района.

Издание рассчитано на археологов и историков.

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН *Е. Н. Носов* (ответственный редактор),
Т. С. Дорофеева, В. Я. Стеганцева, Н. В. Хвоцинская

Художник *Г. А. Кузнецов*
Компьютерная верстка *Р. К. Жумабаев*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Отделения историко-филологических наук по программе фундаментальных исследований «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» согласно проекту № 10115-218

Заказы присылать по адресу
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 498 41 26
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцкая.</i> Связи населения центрального Приильменя с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX—X вв.	6
<i>А. В. Плохов.</i> О связи нижнего Поволжья с Западной Европой по керамическим материалам	18
<i>В. М. Горюнова.</i> Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси	45
<i>О. И. Богуславский.</i> Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных североевропейских древностей	90
<i>Н. В. Хвоцкая.</i> Бронзолитейное производство Рюрикова городища в IX—X вв.	123
<i>Н. И. Платонова, Т. А. Жеглова, Ю. М. Лесман.</i> Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте	142
<i>А. Н. Кирпичников.</i> Новые материалы о международных торговых связях средневековой Ладogi с Балтийским регионом и странами Востока (по данным раскопок 2002 г.).	195
<i>Е. Н. Носов, Н. И. Платонова, В. И. Кашкевич, Н. Н. Блохин, М. В. Шитов, М. П. Кашкевич, Б. С. Короткевич.</i> Шум-гора: проблемы междисциплинарного неразрушающего исследования памятника	221
Список сокращений	232

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение трех лет в рамках программы Историко-филологического отделения РАН «История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте» (№ 10115-218) по гранту «Северная Русь и народы Балтики» выполнялся проект, направленный на изучение и публикацию новейших материалов по археологии важнейших административных, торгово-военных и политических центров Северо-Запада России. Предлагаемый читателю сборник, наряду с целым рядом уже опубликованных статей участников проекта, является определенным итогом проделанной работы.

Северная или Новгородская Русь в силу своего географического положения в месте перехода между континентальными торгово-военными путями и путями морскими, выводящими через Финский залив на широкие просторы Балтики, оказалась с момента своего возникновения широко вовлеченной в международные контакты. Именно они оказали существенное, а порой определяющее влияние на время и характер возникновения военно-административных и торговых центров этих территорий, на их социально-экономический характер и структуру.

Несомненно, важнейшим из подобных поселений была Старая Ладога, расположенная в низовьях реки Волхова и являвшаяся своеобразными воротами в континентальную часть Восточной Европы. Здесь останавливались торговые караваны, шла перегрузка судов, их ремонт, заключались коммерческие сделки и т. д. Статья А. Н. Кирпичникова подводит итоги изучения международных связей Ладожского поселения на основании новейших материалов ее раскопок 2002 г. А. В. Плохов привлек внимание к находкам на урочище Плакун и в самой Ладоге обломков так называемых «фризских» кувшинов, изготовленных в гончарных мастерских среднего Рейна в первой половине IX—первой половине X в. и свидетельствующих о связях населения Поволховья с Западной Европой.

Вторым значительным городским центром на Волхове являлось Рюриково городище — прямой предшественник Новгорода. В статье Е. Н. Носова и Н. В. Хвоцинской рассматриваются контакты населения этого поселения с

территориями Эстонии и Западной Финляндии. Авторами намечены средневековые центры на пути из Балтики в Приильменье, которые играли значительную роль в организации торговли. Н. В. Хвошинская проанализировала характер бронзолитейного производства IX—X вв. на Рюриковом городище и пришла к выводу, что часть вещей североευропейских типов изготовлялись непосредственно на поселении. Статья В. М. Горюновой посвящена роли западнославянских компонентов в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси. Особое внимание ею было обращено на анализ керамики Рюрикова городища, Новгорода, Старой Ладogi и Пскова. Она выделила несколько уровней проявления западнославянских элементов в раннегончарном производстве Древней Руси.

Наряду с материалами крупных торгово-ремесленных центров Поволжья в сборник включены работы о наиболее ярких региональных центрах Новгородской земли эпохи раннего средневековья. К ним относится Сясьское городище — своеобразный торгово-ремесленный форпост в Юго-Восточном Приладожье, в землях, занятых финским населением (статья О. И. Богуславского), и Передольский погост — центр обширного района Полужья (статья Н. И. Платоновой, Т. А. Жегловой и Ю. М. Лесмана). В результате новейших исследований этих памятников получены интереснейшие материалы, сопоставимые с аналогичными центрами Северной Европы.

В коллективной статье ряда авторов излагаются результаты геолокационных и сейсмотомографических исследований Шум горы — крупнейшей сопки Северной и Восточной Европы (диаметр кургана 70—75 м, высота 13,5 м), находящейся рядом с Передольским погостом.

Важнейший вывод по материалам сборника заключается в том, что социально-экономические и культурные процессы, развивавшиеся на территории Северной Руси, проходили синхронно во всей Северной Европе или, другими словами, во всем «Балтийском мире» на землях, занятых западнославянскими и скандинавскими племенами.

Е. Н. Носов

СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРИИЛЬМЕНЬЯ С ЗАПАДНОЙ ФИНЛЯДИЕЙ И ЭСТОНИЕЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В РЕГИОНЕ БАЛТИКИ В IX—X вв.

Е. Н. НОСОВ, Н. В. ХВОЩИНСКАЯ

В середине IX в., а возможно, и несколько ранее в истоке Волхова в центре плотного славянского расселения и на пересечении двух торгово-военных путей (балтийско-волжского пути и пути из «варяг в греки») сформировался крупный военно-административный и торгово-ремесленный центр района, получивший в литературе наименование Рюриково городище. Есть все основания считать, что именно укрепленное поселение здесь и было тем древнейшим Новгородом, который попал на страницы русских летописей (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 30—32). В XI в. после строительства крепости на другом месте — в 2 км ниже по течению р. Волхова — за ним закрепилось наименование Городище, то есть место города бывшего (первое летописное упоминание относится к 1103 г.). Раскопки Городища последних трех десятилетий подтвердили многообразие материальной культуры поселения, его широкие международные связи и разнотнический состав жителей. Основу материальной культуры раннего Городища безусловно составляет славянский этнический компонент, что выразилось как в типе домостроительства и наличии хлебных печей, так и в таком массовом материале как лепная керамика, а также в типах височных колец, двушипных наконечников стрел и прочих бытовых изделий. Чрезвычайно ярко на Городище проявился и комплекс находок скандинавского происхождения (различные типы фибул, подвесок, в том числе с руническими надписями, молоточки Тора, ладьевидные браслеты, детали конской сбруи и многое другое). В то же время, может быть не столь значительную, но достаточно презентабельную коллекцию в период раннего Городища представляют вещи финно-угорского характера, происходящие из различных областей финского мира от Прикамья на востоке и до Балтики на западе. Особо подчеркнем, что все финские находки, относящиеся к раннему этапу существования Городища (IX—X вв.), не принадлежат коренному финскому населению Приильменья, а появились здесь в результате межплеменных контактов.

В своей статье мы хотели бы особо обратить внимание на некоторые находки, непосредственно связанные с западно-финским регионом, прежде всего, с территорией Эстонии и Финляндии.

В 1995 г. в раскопе на южном берегу Сиверсова канала в слое черного гумуса, относящегося к X в., был найден роговой односторонний гребень с резным

зооморфным орнаментом на спинке, в виде головок птиц. По центру спинки — овальное отверстие. Тогда же в мешанном культурном слое был найден еще один гребень этого типа (рис. 1: 1—2). У последнего экземпляра спинка украшена зигзагообразными переплетающимися лентами. Верхняя часть гребня отломана, но, судя по аналогиям этому гребню, о которых мы скажем дальше, он также, видимо, завершался стилизованными головками птиц.

В специальной статье, посвященной резным гребням, О. А. Кондратьева отмечала, что «гребни с зооморфными украшениями происходят с территории, тянувшейся широкой полосой от Прикамья до р. Великая, не заходя на север за южный берег Ладожского озера» (Кондратьева 1981: 106). К началу 1980-х гг., по ее подсчетам, на территории Древней Руси было известно 14 таких гребней и одна заготовка. Автор, вполне справедливо, рассматривала данные изделия как предметы, связанные с финно-угорской художественной традицией, отмечая, что, если в памятниках прибалтийско-финского населения в основном присутствуют гребни, украшенные изображениями парных голов лебедей, то в восточно-финских районах спинки декорированы парными головками лошадей и медведей (Кондратьева 1981: 108).

Оба гребня с Городища, судя по стилизованным изображениям, относятся к прибалтийско-финскому варианту. Ближайшие им аналогии мы находим в Старой Ладогe, Пскове, на городище Камно (Кондратьева 1981: 105, рис. 2), в Изборске (Седов 2002: 73, рис. 37—1), а наибольшее их количество встречено в Эстонии. В последнее время специальное исследование по гребешкам-подвескам на территории Эстонии было проведено Х. Луик (Luik 2005: 131—159). По характеру декора спинки все известные ей роговые гребни были разделены на три группы. Интересующие нас изделия, украшенные стилизованными изображениями водоплавающих птиц, отнесены автором к I группе (Luik 2005: 133—135). По сути, это самая представительная группа эстонских гребней. Из 17 экземпляров к ней относится 11 (Luik 2005: 133, tab. 1), и особое внимание следует уделить ареалу их распространения. Они все найдены исключительно в юго-восточной и восточной Эстонии, причем наиболее богатая коллекция встречена на селище и городище Рыуге (6 экз), и, видимо, не случайно, что концентрация подобного типа гребней на территории России приходится на район непосредственно прилегающий к юго-восточной Эстонии. Мы имеем в виду находки из Изборска, Камно и Пскова.

Можно отметить, что в некоторых случаях очень лаконичная и простая проработка головок птиц у разных гребней совпадает. В частности, в этом элементе орнамента мы видим сходство между подвесками с Рюрикова городища, городища Камно, Изборска и с поселенческого комплекса Рыуге (Кондратьева 1981: 105, рис. 2—2; Аун 1992: табл. XXX—1, 10, Седов 2002: 73, рис. 37—1).

В целом, каждый гребень имеет свою специфику и индивидуальность. Во многом это связано с характером и возможностью использовавшегося сырья.

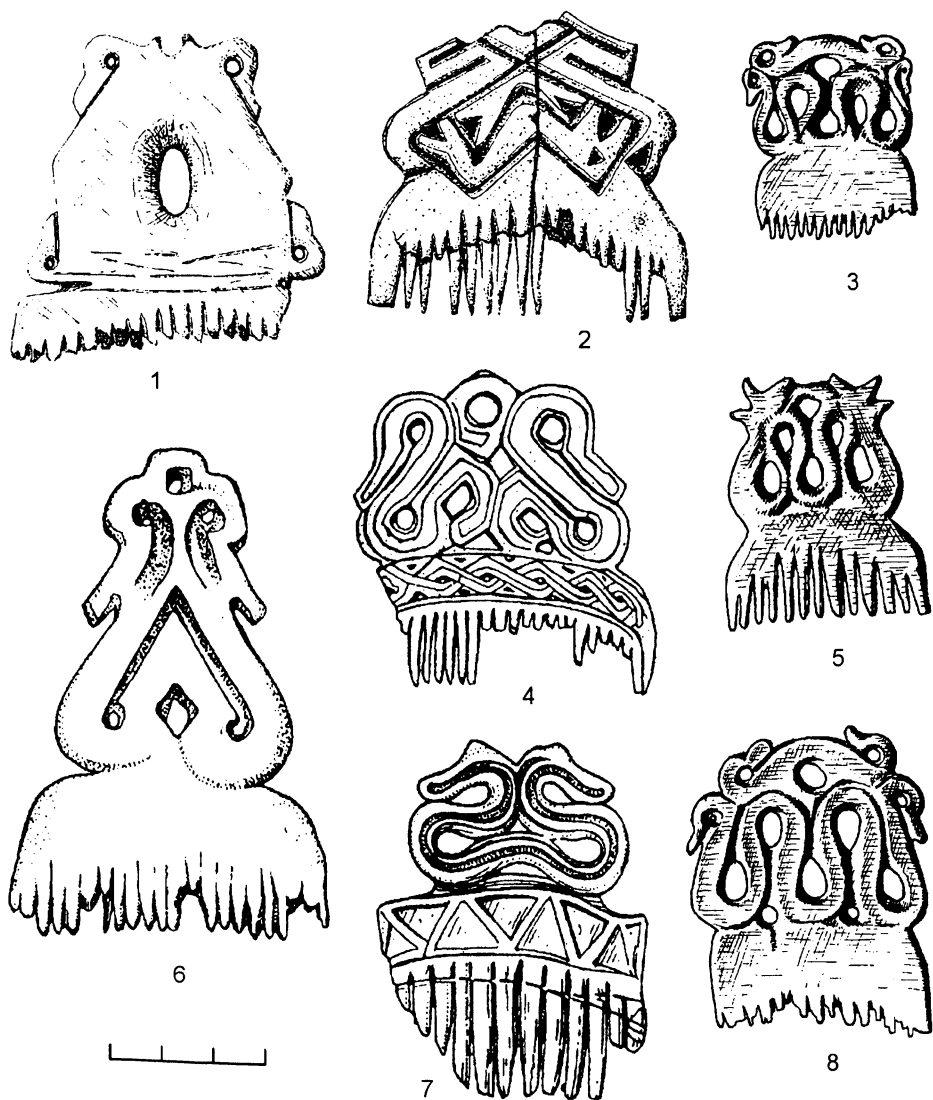

Рис. 1. Роговые гребни-подвески с зооморфными спинками: 1—2 — Рюриково городище; 3 — селище Рыуге; 4—6 — Камно; 5 — селище Кививаре; 7 — Псков; 8 — городище Рыуге

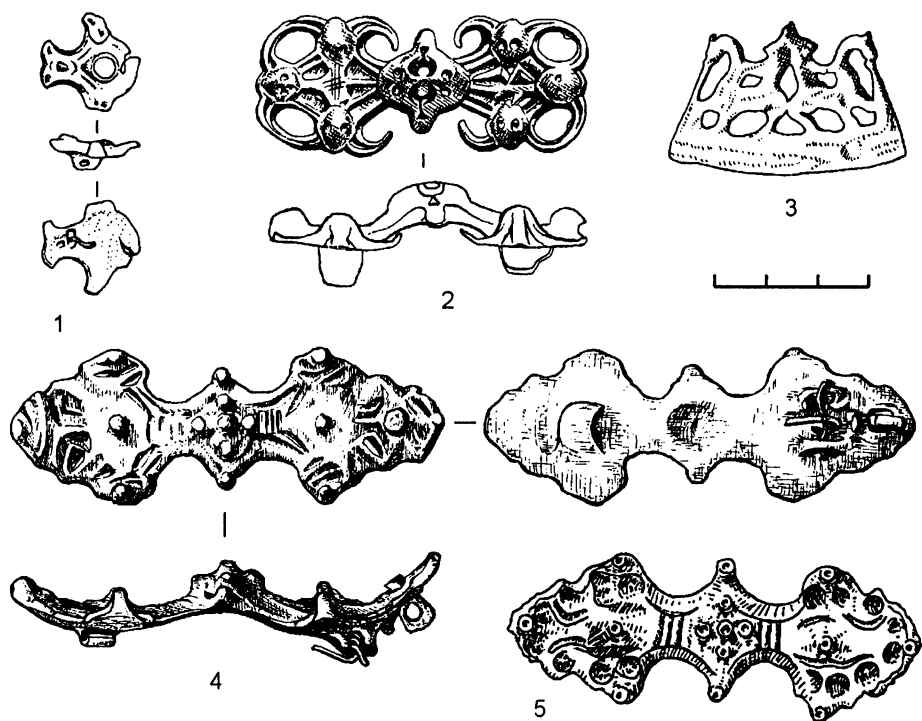

Рис. 2. Бронзовые равноплечные фибулы и железное кресало с бронзовой рукояткой:
1—4 — Рюриково городище; 5 — Орешек

В одном случае из куска рога можно было сделать удлиненную спинку с множеством ажурных вырезов, а в другом сам материал не позволял развернуться фантазии автора. И в этой связи бросается в глаза удивительная схожесть, прежде всего, в орнаментальной композиции двух гребней, один из которых был найден на городище, а второй на селище Рыуге (Аун 1992: табл. XXX—1, 10). М. Х. Шмидехельм сопоставляла их с находкой с городища Камно (Шмидехельм 1959: 167). Близок к ним и гребешок с селища Кививаре (Аун 1992: табл. XXX—8), в последнем случае у мастера, видимо, не хватило материала, чтобы закруглить головки. В свое время М. Х. Шмидехельм отмечала, что при раскопках городища Рыуге был найден незавершенный гребень, «что свидетельствует об изготовлении их на месте» (Шмидехельм 1959: 167). Как нам кажется, этот вывод дополнительно подкрепляется также двумя идентичными изделиями, которые, вполне возможно, вышли из-под руки одного мастера.

Все исследователи единодушны в датировке гребней с зооморфными орнаментами IX—X вв. (Кондратьева 1981: 103; Аун 1992: 67; Седов 2002: 69—71).

Городищенские находки не противоречат этой хронологии. Один из гребней найден в культурном слое с органикой, определенно относящемся к X в. Ко всему сказанному можно добавить, что эстонские исследователи рассматривают гребни анализируемого типа не как утилитарные изделия, то есть расчески, а, прежде всего, как гребнеобразные подвески-амулеты, которые входили в состав различных украшений (Шмидехельм 1959: 167; Аун 1992: 67; Luik 2005: 149—153). В дальнейшем гребешки-подвески стали изготавливаться в бронзе. Некоторые из них заимствовали мотив стилизованного изображения лебедей. Одна из наиболее ранних таких подвесок, относящаяся к IX в., была найдена, например, в Папинсаари (Финляндия). Э. Кивикоски упоминает и о других находках на территории Финляндии (Kivikoski 1973: 72, Abb. 484).

Итак, на Городище, несомненно, представлены гребни западно-финского типа, а реально их правильнее было бы называть гребнями, к примеру, «рыугского типа», поскольку наибольшая их концентрация приходится на поселенческий комплекс Рыуге в Эстонии. Из сравнительно близкого к Рыуге района происходят и еще три находки подобных гребней (городище Камно, Изборск и Псков). Вне этой компактной зоны гребни рассматриваемого типа найдены за несколько сотен километров к северо-востоку — в Старой Ладогe и на Городище. Примечательно, что оба упомянутых центра являются важными пунктами на водном пути из Балтики вглубь лесной зоны Восточной Европы.

Подобно гребням с зооморфными изображениями к широкому кругу финно-угорских древностей относятся своеобразные кресала с изображениями коней и всадников. Такое железное кресало с бронзовой рукоятью было найдено на Рюриковом городище М. Д. Полубояриновой в 1965 г. при обследовании берегов Сиверсова канала (рис. 2: 3). На его рукояти изображены два всадника с длинными ушами и носами. Один из них имеет бороду (Полубояринова 1972: 222—223, рис. 4—3). По типологии Л. А. Голубевой, подобные кресала относятся к первому варианту IV группы и датируются второй половиной X—XI вв. (Голубева 1964: 118, 121, 130—131).

Наибольшая концентрация таких находок наблюдается в Западной Финляндии. В литературе относительно происхождения рассматриваемых кресал высказаны два разных мнения. Часть исследователей полагает, что это вещи «пермского» стиля (Н. Клеве, А. Хертайг, Л. А. Голубева), которые попали на запад через районы обитания веси и Приладожье (литературу по данному вопросу см.: Голубева 1964: 131—132), другие (Э. Кивикоски, П. Какс и П.-Л. Лехтосало-Хиландер) не сомневались, что производство огнив с рукоятями в виде конских головок осуществлялось в Западной Финляндии (литературу по данному вопросу см.: Lehtosalo-Hilander 1982: 74—75).

Распространение кресал с изображениями коней специально было проанализировано П.-Л. Лехтосало-Хиландер (Лехтосало-Хиландер 1979: 88, 89,

рис. 6). Ее взгляды достаточно аргументированы. Исследовательница обращает внимание на два факта. Во-первых, на особую концентрацию этих находок именно в Западной Финляндии и, во-вторых, на то, что при раскопках в Луистари кресала были найдены в погребениях уже первой половины X в. (Lehtosalo-Hilander 1982: 74—75). В более позднее время на территории расселения прибалтийских племен кресала из изделий утилитарного назначения вообще превращаются в подвески (Zarina 1974: 249—4). Мы не будем вдаваться, в данном случае, в дискуссию о западных и восточных импульсах в появлении рассматриваемого типа находок. Картина, в принципе, может оказаться даже более сложной, чем она представляется сейчас.

Мы лишь хотим обратить специальное внимание на следующий факт. Кресало с фигурками коней было обнаружено при раскопках В. И. Сизова в известном Гнездовском могильнике в верховьях Днепра (Гнездовский могильник 1999: 110, 134, рис. 20 — I.73: 4). Рассматривая инвентарь могильника Луистари, П.-Л. Лехтосало-Хиландер пришла к важному выводу о полном сходстве кресала из захоронения № 348 этого кладбища с гнездовской находкой. По ее мнению, они, вероятно, были сделаны «в одной кузнице», то есть одним мастером. Если это действительно так, то гнездовское кресало попало по «пути из варяг в греки» на Днепр за тысячи километров от возможного места своего изготовления в Западной Финляндии. На этом же пути располагалось и Городище, а мы знаем, что между Городищем и Гнездовом существовали тесные контакты, и даже некоторые вещи, сделанные на Городище попадали в Гнездово (Корзухина 1965: 45—46). Одним словом, находки кресал транслируют ту же ниточку водных путей, что и рассмотренные костяные гребешки. В данном случае вряд ли можно сомневаться, что городищенское кресало имеет западное, а не восточно-финское происхождение.

Это же направление связей подтверждает еще одна редкая для Восточной Европы находка. При сборах 1993 г. на Городище была найдена бронзовая равноплечная фибула (рис. 2: 4). Крупнейший знаток скандинавских древностей профессор Стокгольмского университета И. Янссон, участвовавший тогда в раскопках, сразу квалифицировал ее как финскую фибулу. Прототипами финских явились аналогичные скандинавские фибулы. П.-Л. Лехтосало-Хиландер отмечала, что равноплечные фибулы появились в Финляндии в эпоху Меровингов и продолжали использоваться в период викингов (Lehtosalo-Hilander 1982: 86—89). Их распространение финские исследователи рассматривают «как доказательство шведского влияния», прежде всего из Центральной Швеции. Однако очень скоро на территории собственно Финляндии стали изготавливаться копии (Lehtosalo-Hilander 1982: 89).

Именно к такому роду изделий относится городищенская застёжка (рис. 2: 4). Лицевая сторона фибулы орнаментирована рельефными бороздками и шпеньками, которые завершают центральную куполообразную часть украшения, а также располагаются в середине плеча и по боковым плечевым

выступам. Края плеч загнуты вверх. На обратной стороне сохранились цепедержатель и приемник. Ближайшие аналогии подобной фибуле имеются на территории Финляндии. По типологии Э. Кивикоски, фибула принадлежит к 7-й группе. В своем своде автор упоминает, что ей известно около 35 экземпляров таких фибул, датируемых эпохой викингов (Kivikoski 1973: 93, Abb. 679). П.-Л. Лехтосало-Хиландер, картируя подобные находки, отмечала, что они встречаются в основном в Западной Финляндии, а также в Приладожской Карелии (Лехтосало-Хиландер 1984: 135, рис. 3). Равноплечные финские фибулы, аналогично своим скандинавским прототипам, обычно были третьей застежкой в комплексе металлических нагрудных украшений женского костюма. Они прикреплялись к одежде на груди и цепочкой соединялись с одной из наплечных фибул. Такая реконструкция дана П.-Л. Лехтосало-Хиландер по материалам погребения № 56 могильника Луистари, где подобная фибула сочеталась с двумя круглыми наплечными фибулами типа D (по классификации П.-Л. Лехтосало-Хиландер) (Lehtosalo-Hilander 1984: 53, fig. 36, 37). В то же время в Финляндии известны случаи, когда равноплечные фибулы использовались в качестве основных наплечных украшений (Lehtosalo-Hilander 1982: 88; Лехтосало-Хиландер 1984: 134). Данная фибула однозначно попала на Городище из Западной Финляндии, как и кресало с бронзовой рукоятью, и, видимо, тем же путем, что и роговые гребни с зооморфными украшениями. В самое последнее время в Новгородский музей от местных собирателей древностей поступила еще одна фибула аналогичного типа, происходящая, безусловно, из района истока Волхова или с северо-западного побережья оз. Ильмень, так называемого Поозерья (табл. V: 2). Она относится к тому же типу, что и городищенская находка. Это является еще одним подтверждением регулярных связей населения Приильменя с Балтийским регионом. Путь, по которому осуществлялись контакты древнего населения, проходил по Волхову и через исток р. Невы. В этой связи интересно отметить еще одну точку на этом маршруте. При раскопках В. И. Кильдюшевского в начале 1970-х гг. крепости Орешек в истоке р. Невы, также была встречена бронзовая равноплечная финская фибула, относящаяся к типу 6 по классификации Е. Кивикоски (рис. 2: 5). Хотя украшение было зафиксировано в слое XIV в., по своей типологии оно, несомненно, относится к более раннему времени. Это признает и сам автор полевых изысканий. Объяснения ее попадания в поздние отложения могут быть различны (Кирпичников, Сакса 2002: 141—142, рис. 3: 1).

При изучении лепной керамики Рюрикова городища выяснилась еще одна интересная особенность этого памятника. Среди обломков лепных сосудов выделяются фрагменты пяти лощеных мисок. Миски имеют вогнутый внутрь и уплощенный венчик. Переход от бортика к нижней части тулова выражен ребром. Все сосуды украшены прямыми линиями или зигзагообразным орнаментом по бортику. Три миски имели также валообразный валик,

Рис. 3. Находки фибул типа Вальста, трассирующие путь по Балтике: 1 — Бирка; 2 — Иру; 3 — Ладога; 4 — Рюриково городище, 5 — Поозерье; 6 — Хаймионмяки

образованный при формовке изделий. Обломки мисок на Городище позволяют уверенно говорить об их происхождении и датировке. Стратиграфические данные определяют время их бытования X в., причем, скорее его первой половиной. За пределами Новгородской земли округлодонные миски широко представлены в древностях центральной Швеции, юго-западной Финляндии и Эстонии. Наиболее близкие аналогии мискам Рюрикова городища по характеру орнамента, судя по заключению А. В. Плохова, дают памятники Северной Эстонии, а прежде всего, городище Иру (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 80—81). Итак, парадная лощеная посуда на Рюриковом городище в ранний период его истории, наиболее вероятно, появилась с территории Северной Эстонии.

Сходство отдельной группы керамики двух памятников не случайно, и его можно рассмотреть в контексте с анализом распространения редких образцов скандинавских украшений — равноплечных фибул типа Вальста. Этот тип впервые был выделен И. Янссоном только в начале 1990-х гг. Подобные фибулы крайне редки как в самой Скандинавии, так и за ее пределами.

Центром их производства, судя по находкам обломков глиняных литейных формочек, являлась Бирка (Амбросиани, Гайдуков, Носов, Янссон 1994: 115). К 1994 г. в районе оз. Меларен было известно всего четыре целых фибулы. За пределами Швеции одна фибула найдена в Норвегии, одна — в Западной Финляндии и одна — в Эстонии на городище Иру (рис. 3). Общими чертами для фибул типа Вальста являлись «ромбовидные плечи со звериными головами в форме выпуклин на трех свободных углах и пряди волос отходящие от голов». Кроме того, «они сравнительно тяжелы, поскольку их обратные стороны менее вогнуты, чем у большинства скандинавских фибул эпохи викингов» (Амбросиани, Гайдуков, Носов, Янссон 1994: 112). Отметим, что фибулы данной группы относятся к раннему периоду эпохи викингов, то есть ко второй половине VIII—второй половине IX вв. (Амбросиани, Гайдуков, Носов, Янссон 1994: 113—114).

В начале 1990-х гг. столь редкая фибула была обнаружена и на Рюриковом городище (рис. 2: 2), а соответственно городище Иру оказалось ближайшим пунктом на Балтике от истока Волхова с такой же уникальной находкой. Тем самым лощеные миски с городища Иру и рассматриваемая фибула маркируют один и тот же путь. Это предположение подтвердилось в дальнейшем. Позднее на Рюриковом городище был найден еще один фрагмент фибулы типа Вальста (рис. 2: 1), а в его ближайшей округе в Ильменском Поозерье при сборах была обнаружена целая фибула такого типа (табл. V: 3). Четвертая известная в наши дни фибула на территории Древней Руси происходит из Старой Ладogi — первом торгово-ремесленном центре на пути в континентальную часть Восточной Европы (Кирпичников, Сарабьянов 2003: 85). Таким образом, количество этих редких украшений на территории Руси фактически сопоставимо с числом находок из района оз. Меларен, а фибула с городища Иру маркирует промежуточный пункт между этими двумя регионами. Весьма примечательно, что фибулы с городища Иру, из Ладogi, Поозерья и одна с Рюрикова городища принадлежат к наиболее раннему варианту этих изделий (по И. Янссону) и типологически восходят к собственно находке из Вальста (Амбросиани, Гайдуков, Носов, Янссон 1994: 112, 115, рис. 5).

Об особом значении, которое при плавании по Финскому заливу скандинавы придавали району Северной Эстонии, свидетельствуют шведские письменные источники, в частности, географический трактат «Какие земли лежат в мире», созданный во второй половине XIII—начале XIV вв. (Мельникова 1986: 59—60). Составитель данного произведения особое внимание уделяет Восточной и Юго-Восточной Европе, перечисляя древнерусские и византийские города, народы и земли, расположенные по соседству с Гардарикой — название Руси, бытовавшее в Скандинавии. «Около Гардарики лежат такие земли: кирьялы, ревалы, Тавейсталанд, Вирланд, *Эйстланд*, Ливланд, Курланд, Эрмланд, Пулиналанд, Виндланд — самый западный перед Данией»

(курсив авт. — *Ред.*) (Мельникова 1986: 65). Любопытно, что в этом списке наряду с общим названием земли эстов Эйтланд, имеется упоминание о части эстонской территории — Вирланд. Большинство исследователей полагают, что это название северной области Эстонии на южном побережье Финского залива, образовано от эстонского «*Wirumaa*». По мнению Е. А. Мельниковой, «специальное выделение этой части Прибалтики свидетельствует о важной роли Финского залива на пути в Восточную Европу. В Вирланде скандинавы, вероятно, делали остановки, некоторые из походов были непосредственно направлены на эту область» (Мельникова 1977: 209).

По письменным источникам XIII—XV вв. достаточно хорошо известен путь с территории Руси через Финский залив и Балтийское море в Швецию, Данию и Германию. Его специальный анализ был проведен И. П. Шаскольским. Он показал, что торговый путь из Новгорода на запад установился ранее XII в. Путь проходил по Волхову и Неве в Финский залив, мимо острова Котлин и затем вдоль южного берега залива (рис. 3). Одним из наиболее удобных мест стоянки судов являлась ревелская бухта, где часть кораблей и пересекала залив, подходя к берегам Финляндии (Шаскольский 1954: 146—159; 1978: 32—33).

Городище Иру как раз и расположено в 10 км от центра современного г. Таллина, на р. Пирита, в безопасном от внезапных нападений месте, на некотором удалении от моря. Именно здесь и был укрепленный центр, игравший важную роль промежуточной стоянки при трудном путешествии.

«Далее корабли, шедшие на Готланд и в Любек, продолжали плыть вдоль Эстонии мимо острова Саарема к Готланду. Маршрут кораблей, шедших в Сигтуну или далее, в Данию, как отмечал И. П. Шаскольский, нам известен еще точнее, ибо до нас дошло описание этого пути в рукописи середины XIII в.», хранящейся в Королевской библиотеке в Стокгольме. «Из ревелской бухты путь поворачивал на север к финляндскому берегу, к мысу Порккала — Удд, и затем вел через шхеры вдоль юго-западной Финляндии и южнее Аландских островов к Швеции и далее — к Сигтуне; из Сигтуны корабли, шедшие в Данию, продолжали путь вдоль шведского берега» (Шаскольский 1978: 32—33). Вполне очевидно, что наиболее рациональный маршрут плавания по этой части Финского залива сложился еще в эпоху викингов и гораздо ранее того времени, когда его описание попало на страницы письменных источников.

Итак, география распространения таких редких находок как равноплечные фибулы типа Вальста не случайна, она подтверждает наши наблюдения и трассирует путь: Швеция—Западная Финляндия—Северная Эстония—Старая Ладога—исток Волхова, подчеркивая роль укрепленного поселения Иру на этой магистрали. Дополнительным свидетельством того, что путь шел вдоль южного побережья Финского залива, являются находки монетных кладов.

Перед 1941 г. в районе г. Петергофа был найден клад куфических и сасанидских монет, младшая из которых отчеканена в 804/805 гг. (Мельникова, Никитин, Фомин 1984: 26—47). Это определенно подтверждает, что уже в ранний период поступления восточного серебра на Балтику водный путь проходил вдоль южного побережья Финского залива. Также именно об этом свидетельствует концентрация кладов IX—XII вв. вдоль северного побережья Эстонии в районе Кохтла-Ярве и Таллинна (Tõniss 1962: 186).

Подводя итог нашему рассмотрению находок западно-финских типов на Рюриковом городище, следует подчеркнуть, что имеющиеся материалы убеждают нас в том, что между Северной Эстонией и Приильменем в IX—X вв. была непосредственная связь в рамках проходившего здесь единого северо-европейского пути.

- Амброзиани, Гайдуков, Носов, Янссон 1994 — Амброзиани Б., Гайдуков П. Г., Носов Е. Н., Янссон И. Первая находка скандинавской равноплечной фибулы типа Вальста на Руси // Археологические Вести. СПб., 1994. № 3. С. 110—120.
- Аун 1992 — Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн, 1992
- Гнездовский могильник 1999 — Гнездовский могильник (часть 1). Археологические раскопки 1874—1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999.
- Голубева 1964 — Голубева Л. А. Огнива с бронзовыми рукоятками // СА. 1964. № 3. С. 115—133.
- Кирпичников, Сакса 2002 — Кирпичников А. Н., Сакса А. И. Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: 134—144. СПб., 2002.
- Кирпичников, Сарабянов 2003 — Кирпичников А. Н., Сарабянов В. Д. Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003.
- Кондратьева 1981 — Кондратьева О. А. Зооморфные гребни IX—X вв. // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 103—109.
- Корзухина 1965 — Корзухина Г. Ф. Находка на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 45—46.
- Лехтосало-Хиландер 1979 — Лехтосало-Хиландер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 81—92.
- Лехтосало-Хиландер 1984 — Лехтосало-Хиландер П.-Л. Финские племена в свете истории костюма // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 130—137.
- Мельникова 1986 — Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.
- Мельникова, Никитин, Фомин 1984 — Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 26—47.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005 — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005.

- Полубояринова 1972 — *Полубояринова М. Д.* Раскопки на Рюриковом городище 1965 г. // Новое в археологии. М., 1972. С. 217—223.
- Шаскольский 1954 — *Шаскольский И. П.* Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. // Географический сборник. М.; Л., 1954. Вып. III. С. 146—159.
- Седов 2002 — *Седов В. В.* Изборск — протогород. М., 2002.
- Шаскольский 1978 — *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.
- Шмидехельм 1959 — *Шмидехельм М. Х.* Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 154—221.
- Lehtosalo-Hilander 1982 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari II. Helsinki, 1982.
- Lehtosalo-Hilander 1984 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Ancient finnish costumes. Helsinki, 1984.
- Luik 2005 — *Luik H.* Luu-ja sarvesemed Eesti arheoloogilises leiumaterjalis vikingiajast keskajani. Tartu, 2005.
- Kivikoski 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
- Tõnisson 1962 — *Tõnisson E.* Eesti aardeleidud 9.-13. sajandist // Muistsed kalmed ja aarded. Tallinn, 1962. S. 182—261.
- Zariņa 1974 — *Zariņa A.* Dažu Mārtiņsalas kapsētas sentlietu kompleksi ar stilizētu dzīvnieku figūru piekariņiem // Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga, 1974. № XI. S. 242—256.

О СВЯЗИ НИЖНЕГО ПОВОЛХОВЬЯ С ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ ПО КЕРАМИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

А. В. ПЛОХОВ

В эпоху раннего средневековья река Волхов являлась важной частью пути, связавшего народы севера Западной Европы со странами Востока. В середине VIII в. в его нижнем течении возникло поселение Ладога — значительный торговый, ремесленный и административный центр, сыгравший заметную роль в истории Древней Руси. Здесь останавливались путешественники по «восточному пути», происходила их пересадка с больших морских судов на небольшие лодки или сани для преодоления бескрайних просторов Восточной Европы. О важности нижнего Поволховья в системе трансевропейских путей свидетельствуют письменные и нумизматические источники, а также разнообразные археологические материалы (Давидан 1986; Кирпичников 1995; Рыдзевская 1945).

В многотысячных керамических коллекциях, собранных в результате раскопок на памятниках последней четверти I тыс. н. э. Поволховья, состоящих, в основном, из обломков грубых кухонных горшков, имеется небольшое количество фрагментов сосудов, отличающихся от остальных по многим признакам. Часть из них принадлежит так называемым «фризским» или «татингским» кувшинам.

Единственная известная к настоящему времени в литературе находка «фризского» кувшина в Восточной Европе происходит из кургана № 7 могильника в урочище Плакун у деревни Чернавино, расположенной на правом берегу Волхова, напротив Староладожской каменной крепости. Курганы этого некрополя, по особенностям погребального обряда, а именно: сожжению в ладьях, погребению в камере, порче и особому расположению оружия, исследователи относят к памятникам эпохи викингов, оставленным выходцами из Скандинавии (Кирпичников 1980: 450; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 194; Лебедев 1977: 186; Назаренко 1985: 165; Равдоникас 1945: 40, 41).

Курган № 7, раскопанный Г. П. Гроздиловым в 1952 г., содержал остатки женской кремации в ладье, от которой сохранилось свыше 100 заклепок, гвоздей и их обломков. В насыпи кургана и в слое кострища были зафиксированы: несколько железных оковок, фрагмент костяной игровой фишки, медная цепочка, бронзовая прямоугольная пряжка, 13 стеклянных и 4 серебряные бусы, небольшие кусочки бронзы и серебра, медвежий клык, сланцевый оселок, большое количество обломков от нескольких лепных

горшков, а также около сотни гончарных фрагментов (Корзухина 1971а: 61, рис. 17, 18; Назаренко 1985: 162, 168, рис. 7: 1, 5, 9; 6: 5, 8, 14—16; 7: 5, 6; Старая Ладога 2003: 106, 107, № 361—367). По цвету и характеру теста часть круговых обломков ассоциировалась у исследователей кургана с амфорами (Гурина А-1952: 7, 9, 15 об., 16; НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 1, 1952 г. № 61, л. 48).

Заслуга выделения среди найденных в кургане фрагментов посуды частей «фризского» кувшина принадлежит Г. Ф. Корзухиной. Она сделала графическую реконструкцию сосуда, дала описание этого типа изделий, очертила круг аналогий и привела имеющиеся в скандинавской литературе суждения о времени их бытования (Корзухина 1971а: 61, 62, рис. 18: 1, 2; 1971б: 129, 130, рис. 1). Несмотря на большое количество гончарных обломков, обнаруженных при раскопках кургана, исследовательница написала об одном экземпляре кувшина. Видимо, в дальнейшем она изменила свое мнение. При публикации материалов могильника Плакун В. А. Назаренко, на основании личных бесед с Г. Ф. Корзухиной,¹ сообщает уже о двух «фризских» кувшинах, происходящих из седьмого кургана (Назаренко 1985: 165, 168). В дальнейшем о двух кувшинах стали говорить и другие ученые (Мачинский 2003: 30; Михайлов 2002: 63, 64; 2003: 155; Мусин 2002: 123).

Сколько же кувшинов типа «татинг» было встречено в могильнике Плакун? В настоящее время в фондах Государственного Эрмитажа² хранится около сотни гончарных обломков, найденных при раскопках седьмого кургана.³ В основном это небольшие, часто расслоившиеся осколки от стенок. Несколько лучше сохранились обломки от верхней части кувшина с массивным носиком, что позволило ее реставрировать (Старая Ладога 2003: 107, № 366). Есть также два фрагмента от широкой имеющей восьмеркообразное сечение ручки. Никаких лишних деталей, которые позволили бы предполагать наличие в кургане двух «татингских» сосудов, не встречено. Только об одном экземпляре говорит и вес имеющихся обломков. Он примерно равен 570 граммам.⁴ В то время как по данным шведской исследовательницы Д. Селлинг, вес целого «фризского» кувшина из погребения 597 Бирки составляет 1023 грамма (Selling 1972: 41). Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что при погребении был использован только один кувшин (рис. 1: 4).

¹ Устное сообщение В. А. Назаренко.

² Благодарю Б. С. Короткевича за возможность работы с материалами, хранящимися в Государственном Эрмитаже, а также выражаю искреннюю признательность А. М. Смирнову за помощь при написании этой статьи.

³ Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Опись хранения 65-VII.

⁴ Точные измерения мешает провести гипсовка верхней части сосуда.

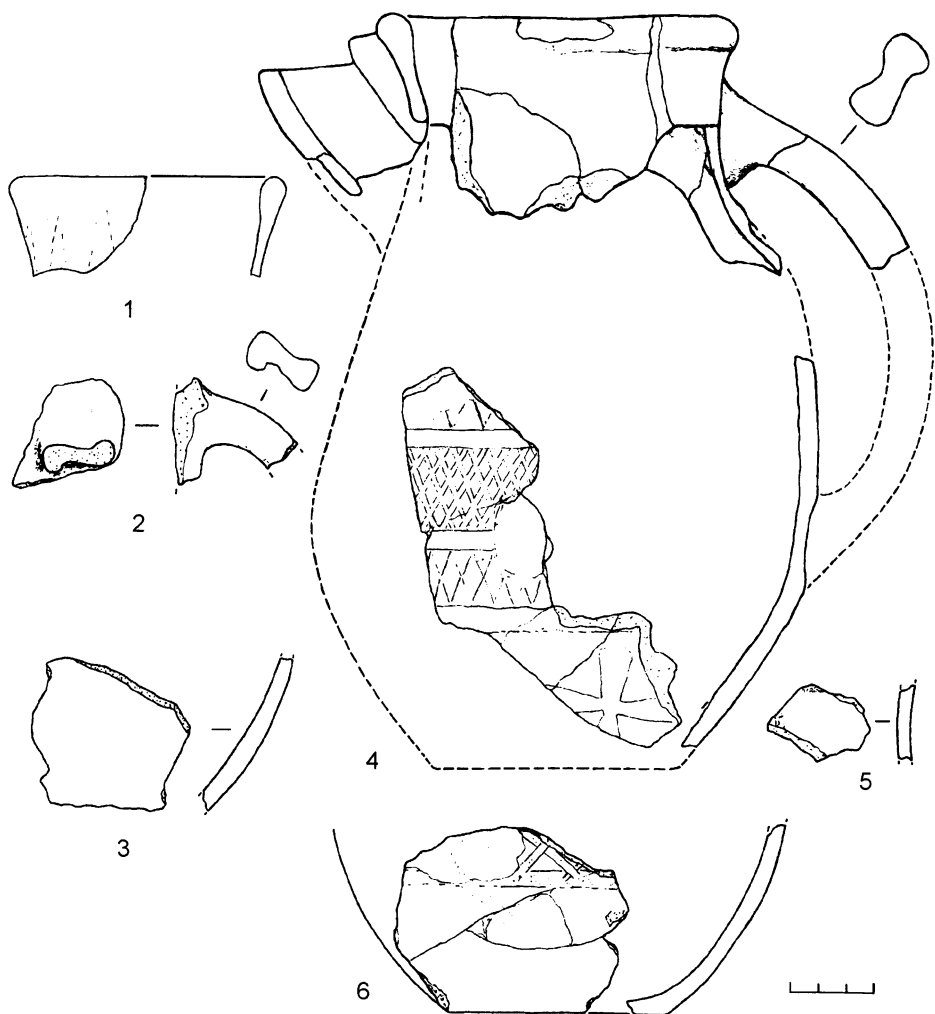

Рис. 1. «Татингские» кувшины из Старой Ладogi (1—3, 5, 6) и могильника в урочище Плакун (4)

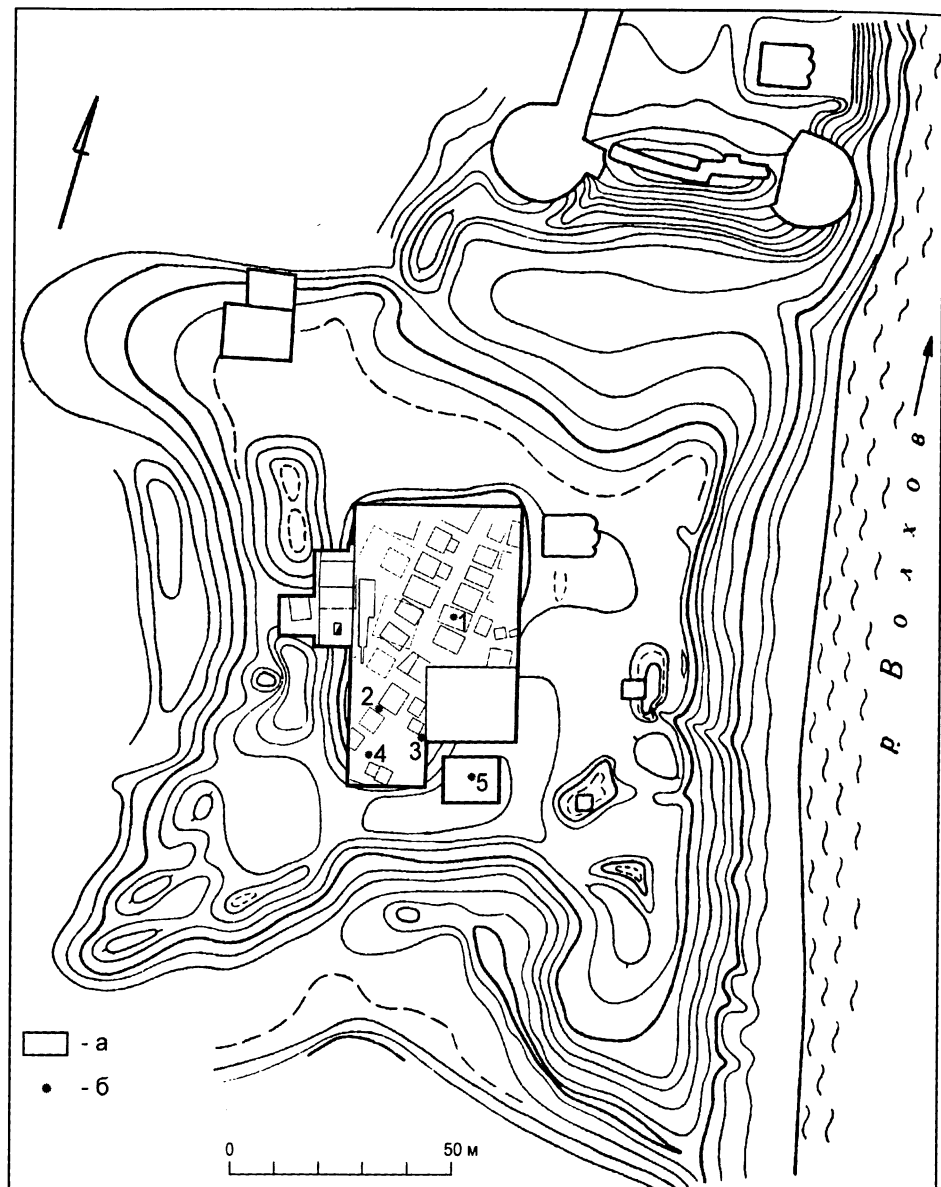

Рис. 2. Места находок фрагментов «татингских» кувшинов на Земляном городище:
а — раскопы; б — места находок

Сосуд изготовлен из ожелезненной глины без видимой искусственной примеси. Толщина стенок изделия 0,65—0,75 см. На некоторых фрагментах с внутренней стороны видны параллельные горизонтальные бороздки — следы изготовления изделия на быстром гончарном круге. Почти все фрагменты подверглись вторичному обжигу в погребальном огне и приобрели светло-коричневый цвет. Только два небольших осколка венчика и один обломок стенки сосуда сохранили черный исходный цвет поверхности и светло-серый цвет в изломе. Этот факт свидетельствует о том, что кувшин был разбит в ходе проведения похоронной церемонии и не все его куски попали в погребальный костер. Они позволили измерить первоначальный диаметр венчика сосуда. Он составляет 12 см. По фрагментам, подвергшимся сильному повторному температурному воздействию, диаметр определяется в 13 см. Видимо, несколько увеличился объем и других черепков. Возможно, именно наличие в коллекции этих трех черных черепков и послужило, наряду с большим числом обломков, основанием для сомнений Г. Ф. Корзухиной в количестве кувшинов из седьмого кургана.

Несмотря на пребывание в огне, на нескольких обломках стенок видны следы орнамента в виде коричневых слегка выпуклых фигур — полос, ромбов, креста. Декор тулова состоит из фриза с косой сеткой обрамленного рядами ромбов. Внизу чуть левее ручки располагался равноконечный «мальтийский» крест. Аналогичный орнамент имеет кувшин, найденный при раскопках норвежского торгового поселения Каупанг (Hougen 1960: 94, 95, fig. 1; 2).

Курган № 7 считается самым ранним в могильнике Плакун. Именно на нем основывается нижняя дата этой группы погребальных сооружений. Г. Ф. Корзухина, проанализировав вещевой материал кургана, опираясь на датировку «западных» аналогий «фризскому» кувшину и биконическим бусам из серебряной рубчатой проволоки, пришла к заключению, что «он был насыпан в IX в., а может быть, и в первой его половине» (Корзухина 1971а: 62, 63; 1971б: 130). Это мнение исследовательницы разделил ряд ученых (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 89; Лебедев 1985: 209; Назаренко 1985: 165).

А. Н. Кирпичников отнес время сооружения плакунских курганов к 850—950 гг., не исключая и «более сжатой хронологии, привязанной ко второй половине и рубежу IX и X столетий» (Кирпичников 1980: 450, 451; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 194). В начале 1990-х гг. О. И. Богуславский и А. Д. Мачинская уточнили датировку 7-го кургана на основе хронологии найденных в нем стеклянных бус. На их взгляд, этот комплекс возник «не ранее горизонта E₁ (860—920-е гг.)» (Богуславский, Мачинская 1993: 120). Еще более поздним временем, началом X в., определяется нижняя граница существования плакунского могильника К. А. Михайловым (Михайлов 2002: 67). Д. А. Мачинский посчитал возможным ограничить дату захоронения в 7 кургане 870—900 гг. (Мачинский 2003: 31).

Кроме кувшина, происходящего из могильника в урочище Плакун, пять фрагментов сосудов «татингского» типа было встречено при раскопках Земляного городища Старой Ладogi.

Первая находка, представляющая собой фрагмент ручки⁵ кувшина (рис. 1: 2), была сделана в 1939 г. при разборке комплекса «Г». Комплекс, расположенный, в основном, в квадратах Б₂₋₃, В₁₋₃, Г₁₋₂, Д₁₋₂, представлял собой остатки сгоревшей жилой постройки (Равдоникас А-1939: 37—44; 1949: 15, 19, рис. 14). Она залегала в нижнем ярусе горизонта Д культурных напластований поселения, датированном 920-ми—950-м гг. (Кузьмин 2000: 53, табл. 11). Кувшин был изготовлен из ожелезненной глины без явной искусственной примеси. Толщина стенки сосуда около 0,5 см. Широкая ручка имеет восьмеркообразное сечение. Большая часть поверхности обломка черная со следами лощения, но стенка под ручкой и на внутренней стороне последней коричневатая. В изломе черепок имеет серо-коричневый цвет.

Следующие два фрагмента «фризской» керамики были встречены в 1958 г.⁶ Один из них происходит из нижней части отложений горизонта Д.⁷ Это придонная часть кувшина, сохранившаяся на высоту около 6,5 см (рис. 1: 6). Диаметр дна приблизительно равен 8 см. Второй обломок небольшого размера (рис. 1: 5), по-видимому, от горловины, был найден при разборке культурного слоя в верхней части горизонта Е₁.⁸ Оба фрагмента изготовлены из плотного теста серо-коричневого цвета⁹ без визуально видимых примесей. Толщина стенок 0,5—0,6 см. На внешней поверхности обломков отмечено не очень качественное вертикальное лощение. Черепки имеют черный цвет. На фрагментах видны остатки накладной орнаментации — полосы коричневатого цвета и следы их крепления к стенкам изделий. Рентгенофлюоресцентный анализ поверхности одного образца показал, что для украшения использована оловянная фольга.¹⁰ Судя по обломку придонной части, тулово кувшина было, видимо, декорировано бордюром из ряда пересекающихся крестов. Похожий узор нанесен на сосуды из погребений в Зюдеренде (Германия) и Уттербю (Швеция) (Schindler 1956: Abb. 7: 7; Lundström 1971: Fig. 4).

⁵ Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Опись хранения 273: 1828.

⁶ Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Опись хранения 71: 39, 137.

⁷ Найден в квадратах АФ_{х х1} на глубине -0,68—0,85 в слое строительной щепы с включением навоза после снятия пешеходных мостков (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 1, 1958. д. 12, л. 83).

⁸ Обнаружен в квадратах ПР_{VIII} на глубине -0,92—1,00 между постройками № 2в и 3б (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 1, 1958. д. 12, л. 95).

⁹ В свежем изломе светло-серого.

¹⁰ Анализ проведен в отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа ст. н. с. С. В. Хавриным, за что я ему искренне признателен.

Еще один обломок придонной части чернолощеного сосуда (рис. 1: 3) происходит из раскопок 1959 г.¹¹ Он был найден при разборке культурных напластований у восточного окончания южной завалинки срубной постройки, расположенной в квадратах МНОП_{х-хIII} непосредственно под сгоревшими сооружениями горизонта Е₂ (Равдоникас А-1959: 23).¹² С. Л. Кузьмин относит эту постройку к IV ярусу застройки Земляного городища, датированному 810—830-ми гг. (Кузьмин 2000: 59). Фрагмент принадлежит нижней части сосуда. Его толщина 0,55—0,7 см. Внешняя поверхность имеет качественное вертикальное лощение. Внутри черепок имеет темно-серый, а в изломе серо-коричневый цвет.

Последний, пятый осколок «татингского» кувшина происходит из коллекций Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством А. Н. Кирпичникова¹³ (рис. 1: 1). Он был найден в 2003 г. на раскопе в южной части Земляного городища в отложениях последних десятилетий IX—начала X вв.¹⁴ (Кирпичников 2004: 256, 278, 280). Фрагмент представляет верхнюю часть сосуда с диаметром 10 см. Венчик кувшина округлый утолщенный, толщина стенки 0,4 см. Черепок имеет черный, а в изломе светло-серый цвет. На внешней поверхности обломка отмечены лощение и следы декора в виде серого налета. Рентгенофлюоресцентный анализ подтвердил использование в украшении изделия оловянной фольги. Орнаментация фрагмента сохранилась плохо. Видимо, фольга покрывала край сосуда, ниже по шейке шел ряд перевернутых вытянутых треугольников. Похожий узор отмечен на кувшинах из культурного слоя Хедебю (Германия), усадьбы вождя на Лофотенских островах (Норвегия), а также из погребения 597 Бирки (Holand 2003: 204, 206, fig. 9 E. 5; Janssen 1987: Taf. 20: 1; Selling 1955: Taf. 1: 4).

Таким образом, из культурных отложений Земляного городища, относящихся к первой половине IX—первой половине X вв., происходят пять чернолощенных обломков от разных частей сосудов «татингского» типа. Они встречены в раскопах разных лет, причем расстояние между местом находки первого и пятого фрагментов составляет около 35 м. Четыре обломка залегало в двух смежных горизонтах культурного слоя памятника. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с осколками не нескольких, а одного единственного кувшина. Тогда как обломок, происходящий из горизонта Е₃, имею-

¹¹ Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Опись хранения 85: 67.

¹² Обломок зафиксирован в квадрате О_{хIII} на глубине -178 (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 1, 1959. д. 29, л. 9).

¹³ Благодарю А. Н. Кирпичникова за возможность ознакомиться с материалами раскопок.

¹⁴ Встречен в квадрате Е_{хVII} на глубине —0,83.

щий более качественную поверхность, явно принадлежит другому изделию. Можно утверждать, что в IX—первой половине X в. обитатели Староладожского поселения имели среди своего имущества, по крайней мере, два высококачественных чернолощенных сосуда «татингского» типа. Третий такой сосуд, привезенный в нижнее Поволжье, был использован при погребении женщины в могильнике на противоположном берегу реки. Находки обломков кувшинов, украшенных оловянной фольгой, в культурном слое поселения подтверждают возможность более поздней датировки 7-го кургана. Хотя нельзя быть уверенным в том, что они появились в Приладжье одновременно.

Тип «татинг» назван по деревне в земле Шлезвиг-Гольштейн в Германии, где в начале XX века был обнаружен хорошо сохранившийся экземпляр этой керамики. В литературе этой небольшой группе посуды уделено значительное внимание (Stilke 2001). Все основные проблемы, связанные с ней, — место производства, датировка, назначение — многие десятилетия являлись предметом дискуссий и все еще далеки от окончательного решения. Английский исследователь Р. Ходжес считал «татингские» изделия наиболее интересными пост-романскими артефактами (Hodges 1981: 68).

«Татингский» тип объединяет тонкостенные сосуды, характерной особенностью которых является чернолощенная поверхность, украшенная оловянной фольгой (Stilke 2001: 258). Реже встречается узор, выполненный золотой фольгой (кубок из погребения 457 Бирки) или белой краской. Посуда, в основном, изготавливалась на быстром гончарном круге. О чем говорят параллельные горизонтальные канавки, отмеченные на внутренних сторонах изделий. После формовки сосуды ложились и подвергались высокотемпературному восстановительному обжигу, после которого они получали гладкую блестящую черную или серую внешнюю поверхность. Цвет в изломе, обычно, несколько светлее: светло-серый, серо-коричневый. После обжига на готовые сосуды с помощью клеевой массы прикреплялась фольга (Selling 1955: 31). Состав этой массы окончательно не установлен. Это мог быть какой-то сорт клея, смола или деготь (Selling 1955: 32; Stjernquist 2001: 205). По-видимому, существовала разная техника нанесения декора на «татингские» изделия. Если на кувшинах Бирки прослежено последовательное сверху вниз приклеивание отдельных немногочисленных элементов геометрического зонального орнамента (полосок, ромбов, треугольников и, иногда, кругов), то черепки из монастыря Сен-Дени показывают узор, вырезанный после закрепления фольги (Selling 1955: 31; Stilke 2001: 262, 263; Redknap 1999: 87). Насколько широко распространены территориально эти различия в нанесении оловянного покрытия, пока не выяснено. В орнаментации, в основном, представлены ряды вертикальных полос, ромбов, треугольников, пересекающихся крестов и косая решетка, разделенные горизонтальными лентами. Уникальной чертой «татингских» изделий является изображение в придонной части многих сосу-

дов «мальтийских» крестов (Hougen 1960: 94, fig. 1b; Lundström 1971: 57, fig. 4; Selling 1955: 54, Abb. 7, 8, 10—11, 13. Taf. 1: 1a, 2, 3, 4a,b,d; Rudh 1936: 37, fig. 60; Timby 1988: 109, fig. 9: 167, 168). Их называют также греческими или крестами св. Георгия.

К настоящему времени «татингские» сосуды зафиксированы более, чем в пятидесяти пунктах в регионе Балтийского и Северного морей от Майнца и Лорша в Германии до Борга на Лофонтенских островах в северной Норвегии, от Саутгемптона, Йорка в Англии и Сен-Дени во Франции до Поволховья (рис. 3). Кроме Старой Ладogi изделия этого типа встречены в тринадцати или четырнадцати пунктах в Англии, одном — во Франции, трех — в Нидерландах,¹⁵ восемнадцати или двадцати одном¹⁶ — в Германии, одном — в Польше, четырех — в Дании, восьми — в Швеции и четырех местонахождениях — в Норвегии (Brorsson 1999: 52; Hodges 1981: 17, 18, 65, 66, fig. 3,1; 7,3; Holand 2003: 203, 204, fig. 9E: 5, 6; Müller 2001: 10, 19, 20, Abb. 2; Redknap 1988: 15; Ring, Wiczorek 1979: 359, 360, Abb. 4). На территории Каролингской империи и англосаксонских королевств «татингские» сосуды, главным образом, найдены в основных торговых центрах, королевских и епископских резиденциях, а также монастырях (Hurst, Hodges 1976: 250; Wamser 1999: Abb. 6). На землях, заселенных скандинавами и славянами, они встречаются как в крупных прибрежных торгово-ремесленных местах, племенных центрах, так и на сельских поселениях, хуторах (Holand 2003; Müller 2001: 10; Stilke, Heih, Mommsen 1999: 409—412). Кроме Приладожья «фризские» кувшины обнаружены в десяти скандинавских могильниках, причем, кроме трех погребений по обряду ингумации могильника Бирки они зафиксированы только в захоронениях, совершенных по обряду кремации. На основании сопровождающего инвентаря и антропологических определений установлено, что это главным образом женские погребения. Самые представительные коллекции «татингских» сосудов происходят из раскопок в крупных торговых центрах раннего средневековья, таких как Бирка, Каупанг, Хедебю и Дорестад (Es, Verwers 1980: 58, 97, 98, fig. 54; Hougen 1993: 20, 21, pl. 6, 7, 8: 1; Janssen 1987: 21, 22, Taf. 19—22; Selling 1955: 44—59, Taf. 1—3).

Самой известной и наиболее распространенной формой «татингской» посуды являются кувшины («Tatinger Kannen», «Tating jugs»). В литературе эти

¹⁵ Не считая депаспортизованных обломков из музея в г. Утрехте, которые, возможно, происходят из раннесредневекового культурного слоя этого поселения (Arne 1929: 18, fig. 1—3; Arbman 1937: 104).

¹⁶ В зависимости от того, включать или нет находки из Трира и поселений на Майне. В культурном слое Трира были найдены обломки стенок кувшина, орнаментированные вертикальным прочерченным орнаментом (Hussong 1936: 84, Abb. 3; Loeschcke 1932: 168, Abb. 1). Некоторые исследователи считают реконструкцию этой находки в формах «фризских» кувшинов не достаточно обоснованной (Arbman 1937: 102; Stilke 2001: 263).

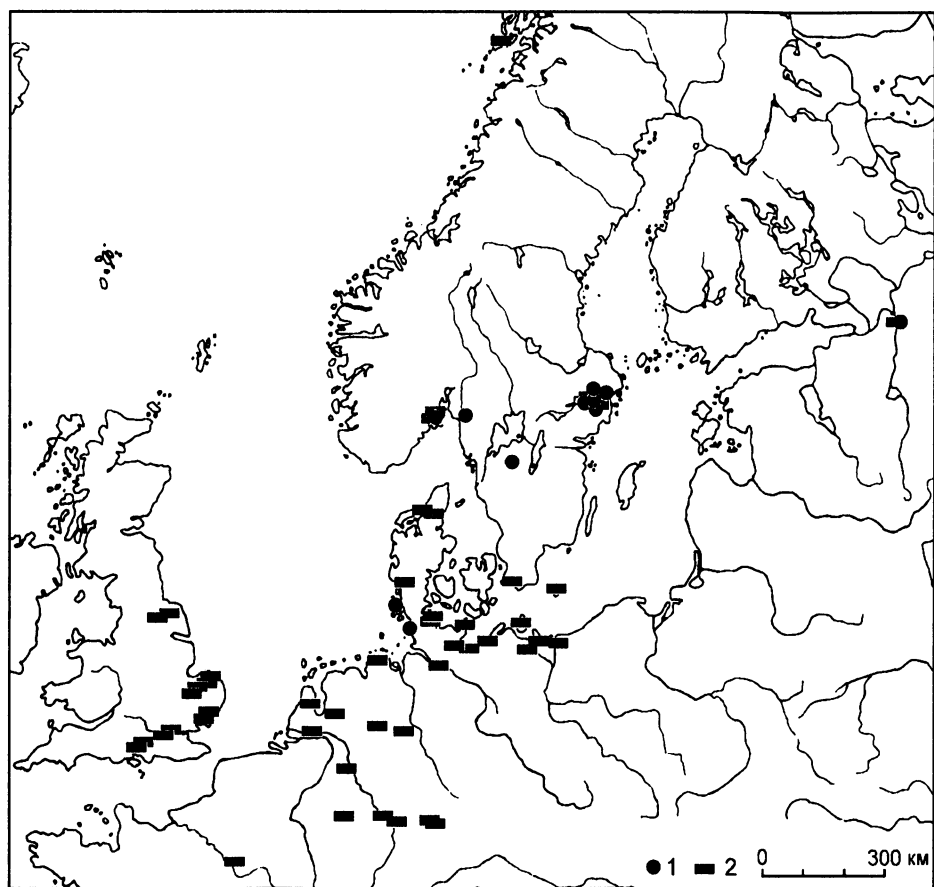

Рис. 3. Места находок «татингских» сосудов: 1 — погребения; 2 — поселения

изделия еще называют «кувшины Бирки» («Birka Kannen»), поскольку в этом торгово-ремесленном центре Швеции было найдено значительное число целых сосудов, иногда — «фризские кувшины» («Friesische Kannen», «Frisiska Kanne», «Frisian jugs»), по одному из предполагаемых мест производства, или — «северные кувшины» («Nordische Kannen»). Сосуды имеют плоское дно, иногда чуть прогнутое, и высокое стройное тулово с плавно изогнутым профилем. Шарообразная нижняя часть кувшина переходит в узкое высокое горло, слабо расширяющееся к округлому венчику. Каплевидный в горизонтальном сечении массивный длинный носик кувшина изготавливался из отдельной пластины. Нижний его конец входит в отверстие в стенке, соединяя слив с основным объемом сосуда. Для дополнительного крепления внутренний край носика присоединялся к венчику, а затем его верх зигзагообразно обрезался. Массивная длинная уплощенная с продольным пазом ручка сосуда крепилась на верху в месте перехода от шейки к плечу, а внизу на уровне наибольшего расширения тулова. В верхней части изделия для укрепления ручки в стенке делалось отверстие. В него входил заклепкообразный конец ручки, который потом примазывался к внутренней поверхности. Низ ручки закреплялся с внешней стороны сосуда, при этом на ее конце оставался отпечаток большого пальца (Es, Verwers 1980: 97). Форма, орнаментация и размеры кувшинов (высота 22—25,5 см, диаметр венчика около 10 см) очень устойчивы (Es, Verwers 1980: 97, 98, fig. 54; Selling 1955: 46). Известная исследовательница средневековой шведской керамики Д. Селлинг писала, что сходство между ними так велико, как будто они сделаны в одной мастерской, а может быть и руками одного мастера (Selling 1955: 55). Именно такие сосуды с чернолощеной блестящей поверхностью, украшенные инкрустацией из оловянной фольги, исследователи относят к «классическим» «татингским» изделиям. Однако найдены и кувшины разных оттенков серого цвета, а также изделия с матовой поверхностью, слегка песчаные на ощупь (Besteman 1974: 84; Es, Verwers 1980: 58; Holand 2003: 204; Timby 1988: 90). В Хедебу обломки керамики с серой заглаженной поверхностью были выделены в отдельную подгруппу «татингской» посуды (Hübener 1959: 40; Janssen 1987: 22). Некоторые ученые считают, что отсутствие фольги и серый цвет изделий «классических» форм может быть следствием нахождения обломков в земле и неправильного хранения (Stilke, Heih, Mommsen 1999: 412). Сосуды, встреченные в захоронениях, совершенных по обряду трупосожжения, часто имеют коричневатую или красноватую поверхность, что связано с их пребыванием в погребальном костре (Hougen 1960: 96, fig. 3; Lundström 1971: 56; Selling 1955: 44; Schindler 1956: 131).

Кроме «фризских» кувшинов существует и немногочисленная «татингская» посуда других форм. При раскопках Бирки в погребении 457 наряду с кувшином находился округлый кубок, украшенный оловянной и золотой фольгой (Arbman 1943: Taf. 220: 3). По данным Д. Селлинг, он по составу тес-

та и технике формовки отличается от других изделий этого типа (Selling 1955: 44, 247). Несколько новых форм дали памятники Англии. Среди них имеются: примечательный сосуд из Саутгемптона со сложным декором, состоящим из насечек и оловянной фольги (Hodges 1981: 18, fig. 3, 1: 1; Timby 1988: Fig. 9: 167); кувшин из Олд-Винзора с угловатым профилем венчика, цилиндрическим носиком и биконическим туловом, украшенным вертикальными полосами и рядами ромбов (Stilke 2001: Taf. 314: 4); сферический сосуд из Брандона, тарелка из Ипсвича и биконический горшок из Довера (Holand 2003: 205, 206; Redknapp 1988: 15; 1999: 88). Из голландского Медемлика происходят фрагменты двух мисок с рифленой поверхностью, украшенной аппликацией из треугольников и ромбов (Besteman 1974: 86, 96, fig. 34; Stilke 2001: Taf. 314: 15, 16). Таким образом, за последние десятилетия набор форм раннесредневековых декорированных фольгой изделий сильно расширился за счет разнообразных столовых сосудов.

Место производства «татингской» посуды с момента их открытия в погребениях Бирки и до сегодняшнего дня остается предметом оживленных дискуссий. Шведский археолог Т. Арне, который первым ввел в литературу эту необычную для Скандинавии керамику, сначала указывал для нее восточные: южнорусские и кавказские аналогии (Arne 1914: 198). После знакомства с находками из музея в Утрехте он стал придерживаться мнения о фризском происхождении кувшинов (Arne 1929: 18). Однако Д. Холверда, исследователь Дорестада, считал, что подобные сосуды для этого региона не являются родными, и на основании большого числа находок в Бирке говорил о Скандинавской керамической группе (Holwerda 1930: 73). Х. Арбман, выбирая между этими двумя центрами международной торговли, исходя из возможного родства кувшинов с ранними франкскими формами, склонился к мнению об их изготовлении на континенте, сначала в Дорестаде, а после его разрушения в 864 г., возможно, какое-то время в Утрехте (Arbman 1937: 102—104). Л. Хуссонг считал, что место изготовления «фризских» кувшинов нужно искать недалеко от северного Рейна, при этом саму область Рейна он исключал (Hussong 1939: 182, Anm. 24). В начале 1950-х гг. Д. Селлинг, рассмотрев возможные прототипы «кувшинам Бирки» (тип A1:1a), пришла к выводу, что в качестве территории наиболее вероятного их происхождения является регион среднего Рейна восточнее Майнца и Вормса. Она предполагала, что «фризские» сосуды, декорированные фольгой, возможно, изготавливались не в обычной гончарне, а в бенедиктинском монастыре в Лорше, где был найден фрагмент изделия этого типа (Selling 1951: 282—288, 295; 1955: 50—54, 230).

Во второй половине XX века ученые, рассматривая вопрос о месте изготовления «татингских» сосудов, стали привлекать естественнонаучные методы исследований. Петрографическое изучение образцов черепков из Хедebu, Зюдеренда и Гамбурга показало, что гончарни на среднем Рейне не мо-

гут быть местом производства рассматриваемой керамики (Hübener 1952: 116; 1959: 135, 137; Schindler 1956: 131, Anm. 23). Это подтвердил и анализ образца из Каупанга, который указал на вероятное изготовление сосудов, украшенных оловянной фольгой, в регионе нижнего Рейна севернее Дуйсбурга и в Голландии (Hougen 1969: 101). Другие результаты были получены шведскими учеными (Selling 1972: 42, 43). Для проверки гипотезы о производстве посуды типа AI:1a в бенедиктинском монастыре в Лорше на среднем Рейне был сделан сравнительный петрографический, а также температурный анализ находок из Швеции и образцов из Германии. Последние состояли из глины, взятой недалеко от монастыря, черепицы местного происхождения и кирпича из церковной стены. Проведенные исследования показали, что в черепках из Бирки, как в глине, так и отощителе нет элементов, опровергающих теорию о том, что в регионе Лорша мог располагаться центр, производивший «фризские» кувшины. Особенно идею Д. Селлинг подкрепило наличие минерала трахит в исследуемых материалах (Selling 1972: 43).

Наиболее крупное петрографическое изучение изделий типа «татинг» к началу 1980-х гг. проделал Р. Ходжес (Hodges 1981: 18, 65, 66). Им были изучены черепки из Каупанга, Риббе, Дорестада, Падерборна и нескольких английских памятников. В соответствии с минеральным составом образцы были разделены на пять групп. Некоторые особенности набора минералов позволили предположить для исследованных фрагментов разное происхождение. Среди вероятных мест производства были определены: регион среднего Рейна (возможно Эйфельские горы), северная Франция и долина р. Маас. Р. Ходжес предположил, что этот особый тип керамики не делался в одном месте, а имел несколько различных центров изготовления. В качестве области, в которой возникла и развилась традиция производства сосудов, украшенных оловянной фольгой, ученый выдвинул прирейнские земли. Главным местом изготовления рассматриваемой посуды Р. Ходжес посчитал регион Майена (Hodges 1981: 66).

Результаты этих петрографических работ были приняты археологами (Müller-Wille 1985: 91) и несколько позднее подкреплены археологическими методами. Рассматривая продукцию из средневековых гончарен Майена, М. Редкнап привел новые свидетельства связи «татингских» сосудов с керамикой местных гончаров (Redknapp 1984: 414; 1988: 15; 1999: 86, 88). Среди позднемеровингских изделий этого гончарного центра исследователь выделил группу чернолощеной посуды морфологически и технологически близкую изделиям, декорированным фольгой. Отсутствие подобной орнаментации на известных экземплярах майенской керамики М. Редкнап объяснил нанесением декора после обжига не на местах расположения горнов (Redknapp 1984: 414; 1999: 86). Он считал, что имеется мало возражений против существования в этом гончарном центре одного из мест производства «татингских» сосудов (Redknapp 1984: 414).

Однако отсутствие в Майене находок классических «фризских» кувшинов, а также временной разрыв между периодом их бытования и местной позднемеровингской чернолощенной керамикой вызывало у некоторых ученых сомнения в гипотезе о производстве украшенной фольгой посуды в эйфельском регионе (Stilke, Heih, Mommsen 1999: 406; Stilke 2001: 267). Во второй половине 1990-х гг. для ее проверки был использован метод нейтронно-активационного анализа (Stilke, Heih, Mommsen 1999). Всего было отобрано 93 черепка нескольких типов керамики Майена и 44 образца, в основном, от «классических татингских» изделий из семи поселений (Риббе, Хеддбю, Козел, Ольденбург, Падерборн, Дорестада и Девентер). По своему химическому составу 41 обломок «татингских» сосудов образовал отдельную группу. Лишь один из трех оставшихся образцов оказался связанным с одной из четырех групп майенской керамики (Stilke, Heih, Mommsen 1999: 415—417). Авторы исследования пришли к выводу о существовании только одного основного центра изготовления посуды, декорированной фольгой, не исключая, впрочем, наличие нескольких вспомогательных производств, где делали имитации «классических» сосудов. Вопрос же о месте главной гончарни остался открытым. В качестве возможных регионов производства этого типа керамики была предложена территория среднего Рейна, бассейна р. Маас и северной Франции, где еще со времен Меровингов были необходимые традиции гончарного производства (Stilke, Heih, Mommsen 1999: 417, 418; Stilke 2001: 267).

Многочисленные обломки чернолощенной посуды, украшенной оловянной инкрустацией, найденные в монастыре Сен-Дени под Парижем привели некоторых исследователей к мысли о французском происхождении этого типа керамики (From Viking 1992: 259; Stilke 2001: 267, 268; Мачинский 2003: 30). По мнению Л. Вамзера только часть западноевропейских находок «татингской» посуды изготавливалась в северной Франции, в то время как «классические» по форме «кувшины Бирки» могли производиться в гончарнях округа Майена (Wamser 1999: 214). При этом по его гипотезе, готовые сосуды покрывались фольгой в прибрежных торговых центрах в дельте Рейна (в первую очередь в Дорестаде), которые находились вблизи месторождений олова южной Англии и Франции (Wamser 1999: 215). Другой немецкий исследователь У. Мюллер, рассмотрев последние предположения ученых о месте производства рассматриваемой керамики, пришел к выводу, что место ее изготовления нужно искать между южной Англией, северной Францией, восточной Бельгией, регионом нижнего и среднего Рейна (Müller 2001: 12).

Таким образом, исходя из имеющихся в настоящее время данных, можно говорить о существовании нескольких центров, в которых делали украшенные фольгой сосуды. Петрографические исследования, результаты нейтронно-активационного анализа, а также ряд морфологических признаков (рис. 4) определенно свидетельствуют о производстве части изделий, отнесенных к

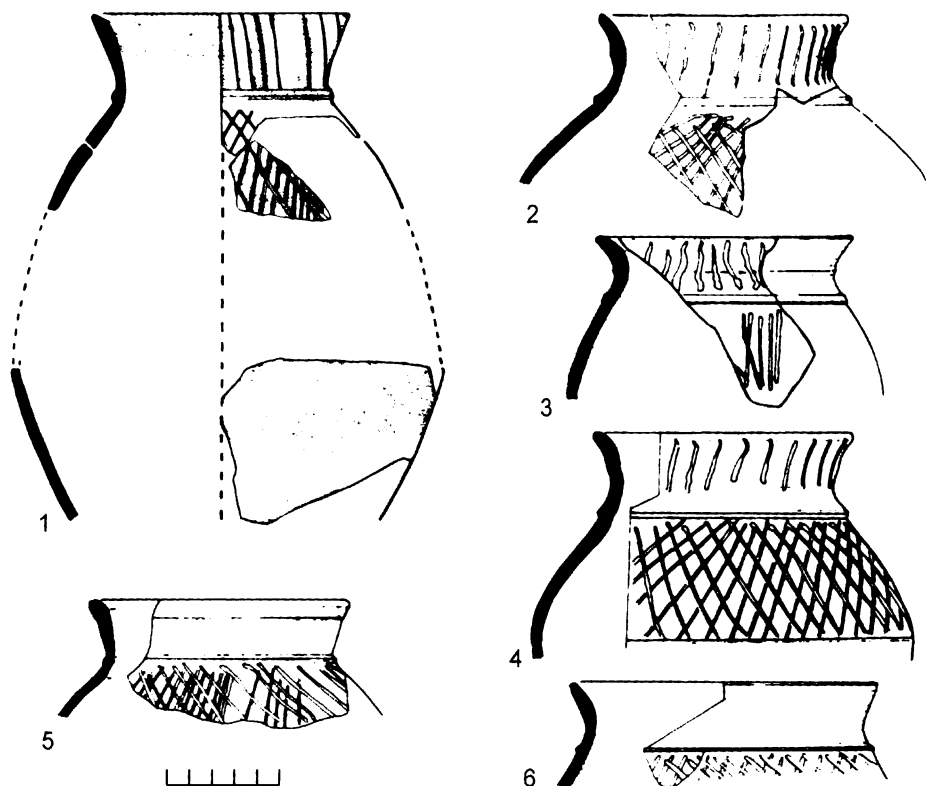

Рис. 4. Сосуд «татингского» типа из Саутгемптона (1) и лощеная посуда из Майена (2—6)

«татингскому» типу, в регионе Майена (Hodges 1981: 66; Redknap 1984: 414; 1988: 15; 1999: 86, 88; Stilke, Heih, Mommsen 1999: 417). Изучение керамики методами естественных наук показало также, что «классические» кувшины изготавливались в другом гончарном центре (Stilke, Heih, Mommsen 1999: 417). Возможно, что он, как считала Д. Селлинг, располагался несколько выше по Рейну. Здесь к сосудам из Лорша в последние десятилетия добавились находки из Майнца и поселений в бассейне Майна (рис. 5), отнесенные исследователями к изделиям «татингского» типа (Ring, Wiczorek 1979: 355, 358, Abb. 2, 3; Wamser 1999: 212, 213). Очевидно, особую группу составляют сосуды, встреченные при раскопках в Сен-Дени (рис. 6). Они как по форме, так и по способу нанесения декора отличаются от «фризских» кувшинов. Судя по опубликованным фрагментам, эти изделия имеют различия также в элементах и композиции орнамента. Если для кувшинов характерна горизонтальная компоновка рисунка, то на посуде из Сен-Дени она чаще верти-

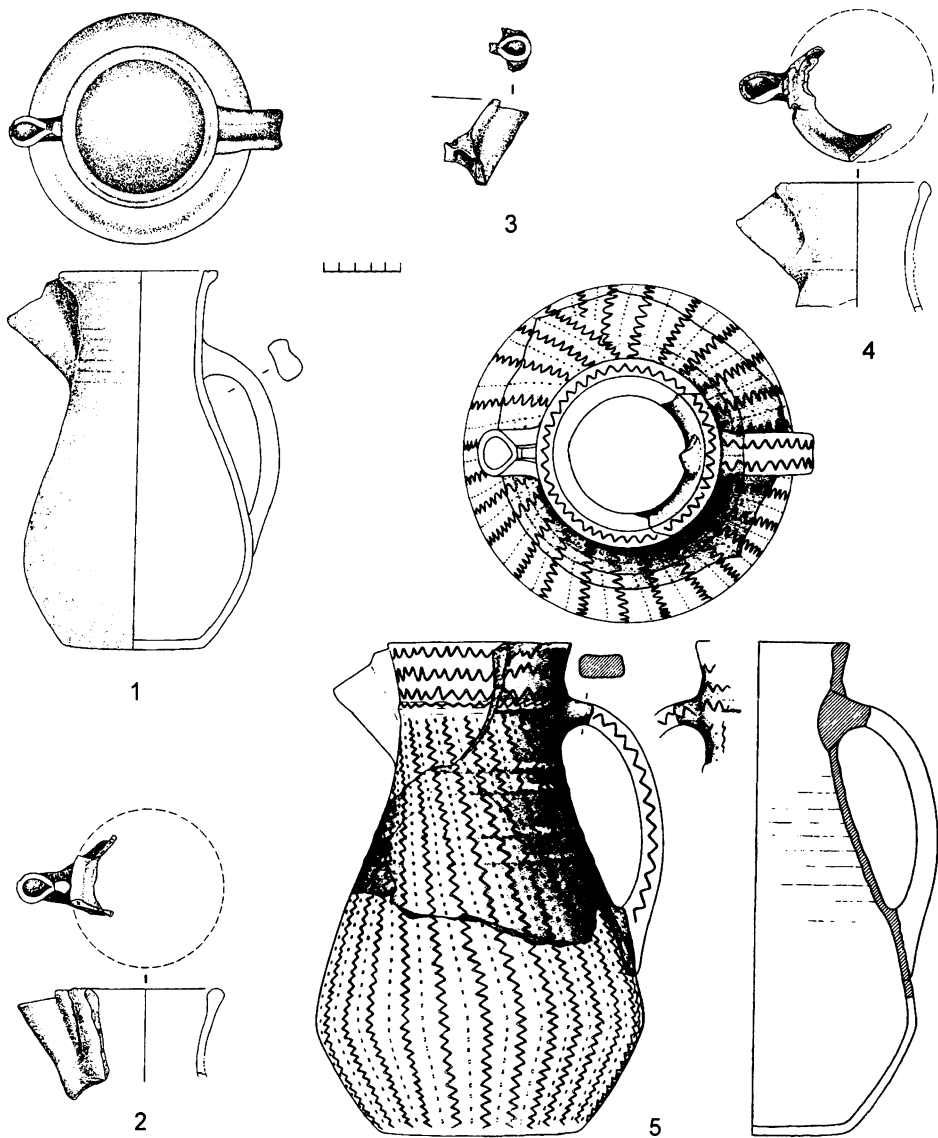

Рис. 5. «Татингские» кувшины из Майнца (1—4) и Карлбурга (5)

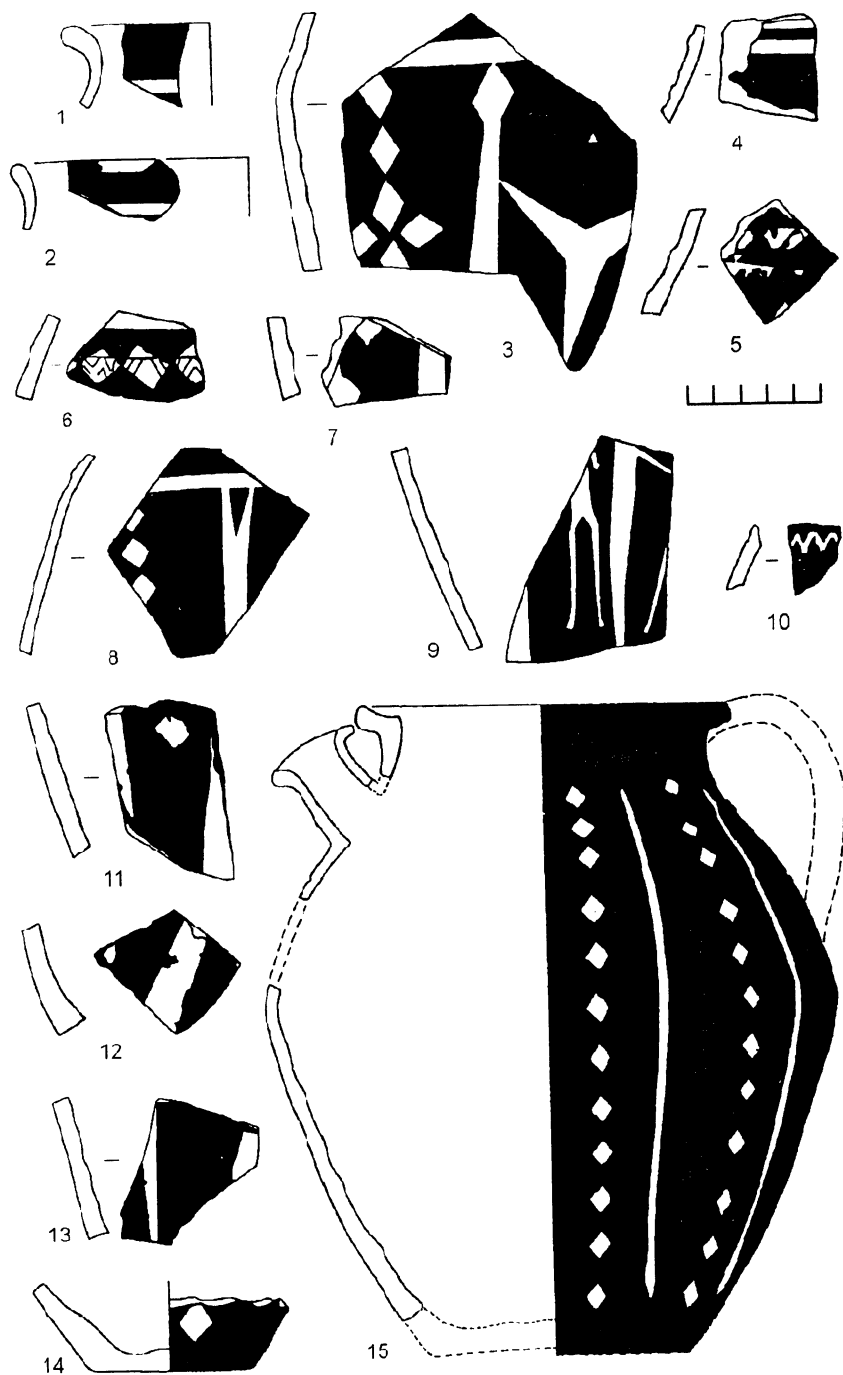

Рис. 6. «Татингские» сосуды из Сен-Дени (1---14) и Олд-Винзора (15)

кальная (Stilke 2001: Taf. 314: 5—18). Видимо в эту группу следует включить некоторые английские находки, например кувшин из Олд-Винзора (рис. 6: 15) (Stilke 2001: Taf. 14: 4). Для определения места изготовления этой посуды нет данных, но нельзя исключать, что она также происходит из гончарен долины Рейна.

Первоначальная датировка «фризских» сосудов была проведена на основании погребений Бирки. Х. Арбман, опираясь на находки кувшинов в хорошо датированных комплексах, отнес время существования этой керамики к IX в. Он считал верхней датой их изготовления 864 г. (время гибели Дорестада), хотя допускал их бытование до конца века (Arbman 1937: 88, 89, 103, 104). Д. Селлинг отметила, что «кувшины Бирки» производились непродолжительное время и довольно быстро оказались в земле. Она сузила датировку группы A1:1a до второй — третьей четверти IX столетия (Selling 1955: 46, 55—57, 59, 225, 228, Abb. 63). Этим же временем датировал кувшины и Г. Янкун (Jankuhn 1956: 162). В. Хюбнер определил время бытования «татингской группы» IX в., причем без первых и последних его десятилетий (Hübener 1952: 116; 1959: 136). Однако, судя по другим находкам, период существования «татингских» сосудов нельзя ограничить IX в. Нижнюю исторически хорошо обоснованную дату для этой керамики дали раскопки в Падерборне (Германия) (Winkelmann 1972: 38, 46, Abb. 2). Здесь северо-западнее первой каролингской церкви под слоем разрушения, которое соотносится с восстанием саксов 778 г., было встречено 56 обломков от четырех кувшинов. Эти данные позволили отнести время появления чернолощенных кувшинов, украшенных оловянной фольгой, к началу последней четверти VIII в. О возможности еще более ранней датировки посуды с такой орнаментацией говорит черепок сосуда из Wharrem Персу (Северный Йоркшир, Англия) (Hurst, Hodges 1976: 249, fig. 1: 1). Здесь под средневековыми слоями в заполнении углубленной постройке вместе с обломком изделия «татингского» типа была встречена серебряная sceatta Эдберта Нортумбрийского (737—758 гг.) (Hurst, Hodges 1976: 249, fig. 1: 1). Эта находка дала основание Р. Ходжесу удревнить на поколение начало производства этих сосудов. Он датировал производство «татингской» керамики второй половиной VIII—первой четвертью IX вв. (Hodges 1981: 65). Практически в тех же пределах (вторая половина VIII—начало IX в.) определил время бытования кувшинов этого типа М. Мюллер-Вилле (Müller-Wille 1985: 89). И. Габриель датировал их поздним VIII—ранним IX в. (Gabriel 1988: 133). Несколько шире определили период существования «татингских» сосудов исследователи Дорестада (Hoogstraal I). Они отнесли их к поздней группе керамики этого поселения и датировали с 60-х гг. VIII в. по конец IX столетия (Es, Verwers 1980: 159, fig. 80). Новые французские и английские находки также свидетельствуют о довольно раннем времени изготовления сосудов, украшенных фольгой. Черепки из Сен-Дени по контексту относятся к третьей четверти VIII в., а биконический

горшок из Довера датируется поздним VII или VIII вв. (Redknap 1999: 88). Таким образом, определение нижней границы бытования «татингских» сосудов третьей четвертью VIII в. выглядит в настоящее время довольно убедительно. Хотя надо отметить, что большинство находок из Англии и обломки сосудов из Франции не относятся к типичным «фризским» кувшинам. Сложнее обстоит дело с установлением верхней даты использования этих изделий. Некоторые исследователи говорят о возможном существовании «фризских» кувшинов в X в. При этом они опираются, в основном, на ничем не подкрепленное мнение В. Хюбенера о времени совершения 1158 погребения Бирки, а также на находки обломков этих сосудов в культурных слоях поселений, датирующихся в пределах IX—X вв. (Hübener 1959: 135; Janssen 1987: 46; Meier 1994: 180; Müller 2001: 10; Schoknecht 1977: 112).

В связи с этим, обнаружение фрагментов «татингской» посуды в культурных напластованиях первых десятилетий X в. Старой Ладogi является важным аргументом, доказывающим столь длительное бытование этих предметов. Очевидно, что производство в течение более столетия таких однообразных как по форме, так и по орнаментации сосудов как «фризские» кувшины вызывает определенные сомнения. Возможно, эти красивые изделия могли длительное время сохраняться в обиходе после завершения их производства, о чем уже писал Х. Арбман (Arbman 1937: 104).

Наиболее спорным является вопрос о назначении «татингских» сосудов. В начале 1950-х гг. Д. Селлинг высказала гипотезу о том, что «фризские» кувшины связаны с ранней христианской миссионерской деятельностью св. Ансгария в Скандинавии. Она считала, что сосуды изготавливались для литургического использования, поскольку они имеют особую форму и специфическое устройство носика, способствующее максимально экономному расходованию содержимого, а также несут такие декоративные элементы как крест, украшающий большинство изделий, и стилизованное изображение рыб (кувшин из погребения 597 Бирки), которые являются христианскими символами (Selling 1951: 288—290, fig. 8).

В 1953 г. А. Листель предположил, что кувшины Бирки представляют собой сосуды типа *igseus*, которые применялись для литургического омовения рук в христианской мессе (Liestöl 1953: 169, 170). Его поддержала Д. Селлинг, которая отвергала интерпретацию этой керамики как коммерческого товара (Selling 1955: 55, 59). Позднее исследовательница писала, что не думала о том, что кувшины посылались в качестве простых наборов для применения миссионерами, а, может быть, употреблялись только раз как контейнеры или сосуды для транспортировки, причем их особая функция сохранялась, пока внутри оставалось исходное содержимое (Selling 1972: 42).

А. Лундстрем, рассматривая находку стеклянного украшенного золотой фольгой сосуда из Хельгё, полностью разделила взгляд Д. Селлинг на «фризские» кувшины как объект, связанный с христианской традицией (Lundström

1971: 57). Такого же мнения придерживался В. Винкельманн (Winkelmann 1972: 44—47). Он полагал, что обнаружение сосудов в непосредственной близости к церковным постройкам, орнамент в виде крестов и распространение этих изделий в области миссионерской деятельности св. Ангария подтверждает их принадлежность к литургическим сосудам. Исследователь предположил, что кувшины могли использоваться при обряде крещения.

Г. Янкун и И. Херрман считали, что кувшины использовались в христианской обрядности для хранения священного вина, применявшегося в литургии, хотя допускали их использование язычниками для повседневных целей (Jankuhn 1956: 162; Херрман 1986: 104). Исходя из временного совпадения, Г. Янкун связывает кувшины украшенные крестом с христианской миссией св. Ангария (Jankuhn 1956: 162).

Некоторые археологи отвергли связь кувшинов с миссионерской активностью «континента» на северных территориях. Так, Е. К. Хоуген, изучавшая материалы норвежского торгового центра Каупанг, связала эти предметы со стеклянными сосудами и интерпретировала все как столовую посуду (Hougen 1960: 100—103; 1993: 29).

Д. Еллмерс в статье «О посуде для питья эпохи викингов» отметил, что «татингские» сосуды всегда находят в женских погребениях вместе со стеклянными бокалами и они не встречены в церковных местах кроме одного пункта — Лорш (Ellmers 1964/1965). Он пришел к выводу, что кувшины не связаны с миссионерством, а являются сосудами для вина и отражают франкские обычаи употребления этого напитка, восходящие к римскому времени.

Немецкие ученые Е. Ринг и А. Вичорек подвергали сомнению литургическую функцию «фризской» посуды, поскольку только небольшая часть кувшинов несла на себе крест, а количество экземпляров этих изделий, найденных вблизи церквей, мало (Ring, Wiczorek 1979: 360). Они считали, что «татингские» сосуды в первую очередь были ценным предметом торговли, который имел различное применение. О малой вероятности церковного использования рассматриваемой посуды, происходящей из раскопок в Хедебю, пишет В. Янссен (Janssen 1987: 34).

В последние десятилетия обломки «фризских» кувшинов были встречены на многих западнославянских поселениях. У. Шокнехт полагал, что эти находки связаны с влиянием викингов, миссионерской деятельностью и торговлей вином (Schoknecht 1977: 112). И. Габриель считал, что находки на славянских поселениях «татингских» сосудов следует рассматривать не как показатель активной торговли, а как статусный предмет западной роскоши (Gabriel 1988: 135).

Л. Вамзер говорит о «фризских» кувшинах в контексте торговли, виноделия и миссионерства (Wamser 1999: 221). Они для него скорее имеют функцию сосудов для транспортировки вина. При этом он связывает топографию находок с церковно-монастырским устройством. Не говоря напрямую о ли-

тургическом использовании сосудов, Л. Вамзер пишет об их содержимом как объекте литургического, ритуального использования.

В одном из последних исследований керамики «татингского» типа, Ю. Мюллер в результате анализа археологических и письменных источников пришел к выводу, что на территории Каролингской империи эта посуда использовалась в некоторых христианских центрах как емкость для вина, предположительно при совершении религиозных обрядов (Müller 2001: 19). На севере же, по мнению ученого, «фризские» кувшины являлись высоко престижной столовой посудой и носителями христианской символики. При этом они могли выступать и как выразители персональной веры владельцев, и как предметы религиозного действия.

Наряду с дискуссией о религиозной или сакральной функции «татингских» сосудов в жизни христианских или языческих их обладателей исследователи обсуждают факт присутствия кувшинов в составе языческого погребального инвентаря (Schindler 1956: 133).

Рассмотрев захоронения Бирки, Д. Селлинг пришла к выводу, что в могилах с «фризскими» кувшинами нет каких-либо влияний христианских погребальных обрядов (Selling 1955: 57). Находки из этих комплексов, по заключению исследовательницы, не могут дать весомых аргументов в пользу какой-либо версии относительно предназначения этих сосудов.

По мнению В. Винкельманна, присутствие кувшинов украшенных крестами в женских захоронениях говорит о том, что они первыми восприняли христианские идеи, хотя нельзя сказать, что все они были христианками (Winkelmann 1972: 47). Нахождение такого сосуда в одной могиле с молоточком Тора ученый объясняет синкретическими представлениями, в которых новый бог уважается наряду со старыми божествами.

Анализируя археологические свидетельства шведской миссии Ансария, Д. Штаекер, приходит к заключению о том, что могилы с «татингскими» кувшинами не являются безупречно христианскими погребениями (Staecker 1998: 215). Нахождение в одном захоронении молоточка Тора и сосуда с крестом он рассматривает как выражение переходной фазы от консервативных к инновационным элементам или как свидетельство совместного существования символов двух вер (Staecker 1998: 216).

Считая «фризские» кувшины первыми достоверно христианскими древностями на территории древнерусского государства, А. Е. Мусин останавливается на причинах появления фрагментов таких сосудов в Скандинавии и Ладого в захоронениях совершенных по обряду трупосожжения (Мусин 2002: 124). По мнению ученого, «погребальный обряд зависит, прежде всего, от тех, кто погребал, а не от тех, кого погребали», поэтому первых умерших христиан могли похоронить по господствующим в обществе языческим обрядам. А. Е. Мусин полагает, что большинство среди первых христиан со-

ставляли женщины, поскольку они «более восприимчивы к такому учению, как христианство».

Исходя из имеющихся в настоящее время данных, можно сделать вывод о том, что на территории Каролинской империи разнообразные по форме «татингские» сосуды, по-видимому, являлись одним из видов высококачественной столовой посуды, производство и распространение которой, в какой-то мере, находилось под церковным влиянием. За пределы христианского мира поступали в основном кувшины, декорированные оловянной фольгой. В зависимости от ситуации они могли служить здесь и как объект христианской обрядности, и как престижный столовый предмет. Очевидно, что эти кувшины импортировались в далекие от места производства земли не как обычная утилитарная посуда, а как сосуды особого назначения (Holand 2003: 208). Присутствие их в скандинавских могилах в контексте с языческими объектами можно расценивать в качестве свидетельства восприятия скандинавами этих изделий как обладающих определенными духовными силами (Hodges 1981: 67). Причем, это восприятие совсем не обязательно объяснять знакомством с новой религией. Корреляцию «фризских» кувшинов с женскими погребениями можно рассматривать и как показатель большой роли слабого пола в ритуальных пирах, имеющих высокую социальную и религиозную значимость в традиционном скандинавском обществе раннего средневековья. Важной частью этого действа являлось употребление хмельных напитков, которыми женщины угощали как своих родичей, так и появившихся в домах гостей.¹⁷ Сочетание в ряде погребений «татингской» посуды с глиняными и стеклянными кубками является дополнительным аргументом в пользу трактовки кувшинов как предметов, используемых во время ритуальных пиров. Крест, украшающий многие «северные» сосуды, мог восприниматься язычниками не как христианский символ, а как знак, наделяющий сосуд магической силой, охраняющий содержимое сосуда (Плохов, Семенов 2006: 253).

Итак, в первой половине IX—первой половине X вв. в нижнее Поволжье было привезено несколько «татингских» сосудов, изготовленных в гончарных мастерских среднего Рейна. Интересным вопросом являются пути их поступления на территорию Северной Руси. Конечно, появление в Приладожье такой посуды вряд ли можно объяснить непосредственными контактами местного населения с франкской империей. Однако нельзя полностью отвергать возможность того, что эти чернолощенные изделия, поступили в Поволжье при посредничестве фризских купцов. Предположение о посещении

¹⁷ Снорри Стурлусон в «Младшей Эдде» пишет, что «женщину следует обозначать по <...> пиву, вину и другим напиткам, которые она подает либо подносит...» (Мл. Э. 1994: 124).

ими Старой Ладogi высказывала О. И. Давидан, рассматривая происхождение ранних гребенок этого памятника (Давидан 1968: 62).

В своих работах Г. Ф. Корзухина предполагала, что кувшин из плакунского могильника попал в Ладogu, побывав прежде в Швеции (Корзухина 1971а: 63; 1971б: 130). К этой мысли ее привела встречаемость «фризских» кувшинов и биконических бус из серебряной рубчатой проволоки как в комплексах Средней Швеции, так и в приладожском погребении (Корзухина 1971а: 63; 1971б: 130). Многочисленные следы присутствия скандинавов, фиксируемые с момента возникновения поселения в устье р. Ладожки, особенно заметны в слоях X в. В основном, предметы, выполненные в северном стиле, оставлены выходцами из центральной Швеции. Все это говорит в пользу гипотезы Г. Ф. Корзухиной.

Десять лет назад К. А. Михайловым были отмечены южно-скандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника (Михайлов 1996). О связи с Данией, по предположению исследователя, говорит и находка в кургане № 7 «фризского» кувшина. Он заключил, что «на рубеже IX—X вв. в Ладoge присутствовала группа скандинавов, имевших представление о специфическом погребальном обряде франкско-датского пограничья» (Михайлов 1996: 58). Располагающееся на этом пограничье крупное торгово-ремесленное поселение Хедебю в IX—X вв. было важной гаванью на пути из Западной Европы на Балтику, а также местом раннехристианской миссионерской деятельности (Лебедев 2005: 234—243, 374, 375). В культурном слое памятника встречены многочисленные обломки импортной западноевропейской керамики, среди которых «татингская» посуда занимает заметное место (Janssen 1987: 71). Поэтому, не исключено, что «фризские» кувшины могли попасть в Поволховье и через южную Ютландию.

При любом решении вопроса о путях поступления «татингских» сосудов в нижнее Поволховье, их находки свидетельствуют о прямых или опосредованных связях обитателей этого региона с Западной Европой.

Богуславский, Мачинская 1993 — *Богуславский О. И., Мачинская А. Д.* Сясьское городище и поселения нижнего Поволховья (опыт сопоставления) // ПИВ. 1993. № 6. С. 117—122.

Булкин, Дубов, Лебедев 1978 — *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978.

Давидан 1968 — *Давидан О. И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1968. Вып. 10. С. 54—63.

Давидан 1986 — *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII—IX вв. // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 99—105.

- Кирпичников 1995 — *Кирпичников А. Н.* Ладога VIII—X вв. и ее международные связи // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. С. 28—53.
- Кирпичников 2004 — *Кирпичников А. Н.* Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2003 г. // Старая Ладога. Первая международная археологическая экспедиция-школа. СПб., 2004. С. 251—284.
- Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 189—297.
- Корзухина 1971a — *Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун близ Ладоги // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 59—64.
- Корзухина 1971b — *Корзухина Г. Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. Вып. XVI. Таллин, 1971. С. 123—131.
- Кузьмин 2000 — *Кузьмин С. Л.* Стратиграфия и некоторые проблемы истории Староладожского поселения VIII—X вв. // *Stratum plus*. 2000. № 5. С. 50—69.
- Лебедев 1977 — *Лебедев Г. С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.
- Лебедев 1985 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
- Мачинский 2003 — *Мачинский Д. А.* Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога 2003. Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 11—35.
- Михайлов 1996 — *Михайлов К. А.* Южно-скандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 52—60.
- Михайлов 2002 — *Михайлов К. А.* Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 63—68.
- Михайлов 2003 — *Михайлов К. А.* Курганные могильники Старой Ладоги // Старая Ладога 2003. Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 153—158.
- Мл. Э. 1994 — Младшая Эдда. М., 1994.
- Мусин 2003 — *Мусин А. Е.* Древнейшие свидетельства христианской культуры на Руси // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2003. Вып. IV. С. 384—400.
- Назаренко 1985 — *Назаренко В. А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 156—169.
- Плохов, Семенов 2006 — *Плохов А. В., Семенов С. А.* О семантике крестообразных знаков на днищах лепной керамики с Новгородского (Рюрикова) городища и Старой Ладоги // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы I научного семинара. Псков, 2006. С. 242—261.
- Равдоникас 1945 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 30—41.
- Равдоникас 1949 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.) // СА. 1949. № XI. С. 5—54.
- Рыдзевская 1945 — *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 51—65.
- Старая Ладога 2003 — Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003.

- Херрман 1986 — *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 8—128.
- Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. KVHAA, Uppsala. 1940.
- Arbman 1937 — *Arbman H.* Schweden und das karolingische Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts. Kungl. Viterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar 43. Stockholm, 1937.
- Arne 1914 — *Arne T. J.* La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings. Archives d'études orientales 8. Uppsala. 1914.
- Arne 1929 — *Arne T. J.* Birka-Frisland // Kulturhistoriska Studier, tillägnade V. Ewald. Halmstad, 1929. S. 17—22.
- Besteman 1974 — *Besteman J. C.* Carolingian Medemblik. Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek 24. Instituut voor Prae- en Protohistorie 195. 1974. P. 43—106.
- Brorsson 1999 — *Brorsson T.* Keramik // B. Jacobsson. Trelleborgen I Trelleborg. Förhistoriska boplatslämningar och graver, vikingatida ringborg och medeltida bebyggelselämningar. Skåne, Trelleborg, kv Gröningen, kv Kråkvinkeln, Bryggaregatan och Svenstorpsgatan. Riksantikvarieämbetet UV Syd Rapport 1999: 93. Lund, 1999. S. 51—127.
- Ellmers 1964/1965 — *Ellmers D.* Zum Trinkgeschirr der Wikingerzeit // Offa 21/22. Neumünster, 1964/1965. S. 21—43.
- Es, Verwers 1980 — *Es W. A./van, Verwers W. J. H.* Excavations at Dorestad 1. The Harbour: Hoogstraat I. Nederlandse Oudheden 9. Amersfoort, 1980.
- From Viking 1992 — From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800—1200. Rosdahl E., Wilson D. M. (Eds.). Copenhagen, 1992.
- Gabriel 1988 — *Gabriel I.* Hof- und Sakralkultur sowie Gebrauchs- und Handelsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigard/Oldenburg // Berichte der Römisch-Germanischen Kommission 69. Mainz, 1988. S. 103—291.
- Hodges 1981 — *Hodges R.* The Hamwih pottery: the local and imported wares from 30 years' excavations at Middle Saxon Southampton and their European context. Southampton Archaeological Research Committee. Report 2. The Council for British Archaeology. Research Report 37. London, 1981.
- Holand 2003 — *Holand I.* Pottery // G. S. Munch, O. S. Jansen, E. Roesdahl. (Eds.). Borg in Lofoten. A chieftain's farm in North Norway. Arkeologisk Skriftserie 1. Trondheim, 2003. P. 199—210.
- Holwerda 1930 — *Holwerda J. H.* Opgravingen van Dorestad // Oudheidkundige Mededeelingen. Nieuwe Reeks XI. Leiden, 1930. S. 32—96.
- Hougen 1960 — *Hougen E. K.* Tinnfoliert keramikk fra Kaupang // Universitetets Oldsaksamling Årbok 1958/59. Oslo, 1960. S. 91—105.
- Hougen 1969 — *Hougen E. K.* Leirkar-Materialet fra Kaupang // Viking XXXIII. Oslo, 1969. S. 97—118.
- Hougen 1993 — *Hougen E. K.* Bosetningsområdets keramikk. Kaupang-Funnene IIIB. Norske Oldfunn XIV. Oslo, 1993.
- Hübener 1952 — *Hübener W.* Bemerkungen zu einer Verbreitungskarte der Tatinger Gruppe // Offa 11. Neumünster, 1952. S. 115—118.
- Hübener 1959 — *Hübener W.* Die Keramik von Haithabu. Die Ausgrabungen in Haithabu 2. Neumünster, 1959.
- Hurst, Hodges 1976 — *Hurst J. G., Hodges R.* A Tating-type ware sherd from Wharram Rercy, North Yorkshire // The Antiquaries Journal 56. Oxford, 1976. P. 249—250.

- Hussong 1936 — *Hussong L.* Frühmittelalterliche Keramik aus dem Trierer Bezirk // *Trierer Zeitschrift* 11. Trier, 1936. S. 75—89.
- Hussong 1939 — *Hussong L.* *Peu.*: H. Arbmán. Schweden und das karolingische Reich // *Germania* 23. 1939. S. 174—186.
- Jankuhn 1956 — *Jankuhn H.* Haithabu, Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster, 1956.
- Janssen 1987 — *Janssen W.* Die Importkeramik von Haithabu. Die Ausgrabungen von Haithabu. Bd 9. Neumünster, 1987.
- Liestöl 1953 — *Liestöl A.* The Hanging Bowl, a liturgical and domestic vessel // *Acta Archaeologica*. Vol. XXIV. København, 1953. P. 163—170.
- Loeschcke 1932 — *Loeschcke S.* Jahresbericht des Provinzialmuseums zu Trier // *Trierer Zeitschrift* 7. Trier, 1932.
- Lundström 1971 — *Lundström A.* Cuppa vitrea auro ornata // *Antikvariskt Arkiv* 40. Early Medieval Studies 3. 1971. S. 52—68.
- Meier 1994 — *Meier D.* Die wikingerzeitliche Siedlung von Kosel (Kosel-West), Kreis Rendsburg-Eckernförde. Offa Bücher 76. Neumünster, 1994.
- Müller 2001 — *Müller U.* Tatinger Ware im Gebiet des Mare Balticum // *Aus der Frühgeschichte des südwestlichen Ostseegebietes*. Greifswalder Mitteilungen 5. Frankfurt, 2001. S. 9—24.
- Müller-Wille 1985 — *Müller-Wille M.* Westeuropäischer Import der Wikingerzeit in Nordeuropa // *Society and trade in the Baltic during the Viking Age*. Acta Visbyensia VII. Visby, 1985. S. 79—102.
- Redknapp 1984 — *Redknapp M.* Late merovingian black and red burnished wares from Mayen (Rheinland-Pfalz) // *Archäologisches Korrespondenzblatt* 14. Mainz, 1984. P. 403—416.
- Redknapp 1988 — *Redknapp M.* Medieval pottery production at Mayen: recent advances, current problems // D. R. M. Gaimster, M. Redknapp, H.-H. Wegner. (Eds.). *Medieval and later pottery from the Rhineland and its markets*. British Archaeological Reports. International Series 440. Oxford, 1988. P. 3—27.
- Redknapp 1999 — *Redknapp M.* Die römischen und mittelalterlichen Töpfereien in Mayen, Kreis Mayen-Koblenz. Berichte zur Archäologie an Mittelrhein und Mosel 6. *Trierer Zeitschrift für Geschichte und Kunst des Trierer Landes und seiner Nachbargebiete*, Beiheft 24. Trier, 1999.
- Ring, Wieczorek 1979 — *Ring E., Wieczorek A.* Tatinger Kannen aus Mainz // *Archäologisches korrespondenzblatt* 9. Mainz, 1979. S. 355—362.
- Rudh 1936 — *Rudh H.* Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm, 1936.
- Schindler 1956 — *Schindler R.* Das wikingerzeitliche Hügelgräberfeld «Monklembergem» bei Süderende auf Föhr // *Offa* 15. Neumünster, 1956. S. 121—134.
- Schoknecht 1977 — *Schoknecht U.* Menzlin. Ein frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin, 1977.
- Selling 1955 — *Selling D.* Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955.
- Selling 1972 — *Selling D.* *Peu.*: E. K. Hougen. Leirkarmaterialet fra Kaupang // *Norwegian Archaeological Review*. 1972. Vol. 5. № 2. P. 40—44.
- Staecker 1998 — *Staecker J.* Die Christianisierung des westlichen Ostseeraumes — die archäologische Perspektive // *Culture Clash or Compromise? The Europeanisation of the Baltic Sea Area 1100—14000 AD*. Acta Visbyensia 11. Visby, 1998. S. 200—236.
- Stilke 2001 — *Stilke H.* Tatinger Ware // *Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa*. Schriften des Archäologischen Landesmuseums 6. Neumünster, 2001. S. 257—270.

- Stilke, Heih, Mommsen 1999 — *Stilke H., Heih A., Mommsen H.* Neutronenaktivierungsanalysen an mittelalterlicher Keramik aus Mayen und an Tatinger Ware // Redknapp M. Die römischen und mittelalterlichen Töpfereien in Mayen, Kreis Mayen-Koblenz. Berichte zur Archäologie an Mittelrhein und Mosel 6. Trierer Zeitschrift für Geschichte und Kunst des Trierer Landes und seiner Nachbargebiete, Beiheft 24. Trier, 1999. S. 403—418.
- Stjernquist 2001 — *Stjernquist B.* Metal Decoration on Glass and Pottery // *Vi får tacka Lamm.* The Museum of National Antiquities, Stockholm 10. Stockholm, 2001. P. 199—206.
- Timby 1988 — *Timby J. R.* The Middle Saxon pottery // *Southampton finds, volume 1: The coins and pottery from Hamwic.* Southampton archaeology monographs 4. Gloucester, 1988. P. 73—122.
- Wamser 1999 — *Wamser E.* Zu einer Tatinger Kanne und ausgewählten Kleinfunden aus Karburg am Main // *Dedicato. H. Dannheimer zum 70. Geburtstag.* Kataloge der Prahistorischen Staatssammlung 5. München, 1999. S. 207—242.
- Winkelmann 1972 — *Winkelmann W.* Liturgisches Gefäß der Missionszeit aus Paderborn. Zur Verbreitung und Deutung der Tatinger Kanne // *Paderbornensis Ecclesia. Beiträge zur Geschichte des Erzbistums Paderborn.* Festschrift für Lorenz Kardinal Jaeger. München; Paderborn; Wien, 1972. S. 37—47.

Архивные материалы

- Гурина А-1952 — *Гурина Н. Н.* Дневник Невской экспедиции 1952 г. / Научный архив ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1952, д. 69.
- Равдоникас А-1939 — *Равдоникас В. И.* Дневник Староладожской экспедиции 1939 г. / Научный архив ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1939, д. 171.
- Равдоникас А-1959 — *Равдоникас В. И.* Отчет Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР 1959 г. / Научный архив ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1939, д. 45.

Научный архив ИИМК РАН, РА

- Ф. 35, оп. 1, 1952, д. 61 — Дневник Невской экспедиции (тетрадь № 3). Составлен Н. Н. Гуриной (л. 1—12) и Г. П. Гроздиловым (л. 13—50).
- Ф. 35, оп. 1, 1958, д. 12 — Опись керамики из раскопок на Земляном городище Старой Ладogi в 1958 г.
- Ф. 35, оп. 1, 1959, д. 29 — Опись керамики из раскопок на Земляном городище в Старой Ладоре 1959 г.

РОЛЬ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОГО ЭЛЕМЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ РАННЕГОНЧАРНОГО КОМПЛЕКСА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

В. М. ГОРЮНОВА

Западнославянские элементы в материальной культуре Северо-Западной Руси X—XI вв. — это особая тема. Тема, отмеченная неослабевающим интересом нашего археологического сообщества. За последние годы накоплен достаточно выразительный новый керамический материал, который позволяет дать источниковедчески более обоснованную оценку причинам появления западнославянской керамики в древнерусских раннегородских центрах Северной Руси. А также позволяет нам с определенной достоверностью судить о степени влияния западнославянского гончарного производства на развитие керамического комплекса X—начала XI вв. этого региона.

Раннегончарная посуда является весьма информативным материалом в плане не столько этнических, сколько социально-экономических связей, прояснение которых столь важно особенно в эпоху становления и развития раннегородских, раннегосударственных структур. Поэтому важно не только установить сам факт появления западных форм, но проследить динамику изменения различных типологических форм на различных памятниках, их взаимодействие с местными традициями гончарного производства. Прежде всего, следует остановиться на различных уровнях проявления западнославянского компонента в раннегончарном производстве древней Руси.

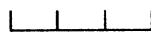
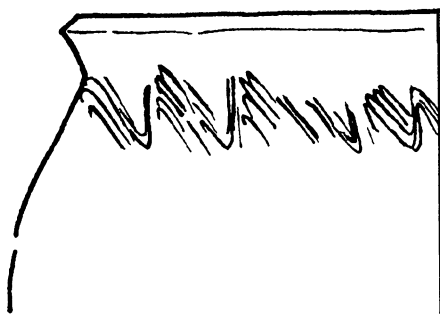
Первый уровень определяется сосудами, которые можно обозначить в качестве *импорта*, так как они составляют крайне редкую группу находок, как правило, представленную единичными фрагментами. Конечно, говорить об импорте мы можем только с той или иной степенью допущения, потому что для полной уверенности в их иноземном происхождении не хватает результатов петрографического анализа. Но даже если эта посуда и не привезена, а сделана на месте, она точно во всех деталях повторяет западнославянские образцы. При этом следует четко выделять формы, более или менее попадающие в типологические рамки той или иной западнославянской группы, и гибриды, возникшие на исходной западнославянской территории. В качестве импорта в материалах Северо-Западной Руси мы имеем дело почти с полным набором сосудов западнославянских типологических групп. Для X в. это группы Фельдберг, Менкендорф, Гросс-Раден, Торнов, Фрезендорф, а также гибридные формы, возникшие на западных территориях: торновско-менкендорфские и менкендорфско-фрезендорфские. Для XI в. — это типы Випперов, Вайсдин и Бобцин и некоторые поздние формы Фрезендорфа, ко-

торые разными авторами определяются по-разному и, соответственно, включаются в различные типологические группы.

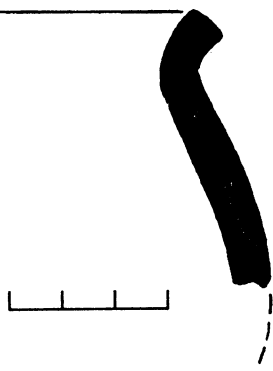
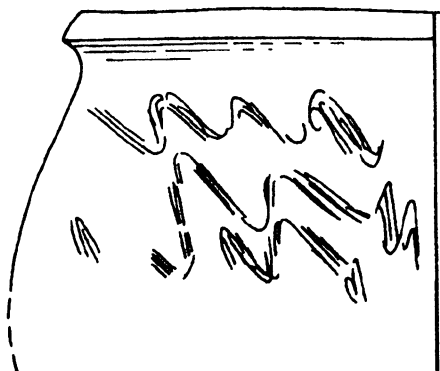
Самая ранняя из них **фельдбергская типологическая группа**. Фельдбергская посуда, начиная с середины VIII в., распространяется на территории восточного Мекленбурга и по всему побережью польского и германского Поморья. Она особенно характерна для поселений и городищ IX в. Общие хронологические рамки бытования данной формы установлены как на основе обычных археологических методик, так и с помощью радиоуглеродного анализа и дендродат. На наш взгляд, существуют факты, неоспоримо свидетельствующие об использовании этого типа керамики несколько позже рубежа IX—X вв. Во-первых, в Бирке камерное погребение № 1081 (не ранее X в.) содержит сосуд по технологии и стилистике изготовления очень близкий фельдбергским горшкам. Во-вторых, некоторые материалы с дендродатами говорят о возможности доживания фельдбергских форм до рубежа IX—X вв. и начала X в. В Шаршторфе — порубочные даты 875/885 гг., в Пибене — 890/900 гг. В Ольденбурге в 3 горизонте фельдбергские материалы (10%) маркированы порубочной датой второго горизонта (866 г.) и монетными находками четвертого горизонта (конец X—XI вв.). Единичные фрагменты встречаются в слое до самого конца X в. Недавно опубликованы новые данные стратиграфического распределения различных групп западнославянской керамики Волина (раскоп 8-Порт), подтвержденные дендрохронологией: в слоях с порубочными датами от 900 г. до 915 г. доля фельдбергских сосудов в керамической коллекции раскопа колеблется от 25% до 10% (Brather 1996: 150—166; Stanisławski 2001: 125—126; Горюнова, Лапшин 2004: 66—67).

Фельдбергская посуда на территории Северной Руси представлена одичными фрагментами только на Рюриковом городище (рис. 1) и в Гнездилове под Суздалем (рис. 2). В Гнездилове она встречена в закрытом комплексе, который имеет твердую дату — 30-е годы X в. (Горюнова, Лапшин 2004: 54). Аналогии фельдбергским формам Рюрикова городища и Гнездилова мы можем найти среди группы сосудов, выделенных Е. Шульдтом в 1 ряд Фельдберга (Schuldt 1956: Abb. 16—19; 20: 2—3), по В. Лосиньскому — среди разновидностей группы II типа Кенджин или в более поздних разработках — тип C-Ia, IIa (Łosiński 1972: 40, рис. 5-d, q, h; Łosiński, Rogos 1986: 9—50, 28, рис. 2: Ia, IIa; Cnotlywy и др. 1986: 62—117; S. 86, рис. 2: 11; рис. 3: 7, 8, 11, 15, 16).

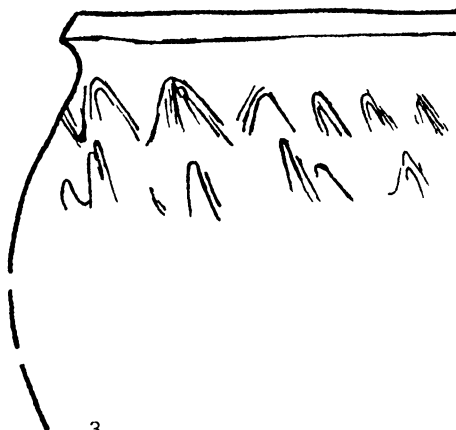
Менкендорфский тип. Западнославянские мастера посуду этой типологической группы изготавливали с середины IX в. и до середины XI в. Расцвет ее производства падает на X в. Ареал распространения данной группы более обширен, чем Фельдберга. Он охватывает северные округа Германии (Ной Бранденбург, Росток, Шверин) и всю западную часть польского Поморья (районы городов Щецин, Волин, Колобжег и бассейна р. Парсенты). В немецкой археологической литературе дискутируется нижняя дата данной

1

2

3

Рис. 1. Фельдбергский тип. Рюриково городище

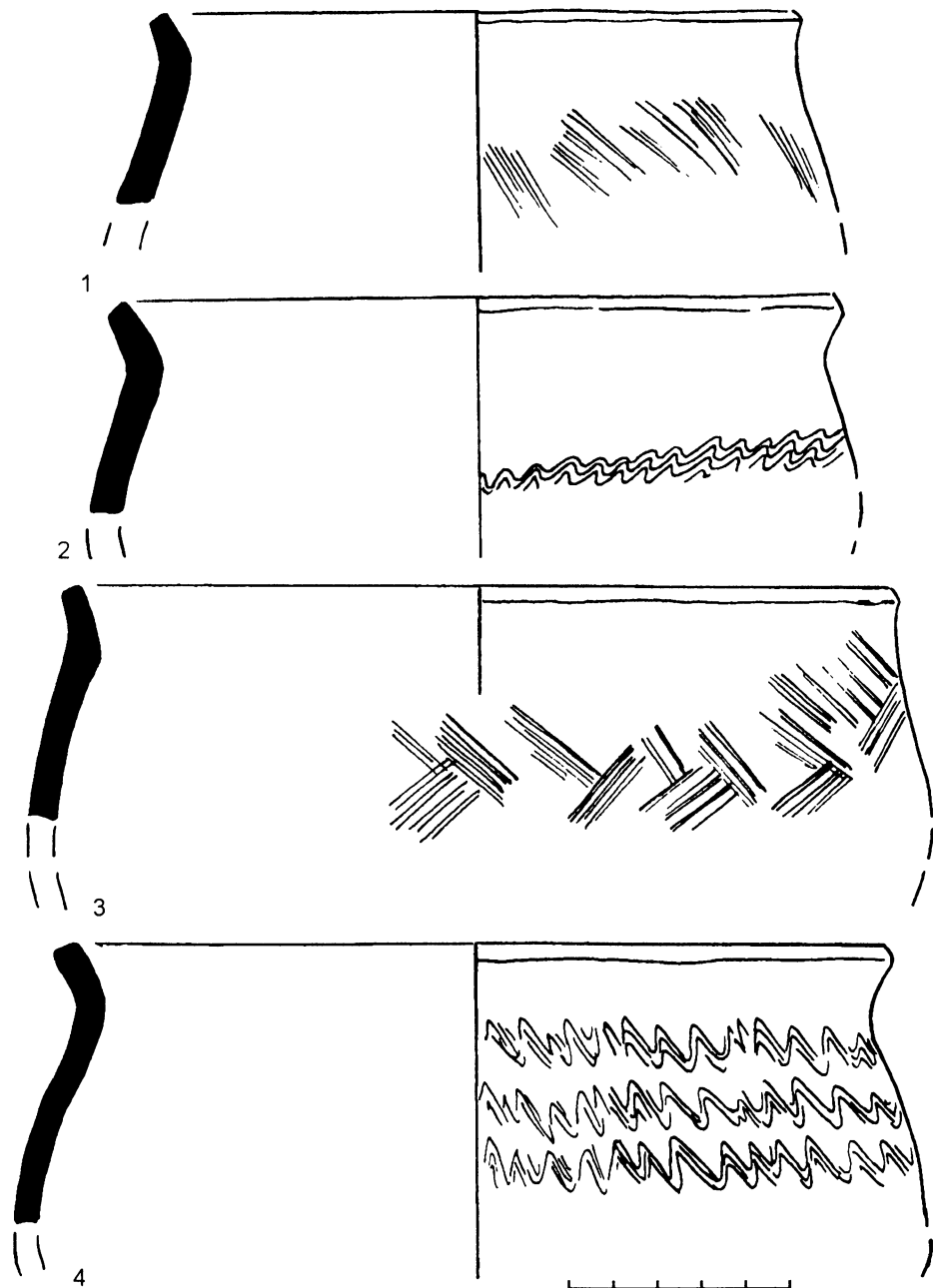

Рис. 2. Фельдбергский тип. Гнездилово

группы. Отдельные исследователи считают, что в районе Мекленбурга проявления менкендорфского типа можно проследить уже в VIII в. S-видные формы Менкендорфа зачастую неотличимы от некоторых форм Фельдберга (Kempe 2001: 239). Эта особенность ярко проявляется на материалах поселения Гросс-Раден, которое функционировало на исходе IX в. и весь X в. Э. Шульдт, публикуя его коллекцию, выделил три группы форм Менкендорфа: баночные горшки с невыделенным венчиком (форма 1); сосуды с ребром в верхней трети или на середине высоты, имеющие вертикальный или слегка отогнутый наружу венчик (форма 2) и сосуды с S-видной профилировкой (форма 3). Каждая из групп имела три варианта пропорций (Schuldt 1981: 15—19). Многообразие форм, длительный период существования, обширный ареал распространения, отсутствие разработок, посвященных относительной типохронологии данного вида керамики, — все это весьма затрудняет атрибуцию сосудов на нашей территории.

На Рюриковом городище в качестве менкендорфского типа атрибутированы сосуды варианта III-A, со слабой профилировкой, округлым изломом тулова (рис. 3: 1, 2). Они имеют четкую стратиграфию и датированы с опорой на дендродаты первой половиной X в. Этот вариант Менкендорфа, помимо Рюрикова городища, встречен только в материалах Городка на Ловати (единственный фрагмент). Наиболее близкие западнославянские аналогии происходят с памятников Северной Польши (Занток, Лозино, Потенгово — рис. 3: 3, 4). Данная форма на территории Польши существует длительное время: с момента возникновения менкендорфской группы (неукрашенные сосуды с первичной правкой на гончарном круге) и до начала XI в. включительно (с линейно-волнистым орнаментом и более выраженным изломом в верхней трети) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 88, 90, 248, табл. 76).

Ребристые менкендорфские сосуды (рис. 4: 1, 4), аналоги ребристым сосудам третьей формы Менкендорфа по Э. Шульдту (Schuldt 1981: 17—19), появляются на Рюриковом городище в последней четверти X в. (после 979 г.). Единичные фрагменты подобной реберчатой посуды присутствуют в Городке на Ловати (рис. 10: 2) и в Новгороде (рис. 4: 2, 3). На Троицком X раскопе они прослежены после 964 года. Таким образом, появление реберчатых форм Менкендорфа в материалах Новгорода и Рюрикова городища почти синхронно (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 91—92, 105—106, 248, табл. 76).

В Гнездилове есть кумпфообразный сосуд второй формы Менкендорфа по Э. Шульдту (рис. 5: 1) и зерновик — третьей (рис. 5: 2). Последний по орнаменту и профилировке своей верхней трети повторяет новгородский экземпляр с Троицкого раскопа (ср.: рис. 4: 2; 5: 2). На западнославянских памятниках для последних двух форм можно найти широкий круг аналогий, начиная с самого раннего этапа существования менкендорфской группы

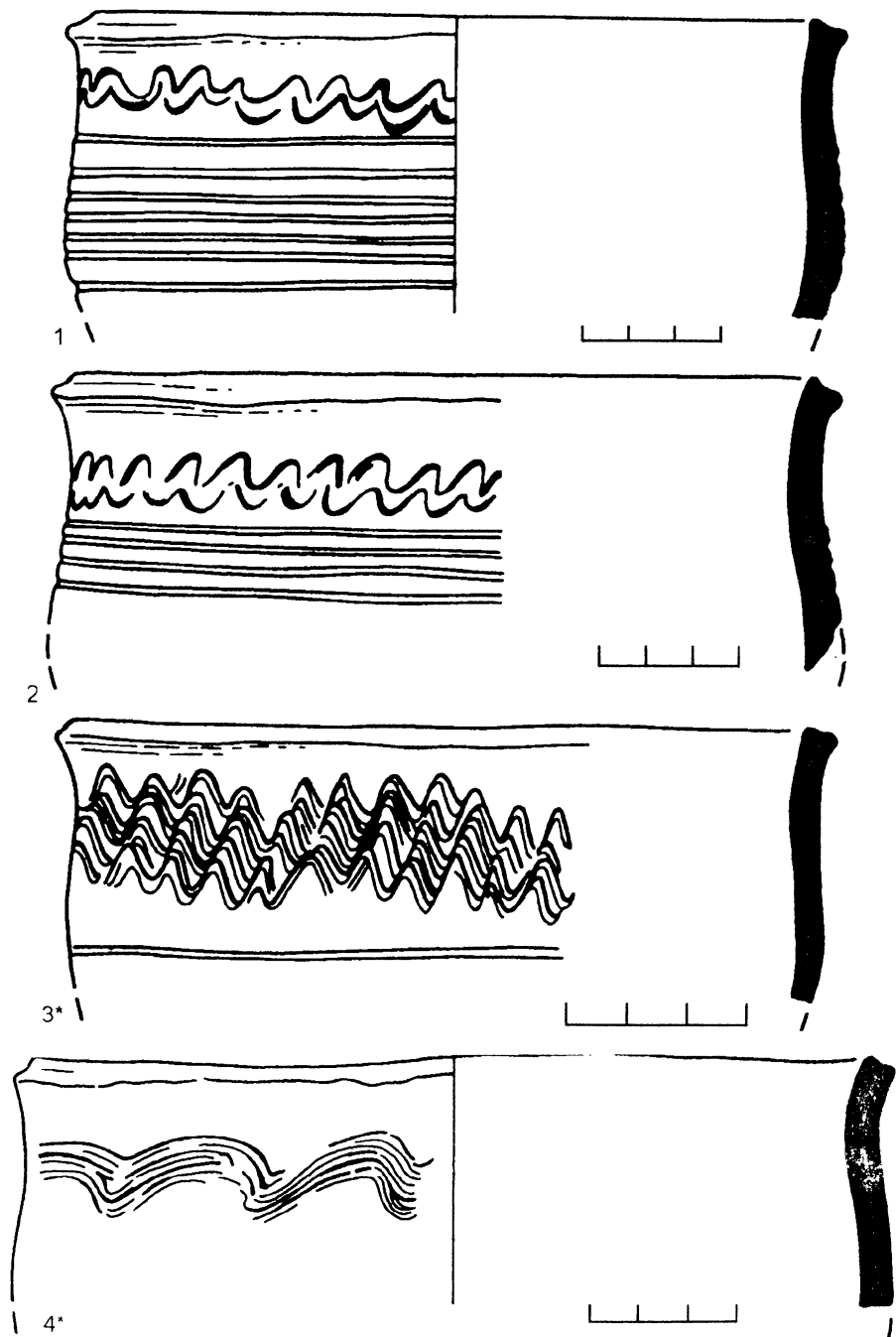

Рис. 3. Менкендорфский тип. 1—2 — Рюриково городище, 3 — Патенгово (Польша), 4 — Лозино (Польша)

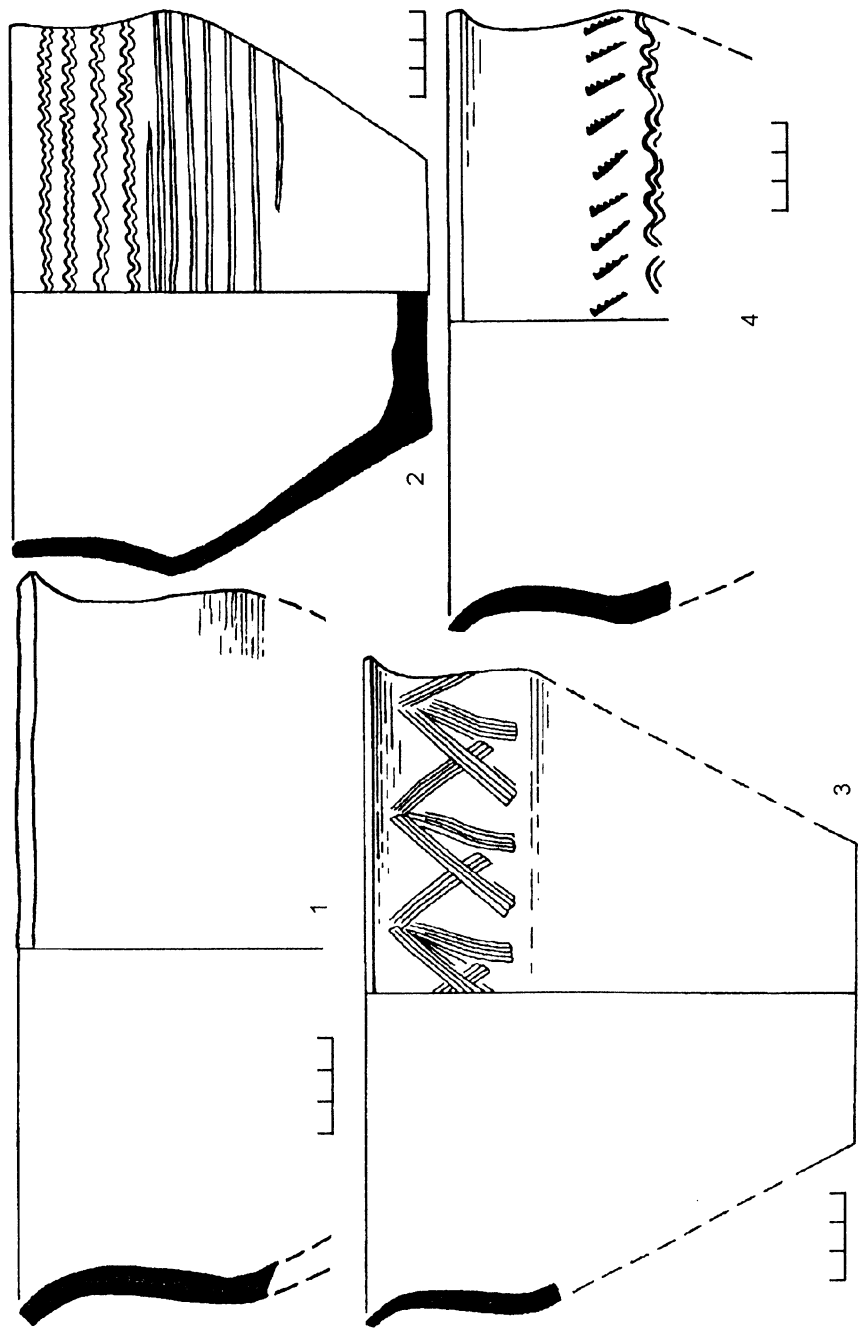

Рис. 4. Менкендорфский тип. 1, 4 — Рюриково городище, 2, 3 — Новгород

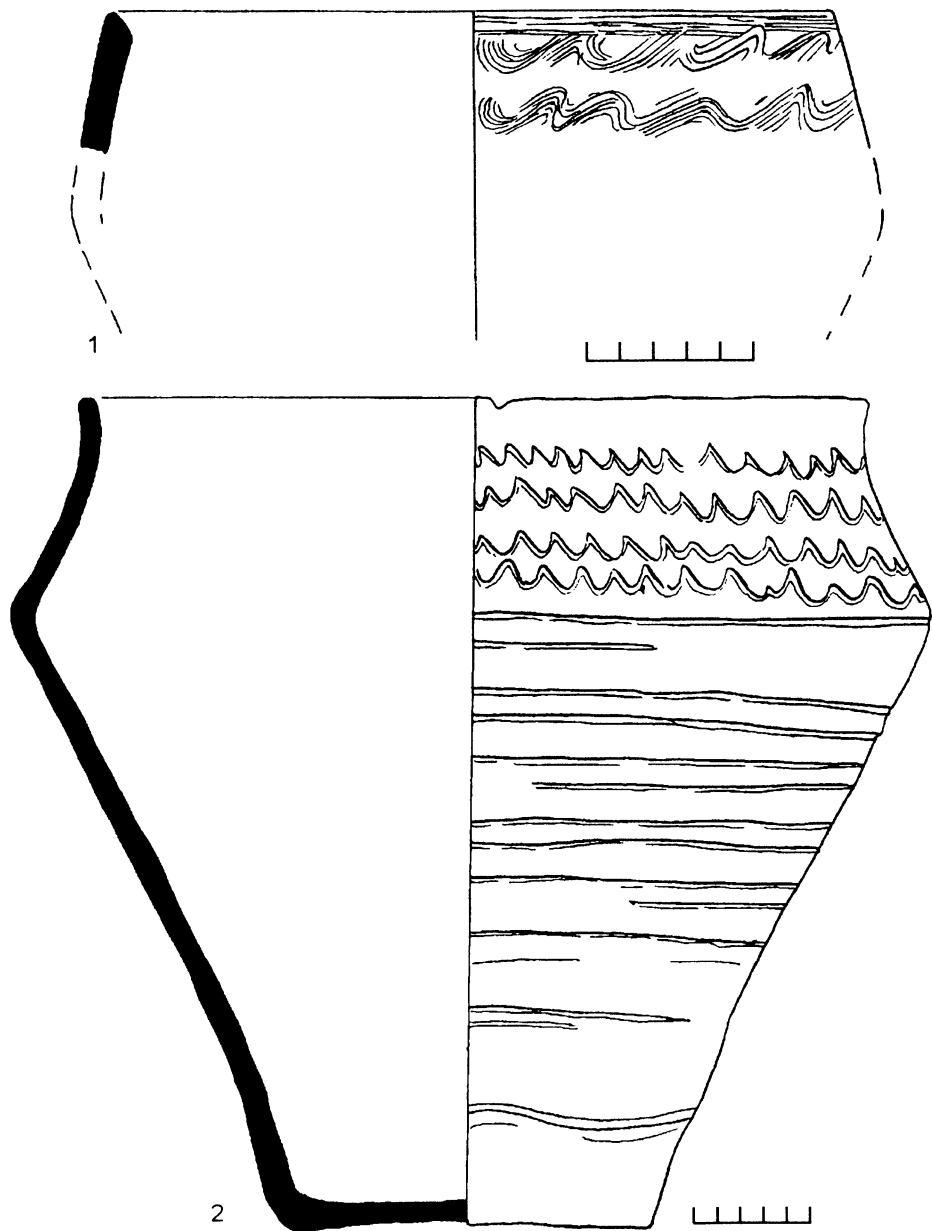

Рис. 5. Менкендорфский тип. Гнездилово

вплоть до начала XI в. (Kempke 2001: Taf. 266:7; 280: 3; 29: 5).¹ В Городке на Ловати известно несколько вариантов сосудов второй группы Менкендорфа по Э. Шульдту (рис. 11).

Тип Гросс-Раден впервые был выделен Э. Шульдтом (Schuldt 1981: 39—40) при публикации керамических материалов городища Гросс-Раден. Сосуды данного типа немногочисленны, их доля в комплексах не превышает 10%. Распространение типа Гросс-Раден совпадает по территории с менкендорфским типом посуды. Датируется он поздним IX—X вв. Известен монетный клад, который был помещен в сосуд гросс-раденского типа и зарыт после 973 г. (Kempke 2001: 239).

Гросс-раденскому типу принадлежат черные или темно-серые горшки с мягким ребром, подчеркнутым псевдоваликовой орнаментацией, которая сопровождается наколами или оттисками гребенчатого штампа в сочетании с многорядной волной, нанесенной мелкозубчатой гребенкой. Венчик выделен слабо и слегка отогнут наружу, край его имеет горизонтальный срез. Поверхность сосудов хорошо заглажена. Фрагменты классической гросс-раденской посуды есть только в коллекции Рюрикова городища, причем всего три и очень небольших размеров (рис. 6), что соответствует малой доле данного вида сосудов в материалах западнославянских памятников. Время бытования Гросс-Радена на Городище определяется промежутком между 944—947 гг. и 979 г. (подробнее см.: Носов, Горюнова, Плохов 2005: 87—88, 93, 95).

Тип Фрезендорф. По Э. Шульдту посуда данной типологической группы появилась в результате развития фельдбергской посуды, но ареал ее распространения был значительно уже фельдбергского. Он ограничен островом Рюген и прилегающей к нему частью побережья Балтики. Восточнее Одера встречаются лишь отдельные экземпляры. В отличие от фельдбергских сосудов, горшки типа Фрезендорф полностью обработаны на гончарном круге. Изготавливались они параллельно с менкендорфским типом. Нижняя и верхняя хронологические границы фрезендорфского типа размыты в силу неопределенного типологического отделения его как от предшественников, так и от наследников. В связи с тем, что момент смены Фельдберга Фрезендорфом типологически четко не определяется, в немецкой археологии дискутируется вопрос: не следует ли считать данную форму территориальным вариантом Фельдберга, который имеет более длительную историю, чем основной тип. В польской литературе эта посуда однозначно определяется в качестве типа Волин. На территории Польши она распространяется параллельно с типом Менкендорф, уступая ему в процентном соотношении. Посуда фрезен-

¹ Более полный список литературы с аналогиями см.: Горюнова, Лапшин 2004: 65, ссылки 31, 32.

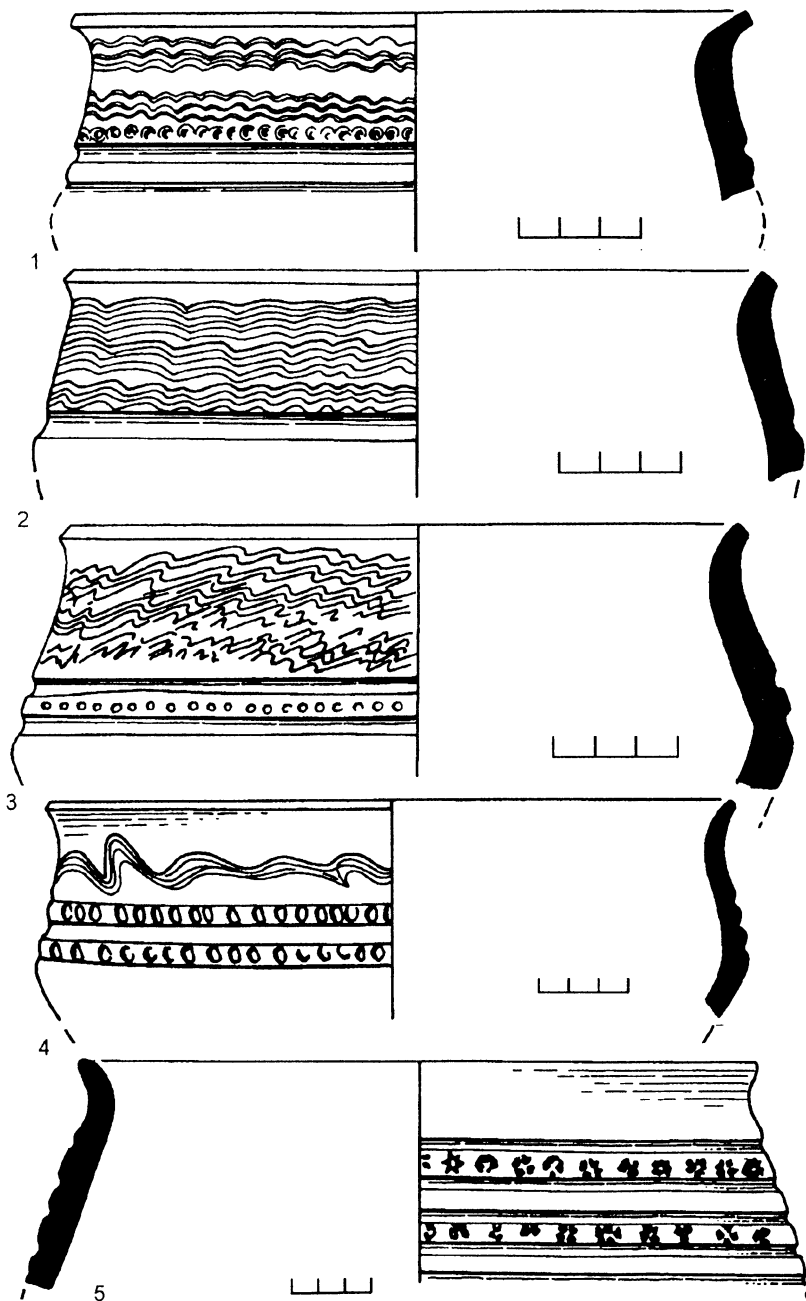

Рис. 6. Тип Гросс Раден. 1—3 — Рюриково городище, 4 — Колобжег Будзисто
во (Польша), 5 — Гросс Раден (Германия)

дорфского типа наиболее часто начинает употребляться с первого десятилетия X в. (или около рубежа IX/X вв.). Немецкие авторы считают, что верхняя хронологическая граница Фрезендорфа неопределенна, поскольку к XI в. он трансформируется в сосуды типа Вардер и Бобцин, многие варианты которых не всегда четко отделимы от прародителя. Польские археологи по материалам Волина (раскоп 8-Порт), определяют ее более четко — серединой XI в. (Donat 1987: 245—247; Kempke 2001: 241; Stanisławski 2001: 150—153).²

В материалах Северо-Западной Руси фрезендорфский тип представлен двумя вариантами. Первому принадлежат классические западнославянские экземпляры, сочетающие линейно-волнистый орнамент с валиками, наколами и штампами. Они известны в предматериковых отложениях Неревского раскопа Новгорода (рис. 7: 1—3, 5), в погребении кургана № 1 могильника Боково (рис. 7: 4) и в слое конца X в. стратиграфического раскопа 1977—2000 гг. Рюрикова городища (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 254, табл. 82: 3). Второй вариант представлен сосудами с бедной линейной орнаментацией, лишенной валиков, наколов и штампов. Значительная группа таких сосудов присутствует в Городке на Ловати во второй половине X в. (рис. 8: 1—2). Один фрагмент данного варианта известен в переотложенных слоях горизонта Д Старой Ладogi (рис. 19: 1). Серия подобных сосудов из неопубликованного материала с острова Рюген мне известна по зарисовкам В. Лосиньского (рис. 8: 3).

Торновский тип на территории Германии распространен по обе стороны среднего Одера, от Нижней Лужицы, до южной Великопольши. Й. Херманн, в свое время, при публикации опорного памятника, Торновского городища, предлагал неоправданно раннее начало бытования памятников с таким типом посуды, с VII в. (Herrmann 1966: 116—117).³ В настоящее время начало изготовления посуды типа Торнов определено с помощью дендротат: она появляется на исходе IX в., активно используется весь X в. (Kempke 2001: 240). Посуда торновского типа на многих памятниках сопровождается менкендорфскими сосудами, что привело к возникновению нескольких вариантов **торновско-менкендорфских** гибридов. Особенно широкое распространение гибридные формы получили на северном пограничье ареала торновского типа (Herrmann 1968: 55, 56; Abb. 8.)

Полный спектр подобной керамики, включая сосуды чистого торновского типа (рис. 9), а также торновско-менкендорфские гибриды (рис. 13: 1—3), на нашей территории встречен только на одном памятнике — в Городке на

² Б. М. Станиславски в своих выводах о датировке фрезендорфской посуды опирается, помимо стратиграфических наблюдений, на данные дендрохронологии и анализа по С¹⁴.

³ В 1977 г. в статье, посвященной западнославянским материалам Городка на Ловати, мною было высказано сомнение в столь растянутой датировке Торнова (Горюнова 1977: 55—56).

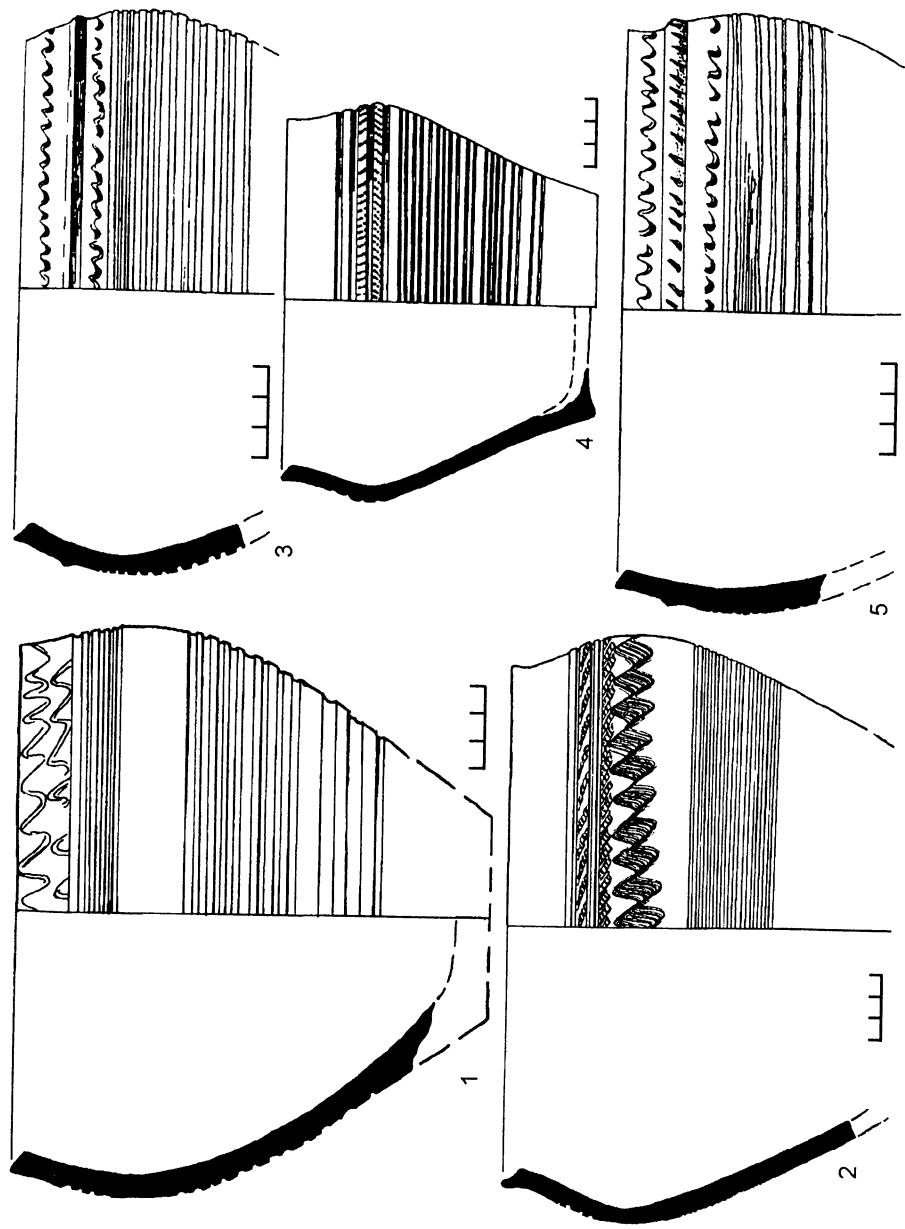

Рис. 7. Фрезендорфский тип. 1—3 — Новгород, 4 — могильник Боково, курган 1

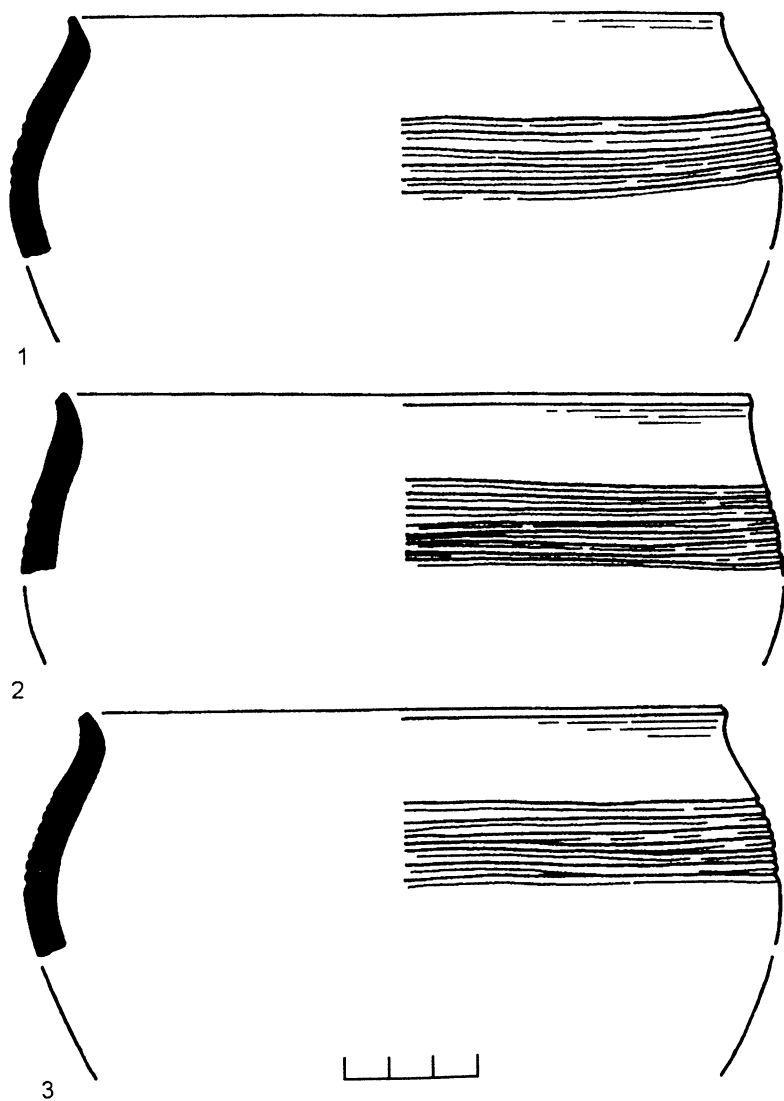

Рис. 8. Фрезендорфский тип. Городок на Ловати

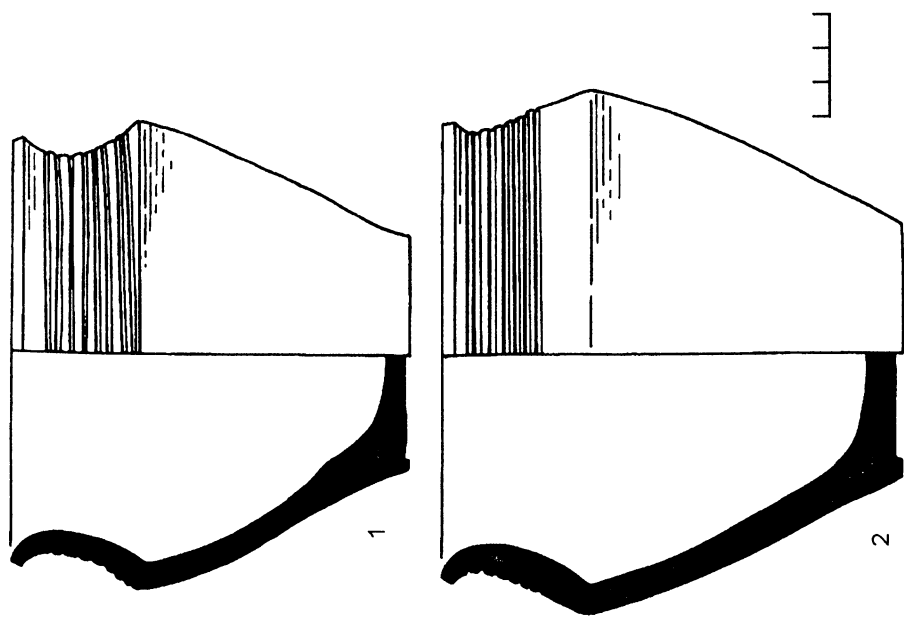
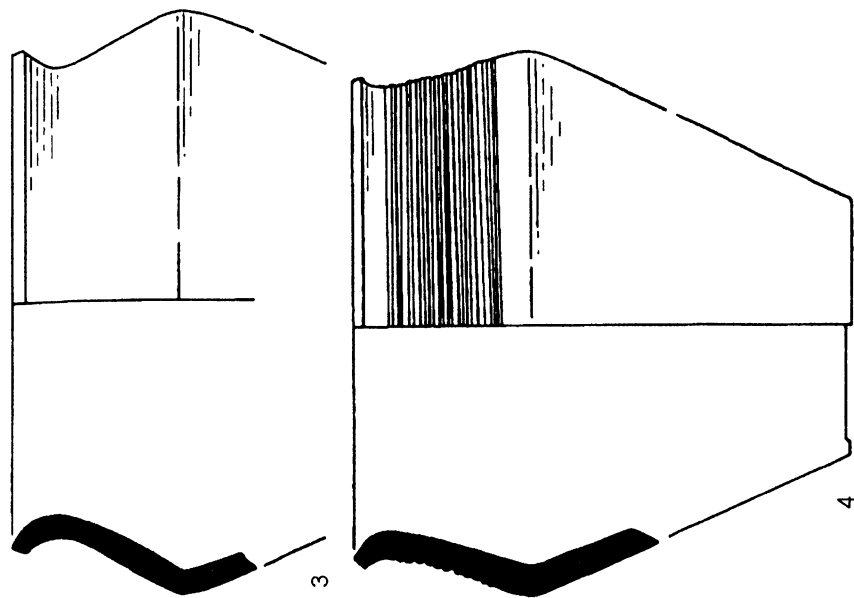

Рис. 9. Торновский тип. Городок на Ловати

Ловати под Великими Луками. Необходимо отметить, что в набор западноевропейской посуды Городка на Ловати, доля которой на этом памятнике достигает 30%, включены также чисто фрезендорфские (см. выше) и менкендорфские формы (рис. 10: 2; 11), а также их гибриды и реплики (рис. 12; 13: 4, 5), речь о которых пойдет ниже (см. с. 71)

Поздние формы Фрезендорфа. В переотложенной части культурного слоя Центрального раскопа Рюрикова городища известен единственный экземпляр позднего фрезендорфского сосуда (рис. 14: 3). В немецкой литературе такие сосуды иногда помещаются в типологическую группу Вардер, которая в Лунде, в отличие от западнославянских территорий, составляет основу коллекции этого города (Wahlöö 1976: kat. 23, 24; Kempke 2001: 241—242, 252).

Серия мисковидных сосудов с вертикальной или слегка наклоненной внутрь верхней третью и хорошо выраженным изгибом при переходе в тулово, с невыделенным венчиком известна в комплексах Новгорода и Рюрикова городища (рис. 15). На наш взгляд, своим происхождением они обязаны непосредственному влиянию фрезендорфского типа на менкендорфскую посуду в их поздних вариантах. В Новгороде эти сосуды (группа VI вторая гибридная подгруппа) встречаются в слоях первой половины XI в., иногда в материковых ямах (Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 120). На Рюриковом городище обломки таких чашевидных сосудов (тип III—B-1) попадают, как правило, в нарушенных слоях (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 88—89). Близкие формы известны в городах польского Поморья (Cnotliwy и др. 1986: 87, rys. 3: 17; 93, rys. 9: 11), но польские археологи не выделяют их в самостоятельный разряд посуды, они включают их либо в группу Фрезендорф либо Бобцин, аналогично тому, как это делалось в старой немецкой археологической литературе. В последних обобщающих работах подобные чашевидные сосуды с округлым или реберчатым изломом в верхней трети помещаются в группу Вардер, которая датируется в основном XI—XII вв. (Kempke 2001: 241—242, Taf. 283: 1, 2, 4).

Випперов. По монетным находкам на территории Германии этот тип посуды датируется исходом X—XI вв. и существует вплоть до XIV в., составляет от 40% общего числа керамики, а в некоторых случаях является преобладающим типом. На памятниках польского Поморья получает распространение не ранее первой половины XI в. (Gabriel, Kempke 1991: 137—142; Abb. 23: 10; Kempke 2001: 242; Taf. 282: 2, 3).

Вайсдин. Профилировка сосудов разнообразна, горшки данного типа бывают биконическими, шарообразными, S-видными, с прогнутой верхней частью, отделенной от тулова ребром, и т. д. Можно сказать, что почти в каждом отдельном случае мы имеем дело с индивидуальными формами. Объединяет их обильное украшение валиками с разделкой разного рода штампами и богатая орнаментация. Чаше — это большеобъемные сосуды-корчаги. Обычно они не превышают 1% от общего числа керамических находок

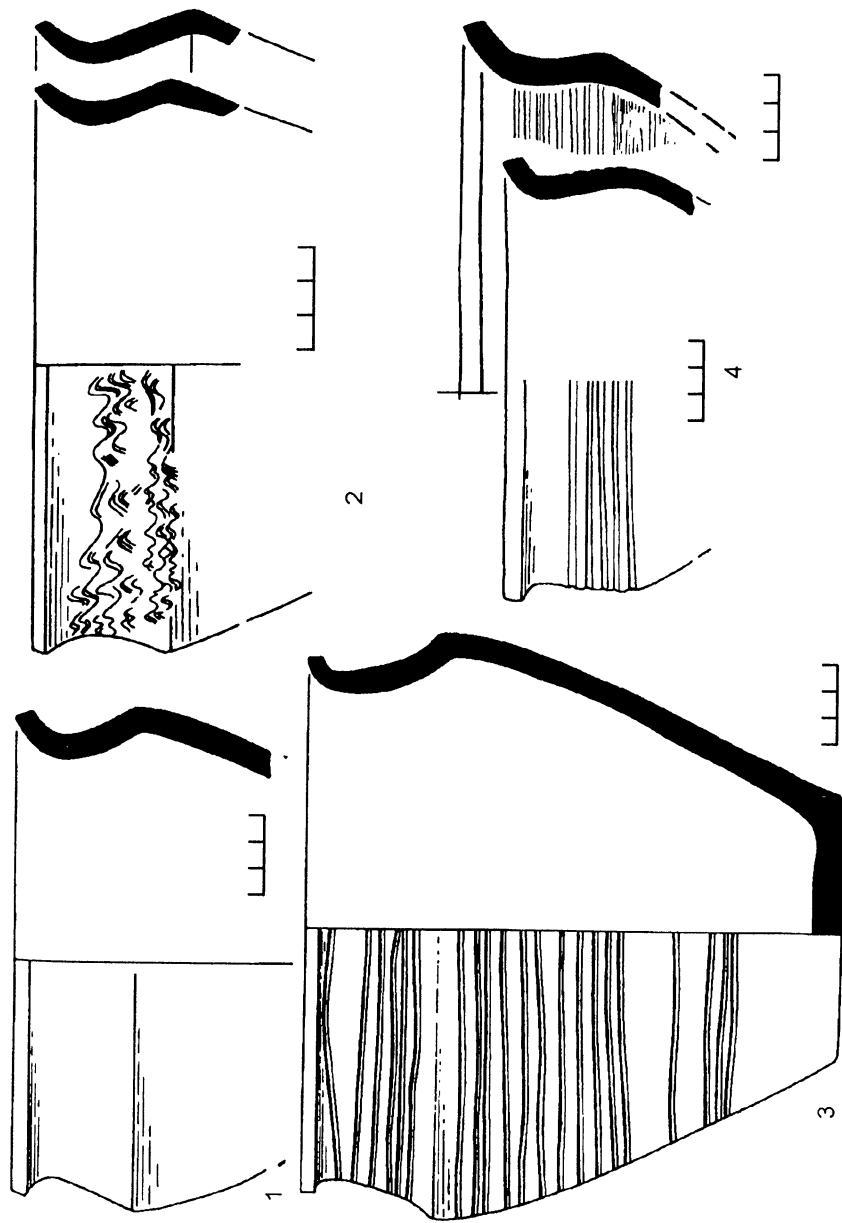

Рис. 10. Рюриково городище: 1, 3 — подражание торновскому типу (?), 4 — торновско-менкендорфский гибрид; Городок на Ловати: 2 — менкендорфский тип (форма 3 по Шульцу)

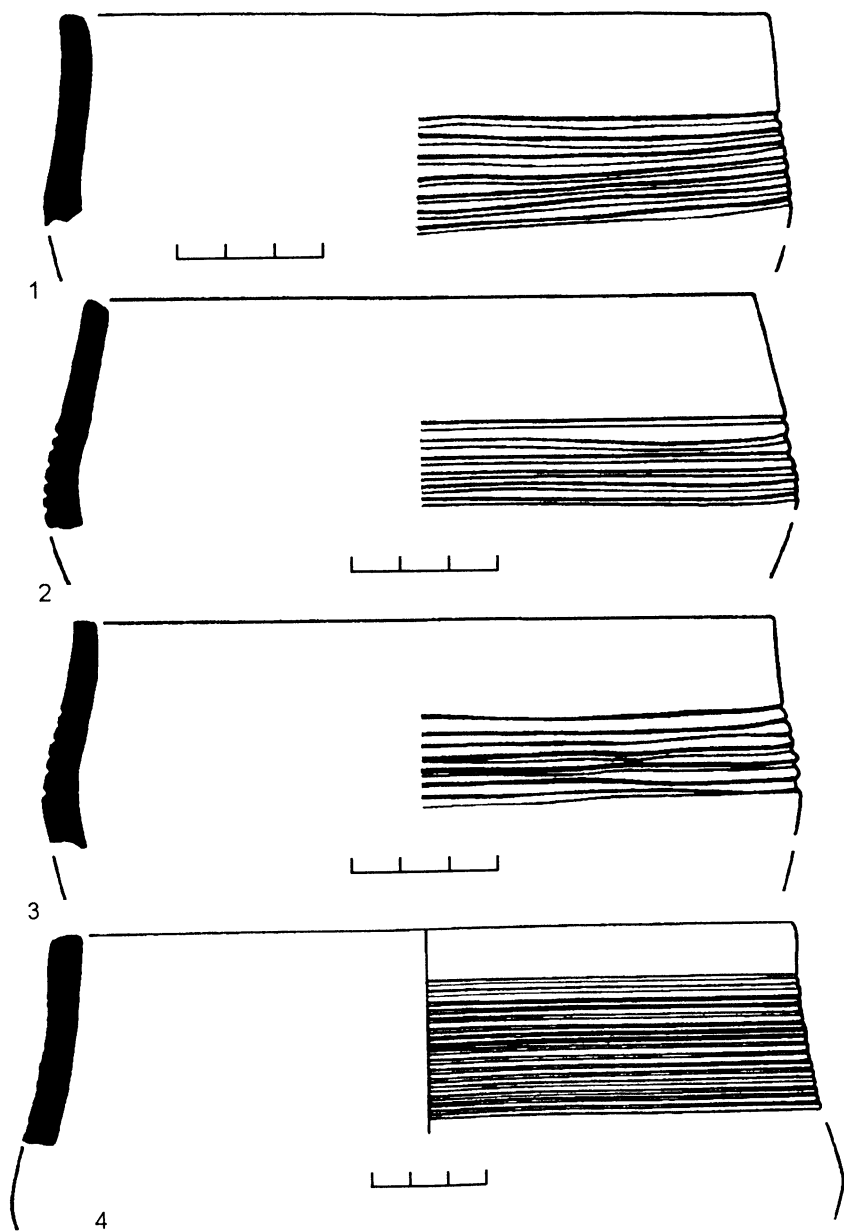

Рис. 11. Менкендорфский тип (форма 2 по Шульдту). Городок на Ловати

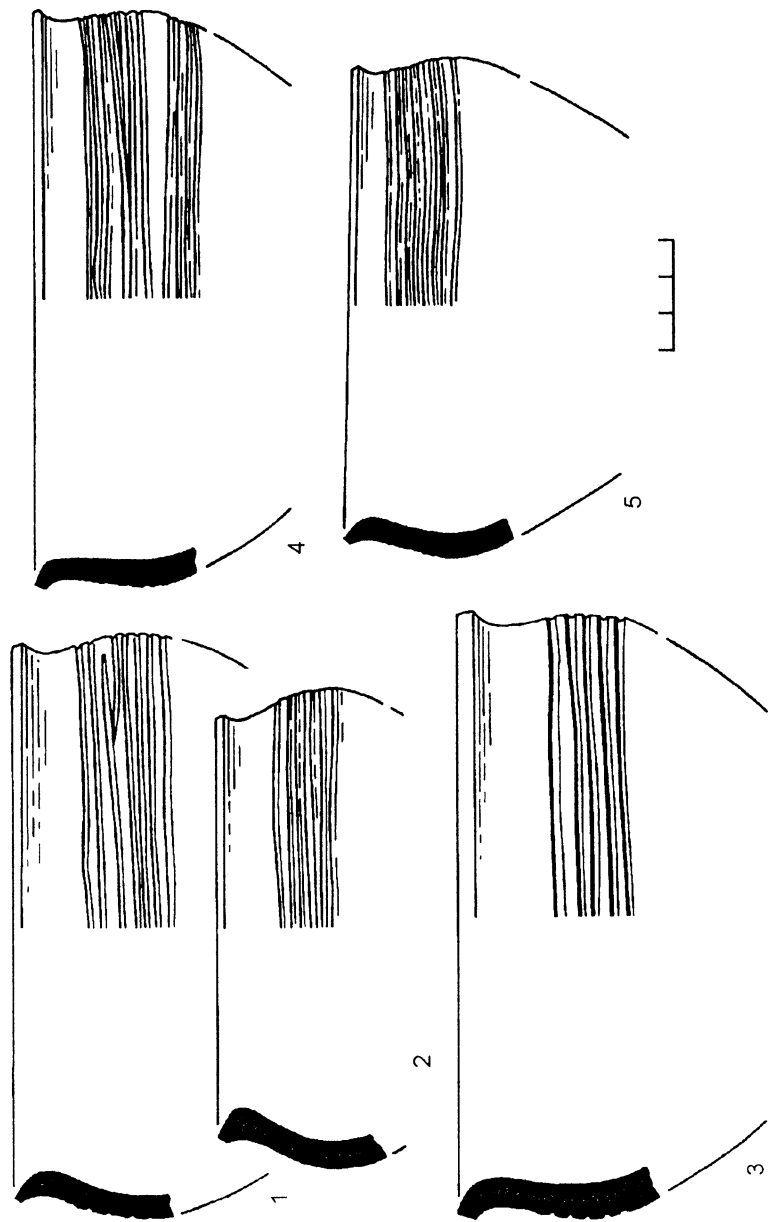

Рис. 12. Местное подражание фрезендорфскому типу второго варианта. Городок на Ловати

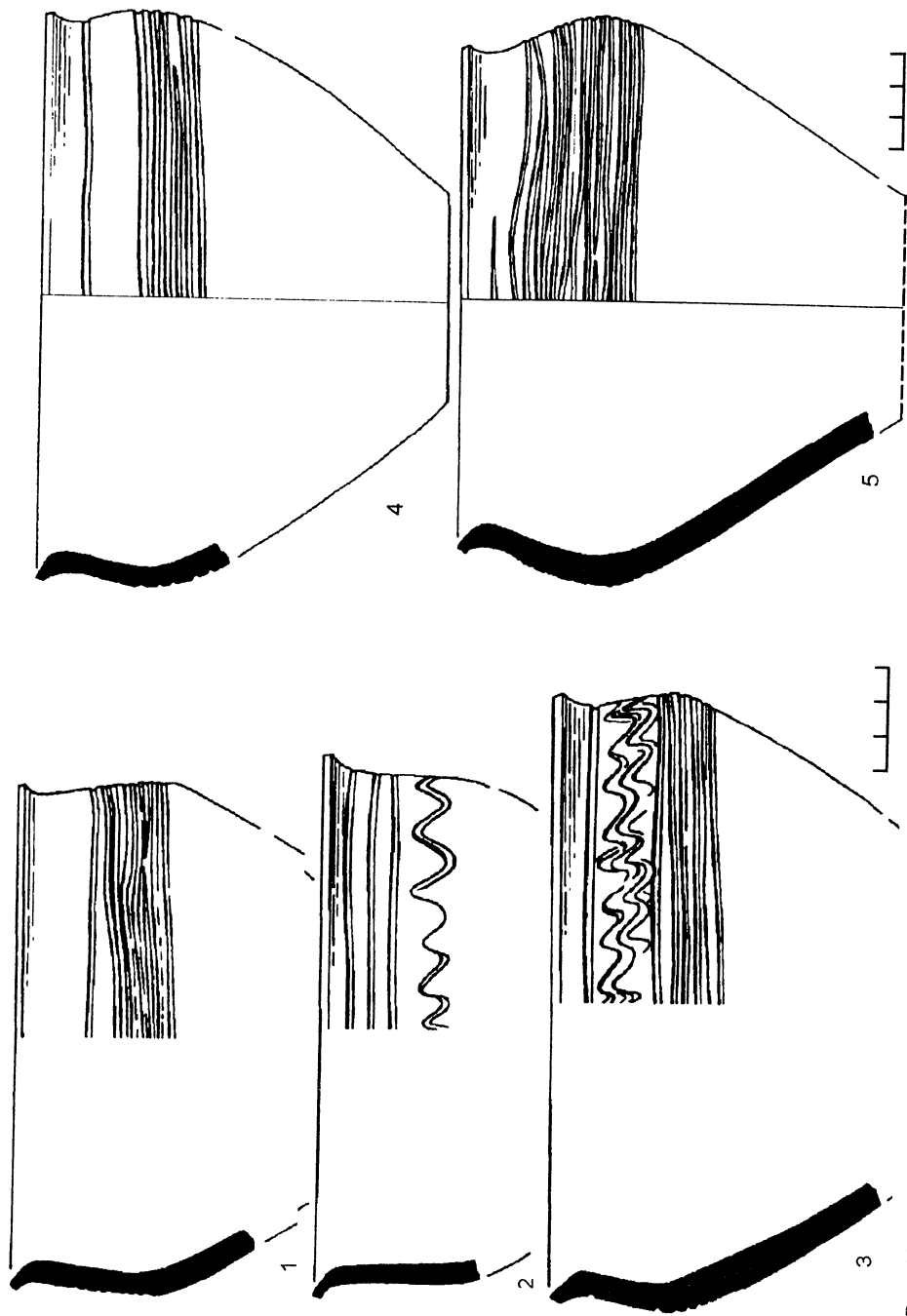

Рис. 13. Торновско-менкендорфский гибрид (1—3), местное подражание фрезендорфскому типу второго варианта (4, 5).
Городок на Ловати

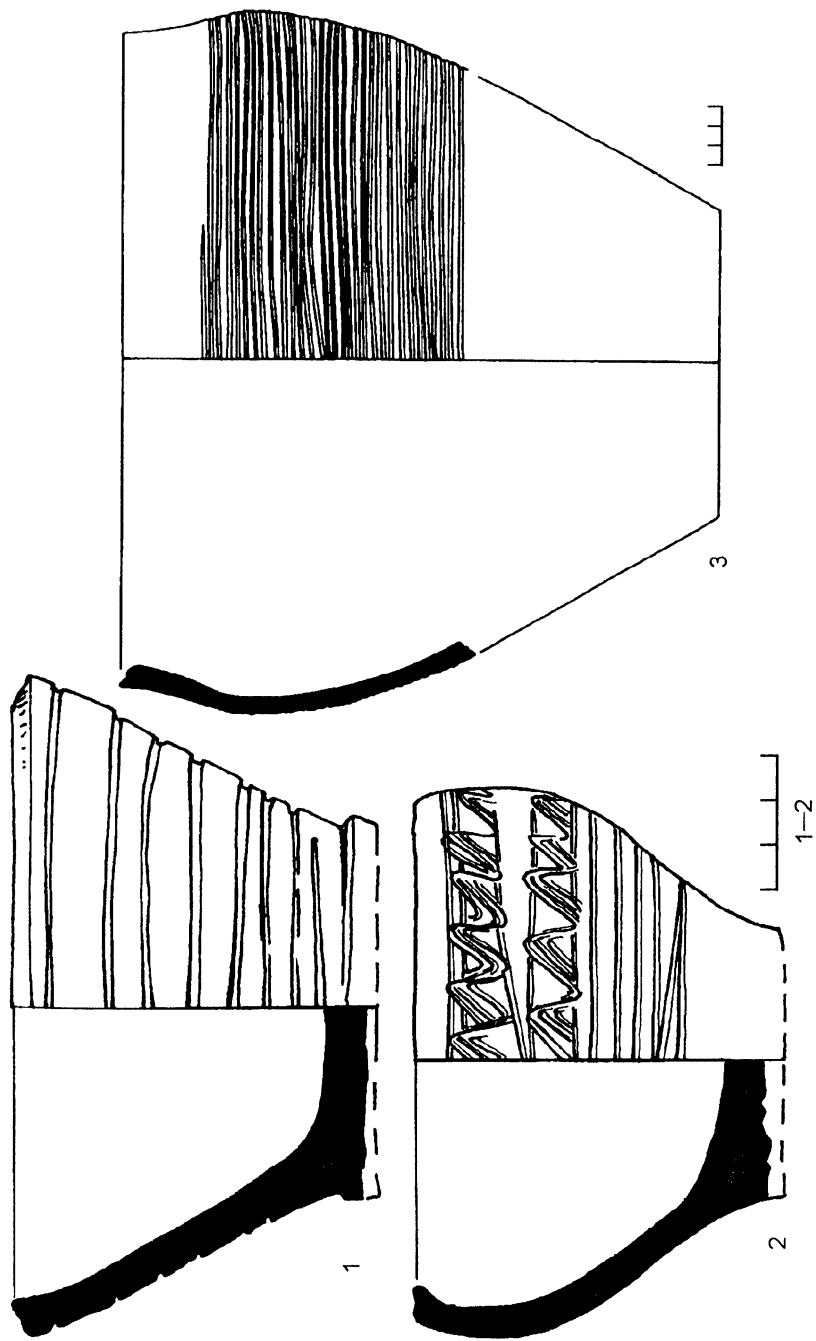

Рис. 14. Формы XI в. 1 — миска типа Гард, Новгород, 2 — тип Бобчин, Новгород; 3 — поздний Фрезендорф (тип Вардер), Рюриково городище

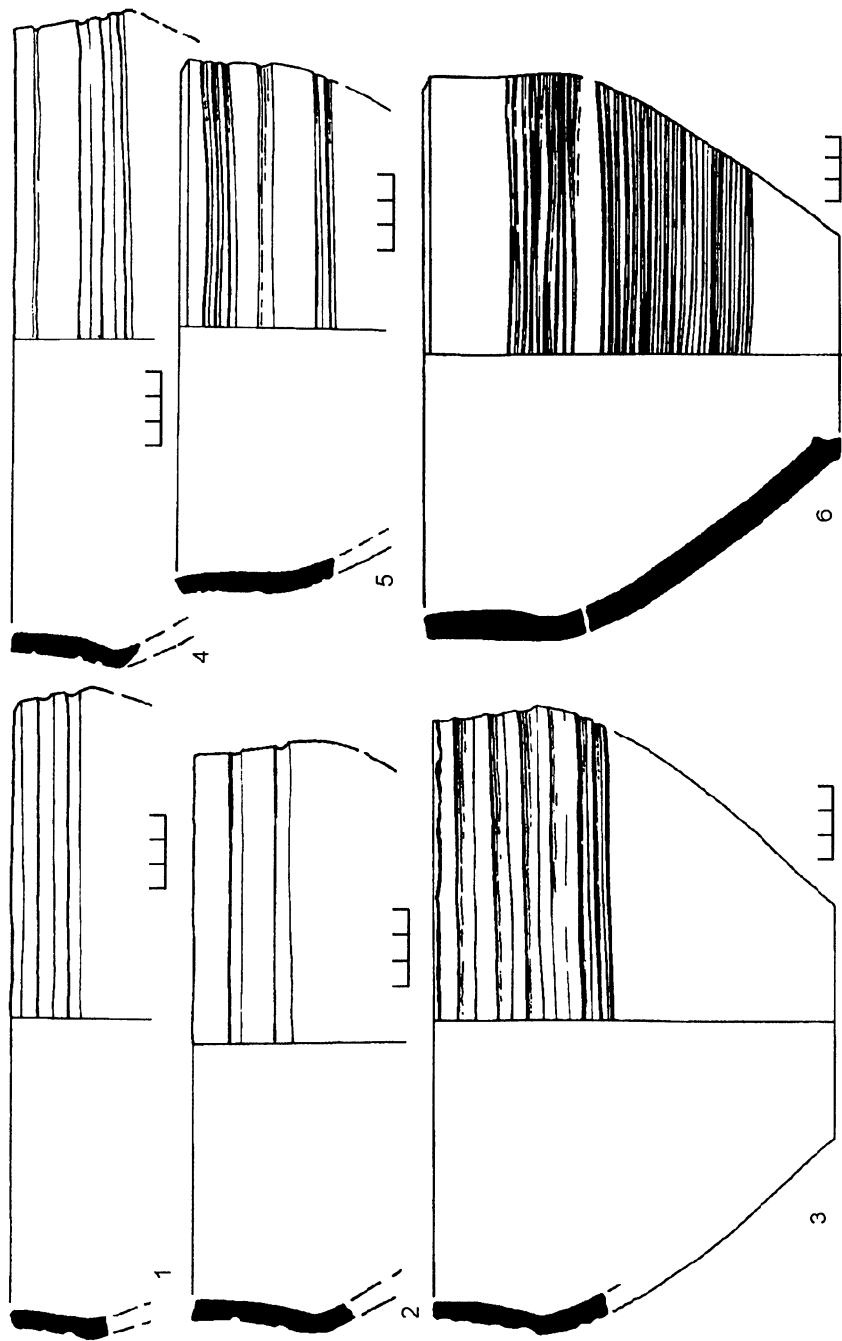

Рис. 15. Формы XI в. Поздний Фрезендорф (тип Вардер). 1, 4, 6 — Рюриково городище, 2, 3, 5 — Новгород

(Kempke 2001: 243; Taf. 273: 2; 284: 1—2; 292: 2, 9; 296). Горшки типа Вайсдин встречаются не только на западнославянских поселениях, но по всему Балтийскому побережью на скандинавских, датских памятниках, имеющих славянские керамические комплексы. В немецкой литературе появление данного типа объясняют влиянием на фельдбергскую посуду каролингских амфороподобных сосудов, украшенных налепными лентообразными валиками (Kempke 2001: 243). И, как следствие этого, время появления типа Вайсдин определяют X в. S-видные формы составляют самую позднюю группу данного типа, они характерны для слоев XI в. Ольденбурга, Щецина, Волина (Gabriel, Kempke 1991: 130, Abb. 15; 142; Cnotliwy и др. 1983: 219, rys. 187).

Типы Випперов и Вайсдин присутствуют в Пскове. На поселении в слое первой половины XI в. найден сосуд-зерновик с пышной многоваликовой орнаментацией (рис. 16: 2; Гроздилов 1962: 56, рис. 44), а на могильнике некоторые урны могут быть интерпретированы в качестве типа Випперов (рис. 16: 1; Кильдюшевский 1996: 142, рис. 3: а).

Бобцин и миски типа Гарц. Шарообразной формы сосуды с загнутым внутрь краем в западнославянских комплексах почти всегда сопровождаются конусообразными мисками, которые иногда служили для них крышками. И те, и другие составляют не более 5 % от общего числа керамических находок. Датируются с середины XI до конца XIII в. (Gabriel, Kempke 1991: 130, Abb. 15; 139, Abb. 22: 3, 4; 142; Kempke 2001: 243; Taf. 285: 5, 6; 294: 5, 12, 13; 299: 1—3). На территории Северо-Западной Руси известны в материалах Изборска (Белецкий 1975, 106—108) и в Новгороде на Троицком раскопе VII в материковой яме (рис. 14: 1, 2).⁴ Примечательно, что данная пара типов (горшок и миска) в Новгороде найдена в одном закрытом комплексе.⁵

Второй уровень проявлений западнославянского влияния в керамических материалах Северо-Запада Руси связан с возникновением местных гибридов, отдаленных реплик. Сосуды этой категории — либо результат неудачного подражания западнославянскому образцу, либо новый гибрид, который не имеет точных аналогий на территории Северной Польши и Германии. Как правило, такие сосуды представлены несколько большим числом фрагментов, чем предыдущая категория материала. Но местные мастера изготавливали их короткое время. Весь керамический материал второго уровня можно разделить на *четыре группы*.

⁴ Неопубликованные материалы из фондов Новгородского государственного объединенного музея заповедника. Инвентарные номера: А109/3244, А109/3245.

⁵ По наблюдениям А. В. Плохова данная пара сосудов была изготовлена местными гончарами. И горшок и миска при обжиге получили характерные, свидетельствующие о нарушении технологии, повреждения, что в дальнейшем и не позволило использовать их по назначению. Но сосуды использовались в быту, так как на горшке № А109/3244 (рис. 14: 2) видны отчетливые следы нагара как внутри его, так и снаружи.

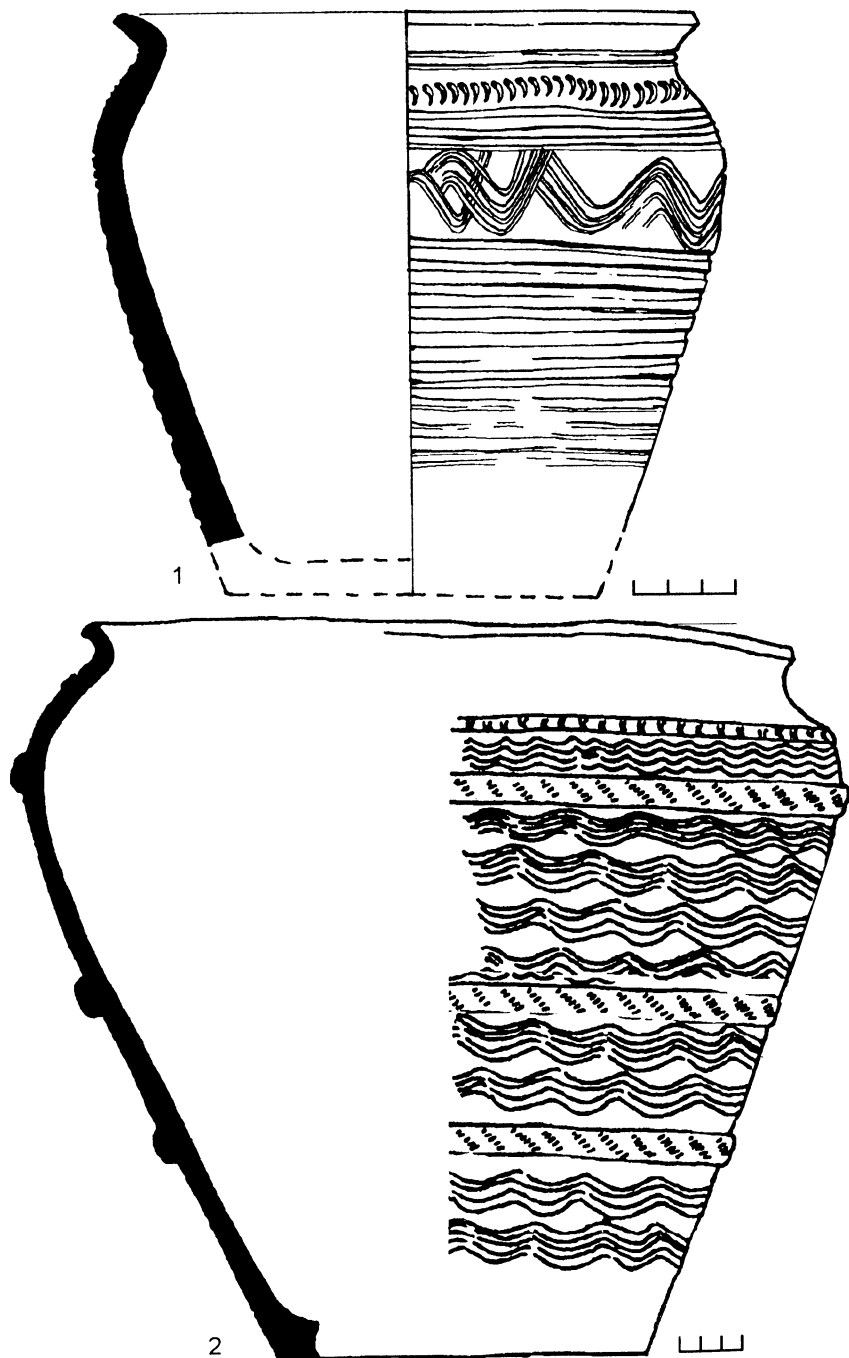

Рис. 16. Формы XI в. Псков. 1 — тип Випперов, 2 — тип Вайсдин

Первая группа представлена сосудами с так называемой «путаной» волной. В технологическом плане они являются переходом от лепной посуды к раннегончарной, несут на себе следы лишь первичной правки по венчику и верхней части сосуда (РФК-2). Изготавливалась эта посуда короткий период. По дендродатам Рюрикова городища и Старой Ладogi она была в употреблении не более 25—30 лет, начиная с 20-х гг. до середины X в. (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 84, 94, 113, 231, табл. 59, 299, табл. 127). Не так давно было высказано предположение, что толчком для создания посуды с «путаной» волной послужили первые импорты западнославянского происхождения — раннегончарные сосуды типа Фельдберг и Менкендорф (Горюнова, Лапшин 2004: 69). Горшки с «путаной» волной отражают попытку перехода от лепной техники к производству посуды на примитивном гончарном круге. Причислять сосуды с «путаной» волной к гибридным формам нельзя. Это скорее реплики не всегда точно повторяющие профилировку импортных образцов. Хотя, как уже отмечалось, гораздо больше аналогий этим формам мы можем найти среди менкендорфской посуды Северной Германии и Польши, чем среди местной массовой лепной керамики (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 84). Можно предполагать, что аналогичные процессы возникали и на территории Скандинавии. Они хорошо прослеживаются на примере материалов Каупанга. Среди массового керамического материала представленного местной лепной посудой изредка встречаются единичные фрагменты фельдбергских и ранних фрезендорфских горшков (Hougen 1993: Pl. 10: 1, 2, 8; Pl. 15: 5). Даже такая слабая «интервенция» спровоцировала появление многогорядной волны на сосудах типичной местной профилировки (Россия-Норвегия 2004: 290, № 46). Материал Каупанга по объему чрезвычайно мал и сильно фрагментирован, поэтому сопоставлять его с рассматриваемой группой керамики Рюрикова городища и Старой Ладogi сложно. Сложно и в силу того, что лепная керамика, на основе которой прослеживается данный процесс, в культурно-типологическом отношении не сопоставима, но процесс, по моему мнению, имеет общие причины и единый механизм развития.

Вторую группу составляют несколько реберчатых горшков. Наиболее яркий пример местной реплики западноевропейской формы мы имеем в случае с вариантом II-B-1 Рюрикова городища (рис. 17). На других памятниках, кроме Гнездилова (Лапшин, Горюнова 2004: 59, рис. 3: 2; 64), подобные формы не известны. На наш взгляд, они возникли под влиянием тех сосудов *гросс-раденского типа*, которые своим происхождением связаны с германским субстратным этническим компонентом (рис. 18). На это указывают следующие реликтовые черты: низко посаженное ребро, слегка прогнутая верхняя и выпуклая нижняя часть сосуда, тщательно заглаженная до легкой залощенности поверхность, штампованный орнамент. Время существования варианта II-B-1 ограничено третьей четвертью X в. Но в огрубленном виде, без заглаженности и с утратой некоторых элементов орнамента фрагменты

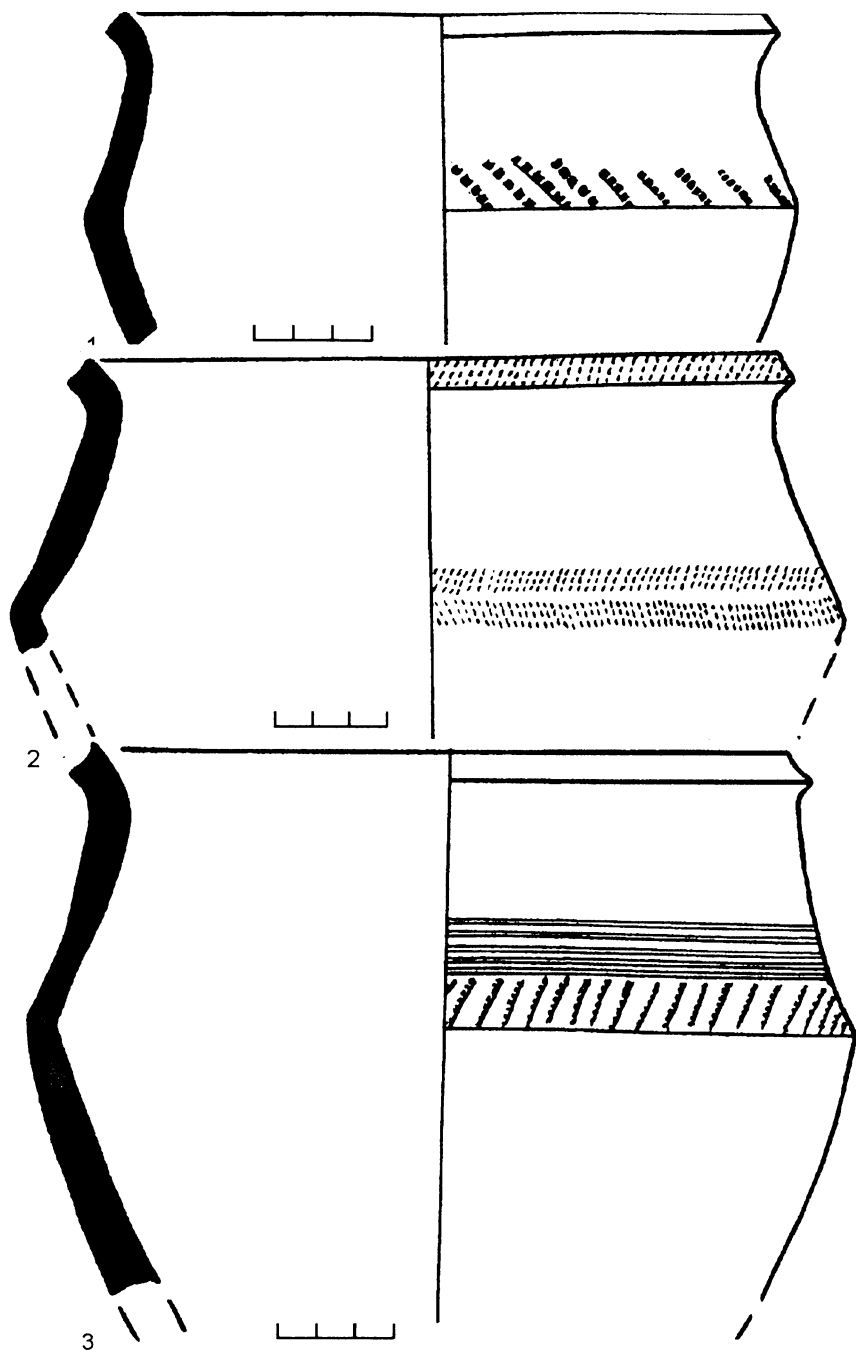

Рис. 17. Рюриково городище. Тип II--В-1

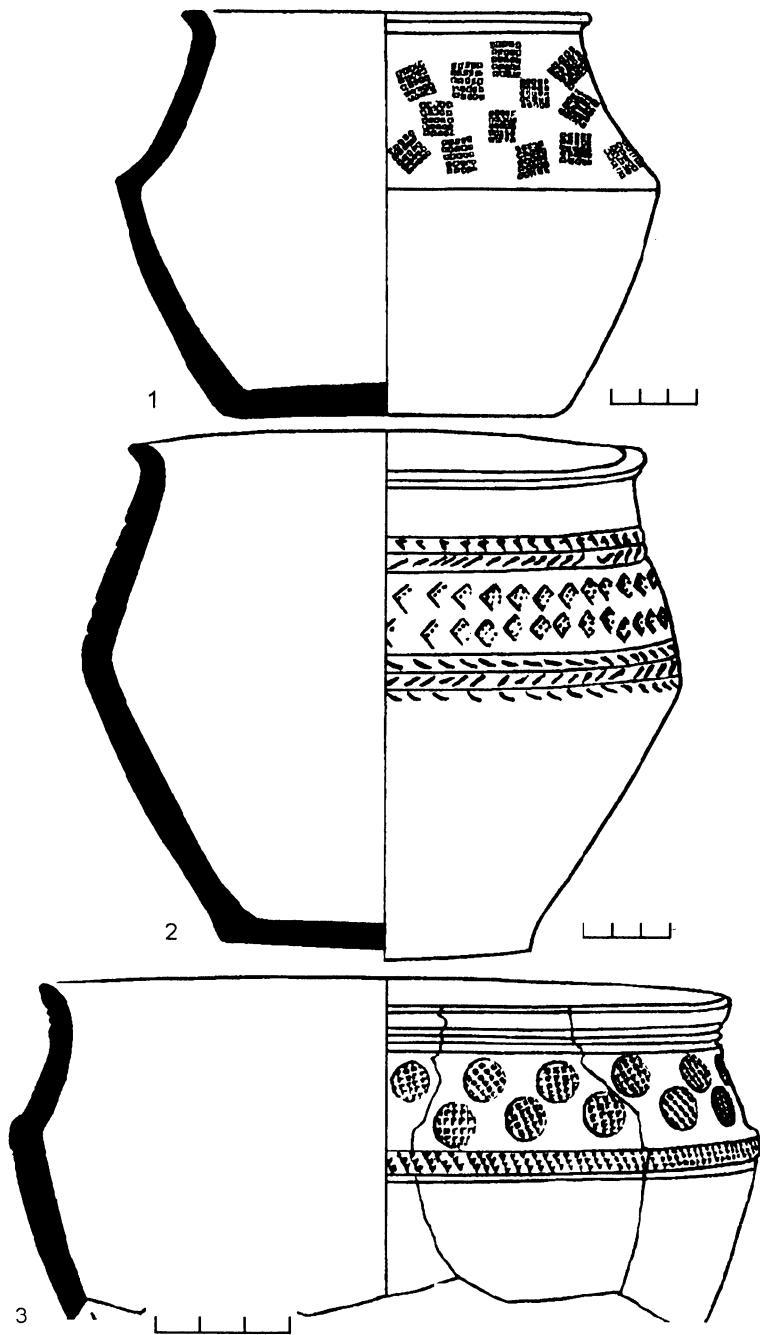

Рис. 18. Гросс-раденские формы, исходные для типа II—B-1 Рюрикова городища. 1 — Ольденбург, 2, 3 — Гросс Раден (Германия)

подобных сосудов встречаются вплоть до конца X в. (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 86—87).

Помимо варианта II-B-1 в коллекции Рюрикова городища выделено несколько других вариантов реберчатых типов, которые могут быть определены в качестве **торновско-менкендорфских** гибридов, созданных местными мастерами (рис. 10: 4). В некоторых случаях мы можем лишь предполагать, что появление реберчатости в профилировке сосуда, вероятно, было связано с западнославянским влиянием (рис. 10: 1, 3). Датируются такие реберчатые сосуды на Рюриковом городище последними десятилетиями X в. В Пскове, в горизонте Е (рис. 25: 1) и в Старой Ладогe, в горизонте Д (рис. 19: 3) известно по одному фрагменту от сосудов подобной формы. Два фрагмента из того же горизонта Старой Ладоги можно трактовать в качестве фрагментов от сосудов торновско-менкендорфских гибридов (рис. 19: 2, 4).

Третья группа связана с влиянием классического Фрезендорфа, украшенного псевдо-валиковой орнаментацией. Это, прежде всего, сосуды, форма которых представляет собой хорошо выраженную реплику данного типа. Но в отличие от классического Фрезендорфа они получили более выраженный, нередко отогнутый наружу венчик, несколько иную профилировку, сохранив валик под венчиком, типичные фрезендорфские пропорции, а иногда и приемы орнаментации (рис. 24). Такие сосуды представлены в значительном количестве в культурном слое третьей четверти X в. Новгорода (тип IV; дата по Троицкому X раскопу). Незначительное число подобных форм (тип III-B) обнаружено на Рюриковом городище (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 254, табл. 82: 5, 83: 5; 260, табл. 88: 5). Не исключено, что прототипом для них могли служить искаженные формы Фрезендорфа (или фельдбергско-менкендорфские гибриды с влиянием Фрезендорфа) из польского Поморья (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 88). Присутствие в Городке на Ловати группы сосудов фрезендорфского типа второго варианта (с бедной линейной орнаментацией лишенной валиков, наколов и штампов), провоцировало появление реплик и подражаний данному варианту (рис. 12; 13: 4, 5).

В эту же группу можно включить возникшие в среде северо-восточного гончарного производства фрезендорфско-менкендорфские гибриды с чертами классического Фрезендорфа с валиками и Менкендорфа второй группы по Э. Шульдту. Сосуды подобного облика представлены в коллекциях Пскова (рис. 25: 2), Рюрикова городища, Городка на Ловати, Новгорода и в могильниках Боково и Деревяницы (рис. 22; 23). В могильниках — это целые сосуды, а в культурном слое городов мы имеем буквально по одному фрагменту горшков на каждый памятник, за исключением Новгорода, где данная форма сосудов составляет устойчивую серию (рис. 23). Хронологическая позиция второй группы второго уровня проявлений западнославянского влияния в керамических материалах Северо-Запада Руси определяется рамками вто-

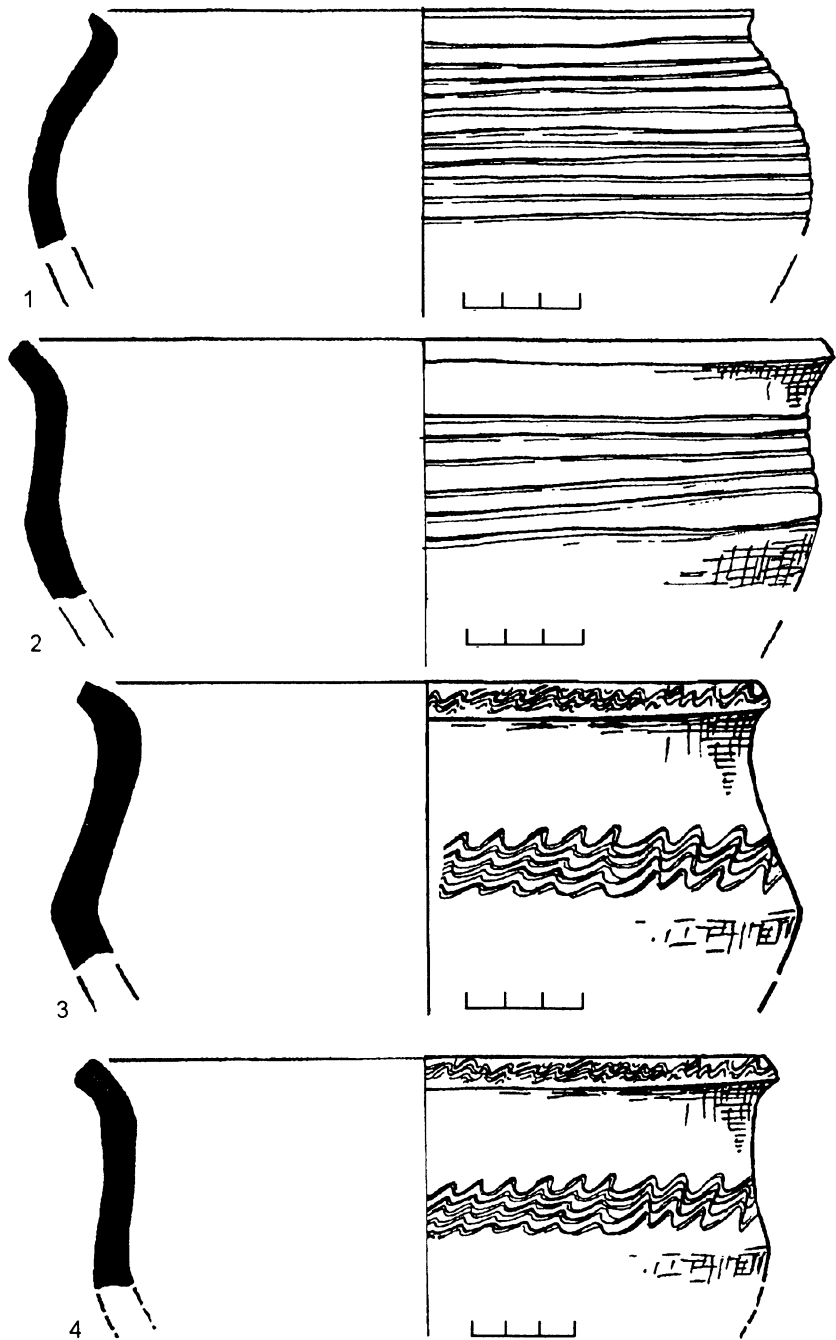

Рис. 19. Старая Ладога. 1 — тип Фрезендорф, 2, 4 — торновско-менкендорфский гибрид, 3 — подражание (?) менкендорфскому типу

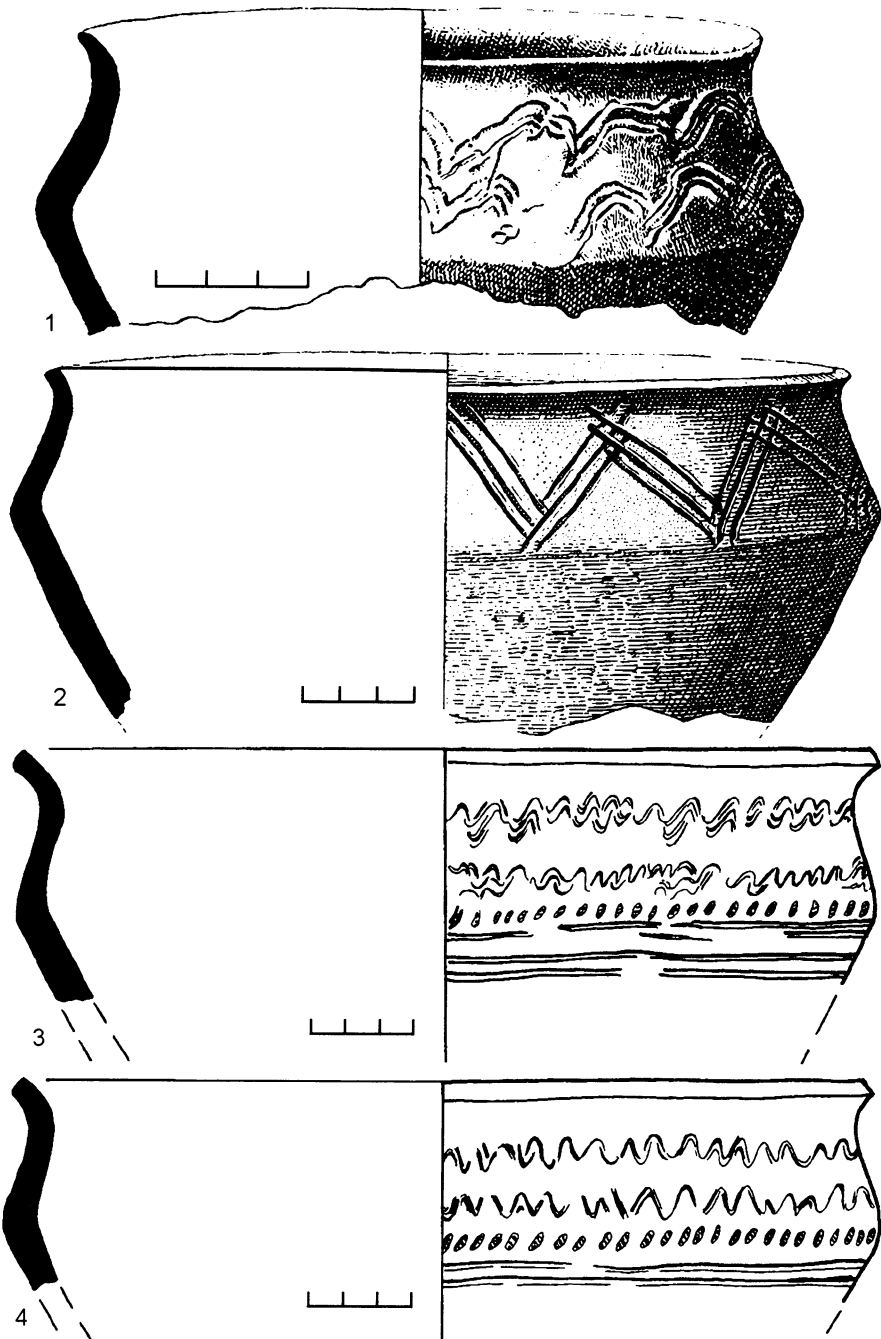

Рис. 20. 1, 2 — Менкендорфский тип (Германия) по Э. Шульдту 1956; 3, 4 — подражание Менкендорфу (Новгород)

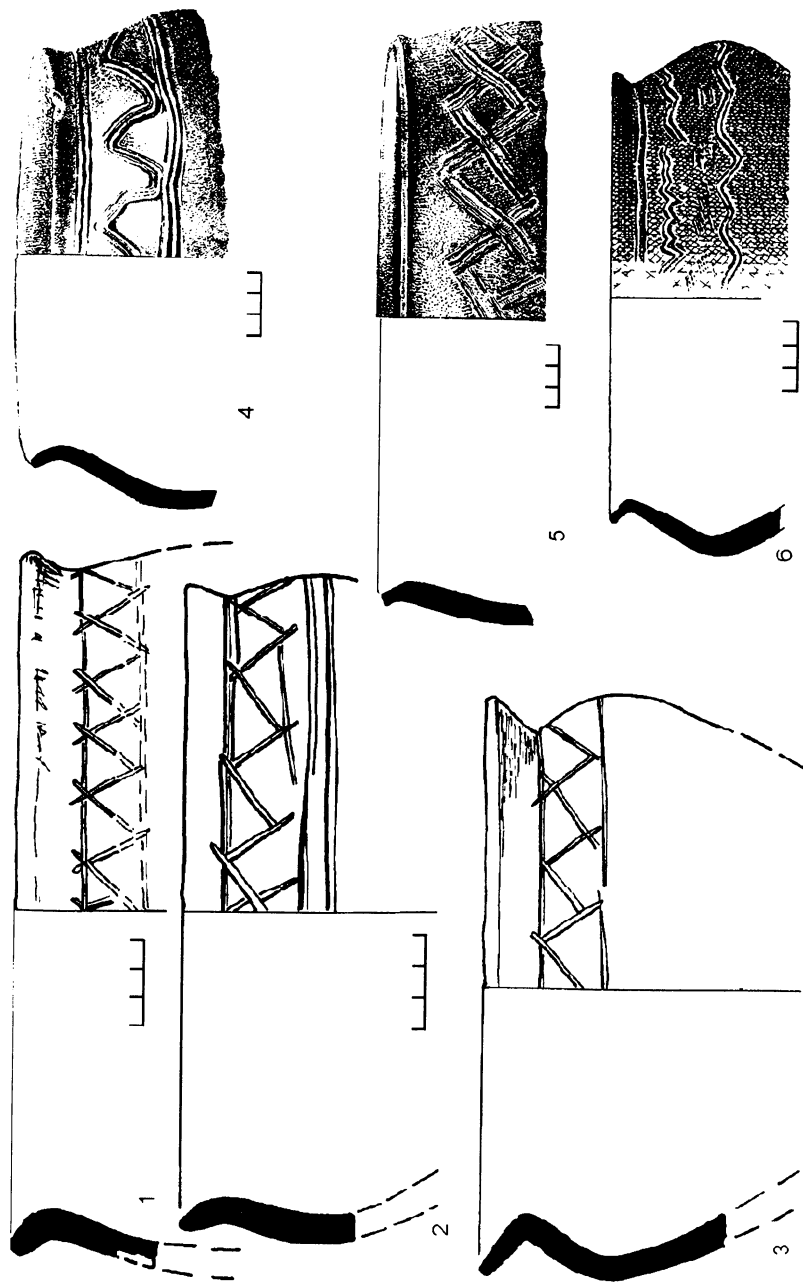

Рис. 21. 1—3 — предполагаемое подражание менкендорфскому типу (Новгород); 4, 5 — менкендорфский тип по Э. Шультцу 1981 (городище Гросс Раден); 6 — менкендорфский тип по Э. Шультцу 1956 (городище Бобчин)

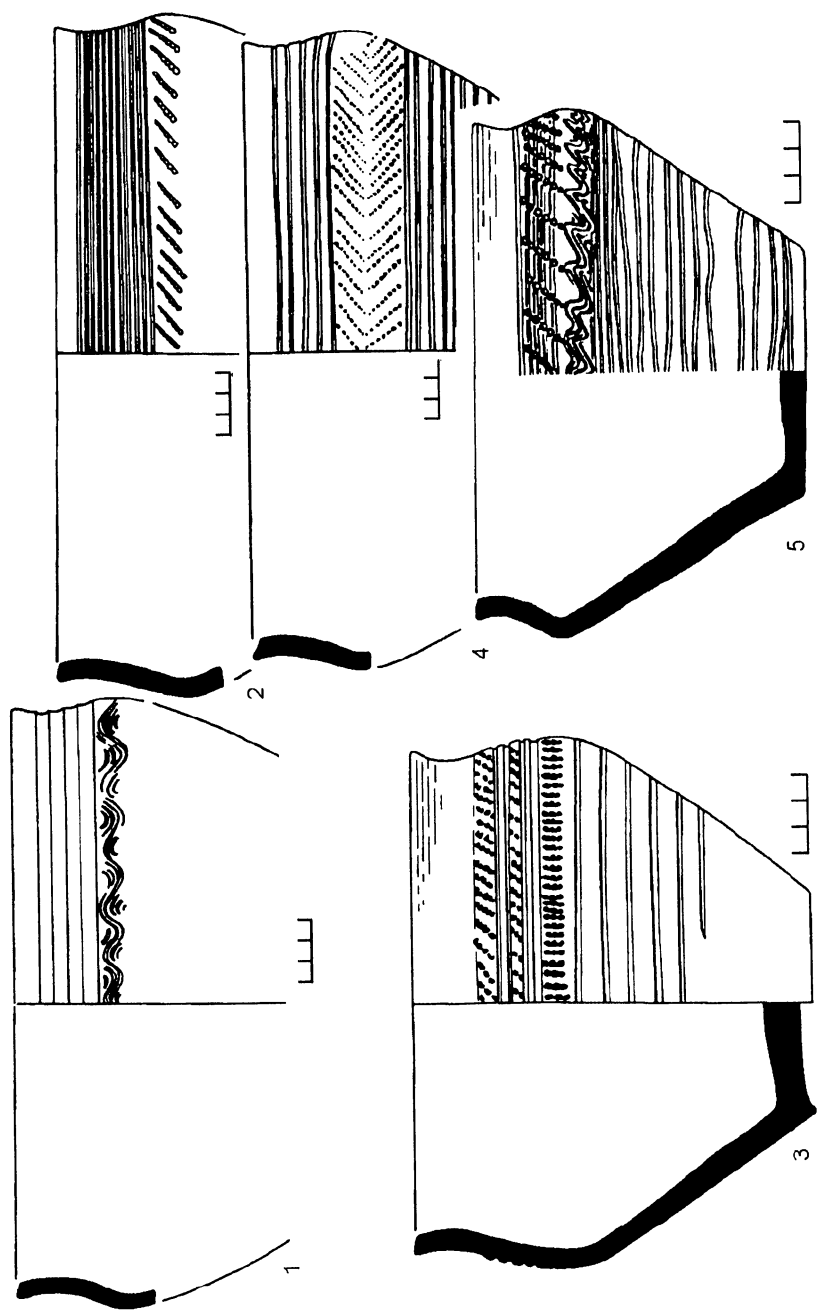

Рис. 22. Фрезендорфско-менкендорфский гибрид. 1, 4 — Рюриково городище, 2 — Городок на Ловати, 3 — могильник Деревяницы, 5 — могильник Боково (курган № 20, погребение № 1)

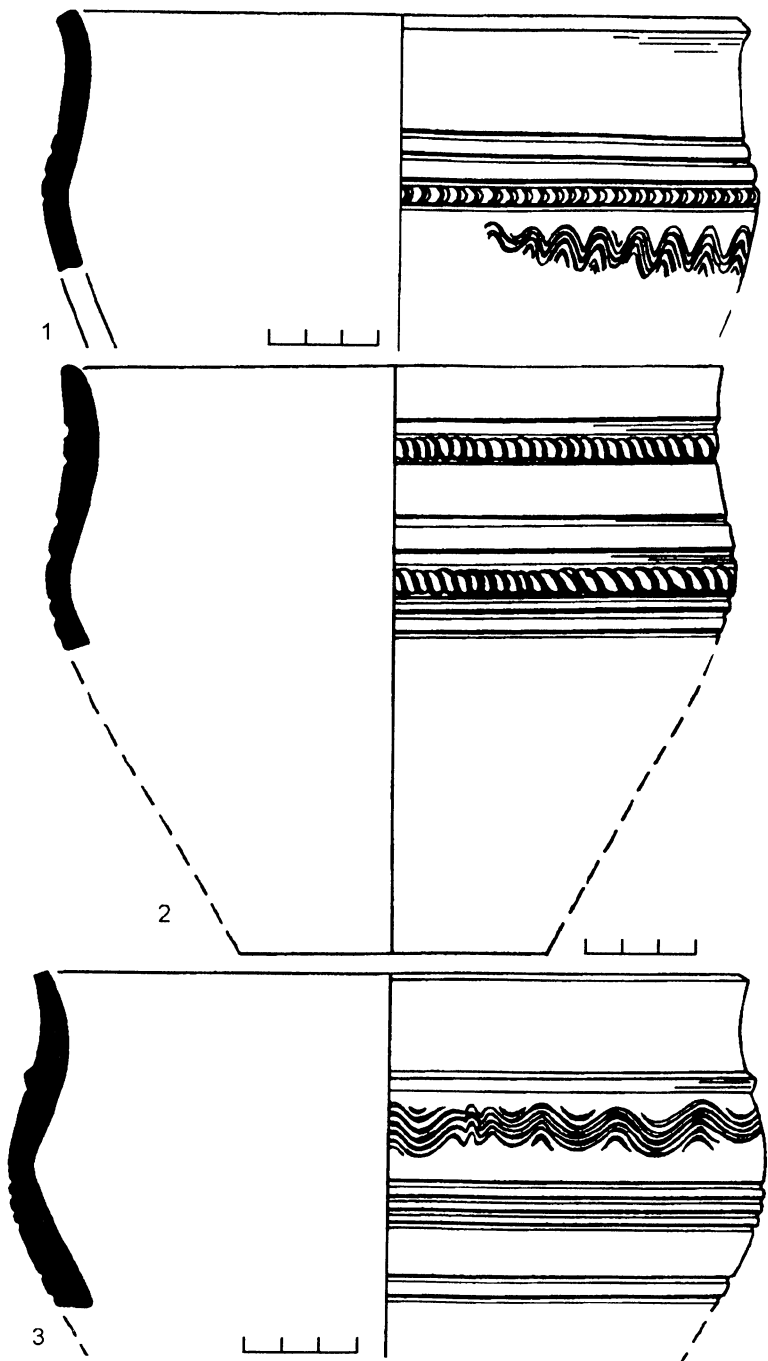

Рис. 23. Фрезендорфско-менкендорфский гибрид. Новгород

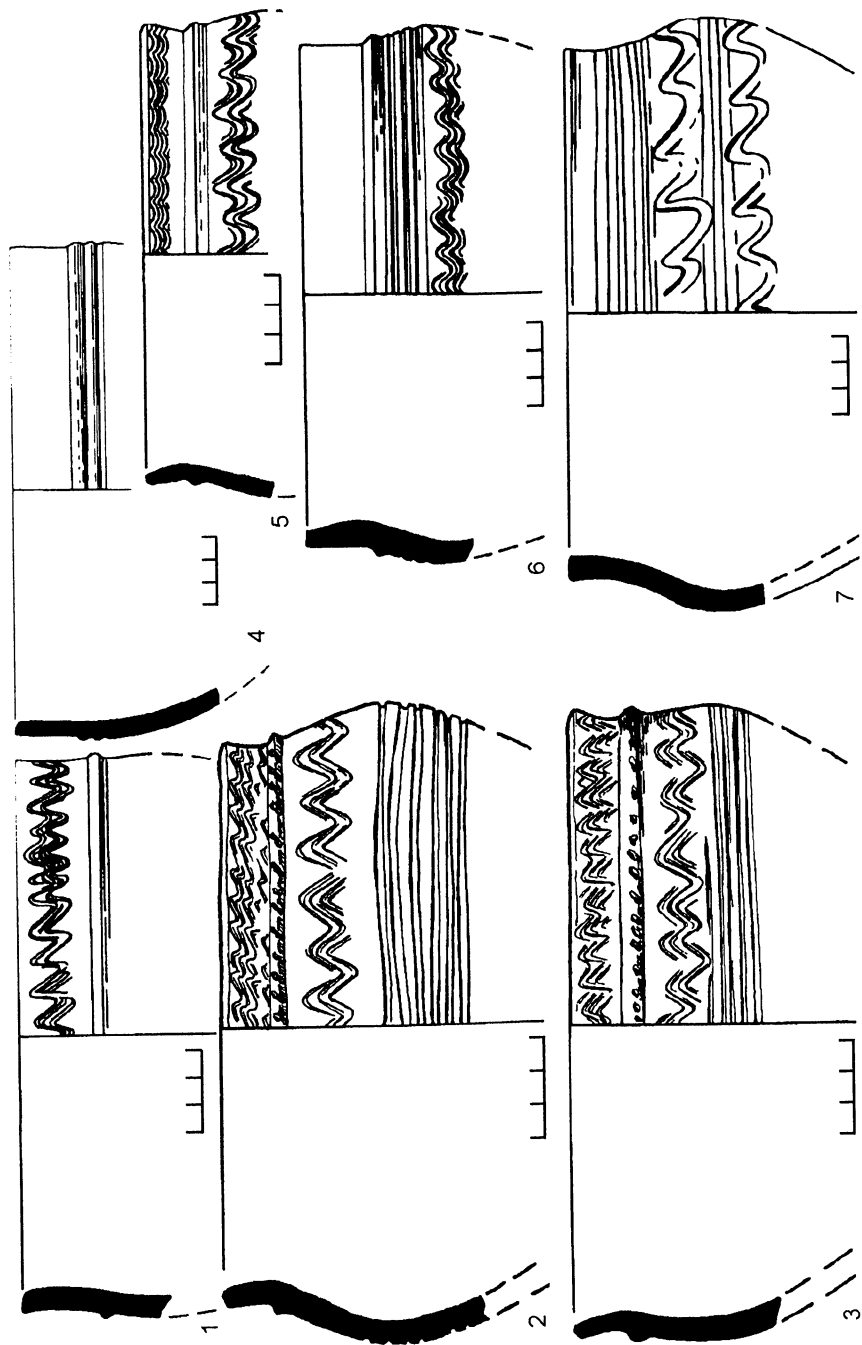

Рис. 24. Реплика классического Фрезендорфа. Новгород (группа IV)

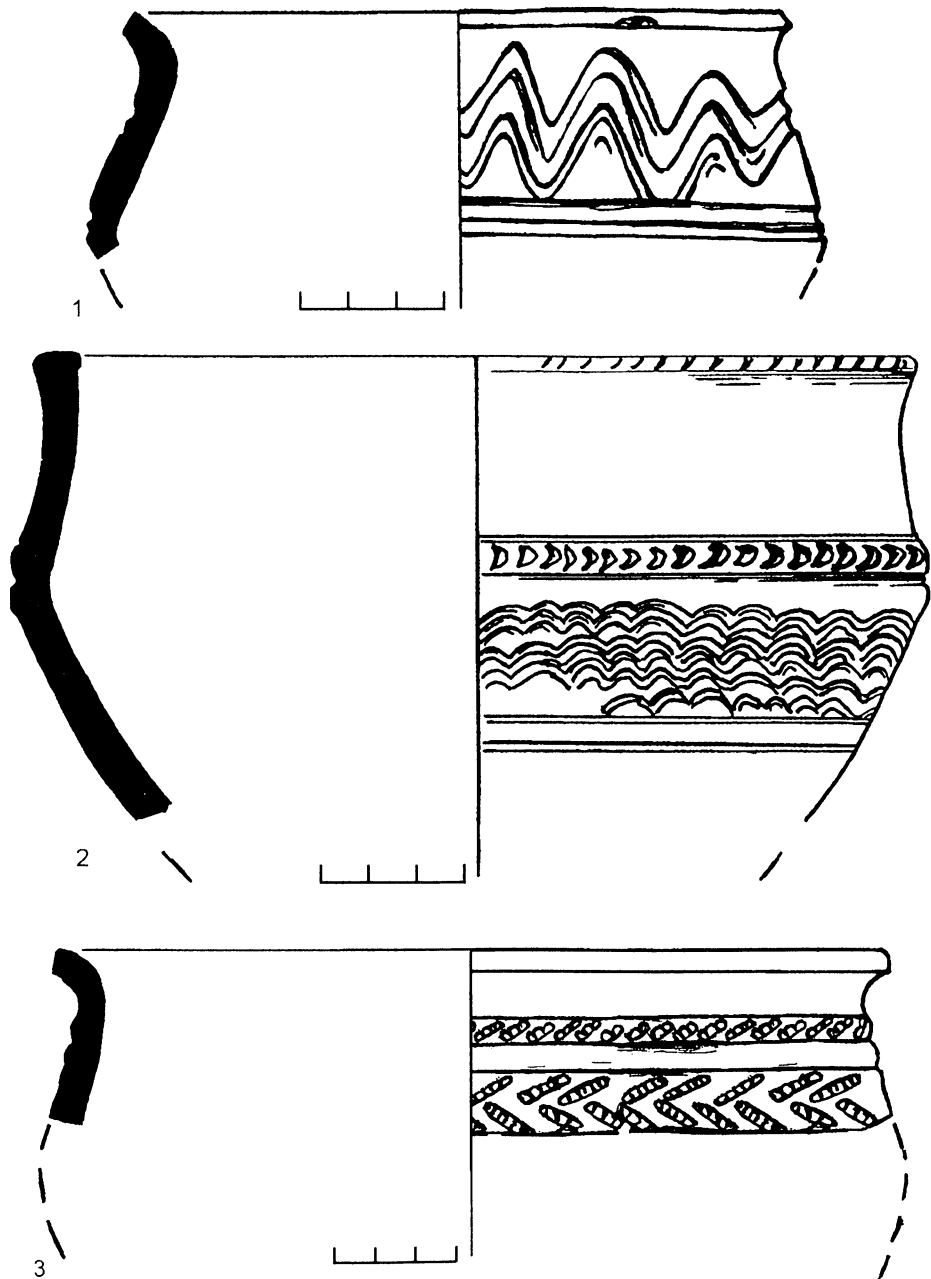

Рис. 25. Гибридные формы Пскова

рой половины X в. (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 95, 96, 104, табл. Б, 120, 248, табл. 76).

Четвертая группа составлена формами, появление которых можно объяснить (*с небольшой долей вероятности*) лишь *отдаленным влиянием* менкендорфского типа. В предматериковых отложениях культурного слоя Новгорода на Троицком XI раскопе (пласт 21) известно несколько вариантов таких сосудов.

Это мискообразные сосуды с ребром в верхней трети. Венчик у них более длинный, чем у исходных менкендорфских реберчатых форм, и плавно отогнут, тулово имеет угловатый почти ребристый излом. Налет западнославянского влияния можно усмотреть также в применении оттисков гребенки (ср.: рис. 20: 3, 4 и рис. 20: 1, 2 — по Schuldt 1956: Abb. 8 i, k; Schuldt 1981: Taf. 61 h).

Другой вариант возможного менкендорфского влияния представлен сосудами совершенно архаичного вида. Они были подвергнуты незначительной правке на гончарном круге, на некоторых экземплярах ее с трудом можно обнаружить. Венчик не имеет горизонтального среза ножом, а орнаментация нанесена явно без помощи гончарного круга, что, возможно, и привело к возникновению вместо волны треугольников и поперечных линий. Данные керамические формы нестандартны, они производят впечатление подражания посуде технологически более совершенной. Некоторые формы такого рода посуды имеют лишь весьма отдаленные аналогии в группе Менкедорф (ср. рис. 21: 1—3 и рис. 21: 4—6 — по Schuldt 1956: Abb. 8d; Schuldt 1981: Taf. 26k; 36c). Несомненно, что и в первом, и во втором случае мы имеем дело с вариантами форм местного производства.

К *третьему уровню* проявлений влияния западнославянской керамики на формирование раннегончарных комплексов городов Северо-Западной Руси относятся сосуды двух типологических групп — *группы III и V* по новгородской классификации (рис. 27: 1—3; 28: 3, 4). Возникновение этих групп было спровоцировано формами из первого или второго уровня. Сосуды данных типов сохраняли лишь какую-то часть типологических признаков «материнских» и промежуточных форм, либо пропорции, либо приемы орнаментации, но при этом, непременно, имели более усложненную профилировку своей верхней трети. В отличие от посуды, составляющей первый или второй уровень, им принадлежит вполне ощутимая доля керамического материала, например, в коллекции Новгорода — до 10—11%, и встречаются они на всех раскопанных площадках этого памятника.

Группа III состоит из горшков с вертикальным горлом, украшенных многоячеистой орнаментацией в сочетании с наколами и штампами и линейно-волнистым орнаментом. Возникновение данной группы посуды, несомненно, связано с влиянием гибридных форм типа Фрезендорф, которые на Рюриковом городище, в Новгороде и некоторых памятниках его округа были постоянной составляющей керамического комплекса последней четверти X в.

В новгородских слоях мы имеем наиболее разнообразный набор гибридов, подражаний и реплик фрезендорфского типа (рис. 23; 24). Причем одна часть таких сосудов, как уже отмечалось выше, генетически явно связана с некоторыми формами польского Поморья, а другая, несомненно, принадлежит творчеству местных мастеров. В новгородской керамической коллекции из таких сосудов можно составить почти полный генетический ряд: от классического Фрезендорфа до классического горшка с вертикальным горлом (рис. 26; 27).

Группа V объединяет многоваликовые S-видной профилировки сосуды, также украшенные, помимо валиков, штампами и линейно-волнистым орнаментом (рис. 28: 3, 4). По моему мнению, исходной формой для V группы Новгорода послужил гросс-раденский многоваликовый горшок, появившийся на Рюриковом городище, вероятно, в третьей четверти X в. (рис. 28: 1). В Новгороде отсутствуют формы, которые связывали бы исходный тип и V группу новгородской раннегончарной керамики, но на роль промежуточного звена может претендовать горшок из могильника Пскова (рис. 28: 2). К тому же, в Пскове существовал набор многоваликовой посуды, повторяющей профили новгородских сосудов V группы (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 99—100, 116—117).

Эти два примера самобытной трансформации инновационных западнославянских элементов являются единственными для Северо-Западной Руси. В выработке этих двух новых для городского раннегончарного производства типов посуды особая роль принадлежит новгородским мастерам. Причастность псковского гончарного производства второй половины X—начала XI вв. к переработке западнославянских элементов можно пока лишь предполагать в силу относительной ограниченности псковской керамической коллекции этого периода, но в Пскове алгоритм развития этих двух групп посуды аналогичен новгородскому. Как в Новгороде, так и в Пскове возникновение обеих групп фиксируется где-то в самом конце X—начале XI вв., утрата пышной, многоваликовой орнаментации группой III—к середине XI в., а группа V к этому времени вообще прекращает свое существование полностью (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 104, табл. Б; 105, 115).

Подводя итоги, следует особо подчеркнуть, что катализатором процесса внедрения западнославянской гончарной продукции в среду гончарного производства раннегородских центров Северо-Восточной Руси, послужили не столько экономические причины, сколько социально-политические. Появление Фельдберга на Рюриковом городище, в Гнездилове под Суздалем было результатом социально-политического катаклизма, который нарушил функционирование больших городищ в районах Мекленбурга и Бранденбурга в середине IX в. Разорение и вытеснение с исконных территорий носителей высокотехнологичного процесса изготовления керамики фельдбергского типа привело в течение второй половины IX в. к переселению какой-то части на-

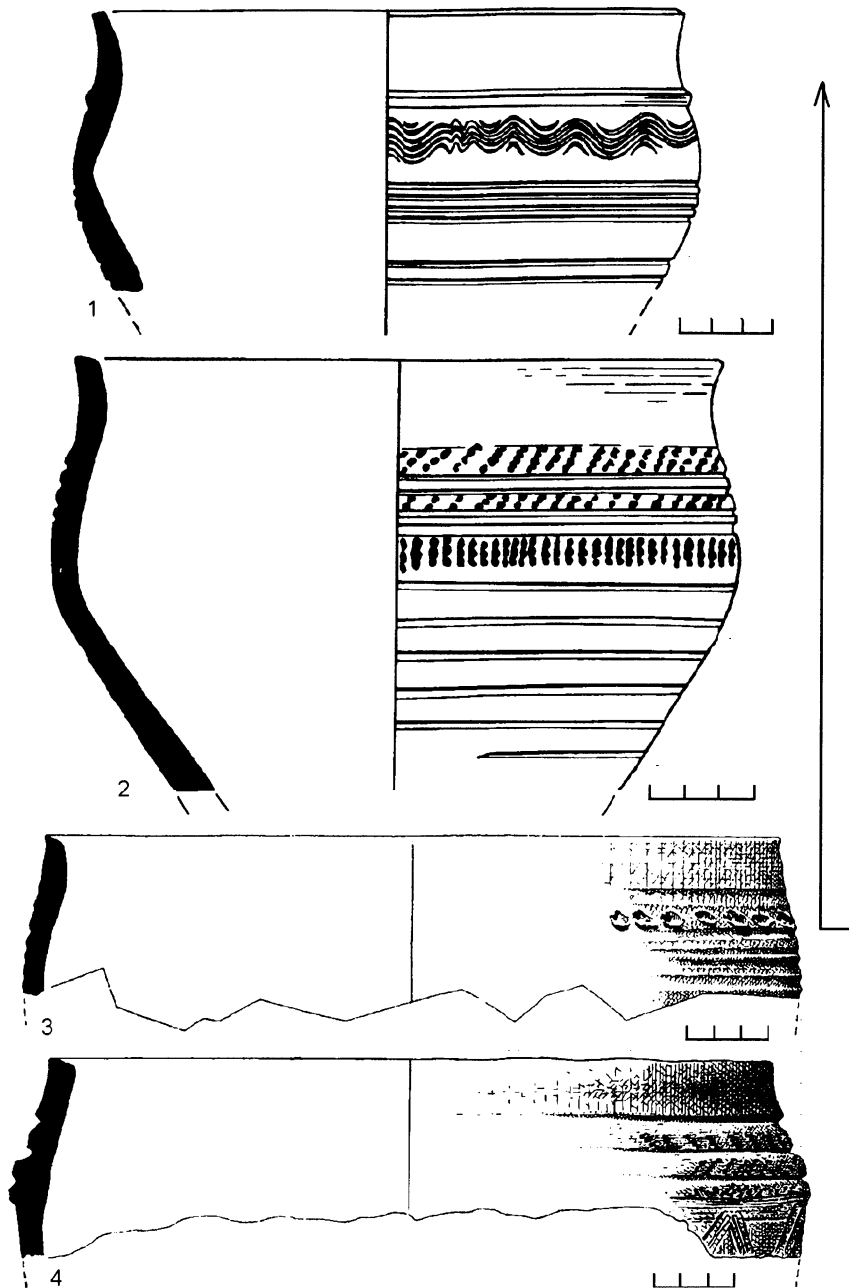

Рис. 26. Схема формирования группы III по новгородской классификации. 1, 2 — фрезендорфско-менкендорфский гибрид (местное подражание); 1 — Новгород, 2 — Деревяницы). 3, 4 — Фрезендорф по Э. Шульдту. ↑ — направление развития группы

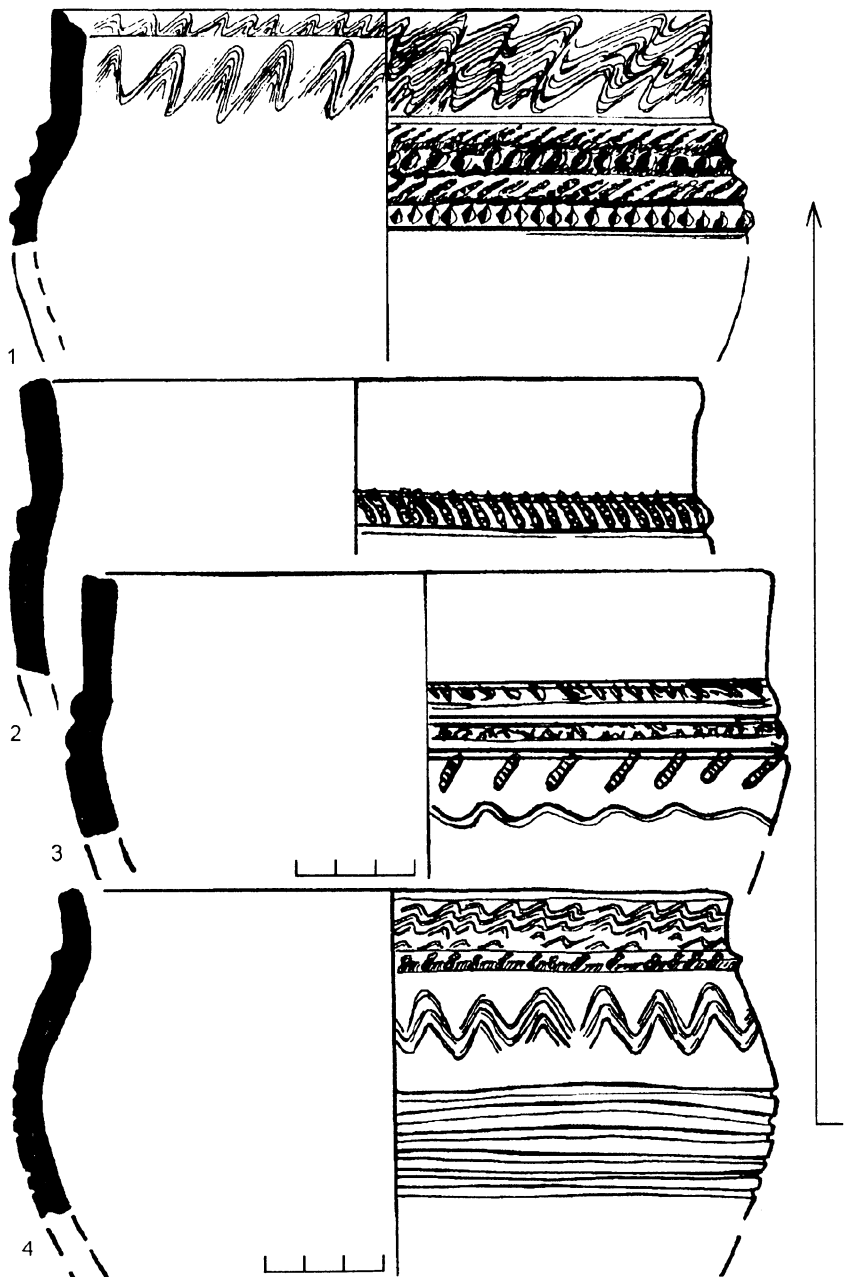

Рис. 27. Схема формирования группы III по новгородской классификации (продолжение). 1—3 — группа III; 4 — подражание фрезендорфско-менкендорфским гибридам. 1—4 — Новгород. ↑ — направление развития группы

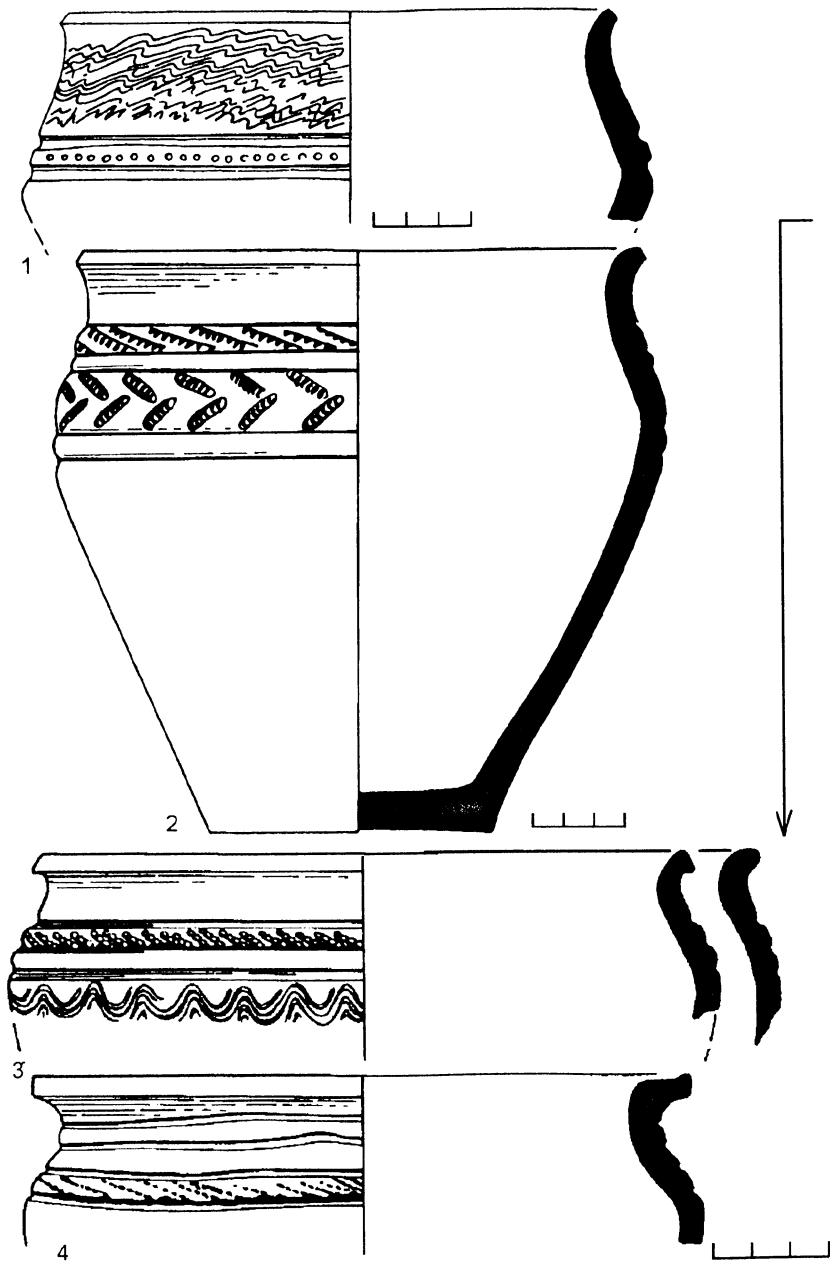

Рис. 28. Схема формирования группы V по новгородской классификации. 1 — gross-раденский тип (Рюриково городище); 2 — промежуточная форма (могильник Пскова); 3—4 — группа V (Новгород). ↓ — направление развития группы

селения в достаточно удаленные центры, расположенные на торговых магистралях, ведущих далеко на восток (Горюнова 1994: 74—75; Горюнова, Лапшин 2004: 68—69). Общеизвестно, что фельдбергские горшки, встреченные на ключевых поселениях Балтийского региона, маркировали торговый путь. Первоначально, под влиянием фельдбергских и первых менкендорфских образцов возникают попытки перехода от лепной техники к производству посуды на примитивном гончарном круге. Результаты таких опытов нашли свое выражение в создании уникальной, переходной в технологическом плане (от лепной к раннегончарной) группы посуды, украшенной так называемой «путаной» волной.

Так в первых десятилетиях X в. был запущен процесс регулярного проникновения по торговым путям на Северо-Запад древней Руси различных типологических форм западнославянской посуды из различных регионов западной Балтики. Наибольшее выражение этот процесс получил во второй половине X в. Поскольку местное раннегончарное производство находилось в стадии становления,⁶ местных гончаров попрежнему привлекали новые формы, о чем свидетельствует возникновение подражаний и гибридов, не имеющих аналогов на западе, и так как выработка стандартов не была закончена, мастера пытались «пустить в оборот» новые идеи в формообразовании.

Появление в керамическом раннегончарном комплексе Северо-Западной Руси реплик и неудачных подражаний западным формам или местных гибридов, объединяющих признаки двух классических западнославянских типов, говорит о возросшей частоте контактов именно в данной сфере производства. Это с одной стороны. С другой стороны, данные явления свидетельствуют о готовности местного гончарного производства к принятию новаций, что, в свою очередь, свидетельствует о сближении уровней производственного развития между двумя контактирующими областями. Начиная с первых десятилетий X в. и на всем его протяжении гончарное ремесленное производство северных древнерусских городов входило в общую систему влияния за-

⁶ По А. Бобринскому уровень гончарного производства третьей четверти и большей части последней четверти X в. соответствовал переходу от второй к третьей стадии развития функций гончарного круга (РФК-2/РФК-3). Сосуд с помощью круга был правлен снаружи на всю высоту, а изнутри только в верхней трети, до плечика. И лишь некоторая часть посуды несет признаки третьей стадии развития функций гончарного круга (РФК-3). На этой стадии к вышеописанной правке добавлялась частичная профилировка края венчика: он получал легкие оттяжки вверх или вниз, по его срезу намечался легкий желобок. Такие уровни развития гончарного круга соответствуют стадии становления ремесленного производства, продукция которого в большей своей части изготовлялась на заказ или обслуживала территорию в радиусе не более 8 км, иногда до 20/30 км (Бобринский 1978: 26—37).

паднославянского гончарного производства на весь балтийский регион, включая и скандинавские территории. В результате этого влияния к рубежу X—XI вв. местными гончарами были выработаны два новых стандарта — группы III и V (по новгородской классификации).⁷ В XI в. продолжали поступать западнославянские импорты — сосуды типов Вайсдин, Випперов, Бобцин, некоторые поздние формы Фрезендофа, но они уже не вызывали к жизни ни подражаний, ни реплик, так как общий технологический уровень гончарного производства Северной Руси полностью соответствовал западнославянскому. Местная продукция была уже достаточно стандартизована (появились сосуды с уровнем РФК-4). На таком уровне развития ремесла посуда стабильно сбывалась на рынке, мастера обслуживали территорию в радиусе 20—30 км (Бобринский 1978: 33). Чтобы запустить процесс внедрения новаций, были необходимы технически более совершенные образцы керамического производства.

Свидетельством достаточного (для своего времени) уровня развития раннегончарного производства Северной Руси служит не только индифферентность к новым формам. Начиная с XI в., мы можем наблюдать явление обратное тому, что происходило в балтийском регионе в X в. Вся Швеция XI в. делится на две зоны влияния. Юго-западная часть — это зона распространения форм однозначно связанных только с западнославянским гончарным производством. А районы древней Сигтуны, Средней Швеции, отчасти Готланда с рубежа X—XI вв. находятся под влиянием новгородского гончарного производства (Roslund 1992: 167—173). Наряду с массовой S-видной формой посуды, аналогичной новгородской группе I (подгруппы 1и 2) и группе II (Носов, Горюнова Плохов 2005: табл. 111: 4, 5; 112, 113), в культурных отложениях Сигтуны XI в. присутствуют горшки с цилиндрическим горлом и пышной валиковой орнаментацией, аналогичные новгородской группе III.

Появлению в древней Сигтуне гончарного производства с новгородскими традициями способствовал постоянный, особенно усилившийся к концу X в. интерес норвежских, а также шведских конунгов и ярлов к северным территориям Новгородской земли. Конфликтная ситуация была разрешена возникновением в Старой Ладоге в начале XI в. русско-норманского ярлства (Рыдзевская 1978: 51, 67). По-видимому, уже накануне возникновения Сигтуны сложились социально-экономические предпосылки для формирования единой с раннегородскими центрами Северо-Западной Руси производственной зоны гончарства. Как было отмечено выше, в Сигтуне в самых нижних слоях кон-

⁷ Не исключено, что в этом процессе принимали участие приезжие западные мастера, но чтобы это утверждение было в какой-то степени документировано, необходимо провести комплексную аналитическую работу по методике А. А. Бобринского.

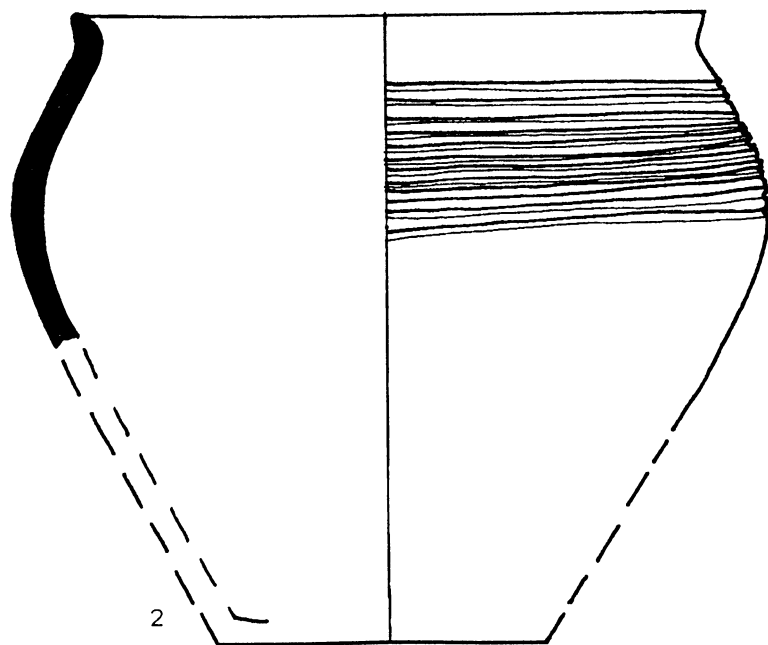
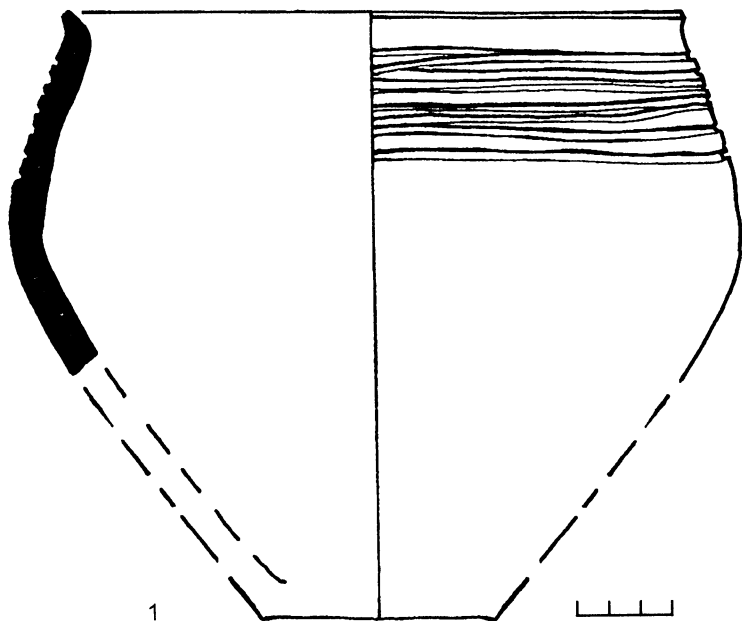

Рис. 29. Фрезендорф (2) и его гибрид (1) из нижних слоев Сигтуны (Швеция)

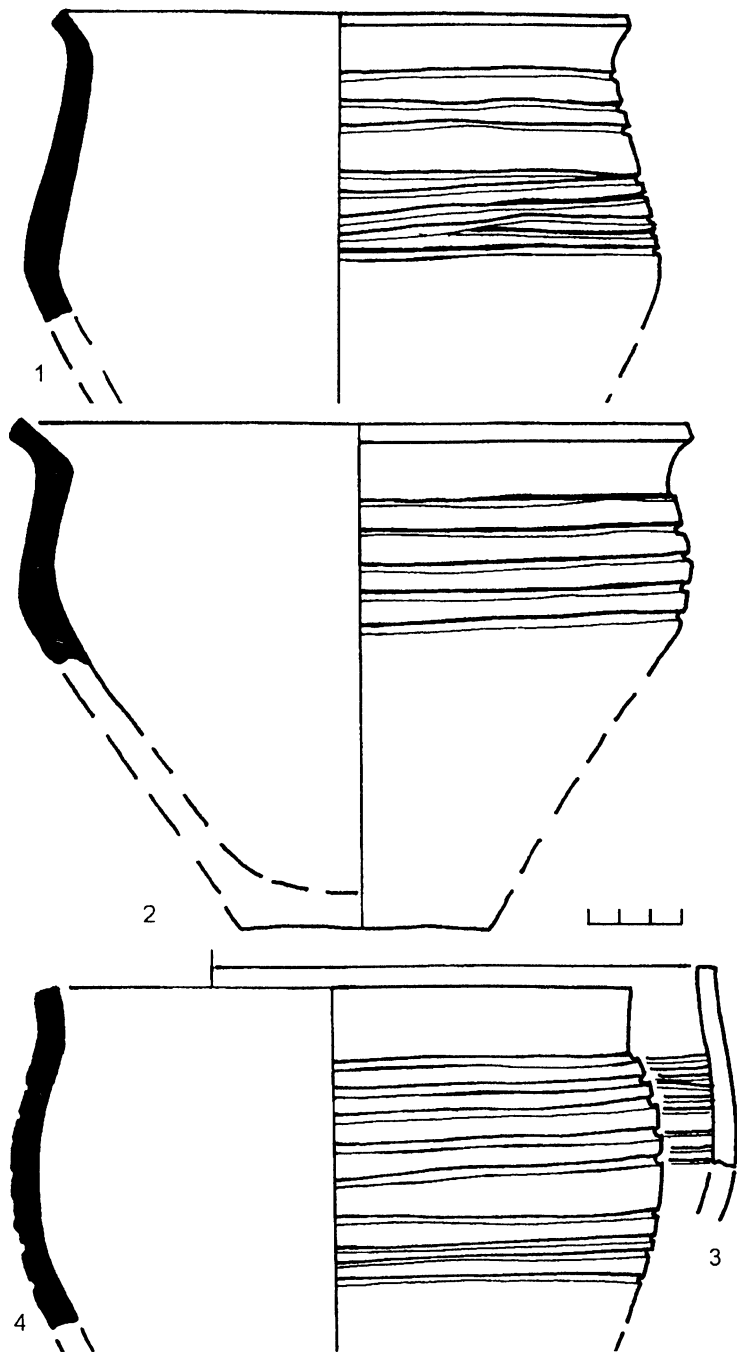

Рис. 30. Торновско-менкендорфские гибриды (1, 2) и менкендорфские сосуды (4, 3) из нижних слоев Сигтуны (Швеция)

ца X в. присутствует набор сосудов, имеющих комплексное соответствие в группах Фрезендорф и торновско-менкедорфских гибридов Старой Ладogi и Городка на Ловати (рис. 29; 30).

- Белецкий 1975 — *Белецкий С. В.* Миска с налепным валиком из Старого Изборска // КСИА. М., 1975. Вып. 144. С. 106—108.
- Бобринский 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Горюнова 1977 — *Горюнова В. М.* О западных связях Городка на Ловати // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1. С. 52—57.
- Горюнова 1994 — *Горюнова В. М.* Проблемы происхождения западнославянской керамики в Приильменье // Новгород и Новгородская земля: Материалы научной конференции. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 66—77.
- Горюнова, Лапшин 2004 — *Горюнова В. М., Лапшин В. А.* О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 55—72.
- Гроздилов 1962 — *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4. С. 7—76.
- Кильдюшевский 1996 — *Кильдюшевский В. И.* Погребения псковского некрополя (раскоп VII) // Археологическое изучение Пскова. Псков, 1996. Вып. 3. С. 140—147.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильмения. СПб., 2005.
- Россия-Норвегия 2004 — Россия-Норвегия: Сквозь века и границы / Каталог выставки. М., 2004.
- Рыдзевская 1978 — *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978.
- Brather 1996 — *Brather S.* Feldberger Keramik und frühe Slawen. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archaeologie. B. 34. Bonn, 1996.
- Cnotliwy и др. 1983 — *Cnotliwy E., Dekówna M., Leciejewicz L., Łosiński W., Rogosz R., Rulewicz M., Wesółowski S.* Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórze Zamkowe. Polskie badania archeologiczne. Tom 23. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983.
- Cnotliwy и др. 1986 — *Cnotliwy E., Łosiński W., Wojtasik J.* Rozwój przestrzenny wczesnośredniowiecznego Wolina w swietle analizy porównawczej struktur zespołów ceramicznych // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu zachodnim. Studia i materiały. Warszawa, 1986. S. 62—117.
- Donat 1987 — *Donat P.* Zur zeitlichen und regionalen Gliederung der altslawischen Keramik zwischen Oder und Elbe/Saale // Studia nad etnogeneza słowian i kultura Europy wczesnośredniowiecznej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987. Vol. 1. S. 239—254.
- Herrmann 1966 — *Herrmann J.* Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz. Deutsche Akademie der Wissenschaften Berlin. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. B. 21. Berlin, 1966.
- Herrmann 1968 — *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawische Stämme zwischen Oder/Neiße und Elbe. Deutsche Akademie der Wissenschaften Berlin. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. B. 23. Berlin, 1968.

- Hougen 1993 — *Hougen E. K.* Bosetningsområdets keramikk // Kaupang-Funnene. B. IIIB / Norske Oldfunn XIV. Oslo, 1993.
- Gabriel, Kempke 1991 — *Gabriel J., Kempke T.* Ausgrabungsmethode und Chronologie // Stari-gard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des fruhen Mittelalters in Ostholstein. Karl Wachholtz Verlag Neumunster. 1991. S. 123—148.
- Kempke 2001 — *Kempke T.* Slawische Keramik // Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa. Band 1. Wachholtz Verlag. Neumünster, 2001. S. 209—256.
- Łosiński 1972 — *Łosiński W.* Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa gdańskiego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—X/XI w.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.
- Łosiński, Rogosz 1986 — *Łosiński W., Rogosz R.* Metody synchronizacji kulturowych wczesnośredniowiecznych obiektów wielowarstwowych na podstawie analizy ceramiki ze Szczecina // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu zachodnim. Studia i materialia. Warszawa, 1986. S. 9—50.
- Roslund 1992 — *Roslund M.* Baltic Ware — a black hole in the cultural history of Early Medieval Scandinavia // Contacts across the Baltic Sea during the Late Iron Age (5th-12th centuries). University of Lund, Institute of Archaeology, Report Series № 43. Lund, 1992. S. 159—175.
- Schuldt 1956 — *Schuldt E.* Die slawische Keramik in Meklenburg. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. B. 5. Berlin, 1956.
- Schuldt 1981 — *Schuldt E.* Gross Raden. Die Keramik einer slawischen Siedlung des 9/10. Jahrhunderts. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostok, Schwerin und Neubrandenburg. B. 14. Berlin, 1981.
- Stanisławski 2001 — *Stanisławski B.* Ceramika typu Wolin-Fresendorf na tle badań nad wczesnośredniowieczną ceramiką słowiańską w południowo-zachodniej strefie Bałtyku // Materiały Zachodniopomorskie. Szczecin, 2001. Tom 46. S. 125—156.
- Wahlöö 1976 — *Wahlöö C.* Keramik 1000—1600 i svenska fund. Archaeologia Lundensia. VI. Kulturhistoriska museet. Lund, 1976.

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ У Д. ГОРОДИЩЕ НА р. СЯСЬ В СИСТЕМЕ СИНХРОННЫХ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

О. И. БОГУСЛАВСКИЙ

В конце I тыс. н. э. торговля со странами Исламского Востока была единственным источником поступления серебра в Восточную Европу. Часть его оседала здесь, другая же по водным путям попадала в страны, расположенные на берегах Балтийского моря. Существует множество противоречивых мнений о характере процесса, в результате которого Русская равнина стала местом встречи представителей разных народов, объединенных целями торговли (Янин 1956; Ляпушкин 1968: 150, 151; Даркевич 1976: 148; Фомин 1982: 18; Noonan 1981: 51, 52; Носов 1999: 160). До сих пор горячо дискутируется роль отдельных этносов, например скандинавов, в этом процессе. Не существует и единого взгляда на тесно связанное с торговлей возникновение политических и раннегосударственных образований (Носов 1990: 155—163; Франклин, Шепард 2000: 25—110). Большинство исследователей соглашается с тем фактом, что непосредственный толчок для развития международной торговли дали изменения, произошедшие в середине VIII в. на Ближнем Востоке. Первым в этом ряду, видимо, следует поставить захват Аббасидами власти у династии Омейядов в 749 г. Это на многие годы положило конец экспансионистской политике Арабского Халифата и попыткам продвинуться на Северо-Запад. В 762 г. столица халифата была перенесена в Багдад, который становится одним из крупнейших торговых центров раннего средневековья. Монетный двор, расположенный в Багдаде, начал чеканку серебряной монеты в количестве, значительно превышающем продукцию других монетных дворов. Немаловажную роль в развитии торговли играл и факт нахождения в этом городе двора халифа и значительного числа представителей правящей элиты, которые создавали устойчивый спрос на различные предметы роскоши, источник которых находился на севере. Условия для этой торговли были созданы в 759 г. после заключения мира между хазарским каганатом и державой Аббасидов (Noonan 1984: 265; Франклин, Шепард 2000: 25). Хазаро-арабские торговые контакты существовали еще в начале VIII в. и имели достаточно большое значение для такого города, как Дербент на северо-западном берегу Каспия. В течение второй половины VIII в. город значительно увеличился в размерах и превратился в крайне важный перевалочный пункт в торговле между хазарами и мусульманским миром. Хазарам предлагались серебряные дирхемы и такие изделия как поливная керамика, металлические украшения, изделия из стекла, бусы. Однако, хазарские купцы, видимо, не

могли предложить своих продуктов сельскохозяйственного или ремесленного производства, которые бы представляли интерес для мусульман (Бартольд 1968: 600; Заходер 1962: 167—169; Калинина 1988: 77). Наибольший интерес на рынке вызвала пушнина, которая поставлялась хазарскими купцами, однако ее источники находились значительно севернее хазарского каганата. Таким образом, стали набирать силу предпосылки развития дальней международной торговли, непосредственно затронувшей север Руси.

Следствием этих событий стало появление серебряных дирхемов в северо-западной части Русской равнины, и дальше — в центральной Швеции и на о. Готланд. Восточное монетное серебро находят как в качестве отдельных находок, так и в составе кладов. Информативность этих находок различна. Случайные находки одной или двух монет вне археологического контекста вызывают закономерные вопросы о времени, прошедшем между чеканкой монеты, их попаданием в район находки и временем «археологизации». Т. Нунан, а вслед за ним и ряд других исследователей, придерживаются точки зрения, что надежным источником могут считаться только клады, включающие не менее 20 монет (Noonan 1981: 59). К сожалению, сообщения о многих кладах были опубликованы в XIX или начале XX вв., и в распоряжении исследователей оказались лишь части некогда больших кладов, так что датировка этих комплексов по «младшей» монете не всегда абсолютно достоверна. Высказываются вполне обоснованные сомнения по поводу того, что каждая конкретная монета могла попасть в тот район, где была найдена, много лет спустя после чеканки, а в землю — еще позднее. Однако, находка в культурном слое Староладожского Земляного городища дирхема, отчеканенного в 699/700 гг., в производственном комплексе в горизонте E₃₋₃ (750—760-е гг.) (Давидан 1986: 99) свидетельствует о том, что период между изготовлением монеты и ее попаданием в культурный слой не столь велик. Еще более оптимистического прогноза о хронологическом разрыве между датой чеканки младшей монеты клада и временем его захоронения придерживаются, например, С. Франклин и Д. Шепард, которые характеризуют его как период в 10—15 лет (Франклин, Шепард 2000: 27). На этом основании они датируют проникновение арабского монетного серебра на север Европы, в частности в центральную Швецию и южный берег Балтийского моря временем около 800 г. В качестве аргумента они приводят находки английских подражаний аббасидским динарам, в частности подражание монете 773/774 гг. халифа ал-Мансура, отчеканенной в Англии не позднее 796 г. (Франклин, Шепард 2000: 28; Stewart 1978: 155, 165).

В связи с этим особую важность приобретает вопрос о путях поступления серебра из центров монетной чеканки Ближнего Востока на Русь и в Северную и Западную Европу. Большинство исследователей единодушно в том, что монетное серебро поступало на Русь двумя основными путями. Один из них пролегал по Дону и Северскому Донцу, второй — по Волге, через Бул-

гар. По рекам Волго-Окского междуречья серебро попадало в верховья Волги (Янин 1956: 104—106; Ляпушкин 1968: 152; Леонтьев 1986: 5; 1989: 82; Булкин, Мачинский 1986: 17, 18; Фомин 1988: 114; Дубов 1989: 173—180, рис. 53). Также не вызывает сомнения, что основной поток серебра проходил через р. Неву и Ладожское озеро. Несколько шире диапазон мнений в отношении путей, которые могли соединять Ладожское озеро с реками Каспийского и Азовского водных бассейнов. В настоящее время хорошо известны три основных скопления монетных кладов VIII—IX вв. Первое — у Старой Ладогги. Здесь найдены четыре клада этого периода, в том числе и древнейший с датой младшей монеты 786 г. Второе скопление из пяти кладов находится в верховьях р. Волхов, где наиболее ранние находки монетных кладов относятся к 807 г. (клад у д. Вылеги) и к 811 г. (Холопий Городок). Третье, также из пяти кладов, фиксируется на Верхней Волге, а именно, в районе городов Ростова и Ярославля (814 и 820 гг. — на Сарском городище и 813 г. у д. Угодичи) (Носов 1990: 187—188; Носов 1976: 95—110; Носов 1989: 20; Леонтьев 1974: 71—74; 1988: 94—102; Фомин 1988: 103—131; Давидан 1977: 103, 105). Н. П. Загоскин, рассмотрев четыре варианта пути, который мог бы соединять Балтийский и Каспийский водные бассейны, отдал предпочтение трассе, шедшей, по его мнению, по р. Сясь до устья р. Тихвинки, далее по р. Тихвинке до устья р. Редань и по р. Редань до погоста Лучаны, от погоста Лучаны, через волок длиной 21—27 км к верховьям р. Чагода в районе погоста Волок (Загоскин 1910: 144—146). Однако слишком мало археологических свидетельств существования здесь в древности интенсивного движения торговых караванов. Е. Н. Носов отдает предпочтение водному пути, проходящему по р. Волхов и оз. Ильмень, р. Поле и р. Явони, а далее, через систему оз. Селигер к верховьям р. Волги, поскольку здесь отмечена минимальная волоковая часть — около 5 км и здесь известно максимальное количество кладов монет (Носов 1976: 97—98). Этот же вариант пути мог использоваться и при движении серебра по р. Дон. В этом случае он проходил от верховьев р. Дон до среднего течения р. Оки, далее по р. Москве и рр. Рузе и Озерне и от верховьев последней волоком на р. Ламу, и потом, вниз по ней до р. Шоши, правого притока р. Волги (Носов 1992: 13). Существует и еще один возможный вариант пути, который можно реконструировать как проходивший по р. Сясь до устья р. Воложбы, по р. Воложба и мелким рекам ее верховья — к верховьям р. Чагода. В этом случае бассейн р. Воложбы и р. Чагоду разделяют 5—8 км болотистой равнины, имеющей и в настоящее время название Волок Славинский. Дальнейшее движение могло осуществляться по р. Чагоде до ее впадения в р. Чагодошу, по р. Чагодоше до ее впадения в р. Мологу и по р. Мологе до ее впадения в р. Волгу. От района Ростова и Ярославля можно было путешествовать как вниз по течению р. Волги, так и через рр. Клязьму и Оку в бассейн Дона (Леонтьев 1986: 7; Богуславский 1997: 94—95).

Каждый из предложенных вариантов движения арабского монетного серебра имеет определенные доказательства своего существования и в настоящий момент нельзя окончательно отбросить ни один из них. Более того, весьма вероятно, что разные варианты трассы пути имеют хронологическое значение, и в разные периоды времени движение осуществлялось по разным рекам (Богуславский 1993: 142—149). Как бы то ни было, изменения, произошедшие в сфере международной торговли, с неизбежностью повлекли за собой изменения в экономике и культуре стран, вовлеченных в эту торговлю. Развитие международной и тесно связанной с ней региональной торговли в Восточной Европе явилось тем поворотным моментом, который сопровождался интенсивным развитием поселений и возникновением средневековых городских структур. Евразийская по своим размахам торговля привела к основанию новых и преобразованию прежних поселенческих структур, находившихся в зоне речных и морских путей. Именно в системе международных торговых трасс возникло большинство раннесредневековых городов и поселков. Эти населенные пункты не обязательно находились на берегах морей рек и озер, некоторые строились в глубине территорий, возможно в целях безопасности и более удобной связи с сырьевой округой (Кирпичников 2002: 38).

Среди городских образований в системе международной торговли принято выделять ключевые города, располагавшиеся на стратегически важных отрезках торговых магистралей. Они располагались на пересечении различных торговых путей, на наиболее труднопроходимых участках трассы, у гаваней, где происходила разгрузка кораблей и их ремонт, в местах удобных контактов с окружающим местным населением. В качестве подобных пунктов обычно называют Дорестад во Фризии, Йорк в Британии, Рибе, Хедебю в Дании, Нидарос и Каупанг в Норвегии, Орхус и Бирку в Швеции, Стариград (Ольденбург), Любек, Рёрик (Мекленбург), Ральсвик и Аркону на о. Рюген, Менцлин, Щецин, Волин, Колобжег, Трузо на озере Дружно в западнославянских землях, Павикен на о. Готланд, Сальтвик на Аландских островах, Гробини в Латвии (Callmer 1994: 53—72; Кирпичников 2002: 38). На территории Восточной Европы к ключевым пунктам торговых путей относят Старую Ладугу в нижнем течении р. Волхов, Рюриково городище в истоке Волхова, Тимерево и Михайловское в районе современного Ярославля, Сарское городище в районе Ростова, Клецин у Переяславля-Залесского, Муром, Булгар, Биляр, Сувар, Ошель, город Итиль, размещавшийся в дельте Волги, Саркел на Дону (Кирпичников 2002: 38). Приведенный список имеет два основных недостатка. Во-первых, он объединяет поселения, которые возникли в разное время и в течение VIII—XI вв., когда трансевразийская торговля была наиболее активна, играли в ней различную роль. В качестве примера можно сравнить комплекс археологических памятников у города Гробини, время возникновения которого относится ко II—IV вв. н. э. (Петренко 1990:

120—125), а появление здесь скандинавских древностей, свидетельствующих о далеких международных контактах, относится к периоду 650—850 гг. (Nertham 1958: 177), и Булгар на Волге, строительство которого относится к периоду между 922 и 950 гг. (Смирнов 1972: 99—102; Халиков 1973: 83—99; Мачинский 1985: 7—8). Во-вторых, в приведенном списке упомянуты только наиболее крупные и хорошо изученные археологические памятники, роль которых в международной торговле была наиболее весома. За его пределами, несомненно, остался целый ряд поселений, которые играли или более скромную роль, или, в силу каких-то причин, оказались слабо изучены. Вместе с тем, очевидно, что даже в рамках этого списка роль различных поселений в международной торговле не могла быть абсолютно одинаковой.

Влияние международной торговли, безусловно, не ограничивалось только берегами рек, по которым проходила трасса движения торговцев. Список товаров, привозимых из Булгара в Хорезм, составленный в X в., упоминает меха соболей, белок, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, бобров, зайцев, коз, воск, стрелы, бересту, меховые шапки определенного покроя, рыбий клей, моржовый клык, бобровую струю, янтарь, выделанные кожи, мед, лесные орехи, соколов, оружие, древесину, рабов, мелкий и крупный рогатый скот (Кирпичников 2002: 41). Очевидно, что концентрация этих товаров в объемах, достаточных для международной торговли в крупных транзитных центрах, расположенных на речных магистралях, требует их получения, в основном, у населения лесной зоны Восточной Европы, проживавшего на широких территориях, возможно, и в стороне от торговых путей. Таким образом, пусть и косвенно, в международную торговлю оказываются вовлеченными древние коллективы, проживавшие на больших территориях. Участие древних обществ, косвенно или непосредственно, в международной торговле ведет к изменению их культуры и появлению новых культурных явлений. Наиболее очевидным следствием участия в международной торговле, безусловно, является появление импортных изделий, и предметов, связанных с международной торговлей. В качестве таких предметов на Северо-Западе Руси обычно рассматриваются многочисленные типы стеклянных и каменных бус, изделия из янтаря, некоторые типы костяных наборных гребней и украшений из бронзы, гирьки и весы, мечи и некоторые другие типы оружия, наборные пояса. Но часто, особенно на начальном этапе трансевразийской торговли, само появление и развитие поселений обуславливалось теми удобствами, которые они предоставляли в формирующейся системе международных контактов. Наиболее ярким примером подобного торгового центра является Староладожское поселение (Мачинский 2003: 23—31; Кирпичников 2003: 50—94). Его возникновение в середине VIII в. и активное участие жителей в международных торговых операциях предполагает также и наличие широкой системы памятников, связанных с этими процессами.

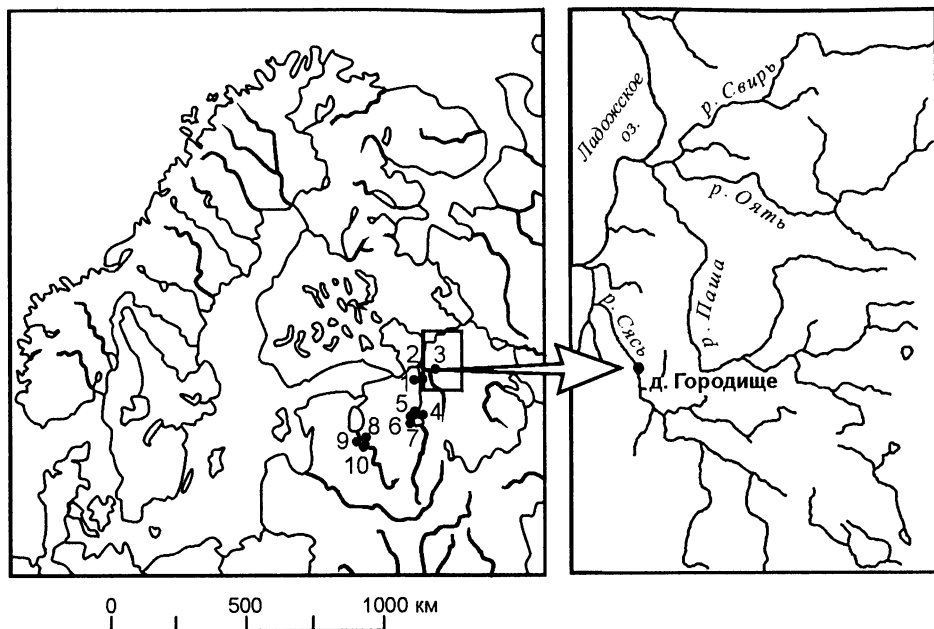

Рис. 1. Схема расположения комплекса археологических памятников у д. Городище на р. Сясь.

Условные обозначения: 1 — Старая Ладога, 2 — городище Любша, 3 — комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь, 4 — Новгородское (Рюриково) городище, 5 — Поселение Холопий Городок, 6 — городище Георгий, 7 — поселение Прость, 8 — Псковское городище, 9 — Труворово городище (Изборск), 10 — городище Камно

В настоящий момент существование в VIII—первой половине IX в. надежно зафиксировано для следующих поселений Северо-Запада России (рис. 1): Старая Ладога, Изборск, Холопий Городок в истоке Волхова, городище Любша в районе Старой Ладоги, Псков, городище Камно и Рюриково Городище (Седов 2002б: 26—38).¹ Список невелик и роль каждого из этих памятников в системе международной торговли и формировании Русской государственности далеко неоднозначны, тем более интересно, когда этот список может быть дополнен новым объектом.

Комплекс археологических памятников в районе д. Городище на р. Сясь в юго-восточном Приладожье (Тихвинский район Ленинградской области) известен археологам и историкам уже более 100 лет и много и плодотворно

¹ К этому списку можно добавить также некоторые поселения Ильменского Поозерья, речь о которых пойдет ниже (см.: Носов, Плохов 2002: 159—180).

исследовался (рис. 2)². К сожалению, весьма ограниченные раскопки В. И. Равдоникаса на площадке центрального поселения, проведенные в 1929 г. (Равдоникас 1934: 37—38), не могли дать ответ на вопрос о том, какое место занимает этот комплекс как в юго-восточном Приладожье, так и в раннесредневековой истории Северо-Запада Руси. На сегодняшний день в районе д. Городище известно 12 средневековых археологических памятников, семь из которых являются средневековыми поселениями (рис. 3)³. Несомненно, центральное место среди них занимает поселение, расположенное на высоком крутом берегу р. Сясь в месте впадения в нее небольшого ручья. Рядом с поселением реку перегораживают пороги. Этот памятник впервые был исследован в 1909 г. Н. И. Репниковым (Репников 1915: 37), назвавшим этот памятник городищем, то есть поселением, имеющим укрепления, однако он не оставил их описания. С момента выхода работы Н. И. Репникова за поселением прочно закрепилось это определение, хотя ни один исследователь не только не оставил чертежей остатков фортификационных сооружений, но и никоим образом их не охарактеризовал. В настоящее время следов каких-либо укреплений, если они когда-нибудь существовали, нет.

Первые археологические раскопки поселения здесь были предприняты в 1909 г. первооткрывателем памятника Н. И. Репниковым, который только определил наличие культурного слоя мощностью до «1/2 аршина» (около 36 см) (Репников 1915: 40). Более масштабные работы проводил в 1930 г. В. И. Равдоникас (Равдоникас 1931: 1—6; 1934: 37—38). Материалы этих раскопок были переданы в Карельский Государственный исторический музей, где пропали во время второй мировой войны. Наиболее значительное наблюдение, которое можно сделать на основании опубликованных материалов этих работ, то, что среди находок полностью отсутствовала керамика, сделанная на гончарном круге (Равдоникас 1934: 38). Впоследствии это наблюдение полностью подтвердилось. В 1950-е гг., при строительстве автодороги, поселение было уничтожено карьером. В 1971 г. его остатки обследовала археолог из Петрозаводска С. И. Кочкуркина, и ею было сделано заключение, что памятник полностью потерян для науки (Брыкина, Кочкуркина, Сазонова 1972: 25—26; Кочкуркина 1989: 22—23). В 1987—1989 гг. здесь во время работ Сясьского отряда Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН на месте разрушенного городища найдены, чудом сохранившиеся, остатки культурного слоя, а также впервые найдена периферийная часть поселения, которая в любом случае находилась за пределами гипотетически реконструируемых валов.

Раскоп общей площадью 54 кв. м., работами на котором руководила А. Д. Мачинская, располагался на самом краю древней площадки городища.

² Библиографию и историю изучения см. Богуславский, Мачинская 1993: 117—118.

³ Подробно об их исследовании см.: Богуславский, в печати.

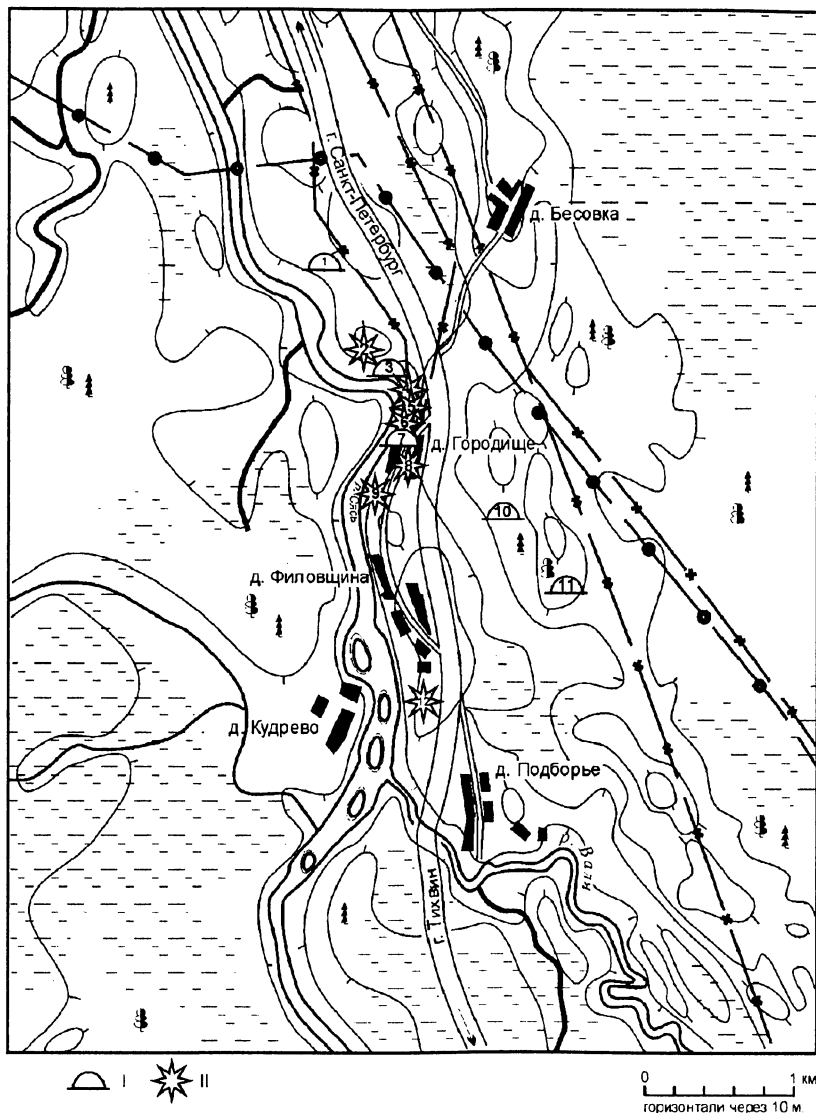

Рис. 2. Схема расположения археологических памятников в районе д. Городище на р. Сясь.

Условные обозначения: I — погребальные памятники, II — поселения. Арабскими цифрами обозначены: 1 — могильник «Красная Заря», 2 — поселение на территории могильника «Бесовы Харчевни», 3 — могильник «Бесовы Харчевни», 4 — Сясьское городище, 5 — поселение с южной, напольной, стороны городищенского холма, 6 — поселение в основании одиночного кургана, 7 — могильник в современной д. Городище, 8 — остатки поселения на огородах современной д. Городище, 9 — поселение Городище II, 10 — Юго-восточная курганная группа, 11 — курганная группа Городище II, 12 — поселение Филовщина

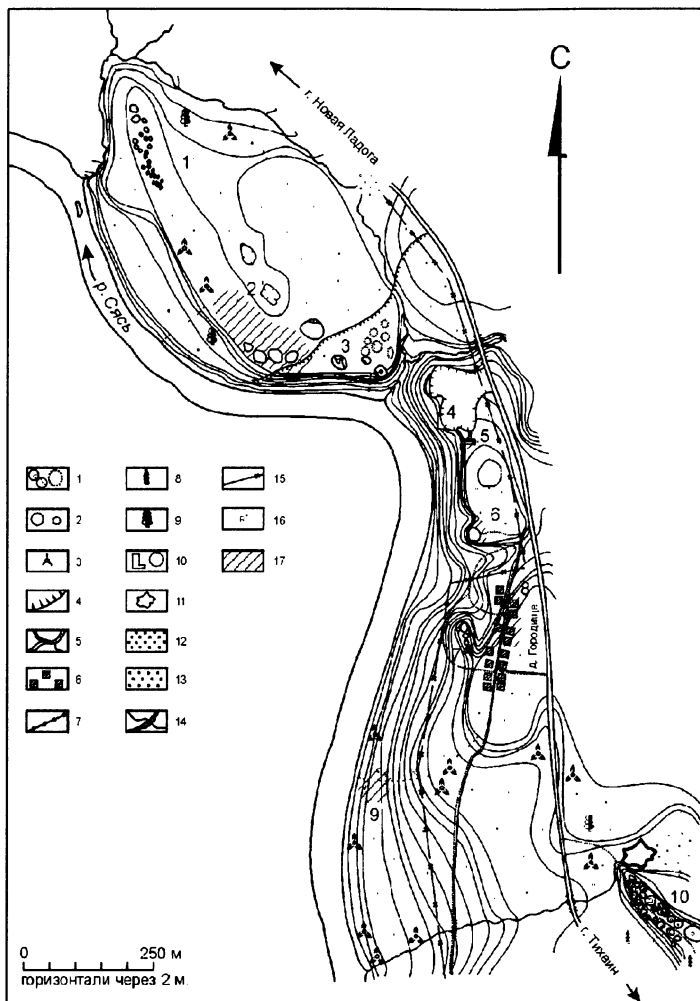

Рис. 3. Археологические памятники района д. Городище. Топографический план. 1 — могильник «Красная Заря», 2 — поселение на территории могильника «Бесовы Харчевни», 3 — могильник «Бесовы Харчевни», 4 — Сясьское городище, 5 — поселение с южной, напольной, стороны городищенского холма, 6 — поселение в основании одиночного кургана, 7 — могильник в современной д. Городище, 8 — остатки поселения на огородах современной д. Городище, 9 — поселение Городище II, 10 — Юго-восточная курганная группа.

Условные обозначения: 1 — поврежденные и разрушенные погребальные насыпи; 2 — погребальные насыпи; 3 — кустарник; 4 — граница гравийного карьера; 5 — дороги; 6 — постройки; 7 — ограждения; 8 — сосновый лес; 9 — лиственный лес; 10 — участки поселения и курганы, исследованные раскопками в 1987—2000 гг.; 11 — озеро; 12 — луг; 13 — болото; 14 — мосты; 15 — линии электропередач; 16 — общий репер раскопов 1999 г., 17 — обнаруженные остатки средневекового культурного слоя

Под завалами песка, возникшими при разработке карьера, был обнаружен древний склон городища, покрытый переотложенным гумусированным слоем. По-видимому, слой был разрушен в конце XIX—начале XX вв., когда площадка городища использовалась под пашню, а впоследствии — размыт. На части раскопа залегал ненарушенный культурный слой толщиной около 20 см. При его разборке было обнаружено несколько скоплений камней со следами пребывания в огне и ям. В одной из ям найден развал лепного горшка. Из индивидуальных находок, прежде всего, следует отметить серию из 13 бус, которая, в общем, датируется VIII—X вв. Из других находок очень интересна каменная литейная формочка. Кроме того, из материалов раскопок происходят ледоходный шип, два ножа с прямой спинкой, железная кольцевидная фибула со спирально закрученными концами, янтарная бусина. В целом, материалы, полученные в результате этих раскопок, позволяют сделать следующие заключения: судя по полному отсутствию раннегончарной керамики, городище прекратило свое существование не позднее 930-х гг. (принимая дату появления раннегончарной керамики в Ладоге по Е. А. Рябинину — Рябинин 1985: 37, Табл. 1), что касается нижней даты городища, то, судя по бусам, оно возникло не позднее (а, возможно, и ранее) второй половины IX в. Подобная датировка основана на хронологии находок ярко-зеленого бисера «классической» формы в виде «горбушки» (Львова 1970: 89—111) и ярко-синей бусины с зелеными глазками в белых ободках (Львова 1968: 45—48, 49—51). Наиболее массовые находки подобных бусин известны в Старой Ладоге в горизонтах E₃E₂ (750-е — 850-е гг.). В 1989 г. под руководством А. Д. Мачинской были осуществлены разведочные исследования с целью поисков остатков культурного слоя поселения к югу от карьера, уничтожившего площадку городища. Здесь также удалось зафиксировать наличие непотревоженного культурного слоя мощностью 30—35 см. В южной части раскопа прослеживались незначительные углистые прослойки и большие скопления слабопережженных камней. Из индивидуальных находок в траншее были обнаружены четыре фрагмента железных ножей, два обломка кресал, две бронзовые спиральки и тонкая бронзовая пластинчатая обоймица от головного венчика, а также одна синяя кольцевидная стеклянная бусина. Керамика представлена незначительным количеством мелких фрагментов стенок лепных сосудов, аналогичных обнаруженным в раскопе на площадке городища. Таким образом, в результате этих исследований было установлено, что к югу от разрушенного городища сохранился культурный слой, по предварительным данным синхронный поселению на вершине городищенского холма. Интересно, что культурный слой был обнаружен на территории, расположенной за пределами гипотетически реконструированных Н. И. Репниковым валов, то есть в любом случае относится к неукрепленному поселению, существование которого, таким образом, было отмечено впервые.

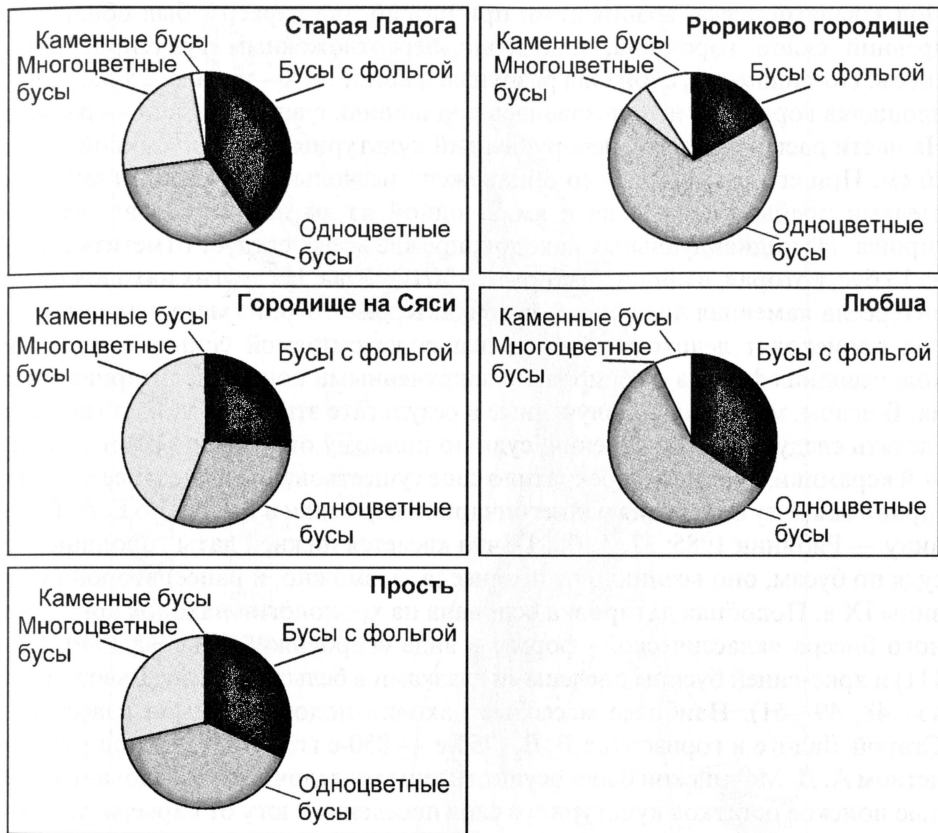

Рис. 4. Состав коллекций бус различных памятников VIII—первой половины IX вв.

Также впервые в ходе раскопок в 1987—1988 гг. погребальной насыпи в могильнике, расположенном в 1 км к северу от современной д. Городище вблизи от остатков средневекового городища был обнаружен культурный слой поселения. В основании исследованного погребального сооружения залегал темный гумусированный слой мощностью до 0,15 м, содержащий большое количество костей животных, обломков керамики, железных шлаков, а также некоторые предметы: ромбовидную черенковую стрелу и три ножа. Кроме того, с этим культурным слоем поселения, существовавшего здесь до или во время сооружения погребальной насыпи, связано несколько хозяйственных ям, одна из которых содержала развал прокаленных камней и значительное количество угля. Вопрос о датировании этого культурного слоя весьма сложен, поскольку не было сделано надежно датированных находок. Вместе с тем очевидно, что верхнюю дату функционирования поселения на

месте сооружения погребальной насыпи определяет время совершения первоначального погребения, поскольку следов задерживания культурного слоя обнаружено не было. Дата начала сооружения кургана № 3, на наш взгляд, вряд ли может быть отнесена ко времени позже начала IX в. (Богуславский 1989: 30—32).

Остатки культурного слоя были выявлены и к югу от Сясьского городища. В течение 1996—1998 гг. была вскрыта площадь более 170 кв. м. Надо отметить, что не зафиксировано существования культурного слоя или следов его разрушения на территории между площадкой городища и поселением к югу от Сясьского городища. Однако остается неясным, был ли этот слой уничтожен при разработке карьера или же никогда не существовал в действительности. Мощность слоя, выявленного на раскопанном участке поселения к югу от Сясьского городища, в некоторых местах достигала 0,80—0,85 м. Стратиграфия раскопа не сложна. Под слоем дерна повсеместно расположен переотложенный и перемешанный пахотный слой. Значительное число предметов древности, извлеченных из пахотного слоя, свидетельствует о том, что пахотой разрушена, по-видимому, основная часть культурного слоя, который в действительности был гораздо более мощным и, возможно, стратиграфически сложным. Непосредственно под пахотой залегает основной культурный слой поселения, причем на некоторых участках этот слой достигал мощности до 0,30 м, и выделялась его нижняя, более рыхлая и насыщенная золой часть. На раскопанном участке обнаружено 269 индивидуальных находок, большинство из которых представлено бусами. Массовый материал представлен мелкими фрагментами лепной, с обильной примесью дресвы, расслоившейся керамики, причем в культурном слое находок керамики очень немного. В большинстве случаев керамика мелкофрагментирована, а в силу плохой сохранности, не поддается склейке или графической реконструкции, за исключением фрагментов, происходящих из керамических развалов. Вторая категория массового материала — легкие пористые металлургические шлаки. Нехарактерны в целом для культурного слоя поселения кости животных (лишь изредка встречаются их кальцинированные фрагменты) и глиняная обмазка. В толще культурного слоя, в южной части раскопанной площади были зафиксированы остатки северо-западного угла наземной деревянной конструкции, размеры которой, крайне приблизительно, можно реконструировать как 5×5 м, сгоревшей и впоследствии разобранный. Возможно, обгорелые остатки восточной стенки конструкции и ее угол служили чем-то вроде низкой изгороди, к которой сносили или сдвигали камни других разобранных сооружений. Стратиграфически с остатками деревянного сооружения связан целый ряд развалов камней и лепных керамических сосудов. Среди индивидуальных находок из культурного слоя следует особо отметить фрагмент серебряного арабского дирхема — 1/4 часть монеты. Согласно определению сотрудника отдела нумизматики Гос. Эрмитажа

И. Г. Добровольского, фрагмент принадлежит аббасидскому дирхему второй половины VIII—первой половины IX в. Место и год его чеканки установить невозможно, однако этот фрагмент на настоящий момент является самой ранней монетной находкой юго-восточного Приладжья. После снятия культурного слоя и остатков связанных с ним объектов на светлом фоне материковой супеси и суглинка был зафиксирован целый ряд углубленных в материк сооружений.

Несмотря на небольшую площадь раскопа и незначительную мощность культурного слоя наблюдения над стратиграфией и пространственным распределением сооружений и находок позволяют сделать ряд выводов о характере и последовательности освоения исследованного участка. Не оставляет сомнений производственный характер ряда сооружений, впущенных в материк и расположенных в восточной части раскопа. Остатки прокаленного пода горна или металлургической печи в одном из сооружений, обилие шлаков в заполнении остальных и даже в пахотном слое над ними; наконец, находки фрагментов тиглей свидетельствуют о том, что эти сооружения связаны с металлургическим производством. Отсутствие четких контуров у незначительно углубленных сооружений указывает на то, что они были наземными, легкими и временными. Характер заполнения и отсутствие в упомянутых конструкциях находок бытовых предметов говорит о том, что производственная деятельность на исследованном участке была довольно длительной, причем котлованы сооружений использовались для сброса в них остатков более поздних аналогичных конструкций. Помимо следов металлургического производства получены свидетельства существования на поселении ювелирного производства, что подтверждается находками литейных формочек и бронзовых заготовок ювелирных изделий. Сооружения, связанные с металлургическим производством, перекрыты серым плотным однородным гумусированным культурным слоем, содержащим скопления камней, развалы керамики и основное число индивидуальных находок. В пределах этого слоя выделяется золистый горизонт с включениями обожженного камня и обгорелыми деревянными конструкциями, но без шлаков. Выявленные остатки деревянной конструкции, перекрытые развалом камней, трудно определенно интерпретировать. Этнограф А. А. Шенников подробно описывает «укрепленные шалаши-вежи» — легкие хозяйственные или жилые постройки, усадебные кухни, в которых перекрытие ставится сразу на 1—2 венца сруба, он связывает эту строительную традицию именно с зоной лесного полукочевничества финно-угорских народов, а древнейшее упоминание соответствующего термина в летописи относится не к Поволжью, а к местам, находящимся в непосредственной близости от района наших исследований (1228 г. — возвращение еми после похода на Русь через земли карел: упоминание «веж» как построек-убежищ — Шенников 1974: 73—76). Однако необходимо напомнить, что одной из характерных особенностей раскопанного участка является

ся практически полное отсутствие кухонного мусора: костей, рыбьей чешуи, которые должны были бы сохраниться, поскольку сохранились остатки дерева. Также весьма малочисленны и фрагменты керамической посуды, что свидетельствует не в пользу интерпретации данного сооружения как жилой постройки. Весьма вероятно, что они являются остатками обноски наземной производственной печи. Тонкий культурный слой, на большей части раскопа нарушенный или вовсе переотложенный распахкой, отсутствие наглядной стратиграфии и небольшая исследованная площадь не позволяют утверждать наличие или отсутствие определенных этапов заселения и застройки рассматриваемого участка поселения. Однако то, что сооружения, связанные с металлургией, были разобраны и их остатки попали в заполнение выкопанных в материке ям еще в период жизни поселения, а культурный слой, содержащий большинство индивидуальных находок и развалов лепных сосудов, сформировался уже после их разрушения и, по-видимому, после пожара, следы которого фиксируются в западной части раскопа, позволяет предполагать наличие двух периодов освоения этой территории.

В результате раскопок поселения сделано значительное количество находок. Традиционно наиболее массовый материал подобных памятников, а именно керамика, представлена весьма бедно. Керамика городища на р. Сясь довольно грубая, изготовленная в технике кольцевого ленточного налепа с последующим костровым обжигом. Как отошающая примесь использовалась крупная дрсва, изредка песок, в некоторых случаях можно проследить наличие органических примесей. По тесту и составу примесей керамика идентична ладожской лепной керамике. Отличительными особенностями является красноватый цвет некоторых черепков, что обусловлено использованием местной красной глины, и крайне плохое качество обжига, что нередко приводило к полному разрушению фрагментов. В целом, керамический комплекс городища на р. Сясь маловыразителен, поскольку большинство фрагментов имеют очень небольшие размеры. Отсутствие достоверных целых форм, сравнительно небольшое количество керамики вообще не позволяют делать масштабные выводы. Однако можно говорить о наличии в материалах памятника реберчатой керамики и сосудов с четким переходом от шейки к плечу. Более глубокий анализ керамического материала, например по схеме, предложенной Т. Б. Сениченковой (Сениченкова 1998: 12—16; 2002: 93—113), невозможен из-за отсутствия целых форм.

Из других найденных на городище предметов лишь некоторые могут быть отнесены к определенному культурному кругу и получить хронологические привязки. В первую очередь обращает на себя внимание серия каменных литейных формочек. Подобные предметы найдены на городищах Псковском (Тараканова 1956: 41, рис. 20; Тараканова: НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2, д. 1859, 1859-А, рис. 17), Камно (Тараканова: НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2, дд. 1859, 1859-А, рис. 17) и Рыуге (Шмидехельм 1959: 166,

таб. V: 9). Находки формочек происходят из нижнего горизонта второго (нижнего) слоя городища Камно, датированного К. М. Плоткиным второй половиной VIII в. (Плоткин 1974: 16). Что касается Псковского городища, то здесь литейные формы интересующих нас типов связываются с горизонтом Псков В (VIII—IX вв. по С. В. Белецкому — Белецкий 1979: 11). Находки подобных формочек, по мнению многих исследователей, связаны с распространением традиции изготовления украшений из оловянистых сплавов (Моора 1963: 355—368; Дайга 1960: 84—90; Щеглова 2002: 134—150). Эта традиция весьма характерна для целого ряда памятников северо-западного региона третьей четверти I тыс. н. э. Украшения из оловянистых сплавов найдены также на Земляном городище Старой Ладogi, где они образуют компактную группу, датируемую в целом 760—880-ми гг. (Мачинская 1988а: 15—16; 1988б: 17).

Однако наиболее представительной и информативной остается коллекция стеклянных бус. В материалах рассматриваемого поселения они составляют больше половины индивидуальных находок (151 из 269).⁴ Таким образом, эта коллекция является одной из самых внушительных вообще для всего Северо-Запада Руси конца I тыс. н. э. Более половины всех бусин — многочастные пронизки и т. н. «лимонки» и рубленый бисер — изготовлены из тянутых стеклянных трубочек (VIII группа по З. А. Львовой).⁵ Многочастные пронизки и так называемые «лимонки» (1 и 4 подгруппы VIII группы) представлены 45 экземплярами, при преобладании 1-й подгруппы, декорированной серебряной фольгой (около 25 экземпляров). Среди бус 1-й подгруппы присутствуют не менее трех экземпляров с поверхностным слоем голубого прозрачного стекла разных оттенков. Кроме того встречены четыре бусины глухого стекла с продольным рифлением — небольшая голубого стекла, зеленая, двучастная синяя и крупная одинарная желтая. Рубленый бисер (3 подгруппа VIII группы) представлен 53 экземплярами, по преимуществу синего цвета (68%), а также по одному экземпляру винно-красного, черного и белого стекла. Число бисерин желтого и зеленого стекла примерно одинаково. Бочонкообразные бусы печеночно-красного и оранжевого глухого стекла (III группа по З. А. Львовой) представлены пятью экземплярами (четыре и один экземпляр соответственно). Одноцветные крученые бусы (IV группа по З. А. Львовой) представлены пятью экземплярами. Хотелось бы отметить сдвоенную зонную бусину темно-синего стекла (3-я подгруппа «а» IV группы по З. А. Львовой), две небольшие цилиндрические бусины травянисто-зеленого просвечивающего стекла. IX группа по З. А. Львовой (одноцветные

⁴ Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность Якову Валентиновичу Френкелю, занимавшемуся научной обработкой коллекции стеклянных бус этого памятника и оказавшему неоценимую помощь в подготовке этой работы.

⁵ Здесь и далее номера групп и подгрупп даются по работе: Львова 1968: 64—94.

бусы из тянутых стеклянных палочек) представлена среди коллекции бус Сясьского городища серией из девяти бус. Из них четыре бусины голубого прозрачного стекла (три в форме грубого куба со сглаженными углами, одна — подчетырёхгранная). Еще две бусины, выполненные в данной технике — неправильная четырёхгранная подпираимидальная бусина глухого бирюзового стекла и уплощенно-каплевидная бусина черного стекла. Завершает перечень одноцветных бусин пять аккуратных округлых экземпляров прозрачного стекла высокого качества — две винно-красные, две голубые и одна синяя бусина. *Мозаичные бусы* (I группа по З. А. Львовой) в коллекции бус Сясьского городища представлены девятью экземплярами: четырьмя круглыми бусинами (три — сварены из желтых и зеленых стерженьков, одна — аналогична приведенной у З. А. Львовой на рис. 1: 21) и тремя цилиндрическими пронизками синего стекла, по краям орнаментированными желто-красными поясами. Декор двух из пронизок этим и ограничивается; в центральную область второго экземпляра помещен крестообразный шахматный рисунок. К этой группе условно можно отнести также две бусины желтого и красного глухого цветов, изготовленных из проколотых отрезков стеклянной палочки и украшенных сложной полихромной стеклянной лентой. *Глазчатых бус* (II группа по З. А. Львовой) найдено восемь экземпляров. Все они выполнены из синего стекла. В четырех случаях глазки васильково-синие в белых ободках, в трех — желтые в белых ободках или без ободков, в одном случае — зеленые в белых ободках. *Полихромные бусы* IV группы по З. А. Львовой представлены восьмью экземплярами: молочно-белыми с печеночным орнаментом в виде двойной волны, близкими типу B016O по Ю. Кальмеру⁶ — в одном случае в образуемую волнами декора петлю помещен гладкий мозаичный глазок в виде черно-белой «ромашки» — и бусами, близкими перечисленным, но отличающимися цветом стекла основы — желтым (напоминает тип B223O по Ю. Кальмеру, хотя цвет стекла декора коричневый) и синим прозрачным (всего два экземпляра). Все эти бусины относятся к 1-й подгруппе IV группы по З. А. Львовой. Еще одна бусина — глухого желтого стекла украшена мозаичными глазками (черное ядрышко в белом и красном концентрических кругах). К полихромным бусам IV группы относится и небольшая серия из трех цилиндрических бусин глухого черного стекла, орнаментированных рельефными колечками глухого желтого стекла (в двух случаях), либо рельефной нитью того же стекла, аккуратно пущенной по спирали (тип B060 по Ю. Кальмеру). З. А. Львова относит эти бусы также к 1-й подгруппе IV группы. Им близка цилиндрическая бусина мутновато-прозрачного бесцветного стекла, изготовленная в технике навивания; она

⁶ Здесь и далее типологическая номенклатура цитируемого исследователя дается по работе: Callmer 1977.

также декорирована тремя колечками желтого глухого стекла, однако утопленного в тело бусины. Известна также синяя кольцевидная бусина прозрачного стекла с рельефным глазком молочно-белого стекла. Полихромные бусы VIII группы представлены подольно-полосчатыми бусами 2-й подгруппы по З. А. Львовой. Таких бус в коллекции 11 экземпляров: 5 многоцветных желто-красно-сине-белых (иногда видна основа зеленого прозрачного стекла) — «классические» бусы 2-й подгруппы, близкие типу E160O по Ю. Кальмеру; четыре бусины прозрачного темно-синего стекла с тонкими продольными белыми полосками (тип E064T по Ю. Кальмеру) и два экземпляра блекло-белого стекла, декорированных тонкими темно-красными полосками (близкие типам E161T—E162T по Ю. Кальмеру). Все перечисленные бусы находят широкие аналогии в материалах Староладожского поселения, и в отношении определения места их производства и хронологии существует обширная литература.⁷ В целом коллекция бус, с некоторыми оговорками, достаточно хорошо соотносится с материалами горизонтов Е и Д староладожской коллекции, а значит, с периодом VIII—X вв.

Наиболее ранними в коллекции следует признать центрально-европейские по происхождению цилиндрические бусы черного стекла (типа B060 по Ю. Кальмеру). З. А. Львова приводит аналогии подобным бусам в памятниках Моравии, датирующихся началом IX—X вв. (Львова 1968: 77). Два экземпляра, опубликованные Е. А. Рябининым (Рябинин 1982: Табл.), относятся к самому нижнему микрогоризонту горизонта Е₃ (750—760-е гг. — Рябинин 1999: 180, примеч.). К нижнему микрогоризонту горизонта Е₃, видимо, относятся и две аналогичные бусины из раскопок В. И. Равдоникаса (Френкель: в печати). Тем не менее, в публикации 1982 г. Е. А. Рябинин осторожно отметил, что подобные бусы «не выходят за пределы VIII в.» (Рябинин 1982: 171—172). Аналогичным образом определяет время бытования подобных бус в Северной Европе Ю. Кальмер (Callmer 1997: Taf. 16), приводящий в своей монографии 1977 г. единственный комплекс с подобными бусами, расположенный в Норвегии (Callmer 1977: 18).

Верхнюю границу существования поселения, видимо, маркируют бусы, близкие типу E161—162 по Ю. Кальмеру (Callmer 1997: Coular plate III). Речь идет о выполненных из тянутых трубочек округлых, часто — «лимоновидных» бусах светлого стекла, декорированных тонкими продольными полосками темного стекла. Цвет тела бусины варьируется от бело-серого до желтого; цвет полосок варьируется от разных оттенков красного и коричневого до черного стекла. З. А. Львова относит такие бусы к VIII группе, подгруппе 2. И З. А. Львова и Ю. Кальмер согласно датируют появление таких бус второй половиной X в. Видимо, не противоречат им и находки из Нов-

⁷ Библиографию см.: Рябинин 1982: 165—173.

города, где датировка наиболее ранних находок близка времени постройки 28 яруса (Френкель: в печати).

Таким образом, начало жизнедеятельности на изученном участке поселения к югу от Сясьского городища следует отнести ко времени не позже второй половины VIII в., причем наиболее вероятной является третья четверть VIII в. Более сложен вопрос о времени прекращения активной деятельности в этом районе. Как мы уже неоднократно отмечали, в материалах раскопок неизвестна керамика, изготовленная на гончарном круге. Время появления кружалной керамики по материалам Староладожского поселения вряд ли можно отнести ко времени позже 930-х гг. Вместе с тем, присутствие в материале «лимоновидных» бус светлого стекла, декорированных тонкими продольными полосками темного стекла, не позволяет отнести верхнюю дату поселения ко времени ранее 950-х гг. На наш взгляд, верхняя дата все же близка второй дате, что неизбежно ведет к констатации относительно позднего появления в этом районе круговой керамики.

Список памятников, датировка которых может быть, пусть и с некоторыми оговорками, отнесена к периоду VIII—IX вв., следует расширить за счет материалов раскопок поселений Ильменского Поозерья. Городище Георгий расположено на берегу р. Веряжи, впадающей в оз. Ильмень, в нескольких километрах от ее устья, при впадении в Веряжу ручья. Оно занимает северный конец моренного всхолмления и поднимается над окружающей поймой на 4,5 м. В ее северо-восточной части сохранились остатки земляного вала (Носов, Плохов 2002: 159—180). Этот памятник известен в литературе с 1911 г. и неоднократно подвергался археологическим раскопкам. К настоящему моменту на нем изучено около 600 кв. м. поселения. По мнению первых исследователей этого памятника, он относится ко времени VIII—IX вв. (Орлов, Аксенов 1961: 165—167). Несколько более позднюю датировку предложили Е. Н. Носов и А. В. Плохов — вторая половина IX—X вв., опираясь, в первую очередь, на характер керамического комплекса этого памятника, содержащий раннегончарную керамику, и некоторые индивидуальные находки (Носов, Плохов 2002: 169). Вместе с тем, исследователи особо отмечают уникальную для Ильменского Поозерья серию вещей, имеющих ранние аналогии. В первую очередь следует упомянуть находку железного ножа, рукоять которого завершалась двумя волютами. В российской литературе подобные ножи считаются характерными для славянских древностей (Минасян 1978: 148—152; Перхавко 1979: 47, 55). По мнению Р. С. Минасяна, по территории Восточной Европы ножи с волютообразным навершием распространились вместе с другими категориями хозяйственного и бытового инвентаря благодаря расселению групп славянского населения (Минасян 1978: 148—152). Другим предметом, заслуживающим пристального внимания, является находка бронзового салтовского перстня с крестообразно расположенными лапками, принадлежащего к типу I, по классификации С. А. Плет-

невой. Этот тип датируется автором классификации концом VIII—первой половиной IX в. (Плетнева 1967: 137—141, рис. 36). Кроме того, в процессе раскопок 1989—1993 гг. при разборке одной из хозяйственных ям был обнаружен комок из трех-четырех восточных монет плохой сохранности. После их расчистки И. Г. Добровольскому удалось определить три из них: 1) 1/3 арабо-сасанидской драхмы второй половины VII в.; 2) 1/4 часть омайядского дирхема, чеканенного в 713/714 гг.; 3) 1/4 часть аббасидского дирхема второй половины VIII—начала IX вв., чеканенного в Мединат ас-(Салам?) (Носов, Плохов 2002: 167). Эти находки, позволяют, на наш взгляд, говорить о возможности удревнения нижней даты поселения по сравнению с предложенной Е. Н. Носовым и А. В. Плоховым, тем более, что на поселении хорошо известны комплексы, содержащие исключительно лепную керамику. Таким образом, возникновение средневекового поселения на городище Георгий следует отнести к началу IX в. (а возможно, и к более раннему времени). К началу XI в., судя по характеру керамического комплекса, жизнь на памятнике замирает, и только немногочисленные фрагменты гончарной керамики в верхнем слое и отдельные находки позволяют говорить о посещении поселения в XI—XVIII вв. (Носов, Плохов 2002: 169).

Раскопки 1989—1993 гг. также показали, что поселок был изначально не укреплен, о чем свидетельствует зафиксированный под валом культурный слой. В этом слое найдены фрагменты глиняной обмазки и обломки лепной керамики, главным образом, конца I тыс. н. э., а также половинка бронзового пинцета. Впоследствии вал неоднократно подновлялся и реконструировался. Первоначальная насыпь вала и его последующие досыпки датируются, по мнению авторов раскопок, временем не позднее первой половины X в. Об этом свидетельствует то, что как в самой насыпи вала, так и в заполнении выемки на площадке перед валом, была найдена исключительно лепная неорнаментированная керамика при полном отсутствии гончарной посуды, распространившейся в Приильменье во второй половине X в. (Носов, Плохов 2002: 168).

Другим памятником, в материалах которого представлены древности VIII—IX вв., является поселение Прость. Оно расположено на левом берегу протоки реки Волхова при впадении в нее речки Прость в двух километрах к югу от Новгорода. Поселение занимает самый высокий холм в районе истока реки Волхова, окруженный низменной и затапливаемой во время паводков территорией. Высота площадки селища над уровнем реки 3—6 м. Селище Прость является самым крупным неукрепленным поселением раннего средневековья в окрестностях Новгорода, и некоторые исследователи видят в нем центр словен Ильменского Поозерья. Исследования поселения были начаты в середине 1950-х гг. и к настоящему времени здесь раскопано около 1600 кв. м культурного слоя. Однако, в силу ряда причин, хорошо документированы только работы, проводившиеся на памятнике в 1982—1999 гг.

Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН (Носов, Плохов 2002: 170—176). Среди индивидуальных находок, встреченных при изучении комплекса, следует отметить черную цилиндрическую бусину, украшенную восемью выступающими фиолетовыми глазками в бело-бирюзовом обрамлении. Такие бусы характерны для памятников ломоватовской культуры VIII—IX вв. Встречены они и в Поломском I могильнике полумской культуры (Голдина 1985: 53, табл. XXV: 86). В Прикамье такие бусы, по мнению З. А. Львовой, проникали с Северного Кавказа, где они бытовали в VIII—IX вв. (Львова 1973: 89). К близкому хронологическому периоду можно отнести три бронзовых поясных накладки (две квадратные с гранеными сторонами, прямоугольной прорезью в основании и гладкой поверхностью, а также серповидную без орнамента). По мнению авторов раскопок, эти фрагменты поясной гарнитуры находят прямые аналогии в древностях конца VII—VIII вв. Прикамья (Голдина, Водолаго 1990: 81, табл. XXX: 2; LXVШ: 21; Голдина 1979: 81, рис. 1—192, 6—33; Голдина 1985: 41, 130, 131, табл. X: 41, 42, 47; Голдина 1995: рис. 5: 22, 23; Семенов 1980: 37, табл. XII: 39), в комплексах древних тюрок южной Сибири, Тувы и Монголии (Добжанский 1990: 37—40, табл. XXVII: 1, 3; XXVIII: 1, 2; XXIX: 2; XXX: 1, 4; XXXI: 1, 2; XXXII: 2; XXXIV: 2, 3; XLII: 3, 4; XLIII: 2—4, 6, 7; XLIV: 6, 7; XLV: 2, 3, 5, 6; 40, рис. 19: 83; 22: 12; 23: 13, 14, 20; Степи Евразии ... 1981: 40, рис. 19: 83; 22: 12; 23: 13, 14, 20; Овчинникова 1990: 30—32, 34, рис. 7; 23: 2; 24: 7, 8, 10, 11; 53: 76, табл. 2), а также в слоях первых трех четвертей VIII в. Пенджикента (Распопова 1980: 89, рис. 63: 1, 3). Серповидные бляшки известны в материалах полумской (Ковалевская 1969: рис. 1: 29), ломоватовской (Голдина 1985: 42, табл. XII: 61—64) и неволинской культур (Голдина, Водолаго 1990: 82, 93, табл. XXXII: 35—39), раннесредневековых мордовских могильников (Циркин 1987: 221, рис. 70: 3), а также в древностях VIII—IX вв. Северного Кавказа (Степи Евразии... 1981: рис. 61: 21). Более того, эти два типа накладок составляют один комплект на некоторых «тюркско-аварских» поясах неволинской культуры, характерных преимущественно для VIII в. (Голдина, Водолаго 1985: 75, табл. XLIV: 3). Предложенной датировке не противоречит и полученная на поселении серия дендродат (Носов, Плохов 2002: 174). Отсутствие на памятнике представительной серии раннегончарной керамики и находка погребения, совершенного в конце XI—XII вв., свидетельствуют о том, что жизнь на поселении прекратилась не позднее первой половины X в.

Возвращаясь к материалам раскопок поселения у д. Городище на р. Сясь, следует отметить, что характер раскопанного участка, видимо, располагавшегося на окраине поселения и носившего производственный характер, а также размер его сохранившейся части (немногим более 170 кв. м) наложили заметный отпечаток на характер полученного материала. Среди индивидуальных находок встречено достаточно мало характерных предметов, позволяющих провести сравнение Городища с синхронными памятниками Се-

веро-Запада Руси. Вместе с тем, очерченный круг памятников оказывается настолько узким, а их важность для понимания исторических процессов настолько значительной, что определенное сравнение должно быть проведено даже на этом ограниченном материале.

В первую очередь обращают на себя внимание находки бус, которые являются не только достаточно массовым и очень информативным источником, но и имеют непосредственное отношение к международной торговле. Уже при поверхностном знакомстве с этой категорией находок можно отметить тот факт, что количество находок бус и бисера,⁸ сделанных на близких по времени памятниках, весьма различно. Безусловно, на состав и объем этого материала повлиял целый комплекс факторов, как то: расположение исследованных участков, мощность и сохранность культурного слоя, методика археологических раскопок и многое другое. Безусловным лидером здесь является Староладожское поселение, где коллекция бус насчитывает несколько тысяч экземпляров. На остальных памятниках этих находок во много раз меньше. Значительное число бус было обнаружено при раскопках ранних слоев Пскова — 327 экземпляров, однако, информация о результатах раскопок не позволяет детально проанализировать этот материал. Весьма представительная коллекция бус была собрана при раскопках Рюрикова городища: ее опубликованная часть насчитывает 285 экземпляров. Значительное количество стеклянных изделий происходит и с городища Георгий, где найдено 247 предметов. Следующим по представительности оказывается Сясьское городище, где, как мы уже упоминали, найден 151 экземпляр. Остальные памятники рассматриваемого периода демонстрируют более скромные цифры: городище Любша — 94 находки, поселение Прость — 69, Холопий Городок — 17, Изборск — 15, городище Камно — 13.⁹

⁸ В настоящей работе не учитываются находки глиняных и янтарных бус, которые, за редким исключением, не являются серийными.

⁹ Для анализа материалов использованы данные: слоев Е и Д-нижний Старой Ладogi (см. Рябинин 1985: 27—75); городища Георгий — материалы раскопок Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова в 1989—1993 гг. (Носов, Плохов 2002: 165—170); городища Любша — материалы раскопок Волховской экспедиции ИИМК РАН под руководством Е. А. Рябина в 1997—2001 гг. (Рябинин, Дубашинский 2002: 196—203); Рюрикова городища — материалы раскопок Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова в 1975—1988 гг. (Носов 1990: 37—146); поселения Прость — материалы раскопок Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова в 1997—1999 гг. (Носов, Плохов 2002: 170—177); городища Холопий Городок — материалы раскопок Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова в 1980—1981 гг. (Носов, Плохов 1997: 129—153); Псковского городища и городища Камно — материалы раскопок С. А. Таракановой (Тараканова: НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 2, д. № 1859, лл. 1—140); Труворова городища — материалы раскопок В. В. Седова в 1971—2000 гг. (Седов 2002а).

Эта разница делается гораздо более заметной при учете исследованной площади поселений и мощности культурных напластований, из которых происходят находки: Рюриково городище — 810 кв. м, городище Георгий — 444 кв. м, Сясьское городище — 170 кв. м, городище Любша — 300 кв. м, поселение Прость — 1000 кв. м, Холопий Городок — 256 кв. м, Изборск — 3000 кв. м, городище Камно — 434 кв. м, Псков — 1800 кв. м. При всей условности, сравнение дает, на наш взгляд, определенную характеристику для реконструкции объема бус, проходившего через руки древних жителей каждого поселения. Даже при учете всех факторов, повлиявших на количество сделанных находок, весьма показательной, на наш взгляд является крайняя бедность стеклянными находками Псковских городищ. Так, например, притом, что Труворово городище почти полностью исследовано раскопками, число бус там крайне невелико. К сожалению, у нас недостаточно данных, чтобы сделать определенные выводы о материалах Сясьского городища, поскольку изученный раскопками участок поселения слишком мал, чтобы экстраполировать полученные на нем результаты на все поселение. Вместе с тем, очевидно, что сделанные здесь находки значительно богаче, чем аналогичные материалы в регионе Пскова.

Следует также отметить, что упомянутые коллекции весьма различаются по составу находок бус, а именно по количеству найденного бисера. Содержание, которое вкладывает каждый исследователь в понятие «бисер», часто весьма различно, однако в большинстве случаев за ним стоит группа стеклянных бус диаметром до 4 мм. Не анализируя подробно состав этой категории ни по цвету, ни по составу стеклянной массы, ни по технологии изготовления, обратим внимание на то, какую часть анализируемых коллекций она составляет.¹⁰ Безусловно, количество находок бисера в наибольшей степени зависит от качества производства раскопок. Очевидно, что промывка культурного слоя поселений значительно увеличивает именно число находок бисера. Сильно влияют на этот показатель и другие условия, такие как состав культурного слоя, наличие в нем органических примесей и мелкого гравия, его окраска. Вместе с тем, в нашем распоряжении имеются: материал, полученный одним и тем же исследователем, производившим работы по одинаковой методике, как, например раскопки Е. А. Рябины на Земляном Городище Старой Ладogi и на городище Любша, а также памятники, культурный слой на которых полностью промывался: Городище на Сяси, поселение

¹⁰ Для анализа оказались недоступны материалы раскопок С. А. Тарakanовой на Псковском городище в силу их крайне поверхностного описания в ее работе (Тараканова: НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2, д. 1859, л. 52—54, 94—96) и материалы раскопок Труворова городища, поскольку автор работ, достаточно подробно проанализировав коллекцию бус, оставил за рамками работы находки бисера, упомянув только, что его составляли изделия из желтого и зеленого стекла (Седов 2002а: 86—89).

Прость, городище Георгий. Весьма показательны данные поселений, таких как Прость, культурный слой которых практически полностью изучен. Это, на наш взгляд, доказывает, что имеющиеся различия не удастся объяснить только внешними факторами, как то несовершенная методика раскопок или своеобразие исследованного участка, поскольку процент найденного бисера на этих поселениях неодинаков. Он варьируется от полного отсутствия находок бисера на городищах Любша и Камно, до подавляющего преобладания этих находок на городище Георгий (236 предметов из 247). Если для городища Камно с весьма бедной коллекцией бус отсутствие бисера вполне объяснимо, то для городища Любша, где индивидуальных находок вообще и стеклянных бус в частности, довольно много, это весьма неожиданно.¹¹ В материалах Городища на Сяси и Староладожского поселения находки бисера составляют менее 50% всего состава коллекции (53 из 151 и 231 из 522 соответственно),¹² а для поселений Ильменского Поозерья несколько превышают этот показатель. На поселении Прость и Рюриковом Городище число находок бус и бисера примерно одинаково (34 из 69 и 131 из 154 соответственно). При раскопках Холопьевого Городка найдено 12 экземпляров бисера из 17 стеклянных находок. В этой связи необходимо отметить малосерийность находок бус на городище Камно, что заставляет говорить об условности полученных для него результатов. То же следует сказать и о материалах Холопьева Городка. Кроме того, можно предположить, что процент находок бисера на Рюриковом городище был несколько выше, поскольку при проведении раскопок 1975—1988 гг. культурный слой поселения не промывался. Возможное увеличение количества находок бисера может сблизить это поселение с другими памятниками Ильменского Поозерья и усилить черты сходства поселения Прость со Старой Ладогой.

Еще одна черта коллекций бус, которая может быть проанализирована на имеющемся в нашем распоряжении материале, — это соотношение различных категорий бус, представленных на рассматриваемых поселениях. Поскольку информация о находках для разных памятников весьма разнородна, мы предлагаем рассмотреть только общие категории бус. Анализ наиболее представительных коллекций отражен на рисунке 4. Самыми разнообразными по составу являются коллекции бус, происходящие из Старой Ладogi и из раскопок Рюрикова Городища. Здесь встречены все категории бус, однако их соотношение различно. Характерное отличие видится нам в значительно более высоком удельном весе одноцветных бус для коллекции Рюрикова

¹¹ Этот факт с удивлением был подмечен и в предварительной публикации материалов раскопок поселения (Рябинин, Дубашинский 2002: 202).

¹² Для примера использованы материалы раскопок слоев Е и Д-нижний Старой Ладogi Е. А. Рябининым (Рябинин 1985: 27—75).

Городища. Менее заметны различия в более высоком проценте серебро- и золотостеклянных бус среди находок на Земляном Городище, а также в лучшей представленности многоцветных бус в этой коллекции. Следует также отметить, что для Рюрикова Городища каменные бусы более характерны, чем для Старой Ладogi. Эти отличия в наборах бус, на наш взгляд, вряд ли можно объяснить качеством раскопок или механическими характеристиками культурного слоя. Городище на Сяси, таким образом, ближе по составу коллекции бус Староладожскому поселению. Некоторые отличия заметны в полном отсутствии в материалах Городища на Сяси каменных бус и несколько большем удельном весе многоцветных бус. Также близкую картину демонстрирует коллекция бус с поселения Прость. Материалы городища Любша, наоборот, в отличие от предыдущих характеристик, более близки по составу материалам Рюрикова городища, в первую очередь, за счет большого удельного веса одноцветных бус. В качестве отличий следует назвать отсутствие в материалах раскопок городища Любша каменных бус и значительное количество серебро- и золотостеклянных бус (их число больше, чем на каком-либо ином памятнике, кроме Старой Ладogi). К сожалению, на остальных памятниках находки бус не представлены серийно, что крайне затрудняет анализ их состава. Из раскопок Холопьяго Городка происходит всего пять бусин, городища Камно — 13, городища Георгий — 11, Труворова городища — 15. Однако, наличие в материалах раскопок городищ Камно, Георгий и Труворова каменных бус, а также преобладание одноцветных бус над всеми остальными (девять из 13 на городище Камно, семь из 11 на городище Георгий и девять из 15 на Труворовом городище) позволяет сблизить эти памятники с Рюриковым городищем и городищем Любша.

Другой категорией находок, самым непосредственным образом связанной с международной торговлей, несомненно, является монетное серебро. Анализ этого материала в целом и монетам VIII—IX вв. в частности, посвящена целая серия работ (Носов 1976: 95—110; Гайдуков 1983: 28—29; Гайдуков, Фомин 1986: 101—110; Носов 1990: 148; Kirpicnikov 1988: 307—337; Носов, Плохов 2002: 159—180; Носов, Плохов 1997: 129—153). Не анализируя состав этой категории находок для каждого памятника в отдельности, считаем необходимым отметить, что находки монетного серебра VIII—IX вв. известны на большинстве рассматриваемых памятников. Монеты встречаются в материалах раскопок всех поселений Ильменского Поозерья или связанных с ними кладов. Так, например, с территории Холопьяго Городка происходит один из самых ранних кладов для района Новгорода. В Новгородский музей поступили четыре сасанидских драхмы и 20 куфических дирхемов. По мнению А. В. Фомина, определившего монеты клада, наиболее вероятная дата чеканки его младшей монеты — 810—812 гг. (Фомин 1993: 14). На городище Георгий при разборке одной из хозяйственных ям был обнаружен комок из трех-четырех восточных монет плохой сохранности.

После их расчистки И. Г. Добровольскому удалось определить три из них: 1) 1/3 арабо-сасанидской драхмы второй половины VII в.; 2) 1/4 часть омайядского дирхема, чеканенного в 713/714 гг.; 3) 1/4 часть аббасидского дирхема второй половины VIII—начала IX вв., чеканенного в Мединат ас-(Салам?) (Носов, Плохов 2002: 167). На Рюриковом Городище найдены два кладика арабских монет второй половины IX в. и семь дирхемов и их обломков, среди которых уникальная хорезмийская монета последней четверти VIII в. (Носов 1990: 148; Гайдуков, Никитин 1981: 114—117). В определенном смысле исключением является поселение Прость, где найден только обломок арабского дирхема, не поддающегося определению. Однако, учитывая общую датировку поселения, можно предполагать скорее его раннюю, а не позднюю дату. Очень представительная серия арабского серебра происходит из Старой Ладogi (Kirpichnikov 1988: 322—327). Фрагмент арабской монеты VIII—первой половины IX в. зафиксирован и на Городище на Сяси. Для окрестностей Пскова монеты этого периода малочисленны. С. А. Тараканова упоминает только о находке на городище Камно арабского дирхема 813 г. Исключение составляет серия монет из раскопок Труворова городища. Здесь встречены дирхем африканской чеканки, изготовленный в Тудге в 792/793 г., дирхем алАббасии 792/793 г., дирхем, отчеканенный в Арране в 805 г., два самаркандских дирхема 811/812 и 818/819 г., а также фрагмент дирхема рубежа VIII—IX вв. (Гайдуков, Фомин 1986: 108). На городище Любша монетное серебро до сих пор неизвестно.

Находки предметов импорта на большинстве анализируемых поселений достаточно многочисленны, однако, происхождение находок различно. Не анализируя подробно состав привозных изделий, который, например, на Староладожском поселении является столь сложным и многообразным, что до сего дня составляет предмет научной дискуссии (Мачинский 2003: 26—27), следует указать на наличие двух, наиболее заметных, категорий изделий. Первая связана с активностью скандинавов на Северо-Западе Руси, вторая — имеет прямые аналогии в древностях Прибалтики. Значимость этих групп древностей не одинакова на разных памятниках. Наиболее ярко обе эти группы представлены в материалах раскопок Земляного городища Старой Ладogi, что неоднократно отмечалось многими исследователями (Давидан 1986: 99—104). Также очень представительная серия скандинавских древностей происходит из материалов раскопок Рюрикова Городища (Носов 1990: 155—162), но круг древностей, аналогичный находкам в Прибалтике гораздо менее представлен. Подобная картина характерна и для других поселений Ильменского Поозерья, за исключением поселения Прость (Носов, Плохов 2002: 173—174), если учесть тот факт, что импортные изделия на всех этих памятниках вообще менее представительны. Для материалов городища Георгий следует указать находку фрагмента бронзового ладьевидного браслета (Носов, Плохов 2002: рис. 4: 11), а для Холопьево Городка — части брон-

зового массивного ладьевидного браслета, украшенного плетеным орнаментом (Носов, Плохов 2002: рис. 12: 4). Противоположная картина наблюдается для поселений Причудья: наиболее ярким здесь является круг древностей, связанный с территорией Прибалтики, и почти полное отсутствие древностей скандинавского круга. Среди вещей, имеющих широкие аналогии в Прибалтике, на городище Камно можно указать находки серповидных височных колец (Тараканова: НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2, д. 1859, л. 105), а для Псковского городища — бронзовые булавки с седловидным и дисковидным навершиями и бляшки-скорлупки (Тараканова: НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2, д. 1859, л. 40). Некоторое количество скандинавских вещей известно в материалах раскопок Псковского городища, как, например, находка круглой небольшой фибулы с плетеным орнаментом (Тараканова: НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2, д. 1859, л. 29), однако, по мнению С. В. Белецкого, они относятся ко времени после 860-х гг. (Белецкий 1980: 3—18; 2003: 331—340). Что касается вещей, известных на Сясьском городище, то привозные изделия, за исключением бус, здесь неизвестны. Находки, имеющие некоторые аналогии в материальной культуре иных регионов, как, например, трапезиевидные подвески или матрица для изготовления прямоугольных бляшек (Щеглова, в печати), относятся к той категории древностей, для которых остается открытым вопрос об их импортном характере.

Следующий круг вещей, демонстрирующий определенную систему в характере анализируемых поселений, относится к области металлургического и ювелирного производства. Во-первых, это открытие непосредственно на территории поселений остатков металлургических печей. Они известны на Псковском городище, городище Камно (Тараканова: НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2, д. 1859, л. 50 и далее), на Сясьском городище и в Старой Ладоге (Кирпичников, Назаренко 1997: 75—76, рис. 9, 10). На остальных поселениях, при достаточно большом количестве остатков металлургического производства в виде отдельных полуфабрикатов, шлаков и кричного железа данная традиция неизвестна. К кругу находок, связанных с ювелирным производством, относятся найденные на некоторых поселениях литейные формочки определенной группы. В настоящее время можно говорить, что они были предназначены для изготовления мелких, в основном, плоских пластинчатых или ажурных нашивных украшений простых геометрических форм из низкотемпературных свинцово-оловянистых сплавов, которые напрямую отливались в двусторонние разъемные многоразовые формочки (Щеглова 2002: 134—135). По мнению О. А. Щегловой, основа традиции изготовления и использования подобных украшений лежит в раннеславянских памятниках Румынии, Поднестровья, Побужья и Польши рубежа VI—VII вв. Однако, со второй половины VIII в. именно регион Причудья и Поволховья становится центром, из которого расходятся созданные здесь типы украшений и мода на них (Щеглова 2002: 146—147). В настоящий момент на городище Камно

известно 40 подобных формочек, на Изборском городище — 12, Псковском — две, в Ладоге — шесть, Любше — шесть, Городище на Сяси — три (Щеглова 2002: 138). В Ильменском Поозерье к этому кругу, с рядом оговорок, можно отнести единичные находки.

Завершая рассмотрение некоторых поселений VIII—IX вв., следует уделить внимание общей структуре поселений. Все они расположены на специально выбранных местах, обеспечивающих определенную естественную защиту поселения, однако следы искусственных укреплений известны далеко не везде. Более того, укрепления, созданные на начальном этапе развития поселений, или использование земляной фортификации более раннего периода, известны только в Причудье. На городище Камно вал, отделяющий городище от напольной части, по сведениям С. А. Таракановой, насыпан на погребенной почве, при его постройке не использовано остатков культурного слоя, и он не содержит находок (Тараканова: НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2, д. 1859, л. 103а). Более сложен вопрос со временем создания укреплений на Псковском городище. По мнению того же автора, на начальном этапе существования поселения, связанного с находками сетчатой керамики, укрепления отсутствовали. Время создания вала высотой до 1,5 м с деревянной стеной на вершине можно отнести к VIII в. На Труворовом городище, по данным С. В. Белецкого, культурный слой поселения VIII—IX вв. (Седов 1978) во многих местах лежит непосредственно на материке. В его основании пятнами прослежены остатки третьего — предматерикового слоя: темная до черного гумусированная супесь мощностью 0,05—0,25 м с включениями угля. Остатки предматерикового слоя сохранились также под насыпью вала (Белецкий 1993: 112—114). На городище Любша, по мнению автора раскопок, создание укреплений относится к VII—первой половине VIII в. (Рябинин, Дубашинский 2002: 198—199). Несколько более сложен вопрос о времени создания укреплений на городище Георгий и Рюриковом Городище. По мнению авторов раскопок городища Георгий, поселок был изначально не укреплен, о чем свидетельствует зафиксированный под валом культурный слой. В этом слое найдены материалы, главным образом, конца I тыс. н. э. Первоначальная насыпь вала и его последующие досыпки датируются временем не позднее первой половины X в. Об этом свидетельствует то, что как в самой насыпи вала, так и в заполнении выемки на площадке перед валом, была найдена исключительно лепная неорнаментированная керамика при полном отсутствии гончарной посуды, распространившейся в Приильменье во второй половине X в. (Носов, Плохов 2002: 168). Еще сложнее определить время сооружения укреплений на Рюриковом Городище. Составляющие их основу деревянные конструкции располагаются вдоль оврага (рва?) в месте перехода от городищенского холма к мысовой части городища. Время их существования определяется на основании стратиграфических наблюдений и серии дендродат, полученных для сооружений перекрывающего культурно-

го слоя. По мнению автора раскопок, время их разрушения — до рубежа IX—X вв. (Носов, Михайлов 2001: 35—37; Носов, Дорофеева, Михайлов 2002: 64—66). На остальных поселениях отсутствуют достоверные сведения об искусственных укреплениях.

Подводя итог, мы считаем возможным предложить некоторые замечания о возможных причинах и характере сходства и различия рассмотренных поселений. Несомненно, что наиболее значимым и представительным памятником среди них является Староладожское поселение. Его отличает наиболее полный набор признаков, основывающийся на богатстве и разнообразии материальной культуры. Безусловно, в основе этого лежит та ключевая роль в международной транзитной торговле, которую играло это поселение на протяжении всего средневековья. Видимо космополитизмом этого поселения объясняется и тот факт, что здесь известны практически все черты ранних поселений Северо-Запада Руси. В остальном структура поселений имеет региональный характер; можно выделить два основных региона: район Приильменя и район Причудья. Несколько неожиданным представляется сходство городища Любша с поселениями Причудья, а не Ильменского Поозерья или Старой Ладogi, что может до некоторой степени свидетельствовать о наличии здесь в последней трети I тыс. н. э. определенного пласта населения, отличающегося по некоторым своим культурным параметрам от населения Поозерья и нижнего Поволжья и имевшего тесные связи с жителями городищ типа Камно-Рыуге. Некоторые закономерности можно подметить и в отношении поселений Приильменя и Причудья. Эти поселения в гораздо меньшей степени были вовлечены в транзитную международную торговлю, чем Ладога, что, конечно, не является новым и неожиданным выводом. Причем, следует заметить, что следы трансевразийской торговли в регионе Причудья в целом гораздо менее контрастны, чем в Приильменье, что является результатом расположения этих поселений в стороне от основных торговых путей того времени.

Что касается Сясьского городища, то его материалы демонстрируют достаточное сходство с материалами раскопок Старой Ладogi. Вероятно, в основе этого сходства лежит не столько географическая близость поселения в среднем течении р. Сясь к Староладожскому поселению, сколько сходство роли этих памятников на определенных этапах их истории. Возможно, Сясьское городище являлось достаточно важным торговым пунктом для региона юго-восточного Приладожья, либо, на некоторых этапах, и для более широких территорий. Значительное отличие между этими памятниками наблюдается только в слабой представленности импортных изделий в материалах Сясьского городища. Это может быть объяснено как тем фактом, что материалы раскопок происходят с окраинной части поселения, так и тем, что поселение играло своеобразную роль в системе международной торговли. В качестве одной из вероятностей можно указать, что Сясьское городище представляло собой

место регулярных торгов и не имело значительного постоянного иноэтничного населения, которое могло бы оставить пласт импортных изделий, за исключением предметов массовых продаж, таких как бусы. Вместе с тем, мы хотели бы обратить внимание на интересную особенность, которая может оказаться весьма значительной, если будет впоследствии аргументирована на основании более детального изучения полученного материала. Эта особенность видится нам в том, что в обоих регионах имеются поселения, демонстрирующие достаточно тесную связь с международными торговыми операциями. Это поселение Прость для Ильменского Поозерья, имеющее весьма сходную со Староладожской коллекцию бус, и Труворово городище для региона Причудья, выделяющееся своими монетными находками. Сходство этих поселений между собой и с Сясьским городищем в крайней бедности импортных изделий. Гораздо более богатую привозными изделиями материальную культуру демонстрируют Псков для Причудья и Рюриково городище для Приильмения. Однако, характерно, что и в том и в другом случае подавляющее большинство привозных вещей в материальной культуре последних относится ко времени не ранее второй половины IX в., когда активная жизнь на поселении Прость и Труворовом городище постепенно затухает.

-
- Бартольд 1968 — *Бартольд В. В.* Хазары // Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Белецкий 1993 — *Белецкий С. В.* Изборск «Варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // ПАВ. 1993. № 6. С. 112—114.
- Белецкий 1980 — *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. 1980. № 160. М. С. 3—18.
- Белецкий 2003 — *Белецкий С. В.* Сколько лет Пскову? // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2003. С. 331—340.
- Богуславский 1989 — *Богуславский О. И.* Древнейший погребальный памятник юго-восточного Приладжья // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989. С. 30—32.
- Богуславский, в печати — *Богуславский О. И.* Результаты раскопок памятников в районе д. Городище на р. Сясь 1987—1999 гг. // Stratum (в печати).
- Богуславский 1993 — *Богуславский О. И.* Южное Приладжье в системе трансевразийских связей // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 142—149.
- Богуславский 1997 — *Богуславский О. И.* Южное Приладжье. Историко-культурные регионы и их взаимодействие // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 94—95.
- Богуславский, Мачинская 1993 — *Богуславский О. И., Мачинская А. Д.* Сясьское городище и поселения Нижнего Поволховья (опыт сопоставления) // ПАВ. 1993. № 6. С. 117—118.
- Брыкина, Кочкуркина, Сазонова 1972 — *Брыкина Н. А., Кочкуркина С. И., Сазонова О. И.* Исследования в Приладжье // АО 1971 г. М., 1972. С. 25—26.
- Булкин, Мачинский 1986 — *Булкин В. А., Мачинский Д. А.* Русь конца VIII—начала X вв. на балтийско-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 13—26.

- Гайдуков 1983 — *Гайдуков П. Г.* Монетные находки Изборска // АИП. № 3. Псков, 1983. С. 28—29.
- Гайдуков, Никитин 1981 — *Гайдуков П. Г., Никитин А. Б.* Хорезмийская серебряная монета конца VIII в. с Новгородского городища // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 114—117.
- Гайдуков, Фомин 1986 — *Гайдуков П. Г., Фомин А. В.* Монетные находки Изборска // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 101—110.
- Голдина 1979 — *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158. М., 1979. С. 79—90.
- Голдина 1985 — *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина 1995 — *Голдина Р. Д.* О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С. 16—30.
- Голдина, Водолога 1990 — *Голдина Р. Д., Водолога Н. В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Давидан 1977 — *Давидан О. И.* К вопросу об организации косторезного ремесла в древней Ладоге // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 101—105.
- Давидан 1986 — *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII—IX вв. // АСГЭ. 1986. № 27. С. 99—105.
- Дайга 1960 — *Дайга И. В.* К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) // СА. № 3. 1960. С. 84—90.
- Даркевич 1976 — *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976.
- Добжанский 1990 — *Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Дубов 1989 — *Дубов И. В.* Великий Волжский путь. Л., 1989.
- Загоскин 1910 — *Загоскин Н. П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910.
- Заходер 1962 — *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Ч. I.
- Калинина 1988 — *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых арабского халифата. М., 1988.
- Кирпичников 2002 — *Кирпичников А. Н.* Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 34—58.
- Кирпичников 2003 — *Кирпичников А. Н.* Ладога в первые века ее истории // Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 50—94.
- Кирпичников, Назаренко 1997 — *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984—1991 гг. // Древности Поволжья. СПб., 1997. С. 63—82.
- Ковалевская 1969 — *Ковалевская В. Б.* К вопросу о «поломской культуре» // МИА. № 169. М., 1969. С. 84—91.
- Кочкуркина 1989 — *Кочкуркина С. И.* Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.
- Леонтьев 1974 — *Леонтьев А. Е.* О времени возникновения Сарского городища // Вестник МГУ. 1974. История. № 5. С. 68—74.
- Леонтьев 1986 — *Леонтьев А. Е.* Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. № 183. С. 3—9.
- Леонтьев 1988 — *Леонтьев А. Е.* Городище Выжегша и происхождение Выжегшского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры: расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси. М., 1988. С. 94—102.

- Леонтьев 1989 — *Леонтьев А. Е.* Тимерево. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. 1989. № 3. С. 79—96.
- Львова 1973 — *Львова З. А.* Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. Л., 1973. Вып. 15. С. 83—104.
- Львова 1968 — *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. 1. // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10. С. 64—94.
- Львова 1970 — *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. 2. // АСГЭ. Л., 1970. Вып. 12. С. 89—111.
- Ляпушкин 1968 — *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). Историко-археологические очерки // МИА. № 152. Л., 1968.
- Мачинская 1988а — *Мачинская А. Д.* Металлические украшения Старой Ладogi и хронология древностей лесной зоны Восточной Европы (VIII—X вв.). Дипломная работа на каф. археологии исторического факультета ЛГУ. Л., 1988.
- Мачинская 1988б — *Мачинская А. Д.* Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладogi // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1988. С. 17—19.
- Мачинский 2003 — *Мачинский Д. А.* Ладoga — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладoga — древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 23—31.
- Мачинский 1985 — *Мачинский Д. А.* Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. С. 3—23.
- Минасян 1978 — *Минасян Р. С.* Железные ножи с волютообразным навершием // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 148—152.
- Моора 1963 — *Моора Х.* Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике // *Munera archaeologica Josepho Kostrzeewski. Poznan, 1963. S. 355—368.*
- Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов 1992 — *Носов Е. Н.* Новгородская земля IX—XI вв. (историко-археологические очерки): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. СПб., 1992.
- Носов 1976 — *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X вв. // ВИД. 1976. Вып. VIII. С. 95—110.
- Носов 1989 — *Носов Е. Н.* Новгород и новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. № 2(12). М., 1989. С. 3—38.
- Носов 1999 — *Носов Е. Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157—170.
- Носов, Дорофеева, Михайлов 2002 — *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А.* Исследования Рюрикова Городища // АО 2001. М., 2002. С. 64—66.
- Носов, Михайлов 2001 — *Носов Е. Н., Михайлов К. А.* Открытие древнейших оборонительных конструкций Рюрикова Городища // АО 2000. М., 2001. С. 35—37.
- Носов, Плохов 1997 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Холопий Городок на Волхове // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 129—153.
- Носов, Плохов 2002 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладoga и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 159—180.
- Овчинникова 1990 — *Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI—X веках. Свердловск, 1990.

- Орлов, Аксенов 1961 — Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 165—167.
- Перхавко 1979 — Перхавко В. Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Советская археология. 1979. № 4. С. 40—55.
- Петренко 1990 — Петренко В. П. Раскопки в Гробине // Материалы отчетной научной сессии ИИАН Латв. ССР. Археология. 1988—1989. Рига, 1990. С. 120—125.
- Плетнева 1967 — Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. М., 1967. № 142.
- Плоткин 1974 — Плоткин К. М. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 13—16.
- Равдоникас 1934 — Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // ИГАИМК. 1934. Вып. 94.
- Равдоникас 1931 — Равдоникас В. И. Раскопки в Приладожье в 1930 г. и некоторые выводы из них // СГАИМК. 1931. № 3. С. 1—6.
- Распопова 1980 — Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Репников 1915 — Репников Н. И. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах // ЗОРСА. 1915. Т. XI. С. 35—40.
- Рябинин 1999 — Рябинин Е. А. «Деревянный мир» Раннесредневековой Ладogi (по материалам раскопок Земляного Городища в 1973—1985 гг.) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 180—191.
- Рябинин 1982 — Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладogi (по материалам раскопок 1973—1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья Л., 1982. С. 165—173.
- Рябинин 1985 — Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 27—75.
- Рябинин, Дубашинский 2002 — Рябинин Е. А., Дубашинский А. В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 196—203.
- Седов 1978 — Седов В. В. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. 1978. № 155. С. 63—66.
- Седов 2002a — Седов В. В. Изборск-протогород. М., 2002.
- Седов 2002b — Седов В. В. Русы в VIII—первой половине IX вв. // КСИА. 2002. № 213. С. 26—38.
- Семенов 1980 — Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник Поломской культуры. Ижевск, 1980.
- Сениченкова 1998 — Сениченкова Т. Б. Керамика Ладogi VIII—X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
- Сениченкова 2002 — Сениченкова Т. Б. Орнаментация ладожской керамики VIII—X вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 93—113.
- Смирнов 1972 — Смирнов А. П. О столице государства волжских булгар // СА. 1972. № 1. С. 98—102.
- Степи Евразии... 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1981.
- Тараканова: НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2, д. 1859 (рукопись), 1859-А (альбом) — Тараканова С. А. Городища Псковское и Камно / НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2, д. 1859 (рукопись), 1859-А (альбом).

- Тараканова 1956 — *Тараканова С. А.* Псковские городища // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 33—44.
- Фомин 1982 — *Фомин А. В.* Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. 1982. № 171. С. 16—20.
- Фомин 1988 — *Фомин А. В.* Выжегский клад куфических монет первой половины IX века // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988. С. 103—131.
- Фомин 1993 — *Фомин А. В.* Новые находки восточных монет в Северной Руси // Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 18—21 мая 1993 г. Вологда, 1993. С. 14.
- Франклин, Шепард 2000 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750—1200. СПб., 2000. С. 25—110.
- Френкель, в печати — *Френкель Я. В.* Стекланные бусы Сясьского городища (по материалам раскопок 1987—1989 и 1996—1997 гг.) (в печати).
- Халиков 1973 — *Халиков А. Х.* О столице домонгольской Булгарии // СА. 1973. № 3. С. 83—99.
- Циркин 1987 — *Циркин А. В.* Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н. э. Красноярск, 1987.
- Шенников 1974 — *Шенников А. А.* О значениях термина «Вежа» // Культура Средневековой Руси. Л., 1974. С. 83—99.
- Шмидехельм 1959 — *Шмидехельм М. Х.* Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М., 1959. С. 158—161.
- Щеглова 2002 — *Щеглова О. А.* Свинцово-оловянные украшения VIII—X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 134—150.
- Щеглова, в печати — *Щеглова О. А.* Тисненые изделия и инструменты для их изготовления в раннесредневековых Любше, Ладоге и Изборске (в печати).
- Янин 1956 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья (Домонгольский период). М., 1956.
- Callmer 1997 — *Callmer J.* Bead production in Skandinavia and the Baltic Region // Perlen. Bonn, 1997. S. 195—202.
- Callmer 1977 — *Callmer J.* Trade beads and bead trade in Skandinavia, ca 800—1000 a. d. Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4. Nr. 11. Bonn; Lund, 1977.
- Callmer 1994 — *Callmer J.* Urbanisation in Scandinavia and the Baltic Region c. AD 700—1100 // Twelfth Viking Congress. Stockholm, 1994. Vol. 3. P. 53—72.
- Kirpicnikov 1988 — *Kirpicnikov A. N.* Staraja Ladoga/Alt Ladoga und seine überregionalen Beziehungen un 8.-10. Jh. // Berischt der Römisch Germanischen komission 69. 1988. S. 307—337.
- Nerman 1958 — *Nerman B.* Grobin-Seeburg. Stockholm, 1958.
- Noonan 1984 — *Noonan T. S.* Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // Archævium Eurasiae Medii Aevi. 1984. Vol. 4. P. 151—282.
- Noonan 1981 — *Noonan T. S.* Ninth-century Dirham Hoards from European Russia: A Preliminary Analysis // Viking Age Coinage in the Northern Lands: The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History / British Archaeological Reports: International Series. Oxford, 1981. Vol. 122. P. 47—117.
- Stewart 1978 — *Stewart I.* Anglo-Saxon Gold Coins // Scripta Nummaria Romana: Essays Presented to Humphry Sutherland. London, 1978. P. 153—167.

БРОНЗОЛИТЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО РЮРИКОВА ГОРОДИЩА В IX—X вв.

Н. В. ХВОЩИНСКАЯ

Район истока Волхова и прилегающее к нему ильменское Поозерье в конце I тыс. н. э. заселяются одной из групп восточных славян. Об этом свидетельствуют многочисленные поселения, выявленные при сплошном обследовании новгородской округи, по берегам р. Веряжи, вдоль р. Волхова и его правого рукава Волховца (Носов 1990: 173—183). Уже в древности данный район оказался самым населенным и экономически развитым по сравнению с другими территориями Новгородской земли. Этому во многом способствовали легкие плодородные почвы, удобные для начального земледелия, широкие заливные поймы, позволяющие развивать скотоводство, и само чрезвычайно выгодное географическое расположение региона — на перекрестке важнейших торговых путей Восточной Европы. В этой поселенческой зоне во второй половине IX в. на первое место по значимости выдвинулось Рюриково городище. Как отмечал Е. Н. Носов: «Первый от Ильменя холм при плаванье по Волхову, расположенный на естественно защищенном месте — на острове при раздвоении Волхова на рукава, — был очень удобен для первоначального возникновения торгово-ремесленного поселения, выполнявшего одновременно военно-административные функции контроля за движением по оживленной водной магистрали» (Носов 1990: 183). Городище стало первым протогородским поселением в Приильменье (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 28—32).

Однако до появления и расселения в Приильменье славян в третьей четверти I тыс. н. э. эти земли не пустовали. Территории, расположенные вокруг Ильменя, изначально были заняты финским, а к югу от озера также и балтским населением. Материальная культура дославянских обитателей Приильменя, несомненно, повлияла на характер складывающейся здесь древнерусской культуры, особенно в части моды, на различного рода украшения. К этой пестрой этнической картине в конце I тыс. н. э. добавляется еще один компонент. В Поволховье появляются скандинавы, по крайней мере, в Ладогe это происходит в середине VIII в. Среди скандинавов, появившихся на Руси, были не только купцы, при случае готовые взяться за мечи, и профессиональные воины, но и ремесленники, распространявшие традиции своего искусства среди местного населения. Не случайно в древнейших слоях Ладоги, датировемых 750—830 гг. (горизонт E₃), был найден клад, состоящий из набора ремесленных инструментов скандинавского происхождения (Рябинин 1980: 165—177). Таким образом, уже на начальном этапе сложения древнерусской

культуры на севере Руси переплелись традиции разных народов: финнов, балтов, славян и скандинавов.

На Городище, являвшемся центром торговли и ремесла, вошли в столкновение элементы различных культур. Здесь они были осмыслены, переработаны, и отсюда распространились на ближайшую округу и на разные территории Древней Руси. Одним из важнейших видов деятельности городищенских ремесленников было ювелирное дело.

Следует отметить, что на Городище стратиграфически и по характеру материальной культуры отчетливо выделяются два хронологических периода: вторая половина IX—X вв. и XI—XII вв. В нашей работе будут рассматриваться свидетельства ювелирного производства на раннем этапе истории Городища. Несмотря на то, что из древнерусского городищенского слоя происходят многочисленные тигли различных форм и размеров, шлаки, литейные формы и бракованные отливки бронзовых изделий, тем не менее, эти материалы не идут ни в какое сравнение, как по объему, так и по характеру аналогичному материалу, происходящему из культурных напластований древнего Новгорода. Они скорее дополняют его и должны анализироваться в едином контексте. В XI в. Городище утрачивает свою главенствующую позицию в регионе, на первое место выдвигается собственно Новгород, туда же перемещается и центр ремесленного производства, который диктует моду на бронзовые украшения и обеспечивает серийными вещами как ближайшую округу, так и более широкие территории.

Во время многолетних исследований Городища выявлена определенная группа находок, свидетельствующих о наличии развитого ювелирного производства у населения поселка уже в период его начального существования. К данной категории находок, прежде всего, относятся литейные формочки, ювелирные инструменты, тигли и льячки.

К IX—X вв. можно отнести пять формочек: три каменные и две глиняные. Все каменные формы были сделаны из достаточно редкого для территории Руси мыльного камня (жировика). По мнению А. Стальсберг «вещи, изготовленные из жировика, происходят с территории нынешней Норвегии и крайнего юго-запада Швеции» (Стальсберг 2003: 118). По ее данным на территории древней Руси известно 9 находок из жировика (шесть из Старой Ладogi, и по одной из Киева, Гнездова и Рюрикова городища).¹ Однако в северо-европейских районах месторождения жировика встречаются на протяжении все-

¹ Количество предметов, приведенное в работе А. Стальсберг, не бесспорно. Так, например, к числу изделий из мыльного камня она причисляет литейную формочку из Старой Ладogi для отливки слитков. В специальной же работе, посвященной этой формочке, А. Н. Кирпичников и Н. В. Ениосова отмечают, что данное изделие вырезано из слюдяного сланца (Кирпичников, Ениосова 2004: 290). В свою очередь не учитывается одна из формочек с Рюрикова Городища.

го Балтийского геологического щита, то есть на широкой территории Карелии, Финляндии, Швеции и Норвегии. Камень, использованный для изготовления литейных форм, найденных на Городище, отличался по цвету и фактуре. Две формы имели визуально одну структуру и темно-серый, почти черный цвет (рис. 1: 1—2). Видимо, они поступили из одного места и не случайно служили для одной цели, а именно для отливки слитков цветного металла. Третья форма, предназначенная для изготовления деталей подвесок, имела коричневую или бурую окраску (рис. 1: 3). Камень, из которого она была сделана, происходил из другого месторождения.

Одна из формочек, предназначенная для отливок слитков из цветного металла, представляла собой плитку несколько неправильной прямоугольной формы (6×3,7×2,1 см),² на широких плоскостях которой были вырезаны негативные углубления для воспроизводства четырех слитков прямоугольной формы разных размеров (5×1×0,8 см; 3,1×0,5×0,5 см; 3,1×0,7×0,9 см и 4,4×0,8×1 см), а также одного слитка полушаровидной формы (диам. 1,2 см, глуб. 0,75 см). Кроме того, негативы для двух других слитков полушаровидной формы (диам. 1,4 и 1,2 см, глуб. 0,7 см) были вырезаны на обеих длинных боковых сторонах плитки (рис. 1: 1). Среди негативов прямоугольной формы с особой тщательностью сделан только самый большой. Он имел трапециевидное сечение, плоское дно и, практически, вертикальные стенки. Остальные негативы были вырезаны более небрежно с плавным, выпуклым дном. Одно из круглых боковых углублений перебивало самое маленькое, так что для полноценных слитков могли использоваться только три прямоугольных и два круглых негатива. Отметим также, что вырезанные с противоположных плоских сторон плитки прямоугольные негативы, в одном случае так близко подходили друг к другу, что между ними образовалась трещинка. Поражает насколько экономно и максимально использована поверхность камня. Кроме того, помимо отчетливых негативов на плитке имелись различные углубления неясного назначения (например, клиновидное на одной из боковых граней и прямоугольное на краю плоской стороны) и выщербины.

Вторая формочка из жировика для отливки слитков была значительно больших размеров. Сохранилась только ее часть, имеющая неправильную форму (7,5×6,1×3,67 см). В настоящее время трудно определить размер утраченного куска. Форма предназначалась для отливки четырех слитков, негативы которых были вырезаны на двух плоских сторонах камня и на одной боковой (рис. 1: 2). Поскольку мы не знаем реальной длины слитков, то приводим только их ширину и глубину негатива (соответственно их толщину): самый большой слиток на плоской стороне в самой широкой части — 2,7×2,1 см;

² Размеры во всех случаях даются в следующем порядке: длина×ширина×толщина (или глубина).

слиток на боковой стороне — $0,9 \times 0,75$ см; и два слитка на второй плоской стороне — $0,8 \times 0,68$ см и $1,3 \times 0,75$ см. Все слитки имели трапецевидное сечение.

Плитки из жировика для отливки слитков из цветного металла достаточно широко использовались в Северной Европе в период эпохи викингов. Материалы по данной теме подробно изложены в работе А. Н. Кирпичникова и Н. В. Ениосовой (Кирпичников, Ениосова 2004: 290—296). Отметим лишь, что скандинавские исследователи при изучении памятников, где подобного рода формочки являлись массовым материалом (например, в Хедебю — 234 экз., из них 67 целых), выделяют среди них формочки, которые вырезались из кусков ранее использовавшихся уже изделий, так называемые «вторичные формочки» (Resi 1979: 64—67). Сравнивая формочку с Рюрикова городища с целыми формами для отливки только слитков из Старой Ладogi (из слюдистого сланца и глины), имеющими, как правило, правильные очертания, можно предполагать, что она являлась уже вторичным изделием. По крайней мере, не понятно назначение клиновидного выреза и срезанного края — это могли быть следы от первоначальной обработки камня. Что касается круглых углублений, то в них можно было отливать «фишки» правильной полушаровидной формы, которые вполне могли использоваться в качестве заготовок ювелирного сырья.

К этому же кругу находок относятся два обломка глиняной формочки также для отливки слитков, обнаруженных при раскопках Городища в 2005 г. Обломки не соединяются между собой, но они были зафиксированы рядом (кв. 61, гор. 3), и, несомненно, относятся к одной форме двухстворчатого типа. В обоих случаях ширина негатива (а, следовательно, слитка) была 0,7 см. Один фрагмент формочки имел размеры $2,75 \times 3,45$ см, глуб. негатива 0,4 см, другой — $2,5 \times 2,3$ см, глуб. негатива 0,25 см (рис. 1: 6, 7). Для плотного соединения частей формочки использовался обычный способ — сверху скрепленные створки обмазывали глиной. Этот верхний слой глины отличался по цвету и более рыхлой структуре.

Саму идею хранения и распространения цветного металла в слитках большинство исследователей связывают с североευропейской металлургической традицией (Кирпичников, Ениосова 2004: 295). Надо сказать, что слитки из цветного металла на памятниках Восточной Европы встречаются значительно чаще, чем формочки для их изготовления. Целые слитки и их обломки были найдены в Старой Ладогe (Давидан 1980: 62, 65, табл. 2: 1—4, 6, 7, 10), на Сарском городище (Леонтьев 1996: 128, рис. 50: 1, 3, 4, 7—11), в Гнездове и Тимереве (Кирпичников, Ениосова 2004: 295), на поселении Крутик (Голубева, Кочуркина 1991: 69, рис. 34—2). Можно также упомянуть клад на городище Выжегша, основу которого составляли 16 оловянисто-свинцовых слитков (14 целых, один обрубок и один деформированный) (Леонтьев 1996: 205—207). Слитки из бронзы зафиксированы и на Рюриковом городище.

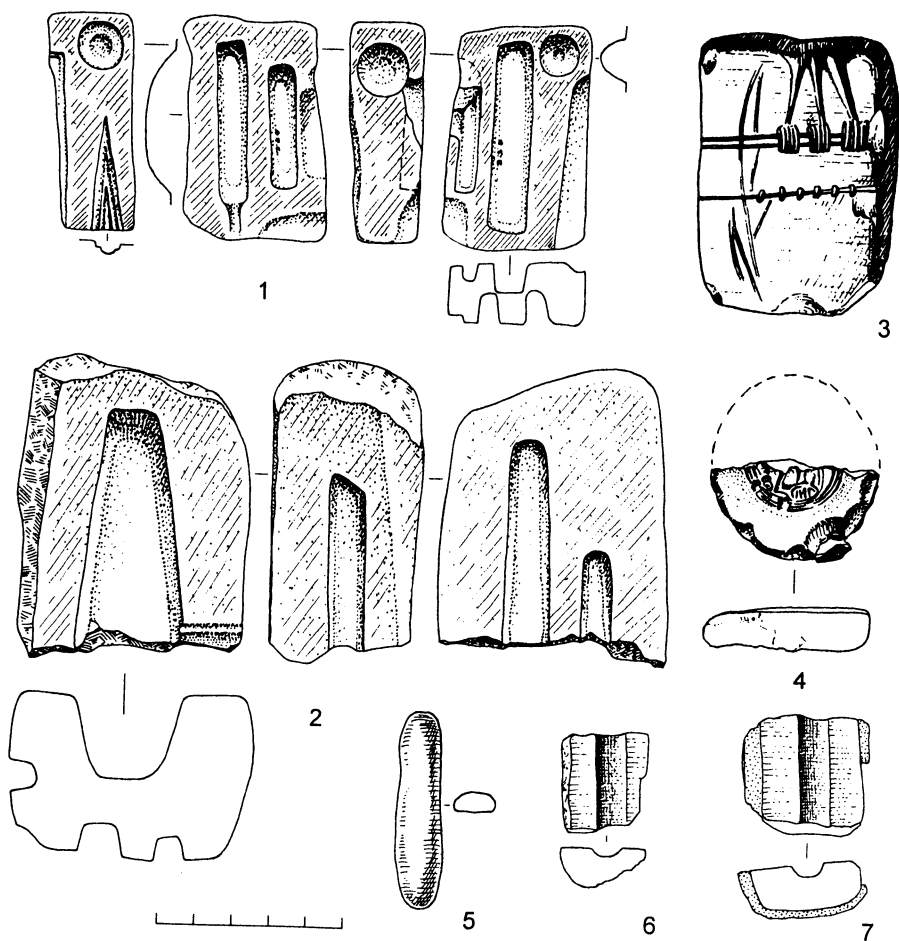

Рис. 1. Рюриково городище. Каменные и глиняные литейные формы

Нам удалось изучить три таких слитка. Один из брусков обнаружен при разборке заполнения основания постройки, в которой в частности был найден клад арабских монет, датируемый концом 860 г. (Носов 1990: 92). Два других происходят из подъемного материала, так что могли относиться и к древнерусскому времени. Слиток из раскопок имел размеры 5,2×1,2×0,5 см, сегментальное сечение и округлые края (рис. 1: 5). Два других различны по типу. Один представлял собой клиновидный слиток, изготовленный в мелкой форме (5,6×1,8×0,4 см). С широкой стороны заметен след от обрубания металла. Второй слиток трапецевидного сечения (23,8×0,7—1×1 см) также использовался и один конец его был оплавлен.

Как показывает наблюдение над материалом, слитки делались, по-видимому, как в открытых, так и в закрытых формах. При заливке металла в открытую форму, как правило, происходила усадка металла и верхняя поверхность слитка оказывалась вогнутой (см. Давидан 1980: 62, табл. 2: 1—4, 6, 10; Леонтьев 1996: 128, рис. 50: 1, 7—11 и пр.). В то же время слитки с Городища не имеют усадочной раковины. Такое качество слитков при литье в открытых формах, по мнению Р. С. Минасяна, «обеспечивается при условии, если литейщик до минимума сократит период кристаллизации, не перегреет расплав и нагреет форму настолько, чтобы образование зародышей кристаллов началось со всех сторон одновременно» (Минасян 1994: 169). Однако находка глиняной формочки показывает, что бруски из цветного металла отливались и в закрытых формах, но в этом случае слитки должны были иметь округлое сечение.

Как мы уже отмечали, из жировика, помимо двух форм, предназначенных для отливки слитков, была сделана еще одна формочка, представляющая собой одну из створок двусторонней разъемной многоразовой формы (рис. 1: 3). Она также может быть отнесена к кругу ранних изделий. Как убедительно показала О. А. Щеглова, такого рода формы использовались для «изготовления мелких, в основном, плоских пластинчатых или ажурных нашивных украшений простых геометрических форм из низкотемпературных свинцово-оловянных сплавов», восходящих к раннеславянской ювелирной традиции (Щеглова 2002: 134, 135, 147). На одной части формы вырезались негативы самих изделий с орнаментом на лицевой стороне, а на другой наносились ямки для ушек этих изделий. Чтобы сформировать отверстие, в ушках по центру через ямки вырезался канал, в который во время литья украшения вставлялась проволока из тугоплавкого материала. Насколько можно судить, на Городище именно и была найдена «обратная сторона» литейной формы. С одной стороны в ней вырезаны негативы простых ушек, через которые проходит канал, но к ним нет литников, так что этими негативами невозможно было пользоваться, с другой стороны параллельно вырезано три негатива для изготовления рифленых ушек. Через них проходят два канала для проволоки и к ним подведены литники. Подобные рифленые ушки ши-

роко использовались у различных круглых, зооморфных подвесок и лунниц (Успенская 1967: 107, рис. 18: 1, 3; Седова 1981: 25, рис. 6: 3, 11).

Важной находкой для характеристики ювелирного дела у жителей Городища на раннем этапе его существования является половинка глиняной формочки. Перед нами часть одной створки разъемной формы, вылепленной из глины в виде диска (диам. 4,4 см, толщ. 0,9 см), хорошо обожженная, в центре оттиснут негатив круглой ажурной подвески (рис. 1: 4). Дискovidные глиняные формы для изготовления круглых подвесок известны по материалам раскопок Ладоги и Белоозера (Давидан 1980: 61, 62, табл. 2: 14, 15; Захаров 2004: 227, 228, рис. 252: 2, 3). Перед литьем, чтобы обе створки плотно соединялись, паз между ними был замазан глиной, поэтому на боковом краю диска сохранился шов по месту разделения створок и кусок прилипшей глины от замазки. Хотя на глине сохранился оттиск менее половины подвески, в характере ее орнаментации легко угадываются очертания подвесок так называемого Гнездовского типа, украшенных зооморфным скандинавским орнаментом в стиле Борре. Судя по сохранившейся части декора, а именно ровному краю из рифленой тройной ленты, которая в двух местах перехвачена лапами животных, подвеска относится к типу Riddarholmen (группа В) согласно классификации Дж. Калльмера (Callmer 1989: 24, 29). По его мнению, данный тип подвесок особенно был распространен в период IX—X вв. на территории Восточной Скандинавии и Восточной Европы. Анализируя серийные подвески Гнездовского клада, Р. С. Минасян пришел к выводу, что некоторые подвески были сделаны не по первоначальному образцу, а по уже репродуцированному дефектному экземпляру, который был слегка подправлен. В свою очередь, образец из этой партии после некоторой коррекции стал основой еще для одной серии (Минасян 2002: 119—120). Подобная серийность в производстве ажурных подвесок косвенно указывает на их местное восточно-европейское производство. Литейная формочка, обнаруженная на Городище, полностью подтверждает этот факт.

В данной связи интересны приобретенные в последние годы Новгородским музеем три аналогичные ажурные подвески, найденные собирателями древностей в Ильменском Поозерье. Все они являются не очень качественными отливками. Две из них, совершенно очевидно, были сделаны по отпечаткам с реплик первоначальной модели. Отдельные детали орнаментальной композиции плохо проработаны, а вместо фигурных отверстий, придающих подвескам ажурность и подчеркивающих плетеный зооморфный орнамент, при их отливке получились лишь небольшие заплывшие круглые отверстия. Центр их изготовления, как теперь можно предполагать, находился на Городище.

В разъемных глиняных формах производилось тиражирование изделий. Для получения в глине качественного оттиска мастеру необходимо было иметь либо оригинал вещи, либо специальную модель (Минасян 2002: 118,

Рис. 2. Модель для изготовления скандинавских круглых фибул

119). В этой связи особый интерес приобретает вещь, найденная местным собирателем древностей А. Н. Сметаниным в 1997 г. на пахотном поле на вершине городищенского холма. Эта была маленькая круглая бронзовая скандинавская фибула (диам. 2,7 см). Она имеет выпуклую форму (рис. 2). Основу орнаментальной композиции лицевой стороны фибулы составляют стилизованные, в виде длинных лент, тела двух четвероногих животных, вытянутые и сплетенные восьмеркообразно, так что каждый зверь держит в разинутую пасти свой хвост. Морды животных изображены в профиль, нос в виде петли, глаза кольцевидные, а уши вытянуты назад. Одна морда несколько проще другой. Ноги зверей переплетены между собой. Плечи, расположенные при повороте лент, отмечены спиральным орнаментом. Рельефные ленты, изображающие тела животных, внутри украшены косыми насечками. В центре декоративной композиции расположена ромбовидная выпуклина. По краю фибула оконтурена тонкой двойной лентой с насечками. В целом изображение на лицевой стороне изделия достаточно плоское. Некоторой рельефностью выделялись лишь ноги животных (рис. 2-а).

По характеру орнамента фибула выполнена в стиле Еллинг и близка застегкам из Бирки типа I A1 согласно классификации И. Янссона (Jansson 1984: 60—61, Abb. 8: 2) Однако примечательность фибулы не в редком стилевом оформлении, а в том, что она никогда не использовалась по своему прямому назначению как застегка. На это указывают два обстоятельства. Во-первых, у изделия не был отпилен язычок литника. Во-вторых, на обратной стороне фибулы были отлиты две пластинки для иглодержателя, еще одна более длинная для приемника и выступ для петли (к которой подвешивались цепочки и подвески). Однако ни выступ для петли, ни пластинки иглодержателя не были просверлены, а пластинка, предназначавшаяся для приемника, не была загнута (рис. 2-б), то есть практически готовая вещь не была элементарно завершена для применения. Фибула выглядела так, как она вышла из литейной формы без следов последующей обработки. В то же время, следует

подчеркнуть, что отливка изделия получилась удачная, особенно по части проработки орнамента на лицевой стороне, и производственным браком ее не назовешь. Трудно также представить, что столь качественное изделие было сразу утеряно после изготовления здесь же в мастерской.

Наиболее приемлемое объяснение всему вышеизложенному можно дать, если рассматривать данную фибулу в качестве штампа для отливки серии таких вещей. Производство фибул по восковой модели требовало проведения достаточно непростой процедуры для получения двухстворчатой глиняной формы для отливки изделия (см. например: Catalogue 1992: 198—1991), причем в конечном итоге форма разбивалась. Любая глиняная форма могла быть использована только один раз. В том случае, если у мастера существовала модель, дело значительно упрощалось. С помощью имеющегося оригинального образца на одной створке глиняной формы оттискивалась лицевая сторона с орнаментом, а на другой — обратная. Именно то, что пластинка приемника не была загнута, а в иглодержатель даже не пытались вставить штифтик, прежде всего, и доказывает, что перед нами модель для тиражирования. Мастеру необходимо было в глиняной форме сформировать пластинчатые части приспособления для иглы, чего он и добивался, оттискивая обратную сторону данного изделия. Это в значительной степени облегчало работу по формовке второй створки. И в таком случае, имело смысл оставлять и литник в неспиленном виде, чтобы сразу наметить место расположения литника на створках новой формочки. Сама модель либо могла быть сделана прямо на Городище, либо ее привезли из Скандинавии по заказу местного мастера.

Особую группу находок, непосредственно связанных с бронзолитейным делом, составляют неудачные отливки бронзовых украшений, то есть производственный брак.

В 1965 г. Г. Ф. Корзухина опубликовала фрагмент фибулы, найденной С. Н. Орловым в размываемой береговой части Рюрикова городища (Корзухина 1965: 45—46). При неотчетливости изображения на фрагменте прослеживаются контуры двух голов (в верхней части — мужской головы с усами, а ниже — звериной, повернутой в противоположную сторону; рис. 3: 2). Судя по всему, это — неудавшаяся отливка изделия, которую не стали обрабатывать до конца. Г. Ф. Корзухина указала на то, что данная незаконченная фибула имеет прямую аналогию в материалах гнездовского могильника (рис. 3: 1), а сам тип фибулы был создан на просторах Восточной Европы, поскольку, несмотря на характерный скандинавский мотив орнамента, фибулы подобной формы не известны на территории Северной Европы (Корзухина 1965: 45—46). Не исключено, что гнездовская фибула вышла из мастерской городищенского ремесленника.

Еще одна неудавшаяся отливка, скорее всего, фибулы неясного типа была найдена среди подъемного материала 1970 г. Края изделия неровные, поверх-

ность покрыта выщербинами и бугорками. На верхней ромбовидной половине прослеживается орнамент из плетеных рельефных лент, характерный для скандинавских украшений, и два сквозных отверстия по бокам. В центре проступают очертания звериной мордочки (рис. 3: 3). К низу изделие суживается, и в этой части на обратной стороне прослеживаются два выступа, видимо, от держателя иглы (Носов 1990: 157, рис. 62—6). Вряд ли это часть неудачной отливки равноплечной фибулы, как предполагал Е. Н. Носов, скорее всего, данное изделие больше напоминает фибулу, рассмотренную Г. Ф. Корзухиной. До конца вопрос не ясен.

К числу неудачных отливок относится кольцо кольцевидной булавки с орнаментом в стиле Борре (Носов 1990: рис. 44—1), декор лицевой части которой настолько смазан, очевидно, что вещь была изготовлена не по первичной матрице, а по реплике изделия (рис. 3: 7). Кольцо было найдено при раскопках М. В. Шорина на южном берегу Сиверсова канала в коричневом слое с органикой, уходившем под вымостку. Дендрохронологическая дата бревна, на которой лежал настил, 900 год (Носов 1990: 47).

К кругу вещей, незавершенных по какой-то причине, относятся три крючка для крепления мужских онучей. Они были выполнены в виде звериных масок в стиле Борре (рис. 3: 4—6). Ни у одного из них не были просверлены верхние ушки, то есть отсутствовали отверстия, необходимые для крепления к онучам. Следовательно, они не могли использоваться по назначению. В Бирке пара таких крючков была найдена у ног погребенного мужчины (захоронение № 906) ушками с отверстиями вниз. Как полагали авторы раскопок, за ушки крючки пришивались к полосам шерстяных онучей, которые в свою очередь крепились уже с помощью самого крючка к холщовым штанам (Arbman 1943: 353, Abb. 304: 6). Один из городищенских крючков был найден при раскопках 1985 г., а два других происходят из подъемного материала.

Крючок из раскопок отличался наибольшим изяществом изображения звериной маски. Он ремонтировался, так как на носу маски высверлено вторичное отверстие, а на обратной стороне заметны следы пайки (рис. 3: 5). Второй крючок несколько большего размера был встречен в 1989 г. на поверхности в мысовой части Городища (рис. 3: 4). Е. Н. Носов полагал, что оба изделия являлись производственным браком, так как у первого отсутствовала самая главная деталь, а именно крючок, а у второго — крючок получился настолько тонким и непрочным, что не было смысла доводить изделие до конца. По мнению автора раскопок, данные находки являются свидетельством «изготовления подобных элементов одежды непосредственно на Городище» (Носов 1990: 162). В свою очередь, И. Янссон ставит под сомнение вопрос о местном производстве данного рода предметов, отмечая редкость этих украшений на территории как собственно Скандинавии, так и Восточной Европы (Янссон 1999: 29). Однако еще две находки, сделанные в последние годы на Городище, не позволяют сомневаться, что крючки от онучей изготавлива-

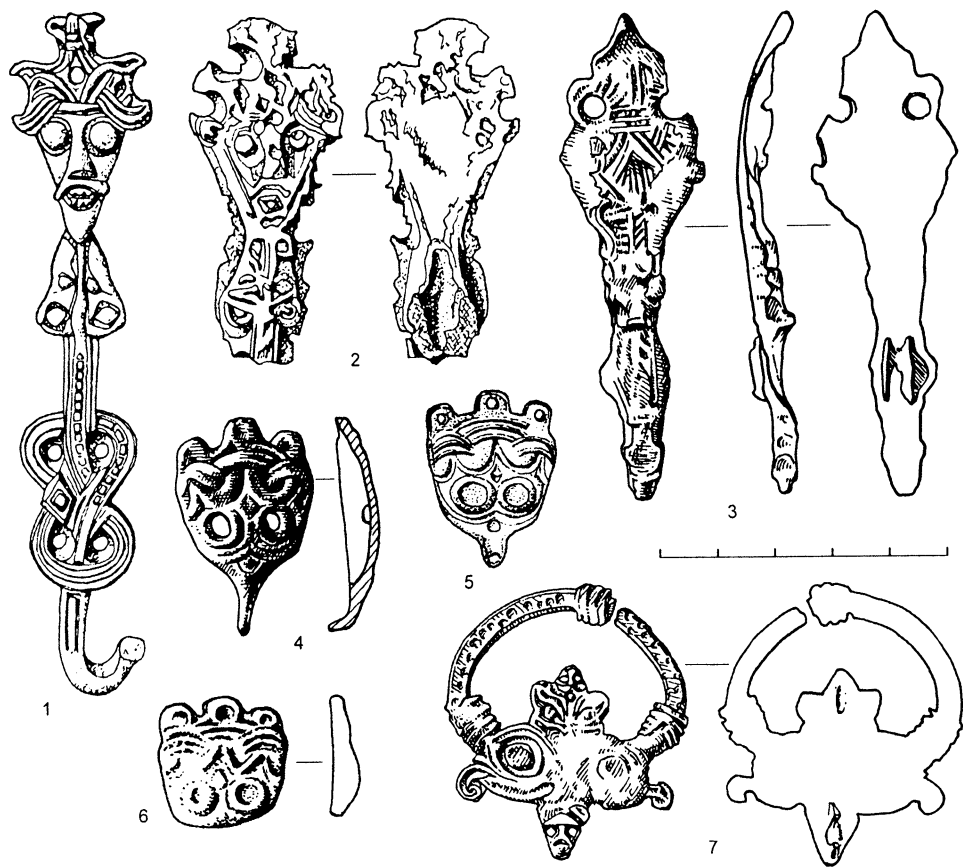

Рис. 3. Бронзовые украшения: 1 — фибула из Гнездово; 2—7 — неудачные отливки вещей в скандинавском стиле с Рюрикова городища

лись городищенскими мастерами, причем один из них явный производственный брак. У данного экземпляра при литье не хватило металла, а поэтому вообще не получилась вся нижняя часть с крючком. Само лицевое рельефное изображение маски чрезвычайно плохо проработано и смазано (рис. 3: 6). Очевидно, что оттиск в форме был сделан по реплике уже с реплики первичного изделия, и это также доказывает его местное изготовление.

К категории ювелирных инструментов в ранних слоях Городища можно отнести небольшие железные ножницы и молоточек. Ножницы для резанья металла были найдены в предматериковом слое на глубине 0,9—1,1 м. Они состояли из двух половинок, соединенных заклепкой (рис. 4: 2). Их миниатюрные размеры (дл. 7,7 см, шир. пластин 0,8 см) свидетельствуют, что данный инструмент мог применяться только для резанья тонких пластин из цветного металла. Сама форма ножниц весьма проста. Подобные железные ножницы, обычно, больших размеров достаточно часто встречаются как в качестве индивидуальных находок, так и в кладах вместе с другими металлообрабатывающими инструментами, на территории Северной и Восточной Европы (Леонтьев 1996: рис. 49: 6; Рябинин 1985: 59, рис. 21: 2; Müller-Wille 1977: 153; Arbman 1962: 202; Catalogue 1992: №№ 94, 95). По размерам же ближе всего к нашим ножницам ножницы с эстонского селища Кививаре (Аун 1975: 82, табл. VIII—1).

В слое второй половины X в. был найден небольшой железный молоток (рис. 4: 1) длиной 13 см, толщиной 1 см, с отверстием в центре для деревянной рукояти (диам. 2 см). Боек молотка имел округлую форму (диам. 1,8 см), а задок был заострен, подобно долоту (шир. 1,7 см). Подобные молоточки с долотовидными задниками и прямоугольными или круглыми бойками использовались для выковки ювелирных изделий. Они встречаются в коллекциях ювелирных инструментов древнего Новгорода и Старой Ладogi (Рындина 1963: 222, 223, рис. 15: 4; Репников 1948: табл. 1: 22). Молоточки такой же формы были распространены и в средневековой Европе (Arbman 1962: tabl. 1, 2; Catalogue 1992: N 94; Graham-Camhbell 1980: № 415).

В 2006 г. при исследовании центральной части городищенского холма впервые было выявлено сооружение, которое определенно может интерпретироваться, как остатки ювелирной мастерской. По составу находок, обнаруженных в заполнении данного комплекса (лепная и раннегончарная керамика, обломки скандинавских украшений, дирхем и пр.), мастерская относится ко второй половине X в. По характеру конструкции она представляла собой углубленную в материк яму корытообразной в плане формы (длиной 4,2 м, шириной до 1,6 м), центральная часть которой (1,5×3 м) была углублена на 0,64 м. По сути это была предгорновая яма, на северо-восточном краю которой располагался и сам горн. При разрушении сооружения горн ополз по склону стенки в виде скопления камней и глины. Сохранились части пода, представляющие собой плотные куски обожженной глины толщиной до 4—

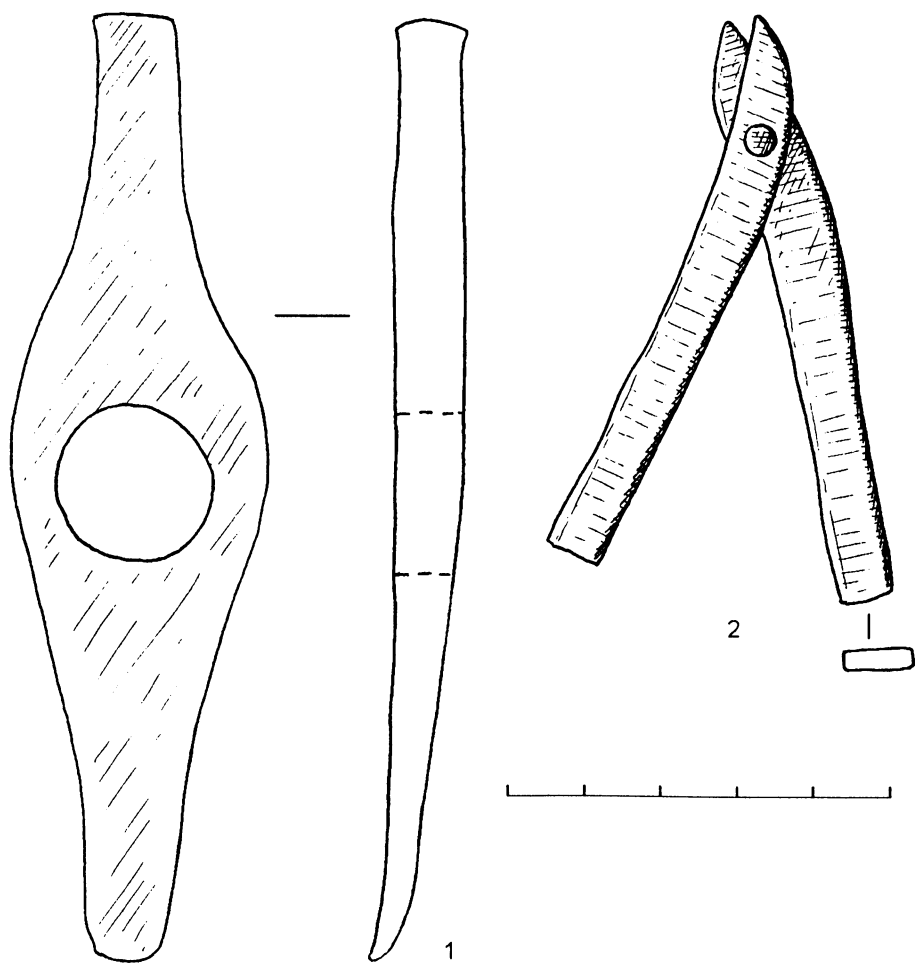

Рис. 4. Рюриково городище. Инструменты ювелира

5 см. С севера и юга к предгорновой яме примыкали приступочки, углубленные в материк на 0,3—0,4 м. Для мастера, стоящего в центре сооружения, они выполняли роль «столиков». Заполнение комплекса составляет углистый черный гумус с включением костей животных, камней и глины. О производственном назначении сооружения также свидетельствуют находки глиняной льячки и фрагментов тиглей. Открытая на Городище мастерская находит себе прямые аналогии в таких ремесленных центрах как Гнездово и Городок на Ловати. В. М. Горюнова на материалах Городка на Ловати выделила три типа производственных сооружений X в., различных по своим конструктивным особенностям (Горюнова 1978: 141—143; 1988: 51—52). Комплекс, исследованный на Городище, вполне вписывается в данную классификацию, и может быть отнесен ко второй группе. Основными признаками этой группы являлись овальная в плане предгорновая яма значительно углубленная в материк и горн-очажок, сооруженный на ее борту (Горюнова 1988: 51). По мнению В. М. Горюновой, в отличие от других типов производственных сооружений они отличались легкой конструкцией с жердевым покрытием. Судя по общему количеству камня и глины, оставшегося от горна, он был небольшого размера (диаметр топки 30—35 см) и сложен из камня и глины. Данные горны работали обычно на древесном угле, а в качестве флюса добавлялись кости животных (не случайно, что их было много в заполнении постройки), и обычно служили для плавки бронзы в тиглях, в отличие от более мощных кузнечных горнов, сложенных из камней (Горюнова 1978: 141). Хотелось бы также подчеркнуть, что открытое производственное сооружение находилось фактически на краю древнего рва, за пределами укреплений раннего городища.

Итак, как показывает собранный материал, в ранний период истории на Городище существовали ювелирные производственные комплексы и мастерами изготавливались достаточно сложные изделия скандинавского облика. При их производстве могли использовать только глиняные формы, что само по себе является не славянской традицией. И здесь мы встречаемся с парадоксальной ситуацией.

До сих пор на поселении при раскопках найден фрагмент лишь одной глиняной литейной формочки для отливки круглой ажурной подвески скандинавского типа. К примеру, при исследованиях Рибе в Ютландии встречено свыше 3000 фрагментов формочек (Brinch Madsen 1984: 31; Jensen 1991: 34), а только при раскопках 1991—1992 гг. в Бирке — более 4300 обломков (Амбросиани, Гайдуков, Носов, Янссон 1994: 115).³ Дело в том, что глиняные

³ Н. В. Ениосова в своей статье, посвященной гнездовским литейным формам, приводит ряд примеров еще большего количества обломков и целых глиняных форм, зафиксированных на поселениях скандинавских стран (Ениосова 1998: 79).

формочки делались индивидуально и использовались только для отливки одного предмета, после чего они разбивались (Brinch Madsen 1984: 36; Минасян 2002: 118). Именно поэтому обломков формочек так много в местах производств, а набор моделей был необходим каждому мастеру, поскольку его наличие обеспечивало серийность в изготовлении сложных изделий из цветного металла.

Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от Скандинавии глиняные формы в массовом количестве отсутствуют не только на Городище, но и на других поселениях Восточной Европы (Ладога, Гнездово, Тимерево, Городок на Ловати и др.). При этом, судя по находкам литейного брака, тиглей и льячек во всех этих торгово-ремесленных центрах существовало развитое бронзолитейное ремесло, изготавливались вещи скандинавского облика и формочки как наиболее массовый материал данного производства должны были бы присутствовать.

Среди сотен находок тиглей, льячек и их обломков на ряде поселений Северной Руси (Давидан 1980: 59—61; Кирпичников, Сарабьянов 2003: 65; Горюнова 1994: 61; Ениосова, Митоян 1999: 55) глиняные литейные формочки единичны. По известным нам данным можем указать, что в Ладоге найдено около 10 форм (Давидан 1980: 59—61; Плохов 2003: 292—304), одна — на Рюриковом городище, две — в поселке Городок на Ловати (Горюнова: 1974: 79, рис. 25—15; Горюнова 1978: 144, рис. 2—18), семь — в Гнездово (Ениосова 1998: 74—77) и подобные примеры можно умножить. На такую диспропорцию в соотношении обломков глиняных формочек и других находок, характеризующую древнее ювелирное производство Восточной Европы, в литературе уже обращали внимание. Так, Н. В. Ениосова отмечала, что при повсеместности употребления каменных и глиняных литейных форм, на территории Прибалтики, Древней Руси, Польши, Волжской Болгарии и Золотой Орды преобладали каменные формы, а, в свою очередь, в Северной и Западной Европе — глиняные (Ениосова 1998: 67—68). Однако с этим можно согласиться лишь отчасти. Действительно у славянских народов, заселивших со второй половины I тыс. н. э. обширные территории Восточной Европы в отличие от финнов, балтов и скандинавов бронзовые украшения были просты и немногочисленны. У славян до XI в. получили распространение различные плоские мелкие украшения или простые выпуклые изделия, которые отливались в каменных формах из легкоплавкого металла. Достаточно показателен в этом плане материал, собранный О. А. Щегловой (Щеглова 2002: 134—150). В то же время, как мы уже отмечали, среди многочисленных поселений конца I—начала II тыс. н. э. Восточной Европы выделяются крупные торгово-ремесленные центры, главным образом на водных магистралях, где документально зафиксировано производство вещей финно-скандинавского и балтского облика (Ладога, Рюриково Городище, Городок на Ловати, Гнездово).

Изготовление некоторых типов объемных рельефных украшений, которые широко бытовали в среде германских и финских народов, было невозможно в каменных формах, потому что вырезать даже в мягком камне плетеные зооморфные орнаменты сложных конфигураций с выпуклостями и выступающими головками практически нереально. Таким образом, в местах производства подобных украшений следовало бы ожидать большее количество фрагментов глиняных формочек как створчатых, используемых при литье по штампу, так и кусочков формочек, в которых отливались украшения по восковой модели. Всего этого не наблюдается.

На наш взгляд, данному обстоятельству можно дать несколько объяснений. Во-первых, обломки глиняных формочек достаточно специфичный археологический материал, представляющий собой часто аморфные небольшие кусочки плохо обожженной глины, легко рассыпающейся в руках, которые не привлекают к себе должного внимания исследователей во время раскопок. Кроме того, их сложно вычленить из культурного слоя, если он не промывается или не просеивается. В этом отношении показательным примером может служить факт, что при раскопках 1870-х гг. Я. Столле в Бирке было найдено только 10 фрагментов глиняных формочек. Промывка же заполнения его траншей, предпринятая в 1991 г. Б. Амбросиани сразу дала более 1300 таких обломков (Амбросиани, Гайдуков, Носов, Янссон 1994: 115). Надо прямо сказать, что культурные слои многих средневековых поселений во время исследований отечественными археологами до сих пор не промываются и даже не просеиваются, хотя это уже стало давно общепринятым в западной археологии. Во-вторых, на поселениях с влажным культурным слоем (Ладога, Рюриково Городище, Новгород и др.) маленькие кусочки слабо обожженной глины размокают, превращаясь в незначимые фрагменты. В-третьих, бронзолитейное производство было сосредоточено не на всех участках поселений и далеко не на всех памятниках. Многолетние промывки культурных напластований в южной части Рюрикова Городища, на городище Георгий и селище Прость в Ильменском Поозерье не дали материалов сравнимых с Биркой и Рибей. Отметим также, что в Гнездово четыре из семи формочек были найдены в один и тот же год раскопок, то есть, видимо локализовались на определенной территории. А в-четвертых, нельзя не учитывать тот факт, что в отличие от Скандинавии, в Восточной Европе просто не было столь массового производства вещей с использованием глиняных формочек.

В целом, новые материалы показывают, что Рюриково Городище, наряду с Ладогой, Гнездовом, Городком на Ловати и другими торгово-ремесленными центрами, расположенными на важнейших торговых путях Восточной Европы, является важным памятником для изучения бронзолитейного дела на начальном этапе становления производственных традиций Древней Руси.

Не случайно на Городище изготавливались украшения, имеющие различную этническую окраску.

Городищенские ювелиры использовали методы и приемы, характерные для производственных традиций разных народов Северной и Восточной Европы. Особенно ярко проявились черты, присущие североевропейскому ремеслу. Это свидетельствует о наличии на Городище постоянного населения, приверженного стилю скандинавской моды. Часть изделий расходилась вдоль торговых путей (напомним гнездовскую фибулу). На основе скандинавских образцов появились особые типы изделий, не имеющих аналогий в собственно Скандинавии, но выполненных в североевропейском стиле. Однако находка литейной формочки для отливки плоских подвесок и бляшек из легкоплавких металлов свидетельствует о потребности удовлетворять вкусы и иного, в данном случае, славянского населения. Продолжение исследования Городища, несомненно, поможет конкретизировать сделанные наблюдения.

- Амбросиани, Гайдуков, Носов, Янссон 1994 — *Амбросиани Б., Гайдуков П. Г., Носов Е. Н., Янссон И.* Первая находка скандинавской равноплечной фибулы типа Вальста на Руси // *Археологические Вести*. СПб., 1994. № 3. С. 110—120.
- Аун 1975 — *Аун М.* Селище Кививаре в Валгаском районе // *Известия Академии наук Эстонской ССР*. Таллин, 1975. Т. 24. Обществ. науки. № 1. С. 81—83.
- Давидан 1980 — *Давидан О. И.* Бронзолитейное дело в Ладогe // *АСГЭ*. 1980. Вып. 21. С. 59—67.
- Голубева, Кочуркина 1991 — *Голубева Л. А., Кочуркина С. И.* Белозерская весь (по материалам поселения Крутик). Петрозаводск, 1991.
- Горюнова 1974 — *Горюнова В. М.* Новое в исследовании «Городка» на Ловати // *КСИА*. 1974. Вып. 139. С. 74—80.
- Горюнова 1978 — *Горюнова В. М.* Поселок ремесленников на Ловати // *Проблемы археологии*. Л., 1978. Вып. 2. С. 140—148.
- Горюнова 1988 — *Горюнова В. М.* Ремесленные комплексы (X—начало XI в.) Городка на Ловати // *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. Киев, 1988. Т. 2. С. 51—55.
- Захаров 2004 — *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Ениосова 1998 — *Ениосова Н. В.* Литейные формы Гнездова // *Историческая археология. Традиции и перспективы*. М., 1998. С. 67—81.
- Ениосова, Митоян 1999 — *Ениосова Н. В., Митоян Р. А.* Тигли Гнездовского поселения // *Археологический сборник ГИМ*. М., 1999. С. 54—63.
- Кирпичников, Сарабьянов 2003 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003.
- Кирпичников, Ениосова 2004 — *Кирпичников А. Н., Ениосова Н. В.* Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги // *Восточная Европа в Средневековье*. М., 2004. С. 290—296.

- Корзухина 1965 — *Корзухина Г. Ф.* Находка на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 45—46.
- Леонтьев 1996 — *Леонтьев А. Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Минасян 1994 — *Минасян Р. С.* Способы изготовления платёжных слитков // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. № 9. С. 168—172.
- Минасян 2002 — *Минасян Р. С.* Способы литья оригинальных и серийных предметов на территории Восточной Европы в эпоху средневековья // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. СПб., 2002. С. 117—123.
- Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. СПб., 2005.
- Плохов 2003 — *Плохов А. В.* Неизвестные находки из раскопок 1940 года в Старой Ладогe // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2003. Вып. 10. С. 292—304.
- Репников 1948 — *Репников Н. И.* Старая Ладога. Л., 1948.
- Рябинин 1980 — *Рябинин Е. А.* Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладого // Скандинавский сборник. Таллин, 1980. Вып. XXV. С. 161—177.
- Рябинин 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 27—75.
- Рындина 1963 — *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. // Новые методы в археологии / МИА. 1963. № 117. С. 200—268.
- Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
- Сизов 1902 — *Сизов В. Д.* Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. 1902. № 28.
- Стальсберг 2003 — *Стальсберг А.* Связи между Норвегией и Древней Русью: археологические находки // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 115—126.
- Успенская 1967 — *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.: Труды ГИМ. 1967. Вып. 43. С. 88—132.
- Щеглова 2002 — *Щеглова О. А.* Свинцово-оловянные украшения VIII—X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 134—150.
- Янссон 1999 — *Янссон И.* Скандинавские находки IX—X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 18—38.
- Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka I. Tafeln. Uppsala, 1940.
- Arbman 1943 — *Arbman H.* Birka I. Text. Stockholm, 1943.
- Arbman 1962 — *Arbman H.* Vikingarna. Stockholm, 1962.
- Brich Madsen 1984 — *Brich Madsen H.* Metal-casting. Techniques, Production and Workshops. Ribe Excavations 1970—1976. Esbjerg, 1984. Vol. 2.
- Callmer 1989 — *Callmer J.* Gegossene Schmuckanhänger mit nordischer Ornamentik // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1989. P. 19—42.
- Catalogue 1992 — Catalogue. From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800—1200. Uddevalla (Sweden), 1992.

- Jansson 1984 — *Jansson I.* Kleint Rundspangen // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. P. 58—74.
- Jensen 1991 — *Jensen S.* The Vikings of Ribe. Ribe, 1991.
- Müller-Wille 1977 — *Müller-Wille M.* Der fruhmittelalterliche Schmied in Spiegel skandinavischer Grabfund // Frühmittelalterliche Studien. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Berlin; New York, 1977. Bd 11.
- Resi 1979 — *Resi H. G.* Die Specksteinfunde aus Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 14. Neumünster, 1979.

ДРЕВНЕРУССКИЙ ПРОТОГОРОДСКОЙ ЦЕНТР НА ПЕРЕДОЛЬСКОМ ПОГОСТЕ¹

Н. И. ПЛАТОНОВА,² Т. А. ЖЕГЛОВА,³ Ю. М. ЛЕСМАН⁴

Введение. В X в. на северо-западе Новгородской земли возникает и быстро развивается целая серия крупных поселений, которые можно трактовать как локальные административные центры. Их основными характеристиками являются: а) сравнительно большая площадь (по крайней мере, для периода, указанного выше); б) явно прослеживаемые остатки ремесленно-торговой деятельности; в) сочетание (как правило) укреплений и обширного открытого посада.

На рубеже I—II тыс. н. э. эти локальные центры приближаются по своему облику к «малым городам». Однако в XII—XIII вв. они либо исчезают, либо превращаются в рядовые сельские поселения. Видимо, тут и лежит причина «молчания» о них средневековых письменных источников. В верхнем Полужье и Поплусье к указанной серии «городков» достоверно относятся Передольский и Косицкий погосты. Не исключено, что более масштабные исследования позволили бы увеличить список подобных памятников (рис. 1). Изучение их представляет немалый интерес для историка. При отсутствии письменных сведений, источниковедческую базу здесь составляют исключительно археологические, нумизматические и сфрагистические материалы. Комплекс археологических памятников у Передольского погоста — центра Шелонской и Вотской пятин является в этом плане одним из наиболее перспективных для исследования и в настоящее время наиболее изученных.

Данный комплекс включает обширное древнерусское поселение (городище и селище) и непосредственно прилегающие к нему памятники — сопки, ряд культовых камней и, по-видимому, остатки древнерусского могильника (курганов?) (Платонова, Алексахин 2002). Передольское поселение расположено на левом («горнем») берегу р. Луги, в черте современной дер. Подгорье Батецкого района Новгородской области и к югу от нее (рис. 2—3). Пятно интенсивно окрашенного культурного слоя (по местной терминологии: «черная земля») имеет общую площадь около 9 га (рис. 2), что подтверждено шурфовой в различных частях поселения, поверхностными сборами, а так-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Фундаментальных исследований ОИФН РАН № 9,1 (проект «Северная Русь и народы Балтики») и РФФИ (проекты № 04-06-80384а; 04-06-88009 и 05-06-88024).

² ИИМК РАН, Санкт-Петербург.

³ Санкт-Петербургский городской дворец творчества юных.

⁴ Государственный Эрмитаж.

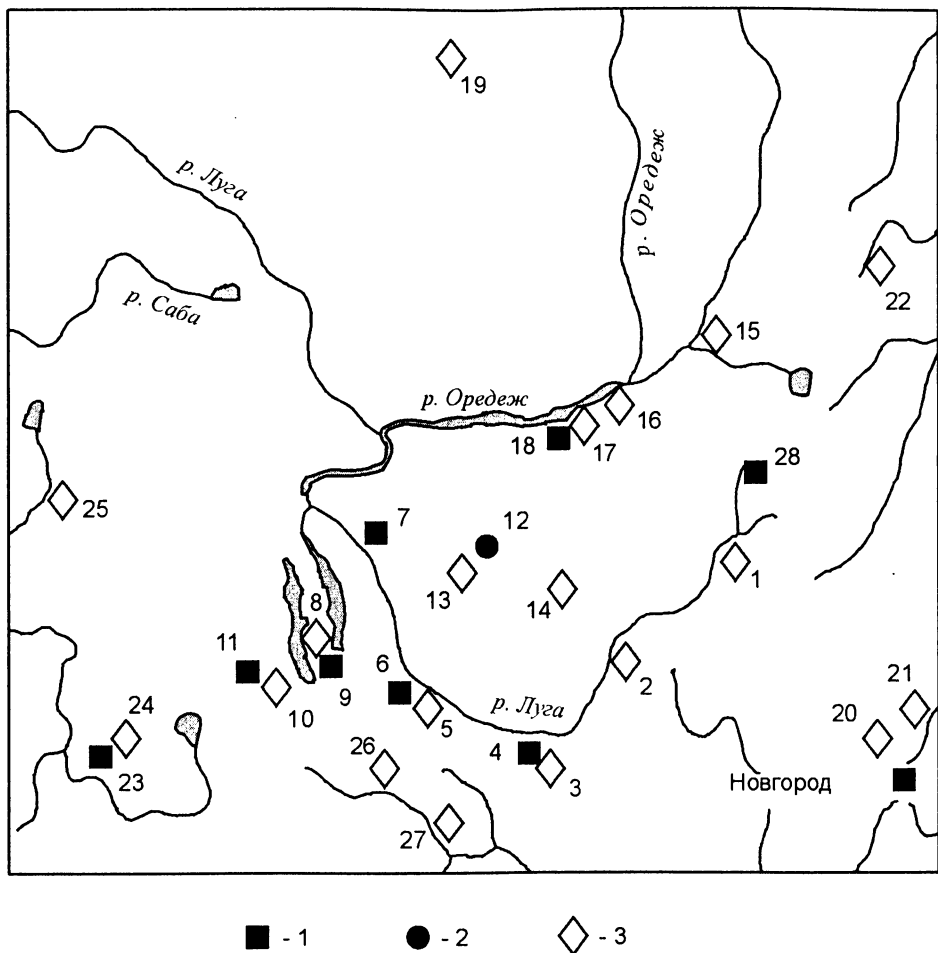

Рис. 1. Локальные центры X—XII вв. и погосты писцовых книг на Северо-Западе Новгородской земли (верхнее Полужье и сопредельные районы). 1 — пог. Луский; 2 — пог. Сабельский; 3 — пог. Косицкий; 4 — Косицкое; 5 — пог. Передольский; 6 — Передольское; 7 — Подгородье; 8 — Бутковичи; 9 — пог. Петровский; 10 — пог. Дремяцкий; 11 — Городец под Лугой; 12 — Удрай I—II; 13 — пог. Городенский; 14 — пог. Хрепельский; 15 — пог. Тесовский; 16 — пог. Спасский на Ордеже; 17 — пог. Будковский; 18 — Надбелье; 19 — пог. Орлинский; 20 — пог. Кречневский; 21 — пог. Пидебский; 22 — пог. Гдитцкий; 23 — Которск; 24 — пог. Которский; 25 — пог. Бельский; 26 — пог. Фроловский; 27 — пог. Турский; 28 — Курская гора.

Условные обозначения: 1 — укрепленное поселение; 2 — селище; 3 — погост XV—XVI вв.

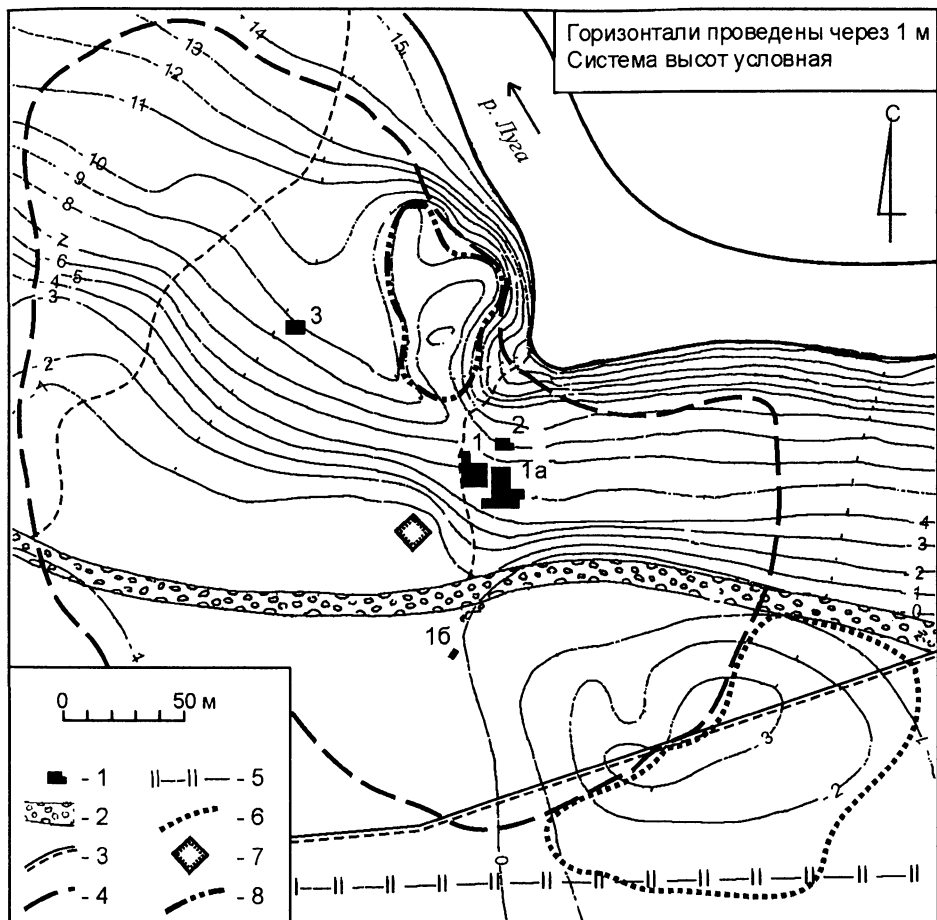

Рис. 2. Передольский погост. План поселения с привязкой основных раскопов.

Условные обозначения: 1 — раскопы 1985—2005 гг.; 2 — дорога Луга — Медведь; 3 — тропинка; 4 — граница распространения культурного слоя («черной земли»); 5 — линия ЛЭП; 6 — граница распространения подъемного материала; 7 — руины каменной церкви Воскресения Христова; 8 — предполагаемая граница городища

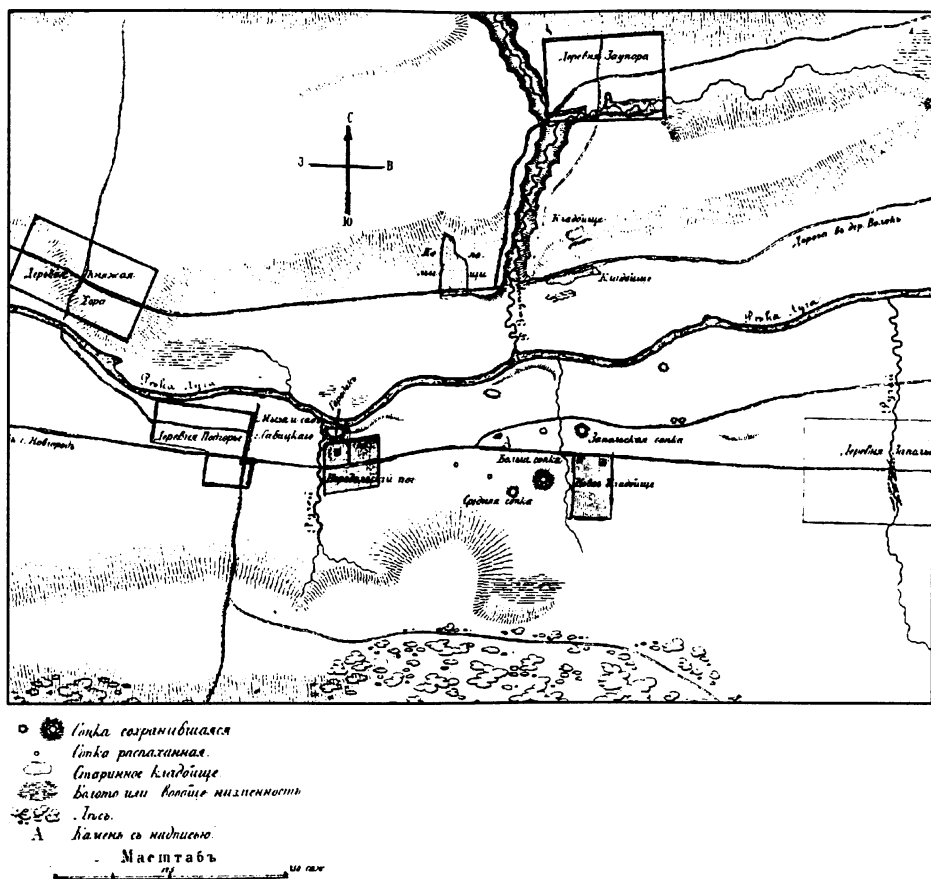

Рис. 3. План погребальных памятников у Передольского погоста, составленный М. И. Быстровым (1870-е гг.)

же опросными данными и наблюдениями, сделанными на ряде крестьянских усадеб. С юго-востока к описанной территории примыкает обширный участок поля, площадью около 1,5 га, на котором шурфовкой (2004 г.) пока не зафиксировано выраженных признаков культурного слоя. Однако из подъемного материала отсюда происходит целая серия интересных находок. Несомненно, застройка, в той или иной форме, присутствовала и тут. С учетом этого участка, общая площадь Передольского поселения должна была превышать 10 га.

Сопки Центральной группы, топографически связанной с Передольским погостом (Заполье 1), разбросаны по полю на значительном расстоянии друг от друга. Прежде их было, насколько можно судить по публикации краеведа XIX в. М. И. Быстрова, не менее 10, причем цепочка уничтоженных сопок начиналась в непосредственной близости от древнего поселения — примерно в 120 м от его юго-восточной границы (Быстров 1880; см. также рис. 3). Сохранившиеся сопки отстоят от нее на 300 и более метров. Две из них были исследованы Лужским отрядом ЛОИА-ИИМК РАН в 1985 и 1995 гг. (Платонова 2002).

Особый колорит и значение всему комплексу памятников придает Шум-гора (сопка № 5 Центральной группы). С этим гигантским сооружением связан целый комплекс легенд, обеспечивших ему широкую известность. Хотя часть этих преданий носит явно позднейший, «книжный» характер (как, например, рассказ о захоронении тут князя Рюрика и его «верной дружины»), все же следует признать: Шум-гора, действительно, уникальна — и по форме, и по размерам. Единственная из всех известных сопок, она имеет двухступенчатую форму — террасу на середине высоты. Высота ее составляет 12 м (с учетом естественной возвышенности — 13,5 м), диаметр — 70—75 м. В связи с этим еще в 2003 г. было начато ее исследование с использованием геофизических методов (Platonova et al. 2003; см. также: Носов, Платонова и др. в настоящем сборнике). Пока нам необходимо отметить одно: строительство такого, в высшей степени «престижного» культово-погребального сооружения возле древнерусского поселения не могло быть случайным. Оно носило знаковый характер и преследовало определенные (скорее всего, честолюбивые!) цели. Поселение, возле которого был воздвигнут подобный курган, никак не может рассматриваться как «рядовое».

Городище. В древности Передольское поселение делилось на две части безымянным ручьем. Возвышенный мыс по левому берегу ручья, при впадении его в Лугу, представляет собой остатки небольшого городища, ныне полностью занятого кладбищем (рис. 2—4). Название урочища зафиксировано М. И. Быстровым. По его словам, оно «исстари носит особое, специальное название „Городок“» (Быстров 1880: 385). Верхняя площадка городища занимает около 900 кв. м. По форме она представляет собой неправильный четырехугольник. Северный и восточный склоны мыса достаточно круты и

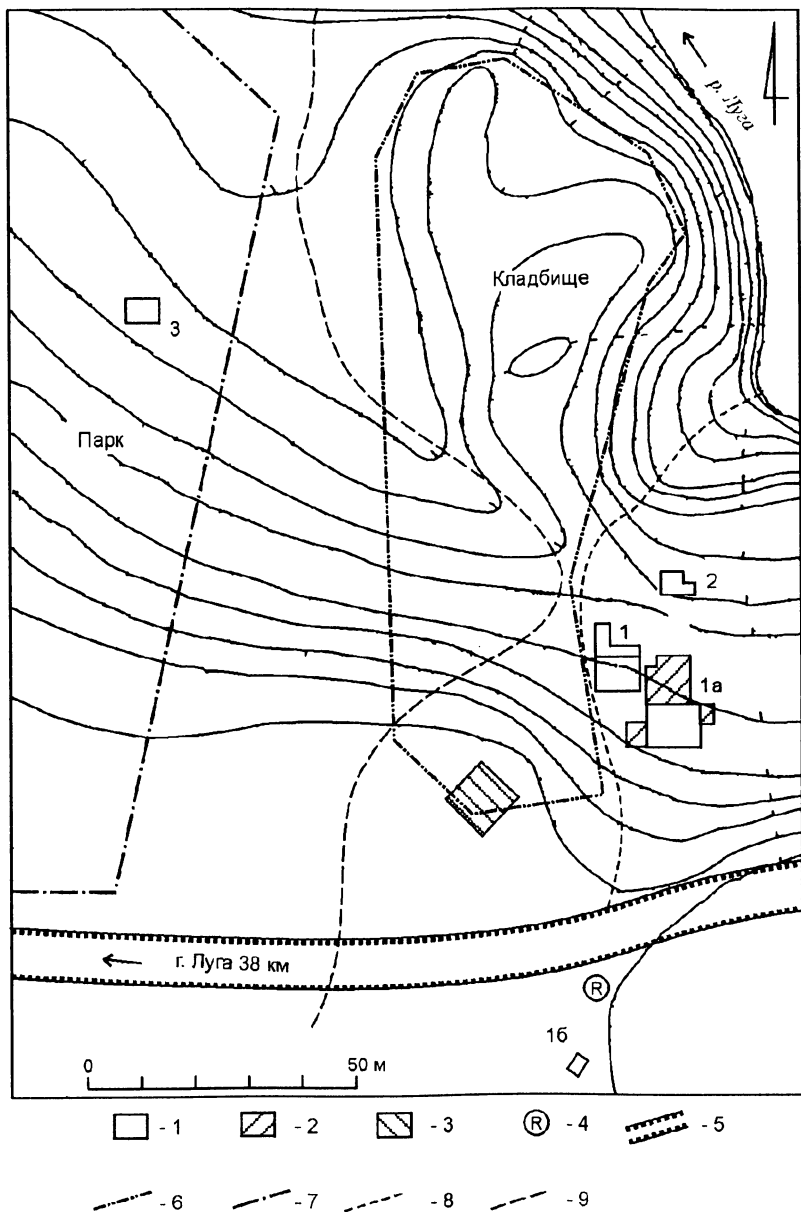

Рис. 4. Раскопы 1985—2004 гг. на Передольском погосте. Условные обозначения: 1 — раскопы 1985—2004 гг.; 2 — законсервированные участки раскопов; 3 — руины каменной церкви Воскресения Христова; 4 — репер 2004 г.; 5 — шоссе Луга — Медведь; 6 — граница приходского кладбища; 7 — граница старинного парка имения Милюковых — Лихаревых — Савицких; 8 — тропа от шоссе к реке; 9 — высохшее русло ручья

обрывисты, а с напольной стороны городища еще и сейчас можно наблюдать продольное возвышение, представляющее собой остатки вала. О наличии там крепостного рва свидетельствуют ощутимые западины рельефа с тыльной стороны городища. Въезд на него располагался в юго-восточной части. По свидетельству М. И. Быстрова, в XIX в. территория у подножия «Городка» ежегодно заливалась в половодье на треть его высоты.

В настоящее время и вал, и ров сnivelированы непрерывным рытвом могил, продолжающимся здесь с эпохи средневековья по сей день. Между оградками местами попадаются отдельные ровные участки, кажущиеся, на первый взгляд, не перекопанными. В 1986 г. Лужским отрядом ЛОИА было заложено четыре шурфа в центральной и восточной частях площадки. В результате выяснилось, что бурый аморфный слой, распространенный здесь повсеместно и представляющий собой слой многократного перекопа, имеет мощность около 1,5—2 м. В нем были найдены лишь маловыразительные черепки гончарных и лепных сосудов. Зато он в высшей степени насыщен человеческими костями.

При раскопках прямо под дерном были зафиксированы кости. Среди них оказались два черепа с четырехугольными отверстиями от бронебойных наконечников стрел или арбалетных болтов. Когда на материке были расчищены границы погребальных ям с непотревоженными захоронениями, датированными по медным монетам 1805 и 1811 гг., стало окончательно ясно, что перед нами любопытный образец «перевернутой стратиграфии».

По-видимому, рытье могил началось на погосте не позднее XVI в. Погребения эпохи позднего средневековья совершались на сравнительно небольшой глубине. В XIX в. могилы стали рыть на глубину «в сажень». Новые ямы начисто разрушали и старинные могилы, и, по-видимому, остатки древних культурных напластований, дополнительно врезаясь в материк на 20—30 см. Кости XVI—XVII вв. выбрасывались наверх. В сущности, самым важным свидетельством наличия культурного слоя на городище до сих пор остается свидетельство М. И. Быстрова, относящееся к 1860—1870-м гг.: «...Священник Илья Быстров однажды, несколько лет назад, распорядился, чтобы могилу вырыли поглубже. Ее вырыли в сажень. Оказалось, что место для могилы указано было такое, где раньше еще никто не был похоронен. В яме увидели сначала, под тонким слоем чернозема, желтый песок, а под ним, на глубине сажени, пласт обыкновенного угля. Далее уже не рыли, потому что саженная глубина могилы признана была достаточною...» (Быстров, 1880: 386). Такая деталь, как наличие «угольного пласта» на саженной глубине, вполне согласуется со стратиграфической картиной, выявленной на селище к югу от городища. Интенсивно-углистый слой, действительно, залегал там в нижнем горизонте культурных отложений, общая мощность которых достигала 1,5—1,8 м. Однако указание на «желтый песок», перекрывавший его,

позволяет предположить и другое: могильная яма, описанная М. И. Быстрым, прорезала насыпь вала.

Отметим еще одну интересную деталь. В ходе опроса местных жителей в 2005 г. были получены сведения, что при рытье могил вдоль восточного края площадки городища на большой глубине открывалась каменная кладка из валунов. Эта кладка ассоциировалась у информаторов еще и с «рядами черепов», залежавших «друг на друге».⁵ Поэтому, руководствуясь только этими сведениями, довольно трудно понять, имеем мы тут дело с деталью оборонительных конструкций или на городище (близ церкви?) находилось погребальное сооружение типа «длинного жальника» или скудельницы, содержавшее многочисленные захоронения, перекрытые или обложенные камнями?

Нельзя обойти стороной свидетельство М. И. Быстрова, наблюдавшего памятник в 1860—70-х гг., когда сохранность его была куда лучшей, чем сегодня. По словам этого краеведа, «для того, чтобы бока не осыпались, с северной и западной стороны Городок был обложен камнем. Главным образом, эта обкладка (плита на плите и между ними слой земли) сделана на углах: здесь она была доведена до самого верха; северо-восточный угол весь был обложен булыжниками, и только около 30 лет назад один из дячков Передольского погоста уничтожил для чего-то эту обкладку, спустив камни в реку. По середине только, по подошве северной стороны, Городок был прежде обложен большими дикими камнями, а выше были набиты большие сосновые бревна. Говорят, впрочем, что бревна эти набиты были уже во второй половине прошлого столетия (XVIII в. — *Авт.*), когда на Городке строились сгоревшие в 1823 г. церкви...» (Быстров 1880: 386).

Таким образом, сам факт наличия каменной облицовки склонов Передольского городища не вызывает сомнений. Вопрос об ее хронологии на сегодняшний день остается открытым. Не исключено, что часть этих сооружений (валунно-бревенчатая обкладка) появилась в эпоху позднего средневековья или в новое время. Однако в ходе новейших раскопок раннегородских поселений Северной Руси было установлено: оборонительные каменные конструкции из плитняка начали строиться на них с VIII—X вв. (Старая Ладога, Любша, Изборск) (Кирпичников 1983: 20; Рябинин и др., 2002: 198; Седов 2002: 31—35). Поэтому свидетельство М. И. Быстрова о плитняковой об-

⁵ «Когда копали могилы Даниловых в девяностых годах, и к северу от них на склоне холма — в 2004-м, то находили камни, сплошную кладку. Видно, что было обложено — видимо, по гребню вала. Камни находились на глубине один-полтора метра. Камни — валуны, не плитняк. Снаружи, ближе к реке, находили черепа. Лежали один на одном. Огромные. Может, викинги какие...» (информатор Леонтьев Петр Викторович, дер. Подберезье). Записано Н. И. Платоновой в 2005 г. Указанная информация подтверждена краеведом С. С. Алексашиным, который тоже неоднократно слышал от местных жителей рассказы о каменной кладке и рядах захоронений у восточного края площадки городища.

лицовке углов городища — «плита на плите и между ними слой земли» — позволяет, по меньшей мере, поставить вопрос об их раннесредневековом возрасте.

Посад. В целом, неутешительная стратиграфическая ситуация, выявленная на городище в 1980-х гг., заставила прекратить там раскопки и планировать их только на посаде, в открытой части поселения. В настоящее время на разных участках Передольского посада исследовано до материка 212 кв. м культурного слоя. Все раскопы локализуются на пологом склоне коренного берега р. Луги, кроме шурфа 16. Последний находился на ровной поверхности второй террасы, близ ее края.

На правом берегу Безымянного ручья расположены раскопы 1 (1985—1986), 2 (1985), 1а (1994—1996, 2005), шурф 16 (2004), а на левом — раскоп 3 (1996) (рис. 4—6). Ниже приводится краткое описание и анализ материалов основных раскопов на посаде, в соответствии с их топографией: с севера на юг.

Правый берег Безымянного ручья. Первые исследования в этой части поселения были предприняты в 1984 г. и ограничились зачисткой стенки современной ямы для забора песка. В яме прослеживался мощный гумусированный слой и явные следы древней постройки. Была собрана небольшая коллекция лепной и гончарной керамики, обломки тиглей. Эта коллекция, как выяснилось впоследствии, целиком относится к яме № 1, исследование которой было продолжено в 1985 г. (раскоп 1, кв. А-1).

В 1985 г. на посаде было заложено два раскопа. В непосредственной близости от городища, к юго-востоку от него, на скате в крепостной ров располагался *раскоп 2* (24 кв. м). Мощность культурных отложений в нем невелика — 0,2—0,8 м.

Сверху, непосредственно под дерном, залегал интенсивно гумусированный (черный) слой древнерусского периода мощностью до 0,5 м. Возможно, на данном участке он образовался в результате оплыва. В нем встречались фрагменты лепной, реже — гончарной керамики (стенок). Несомненно, здесь находилась периферия жилой зоны.

Нижний горизонт отложений раскопа 2 представлял собой слой коричневого суглинка, подстилавшегося, в свою очередь, прослойкой темно-серой гумусированной супеси с примесью угля. Местами они выклинивались, а местами подстилались линзами желтого песка с галькой. Мощность нижнего горизонта составляла до 25 см. В ней обнаружена исключительно лепная керамика (рис. 12).

Совершенно иная ситуация зафиксирована в *раскопе 1* (72 кв. м), расположенном всего в 10—12 м выше по склону от реки (перепад высот современной поверхности относительно раскопа 2 в этом месте составлял 2,5—3 м). Средневековые напластования оказались перекрыты здесь культурными остатками нового времени — усадьбами приходского клира, датируемыми по боль-

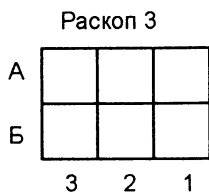
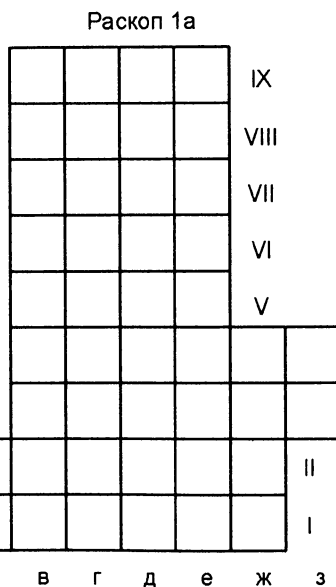
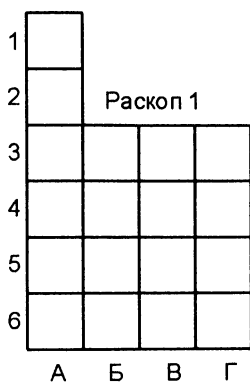
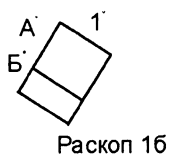
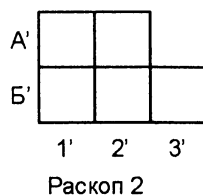

Рис. 5. Сетка квадратов раскопов на Передольском погосте

шой серии медных монет середины XVIII — XIX вв. Хозяйственная деятельность указанного периода разрушила часть раннесредневекового культурного слоя, так что немало находок рубежа I—II тыс. н. э. встречено в переотложенном виде вместе с поливной керамикой и прочими атрибутами нового и новейшего времени. К юго-восточному углу раскопа 1 почти примыкает раскоп 1а (168 кв. м), расположенный выше по склону. По сути, он является продолжением первого.⁶ Стратиграфическая картина, зафиксированная в раскопах 1—1а, более детально описана ниже, в специальном разделе.

На северном участке раскопа 1а, примыкающем к раскопу 1, нижний горизонт отложений законсервирован. Поэтому все его характеристики, приводимые в настоящей статье, относятся исключительно к южному участку (80 кв. м), где раскопки доведены до материка. Перепад высот с раскопом 1 в этом месте составляет 0,5—1 м.

Наконец, в 2004 г. в 57 м к югу от раскопа 1а, там, где ковшом экскаватора был нарушен культурный слой, заложен шурф 1б (6 кв. м).⁷ Перепад высот между ними составляет 3,5 м. В мешаном слое здесь найдены обломок костяного одностороннего гребня (рис. 8: 11), обломок ножа и шиферное пряслице. Ниже по всей площади прослеживался черный углистый слой. В яме № 1 (по нумерации 2004 г.), уходившей в западную стенку шурфа, наблюдалось «переслаивание» прослойки гумусированного грунта, угольков и древесного тлена. Самую нижнюю часть заполнения представлял слой черного рыхловатого суглинка (4—14 см), довольно сильно насыщенный углем. Его, в свою очередь, подстилал предматериковый слой — однородный темно-серый суглинок, практически стерильный (мощность до 18 см).

Стратиграфия раскопов 1—1а. Под слоем нового времени («верхний гумус», мощность до 0,4—0,5 м, в ямах — до 1,5 м) в раскопе 1 залегал мощный слой серо-коричневого гумуса, который в свежем разрезе имеет почти черный цвет (мощность 0,3—0,6 м, в западинах до 1 м). Это древнерусский культурный слой, во многих местах нарушенный перекопами. Наибольшую сохранность этот слой имел в северной части раскопа 1, на квадратах линий А, Б и Г. Изучение керамических материалов, в первую очередь, с этого участка позволило Т. А. Жегловой определить его как горизонт с гончарной керамикой (см. ниже). Ниже в раскопе 1 залегает «стратифицированный»

⁶ В 1994 г., в момент разбивки раскопа 1а, выяснилось, что за тот период, пока раскопки не производились (1987—1993 гг.) репер 1980-х гг. оказался уничтожен, а место засыпанного раскопа 1 отчасти заняла земляная выемка. В результате привязка нового раскопа к предыдущим (№ 1—2) была осуществлена только приблизительно. В дальнейшем, при исследовании северной части раскопа 1а, возможно, будут найдены северные углы раскопа 1980-х гг. Тогда появится возможность связать их единой сеткой квадратов.

⁷ В отчете Передольской археологической экспедиции ИИМК РАН 2004 г. шурф 1б фигурирует как «шурф № 1».

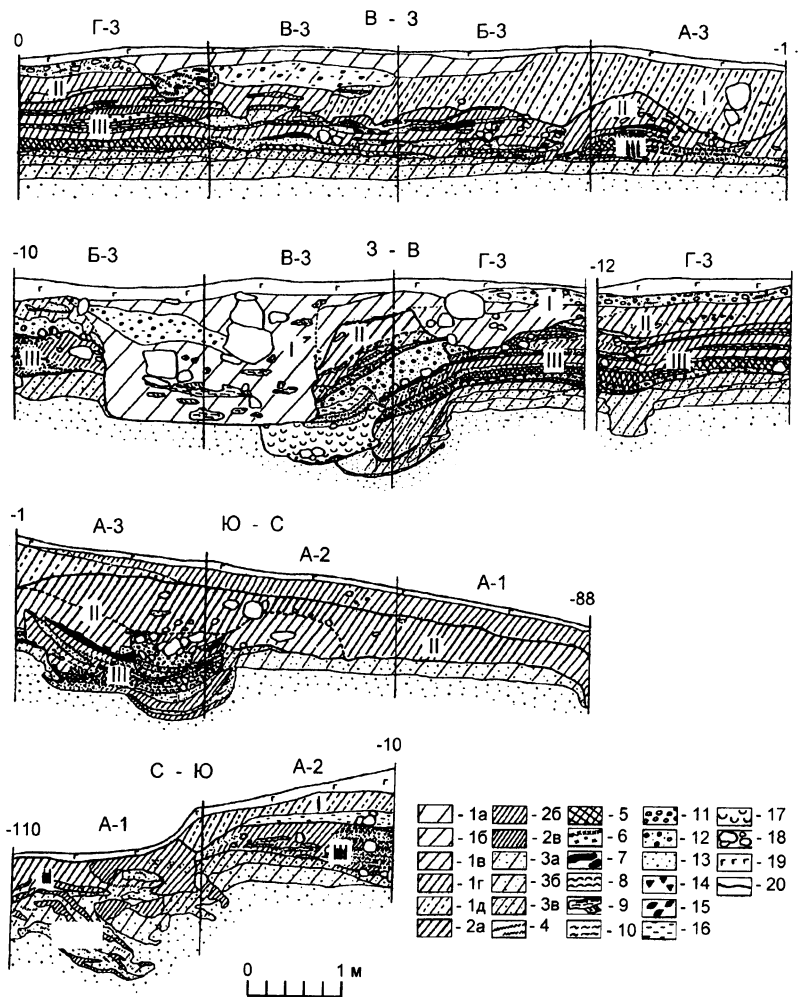

Рис. 6. Разрезы культурного слоя Передольского погоста (раскоп 1).

Условные обозначения: 1 — рыхлый культурный слой (1a — серый; 1б — темно-серый; 1в — буровато-серый; 1д — бурый; 1д — темно-бурый); 2 — плотный культурный слой (2a — серо-коричневый; 2б — темно-серый; 2в — черно-коричневый); 3 — предматериковый слой тонкой фракции (3a — светло-серо-желтый песок; 3б — серо-желтый песок; 3в — серый песок); 4 — тонкие прослойки серого гумусированного песка; 5 — углистый слой; 6 — тонкие прослойки угля и отдельные вкрапления угольков; 7 — горелые плахи; 8 — тонкие прослойки истлевшего дерева; 9 — дерево, сохранившее волокнистую структуру; 10 — зола; 11 — щебень; 12 — рыхлый песок со щебнем; 13 — желтый песок; 14 — крицы и шлаки; 15 — обломки кирпича; 16 — обмазка; 17 — плотный ярко-коричневый слой (навоза?); 18 — камни; 19 — дерн; 20 — граница между горизонтами культурного слоя. I — горизонт 1 («верхний гумус»); II — горизонт 2 («серо-коричневый гумус»); III — горизонт 3 («стратифицированный»)

горизонт 3, для которого характерно многократное чередование прослоек темно-серого и бурого гумуса с линзами золы, угля и песка, а также с ярко-коричневыми прослойками, напоминавшими жирную глину и содержащими остатки не сгоревшего дерева, возможно остатки спрессованного навоза со щепой (их минимум две, мощностью 0,5—2 см) (рис. 6).

В нижней части «стратифицированного» горизонта местами наблюдался довольно мощный (до 0,15 м) угольный слой, а также остатки обугленных плашек и подстилающая их темно-серая супесь с угольками. По наблюдениям над коллекцией 1985 г. (из северной части раскопа), нижний горелый слой содержал только лепную керамику (Жеглова 1995: 31). Таким образом, начало жизни на усадьбе датируется не позднее первой половины X в.

Прослойки навоза со щепой имеют большую протяженность и могут быть прослежены в разрезах на большей части раскопа. Прослойки угля и золы в нижнем горизонте культурного слоя — как тонкие, так и достаточно мощные — также фиксируются по всей площади раскопа 1. Наличие в нижнем слое большого количества угольных прослоек наводит на мысль о пожаре, уничтожившем существовавшую здесь застройку X в. На первый взгляд, угольный слой в ярко выраженном виде присутствует только в северной части раскопа 1, на линиях В/Г 3—4 (рис. 6: 2). Здесь он представляет собой нижнюю часть стратифицированного горизонта, подстилаемую только предматериковым слоем (темно-серая супесь с угольками). Но анализ разрезов по линиям А и 2 позволяет заметить, что, по крайней мере, над глубокими подпольными ямами в кв. А-3 и В-3 прослеживаются остатки просевшего вниз *второго пласта угля* (причем более мощного и интенсивного), на сей раз уже *перекрывающего* собой стратифицированный горизонт (рис. 6: 2—3). Возможно, на большей площади раскопа 1 он просто не сохранился — может быть, в результате оплыва по склону, а возможно — в силу иной планировки участка или из-за выравнивания его под новую застройку.

В настоящий момент можно предположить, что описанный «стратифицированный» гор. 3 представляет собой культурные отложения, связанные с уровнем построек X в. (одной или несколькими, погибшими в пожаре). Момент гибели застройки фиксируется вторым (верхним) угольным слоем, перекрывающим подпольные ямы и, несомненно, представляющим собой остатки рухнувших на них конструкций.

В разрезах по линиям А и Б видно, что в северной части кв. А-2 гор. 3 выклинивается. Скорее всего, здесь и проходила северная граница усадьбы. Последнее тем более вероятно, что склон в этом месте становится заметно круче. Далее к северу мы наблюдаем напластования гор. 2 (серо-коричневого гумуса), залегающие уже непосредственно на предматериковом слое. Эти отложения перемыты и, вероятно, представляют собой результат сползания культурных остатков по склону к реке и крепостному рву.

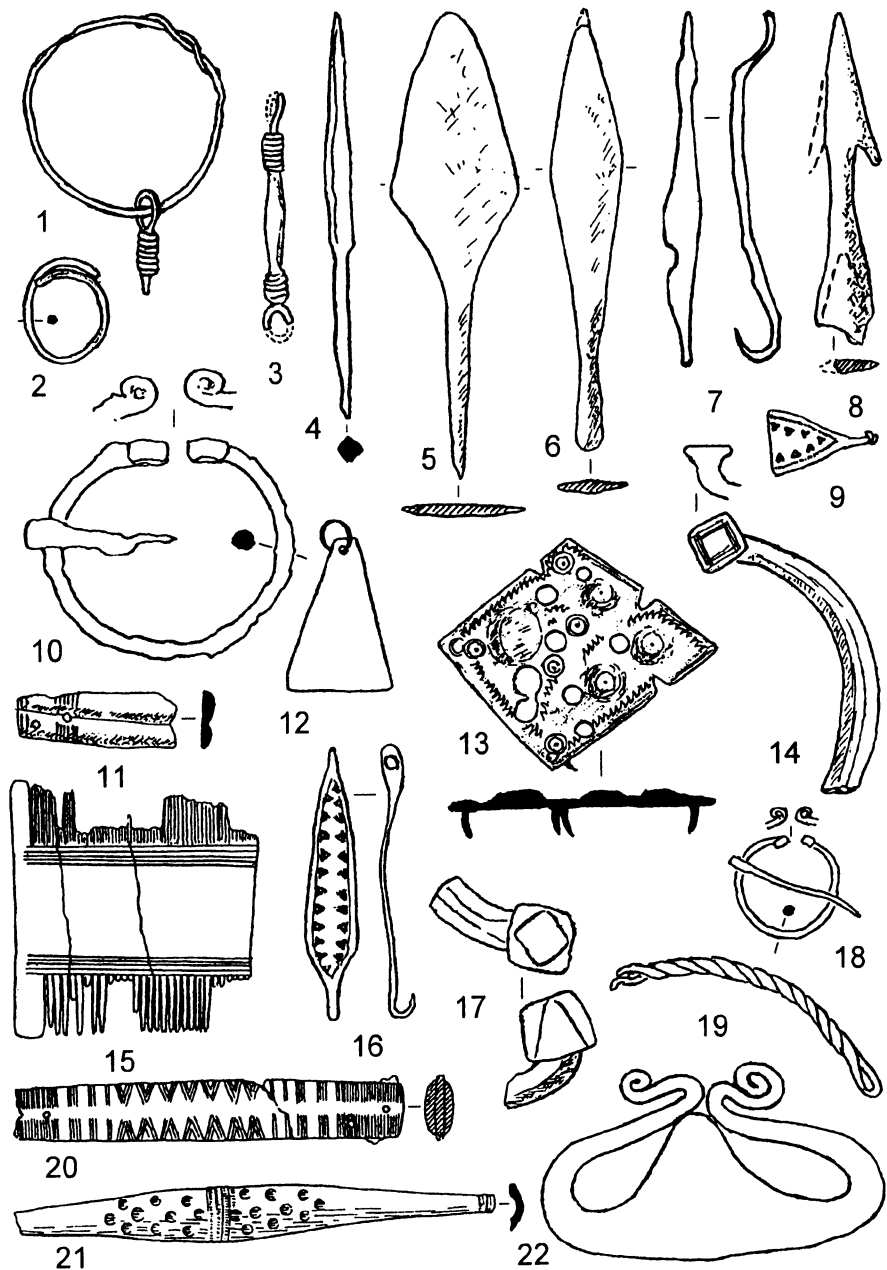

Рис. 7. Находки из раскопа 1: 1, 3, 4—8, 10, 18, 22 — железо; 2, 9, 12—14, 16—17, 19, 21 — бронза; 11, 15, 20 — кость

Тем не менее, можно констатировать, что значительного размывания и оплыва нижнего горизонта по склону не произошло (за исключением, может быть, самой верхней части пожарища). Возможно, его задержали недогоревшие обрушенные конструкции построек. Процесс разложения органики шел тут не очень интенсивно (сравнительно с той картиной, которую мы наблюдаем на древнерусских селищах с «сухим» слоем). Результатом этого стала значительная (до 0,5 м) мощность нижнего горизонта. На материке и в ямах дерево (фрагменты настилов, плашки, колышки) частично сохранилось до наших дней. Чуть выше (средний и верхний уровни гор. 3) наблюдаются тонкие ярко-коричневые прослойки (навоз со щепой?), перекрывающие друг друга и чередующиеся с прослойками угольков, золы, песка и гумуса. Наличие двух прослоек навоза, перекрывающих друг друга, может указывать на то, что в гор. 3 представлены не один, а минимум два горизонта застройки. Вероятно, навоз покрывал территорию двора, а прослойки угля, золы и гумуса представляют собой культурный слой, образовавшийся в ходе функционирования усадьбы. Однако неоднократно приходилось наблюдать, как ярко-коричневые прослойки проседают в глубокие подпольные ямы, ниже мощного слоя угля, несомненно, представлявшего собой остатки стен и верхних перекрытий построек, обрушенных во время пожара. Таким образом, нельзя исключать, что навоз и щепы находились не только вне помещений, но и внутри.

В целом, картина, которую мы наблюдаем в нижней части напластований, напоминает ситуацию, хорошо известную по ряду протогородских и городских центров средневековой Европы: накопление «мокрого» слоя. Причина этого всегда одна: *стойловое содержание скота в усадьбах, при очень высокой интенсивности жизни на поселении*. Это последнее подтверждает уже высказанную мысль о том, что, по крайней мере, в X в. Передольский посад функционировал в городском ритме.

Напластования серо-коричневого гумуса связаны уже со вторым этапом застройки. Именно тогда и попали в слой древнерусские вещи XI—XII вв. (см. ниже). Однако вопрос о непрерывности заселения данного участка с X—XII вв. до эпохи позднего средневековья следует пока оставить открытым.

Стратиграфия раскопа 1а, в целом, близка той, что наблюдалась в раскопе 1, но имеет и ряд особенностей. Верхние горизонты — «верхний гумус» и «серо-коричневый гумус» — полностью соответствуют горизонтам 1 и 2, выделенным по материалам нижнего раскопа, в эталонном разрезе 1985 г. Под ними, по описанию разреза раскопа 1, залегал «стратифицированный» горизонт 3. Главными отличиями верхнего раскопа 1а от нижнего раскопа 1 стали следующие:

а) горизонт 2 (серо-коричневый гумус) на данном участке структурирован: в нем выделяется несколько комплексов — печных развалов с гончарной керамикой;

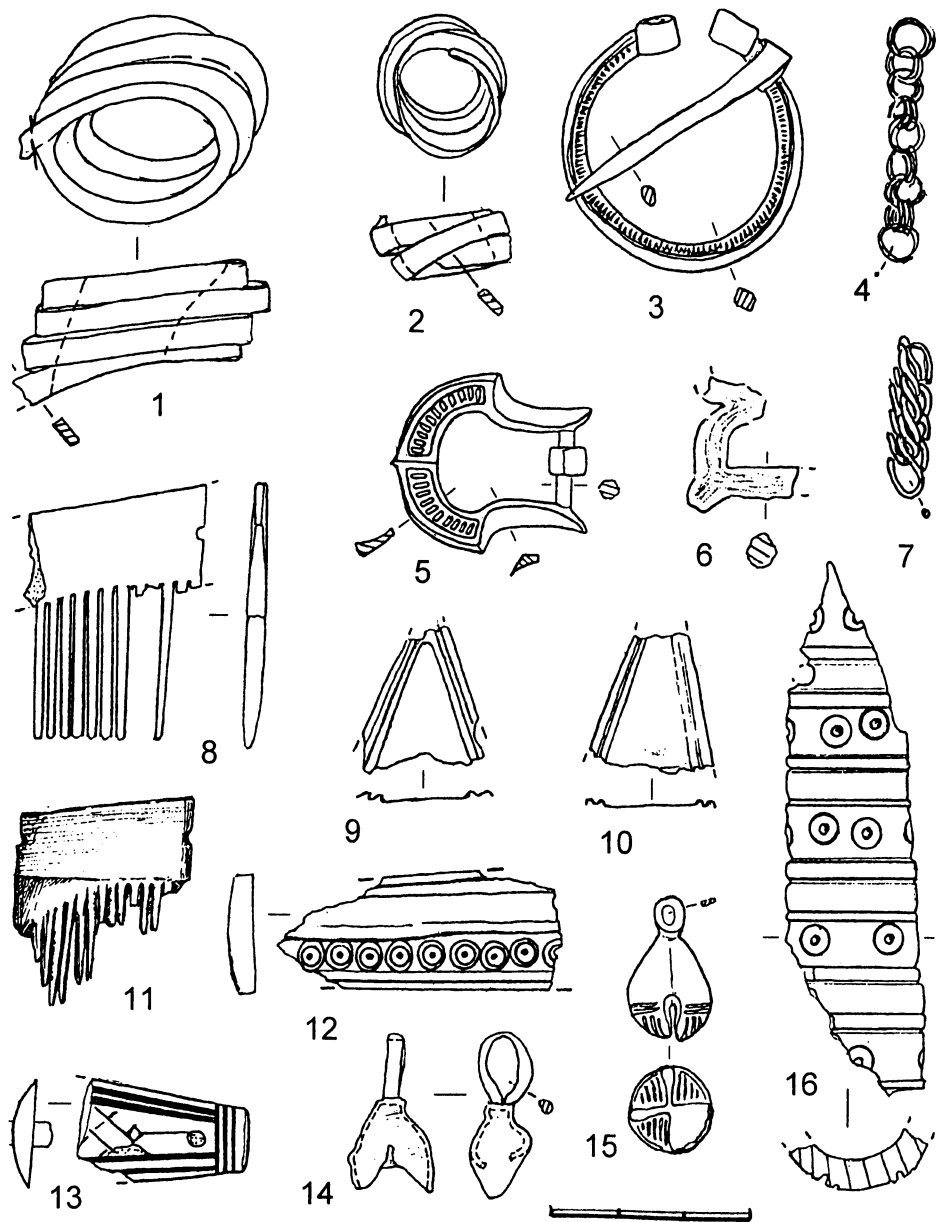

Рис. 8. Находки из раскопа 1а и шурфа 16: 1—10, 12—16 — раскоп 1а; 11 — раскоп 16.
1—7, 9—10, 14—15 — бронза; 8, 11—13, 16 — кость

б) ниже горизонта 2 в раскопе 1а залегает обширная линза угольного слоя, который в раскопе 1 фиксируется лишь локально — видимо, по причине плохой сохранности (верхний угольный слой, перекрывающий подпольные ямы);

в) в свою очередь, ниже угольного слоя, непосредственно над предматериковым горизонтом (древней почвой) в раскопе 1а выделен горизонт «бурого гумуса», в котором местами прослеживаются тонкие прослойки навоза со щепой, дерева, золы и пр. Этот горизонт, в целом, соответствует гор. 3 раскопа 1 («стратифицированному»). Но в отличие от последнего, бурый гумус нигде не имеет в основании отчетливо выраженного горелого слоя (хотя местами подстиляется тонкой прослойкой угля). Это косвенно указывает на то, что нижний «горелый» слой, выделенный локально в северной части раскопа 1 (линии В и Г), необязательно является горизонтом пожара и может быть связан с ремесленной деятельностью. На последнее указывает наличие там многочисленных шлаков и иных отходов производства.

Жилой характер бурого гумуса в «верхнем» раскопе 1а не подлежит сомнению. Перекрывающий его угольный слой представляет собой несомненный горизонт пожара. По наблюдениям, сделанным в поле в сезонах 1996 и 2005 гг., в буром гумусе раскопа 1а присутствует только лепная керамика. Для угольного слоя так же характерно бытование, преимущественно, лепной посуды. Местами в нем встречается примесь гончарной керамики ранних форм, включая горшки, внешне напоминающие лепные сосуды, но с неумело нанесенным подобием то ли волнистого орнамента, то ли зубчатой линии. Зато перекрывающий оба эти горизонта очень темный серо-коричневый гумус весьма насыщен древнерусской гончарной керамикой. Разумеется, эти наблюдения еще будут уточняться в ходе дальнейшего изучения керамических материалов и исследования нижнего горизонта отложений в раскопе 1а.

Серый предматериковый слой, подстилающий «бурый гумус», представляет собой погребенную почву. Его верхняя граница — уровень древней дневной поверхности времени основания поселения. В настоящий момент есть основания полагать, что еще до начала жизни на посадке эти земли распахивались — по крайней мере, некоторые их участки. Свидетельством тому являются следы борозд, идущих в направлении ЮЮЗ-ССВ (перпендикулярно реке), которые были зафиксированы в раскопе 1а при зачистке материка на кв. 6/2-I—IV (1996 г.). К сожалению, на соседних линиях квадратов *де/жс*-I—IV (исследованных в 2005 г.) их не удалось выявить достоверно. Материк тут весь исчерчен кротовинами, что весьма затрудняет поиск «подлинных» следов древней пахоты. Тем не менее, геолог М. В. Шитов (СПбГУ, геологический факультет), анализирувавший в поле разрез 2005 г. и не знавший ничего о результатах зачисток на соседнем участке, дал независимое заключение, что контакты древней почвы тут слишком резкие, чтобы быть естественными. Удовлетворительно объяснить этот факт может, по его мнению,

только предположение, что почва распаивалась еще до начала формирования культурного слоя. Приведенные результаты исследований 1996 и 2005 гг. позволяют считать весьма вероятным факт древней распашки приречной части посада к югу от городища (по правому берегу ручья) — до начала формирования там культурных отложений.

Характер застройки. На материке местами сохранились остатки конструкций построек (настилы из плах, столбовые ямки, подпольные ямы и т. д.). К сожалению, сохранность дерева такова, что не позволяет представить их обоснованную реконструкцию. Но само наличие на сравнительно небольшой площади раскопа 1 (72 кв. м) целых трех подпольных ям, впущенных в материк из нижнего горизонта, свидетельствует либо о том, что на раннем этапе застройка была достаточно тесной, либо о том, что перед нами несколько горизонтов застройки. находка в одной из них обгорелых зерен указывает на то, что здесь хранились пищевые запасы (яма № 1, кв. А-3, см. рис. 6: 3). Несомненный жилой характер застройки подтверждается находками многочисленных бытовых предметов и украшений.

В конструктивном плане наибольший интерес представляют собой уже упомянутые обширные (до 2 м в поперечнике) и глубокие (до 1,4 м от поверхности древней почвы) подпольные ямы. В их заполнении сохранились прослойки дерева, навоза, угля и золы от провалившихся туда полов и перекрытий построек. Имеются ямы двух типов — обычные и двухчастные, с «приступкой» (рис. 6: 3). Этот материал заслуживает рассмотрения в отдельной статье — вместе с аналогичными ямами других раскопов. Тщательный их анализ поможет уточнить детали конструкции жилищ X в. на Передольском погосте.

Поскольку есть основания считать, что жизнь на раскопанном участке поселения началась не ранее второй четверти X в. (см. ниже), можно предположить, что посад был основан в первой половине X в. Если так, культурный горизонт с лепной керамикой откладывался в течение всего нескольких десятилетий, пока лепная керамика еще не вышла из обихода. Следует учитывать, что находки лепной керамики зафиксированы в слое практически повсеместно — по всей территории памятника, кроме его юго-восточного участка (см. ниже). Они присутствуют либо в раскопах и шурфах, либо в подъемном материале — в тех частях селища, где раскопки не проводились. Территория распространения лепной керамики охватывает около 8—9 га — то есть почти всю «черную землю». Все это наводит на мысль, что в X в. поселение разрасталось очень быстро.

Яркой особенностью материала из раскопа 1 является большое количество отходов ремесленного производства. Присутствие их характерно как для нижнего горизонта 3, так и для горизонта 2 (серо-коричневого гумуса). В северо-восточном углу раскопа, в кв. Г-3, скопление их представляло собой довольно обширную линзу, залегающую в основании слоя, в угольной прослойке

ке чуть выше предматерика. Однако самая значительная концентрация ремесленных отходов была зафиксирована южнее, на линиях квадратов 4—6. Стекловидные шлаки, обломки криц, тигельков и пр. исчислялись тут сотнями и являлись массовым материалом. Помимо того, здесь было найдено три продолговатых четырехгранных слитка бронзы — сырье для ювелирного производства. Таким образом, можно сделать вывод: обитатели данной усадьбы весьма интенсивно занимались ремесленной деятельностью. В раскопе 1а, расположенном несколько выше по склону, количество ремесленных отходов резко убывает. Здесь они достаточно редки. Таким образом, комплексы, связанные с кузнечным и ювелирным производством, сосредоточивались на северном краю усадьбы, в месте, где начинался скат к крепостному рву.

В целом, можно предположить, что стратиграфические особенности и отличия в характере материала раскопов 1 и 1а связаны с особенностями застройки различных участков одной и той же усадьбы. Мощный горизонт пожара наиболее отчетливо фиксируется в верхней части «стратифицированного горизонта» раскопа 1а. Несомненно, в X в. (предположительно, во второй половине) раскопанная территория подверглась катастрофическому разрушению от огня, но затем, в XI—XII вв. жизнь тут возобновилась.

Левый берег Безымянного ручья. Культурный слой по левому берегу ручья исследован в меньшей степени. В 1986 г. здесь был заложен *раскоп 3* (48 кв. м), расположенный в 50 м к западу от городища (рис. 4—5). Раскоп находился на краю старинного помещичьего парка. В этом месте в 1985 г. Лужским отрядом была произведена шурфовка, причем в шурфах оказались такие находки, как молочно-белая бусина с волнистой печеночно-красной полосой, две трапециевидных подвески, ланцетовидный наконечник стрелы и арабская монета X в.

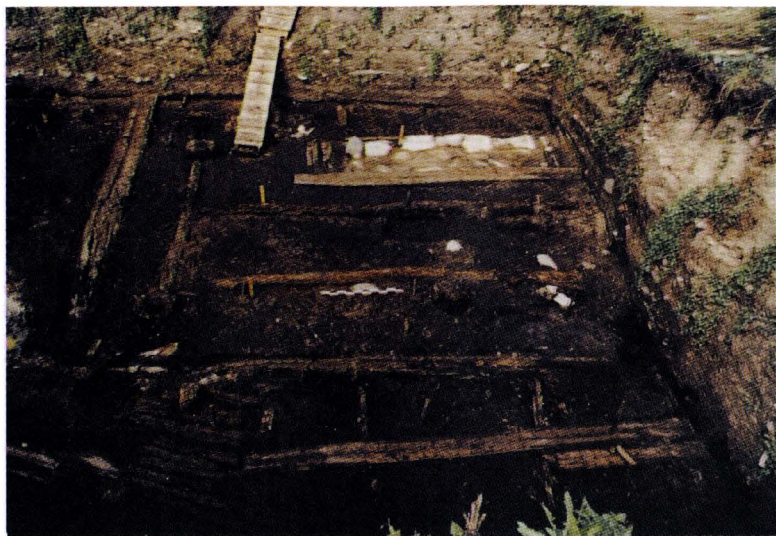
Стратиграфия раскопа 3. Стратиграфическая ситуация на раскопе 3 отличалась от той, что была зафиксирована на правом берегу ручья. Главным отличием явилось полное отсутствие здесь наслоений нового времени. После снятия дерна в раскопе 3 был выявлен темно-серый, местами бурый культурный слой, соответствующий серо-коричневому гумусу (гор. 2) основных раскопов 1—1а. Мощность его составляла 0,2—0,45 м. Этот горизонт вмещал развалы камней (в основном, пережженных), что также соответствовало характеристикам серо-коричневого гумуса. На левом берегу ручья он практически не подвергался перекопам. В верхней части слоя преобладала гончарная керамика, не очень развитых форм, хотя встречались и лепные фрагменты. Под дерном и в верхнем горизонте камней была найдена целая серия предметов, в том числе два обломка односторонних костяных гребней (рис. 9: 5, 9), 4-гранный наконечник стрелы (рис. 9: 3), 3 лимоновидных бусины (желтая, синяя и 2-частная серебростеклянная), синяя цилиндрическая бусина с рельефными глазками, пластинчатый овальноконечный перстень

Таблица 1. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. 1–10 — бусы из сердолика (№ 3128, 686, 1127, 652, 616, 1057, 709, 1158, 530, 256); 11–13 — бусы из горного хрусталя (№ 394, 681, 1126); 14–18 — янтарные бусы и игральная шашка (№ 146, 658, 689, 458, 96); 19–26 — бусы из цветного стекла (№ 699, 370, 3112, 179, 135, 1173, 3149, 1201); 27 — вставка перстня-печатки из горного хрусталя с арабской надписью (№ 528). К горизонту «А» относятся № 135, 179, 256, 370, 394, 528, 530, 1173; к горизонту «Б1» — № 652; к горизонту «Б2» — № 616, 681; 709; 1057; к горизонту «В» — № 686; 699; 1126; 1127; 1201; 3112; 3125; 3149; из отвала — № 1158.

Таблица 2. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. 1 — фрагмент позолоченной бронзовой накладки от скорлупообразной фибулы (№ 423); 2 — бронзовая круглая застёжка (№ 190); 3 — костяная накладка гребня (№ 695); 4 — железный молоточек Тора (№ 3); 5 — костяной гребень (№ 265); 6–8 — фрагменты глиняных форм для отливки стержневидных предметов (№ 661, 178, 1067); 9 — железная застёжка с овальным рифлёным кольцом (№ 28); 10 — каменная изложница (№ 457). К горизонту «А» относятся № 3; 28; 178; 190; 265; 423; 475; 695; к горизонту «Б2» — № 661; к горизонту «В» — № 1067.

1

2

Таблица 3. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. 1 — части большой постройки (вид с юга); 2 — очаг, слева корабельная доска (вид с запада).

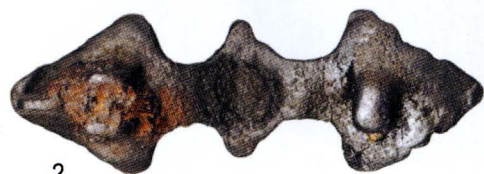
Таблица 4. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. Ожерелье зеленого бисера. (Горизонт «Б2» — № 575–599, 719, 727–1048, 1218–3028).

1

1

2

1

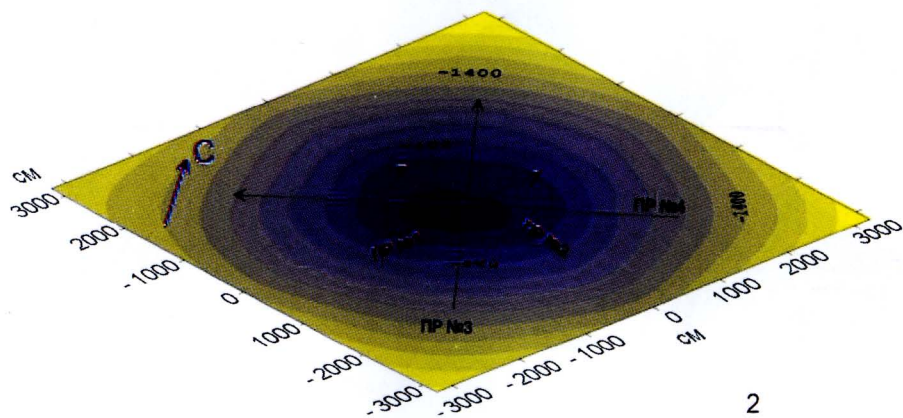
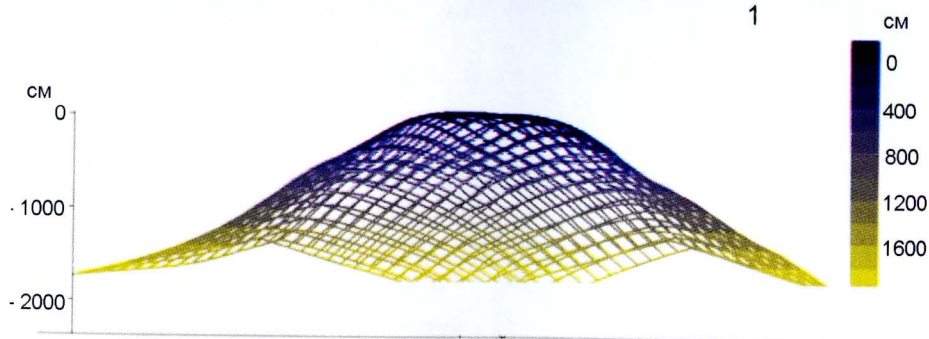
3

Таблица 5. 1 — Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. Угол клетки (вид с юга); 2–3 — Ильменское Поозерье. Бронзовые равноплечные фибулы.

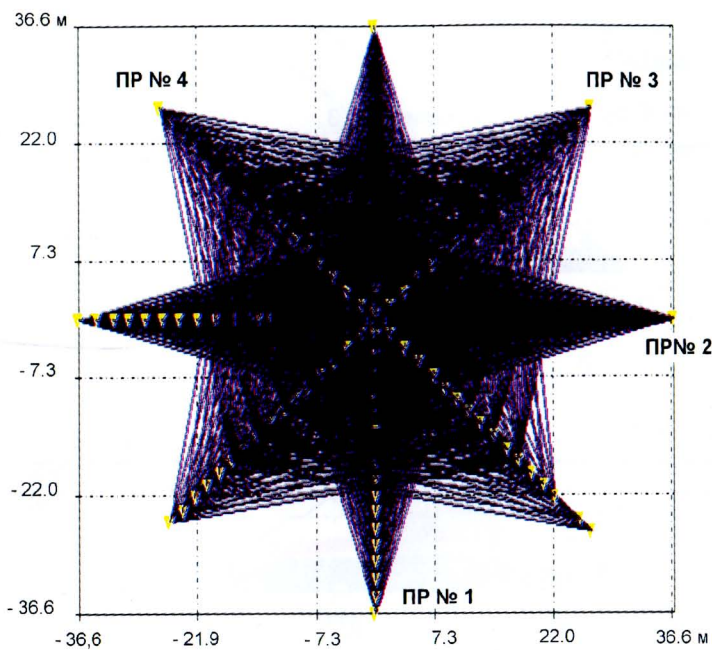

1

2

Таблица 6. Шум-гора: 1 — общий вид с северо-запада; 2 — рельеф и схема расположения сейсмических профилей (2004 г.).

- ▲ - положение пунктов возбуждения
- ▲ - линии, соединяющие точку источника с точками приема на сейсмических профилях

1

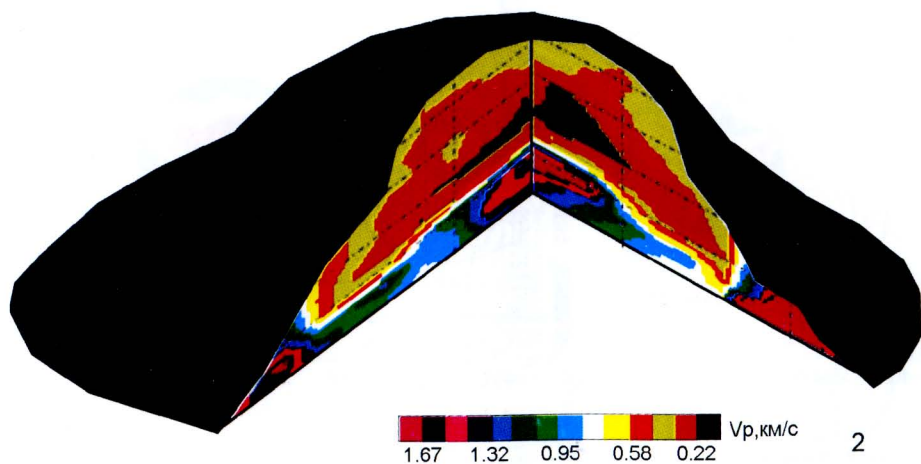

Таблица 7. Шум-гора: 1 — лучевая схема (вид сверху); 2 — объемная скоростная модель Шум-Горы (сегмент, образуемый пересечением профилей № 3 и № 4).

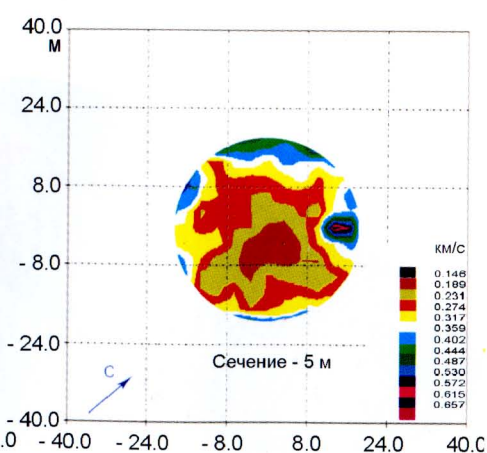
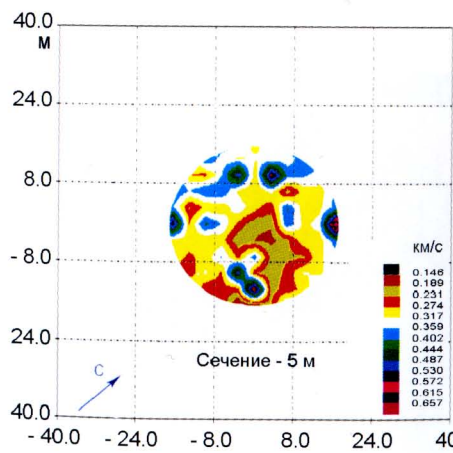
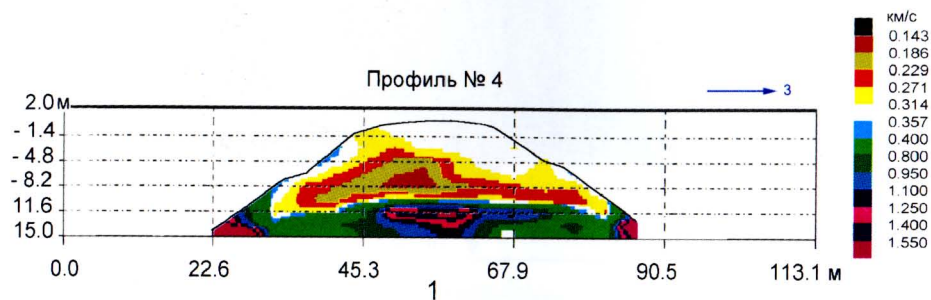
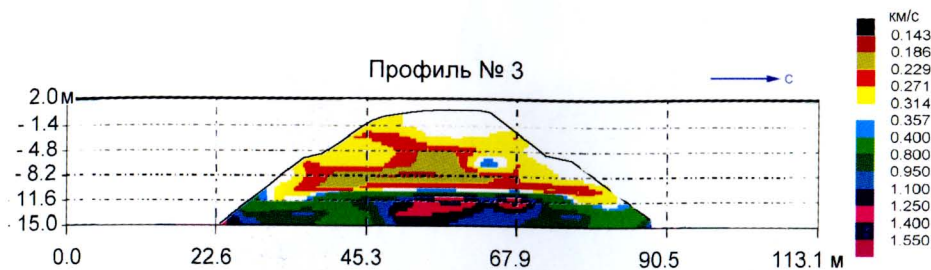

Таблица 8. Шум-гора: 1 — вертикальные скоростные разрезы вдоль профилей № 3 и № 4; 2 — горизонтальные сечения скоростной модели Шум-Горы на уровне -5 м и -8 м.

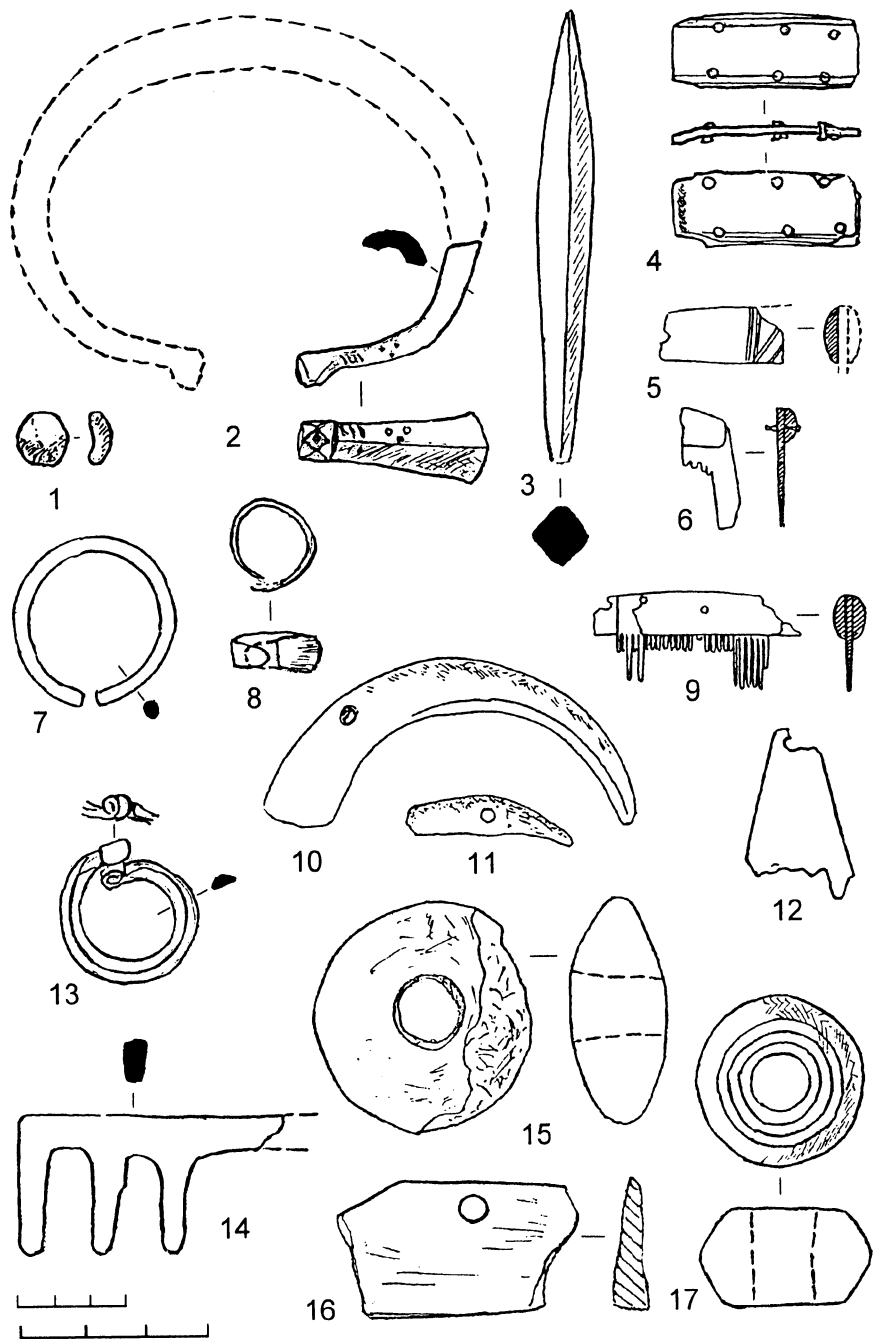

Рис. 9. Находки из раскопа 3: 1—2, 4, 7—8, 12—13 — бронза; 3, 14 — железо; 5—6, 9—11 — кость; 15 — глина; 16—17 — камень

(рис. 9: 8), подковообразная пряжка со спирально закрученными концами (рис. 9: 13), 2 обломка лезвий топоров, обломок ключа (рис. 9: 14), глиняное пряслице (рис. 9: 15) и т. д. Ниже в том же слое серо-коричневого гумуса найдены бляшка-скорлупка (?) (рис. 9: 1), еще один обломок одностороннего гребня (рис. 9: 6), лимоновидные бусы (фиолетовая и бесцветная), бусы из хрусталя (шаровидная и многогранная), трапезиевидная подвеска (рис. 9: 12) и т. д. На краю заполнения ямки, впущенной из этого горизонта в нижележащий, находились лимоновидная золотостеклянная бусина и эллипсоидная пронизка темного стекла со сплошной гладкой инкрустацией. К этому же горизонту следует относить находки дирхема и молочно-белой бусины, происходившие из шурфов.

Ниже серо-коричневого гумуса в раскопе 3 залегал мягкий черный культурный слой с примесью песка и угля («черный гумус»), мощностью 0,3—0,4 м (в ямах до 0,55 м). В нижней части его, над самым предматериком была особенно заметна концентрация углистых включений. В юго-западном углу раскопа наблюдалось и всхолмление угля, скорее всего, представлявшее собой край какой-то сгоревшей постройки. Данные напластования можно сопоставить со стратифицированным горизонтом в раскопах 1—1а и с угольным слоем, его перекрывающим. Различие в характере отложений, несомненно, связано с условиями их залегания на разных участках поселения и вытекающей отсюда разной степенью сохранности. В раскопе 3 дерево и органика сохранились значительно хуже, чем в нижней части напластований раскопа 1. Поэтому «стратифицированного» слоя, как такового, здесь сформироваться не могло.

В черном гумусе раскопа 3 доминировала лепная керамика. Встречены крупные фрагменты лепных сосудов с реберчатым перегибом тулова, а также скопления шлаков и находки обломков тиглей, просверленный кабаньий клык (рис. 9: 10). На границе черного гумуса и подстилающего его серого предматерикового слоя найдены печеночно-красная бусина и лимоновидная серебростеклянная. Из верхней части предматерика происходят просверленный медвежий клык (рис. 9: 11) и обломок массивного литого браслета с граненным концом (рис. 9: 2).

В целом представляется, что застройка на данном участке поселения существовала сравнительно недолго. Ее начальной датой, скорее всего, является первая половина X в. Следы горения наблюдались только в нижней части слоя. После пожара застройка возобновилась. Затухание селитьбы явно произошло под влиянием каких-то иных причин.

Керамика Передольского посада. В настоящий момент исчерпывающе проанализированы лишь керамические материалы из сборов 1984 г. и раскопок 1985 г. (раскоп 1, северная часть и раскоп 2) (Жеглова 1995: 29—31). Эта коллекция насчитывает всего 2017 фрагментов, относящихся, как к древнерусскому времени, так и к позднейшим периодам — эпохе позднего средне-

вековья (XIV—XVI вв.) и новому времени (XVIII—XIX вв.). Венчиков найдено 200 экз. (28% лепных и 73% гончарных). Относительно небольшая коллекция и сильная измельченность древнерусского материала затрудняют выделение типов, основанное на профилировке верхней части сосудов. Однако именно северная часть раскопа 1 (участок, раскопанный в 1985 г.) может, в определенном смысле, считаться эталонной, ибо здесь четко прослежена последовательность нижних напластований и имеется возможность послойного анализа находок. Увязка со стратиграфией и более-менее четкие хронологические ориентиры делают эту коллекцию достаточно интересной и значимой.

Нижняя часть «стратифицированного» горизонта посада насыщена (на непотревоженных участках) исключительно лепной керамикой, без примеси гончарной. Особенно выразительным является комплекс керамики из мощного углистого слоя в кв. Г-3, где обнаружено не менее пяти развалов сосудов, датируемых, по находке здесь же обломка привозного стеклянного сосуда — не ранее второй четверти — середины X в. (см. ниже). В комплексе представлены ребристые горшки с вертикальными венчиками усеченно-конической формы, умеренно сужающиеся ко дну (рис. 10: 4, 9, 10, 11). Лишь один горшок имеет выраженную коническую форму, резко сужающуюся ко дну, и широко открытое горло. Венчик его украшен в месте перехода к тулову однорядной каннелюрой (рис. 10: 3). Исключительно лепная керамика происходит из ям № 1 (рис. 6: 3; кв. А-2/3) и № 8 (рис. 6: 2; кв. В/Г-3). Это мелкие фрагменты горшков с примесью крупной и мелкой дресвы. Венчики вертикальные или слабо отогнутые, с закругленным краем (рис. 11: 3—7). Важным дополнением к характеристике керамики древнейшего (начального) этапа жизни на поселении является комплекс раскопа 2, заложенного на периферии поселения. В нижней части культурного слоя собрана коллекция лепной керамики без примеси гончарной (см. выше). Найдены фрагменты горшков с ребром, горшков S-образной профилировки и широко открытых сосудов с горизонтально отогнутым венчиком (рис. 12).

Помимо материала из вышеуказанных комплексов раскопа 1, содержащих исключительно лепную керамику, в коллекции имеются многочисленные находки из верхней части гор. 3, где лепная керамика встречалась вперемежку с гончарной, а также фрагменты лепных сосудов, происходящие из поздних перекопов.

Вся лепная керамика Передольского посада изготовлена из грубого теста с примесью дресвы, иногда очень крупной (до 5—6 мм). По характеру профилировки верхней части сосудов в коллекции 1984—1985 гг. выделены следующие типы (рис. 15):

Тип 1. Лепные сосуды с ребром по плечу. В рамках этого типа выделено три варианта, однако лишь первый из них имеет в основе серию сосудов. Остальные (б и в) представлены единичными экземплярами.

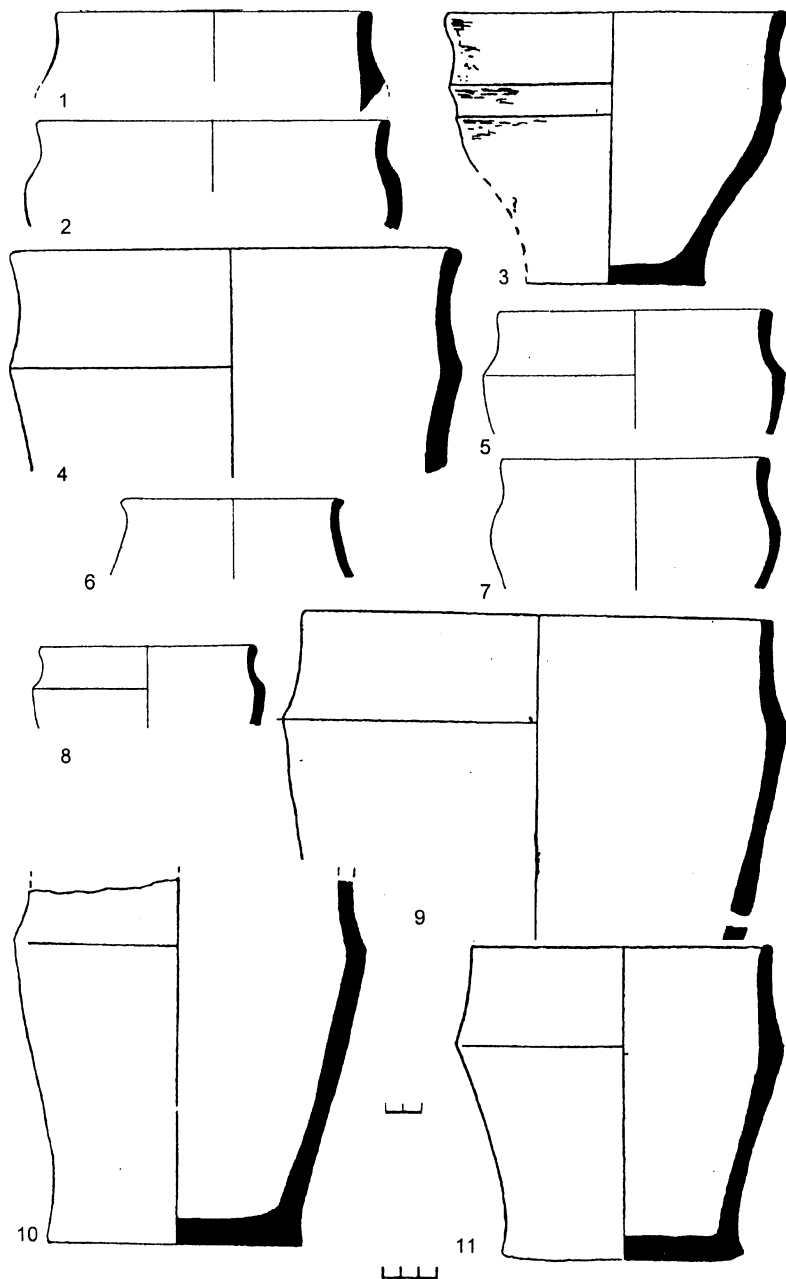

Рис. 10. Лепная керамика из раскопа 1: 3--4, 9--11 -- гор. 3, углистый слой, кв. Г-3

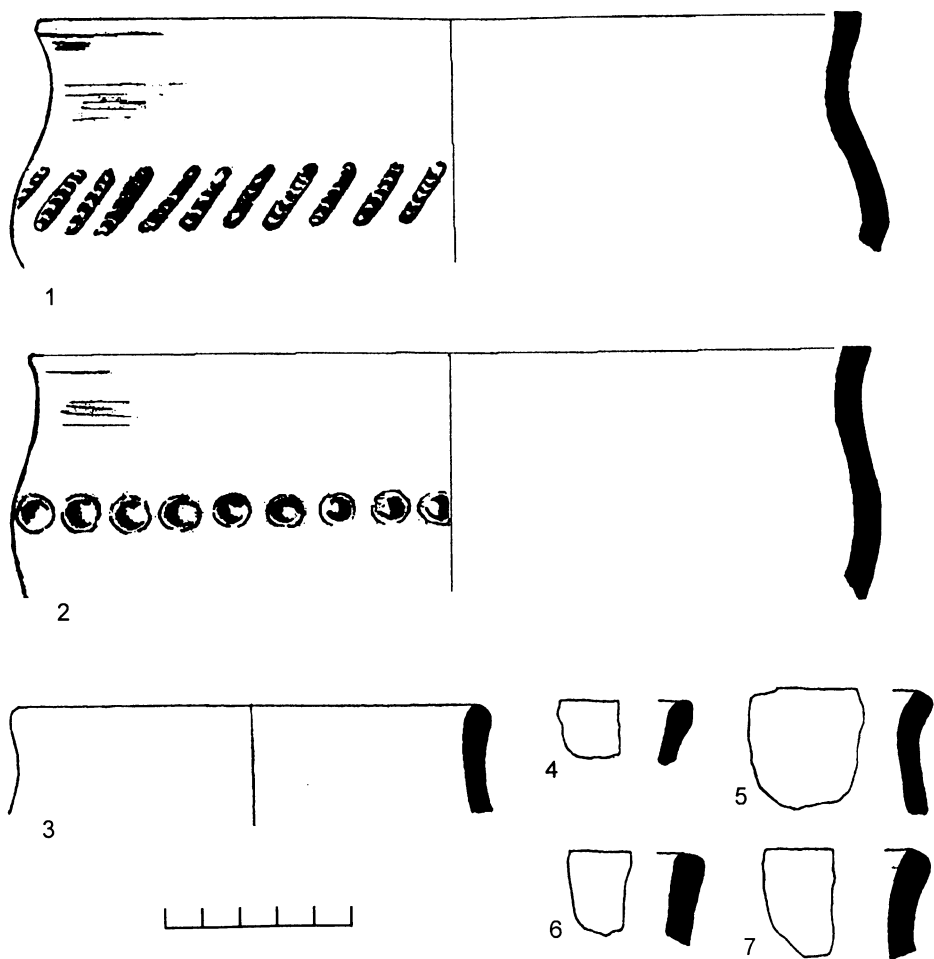

Рис. 11. Раскоп 1: 1—2 — орнаментированная лепная керамика; 3—7 — лепная керамика из ям в материке в раскопе 1: 3—4 — яма № 1; 5—7 — яма № 8

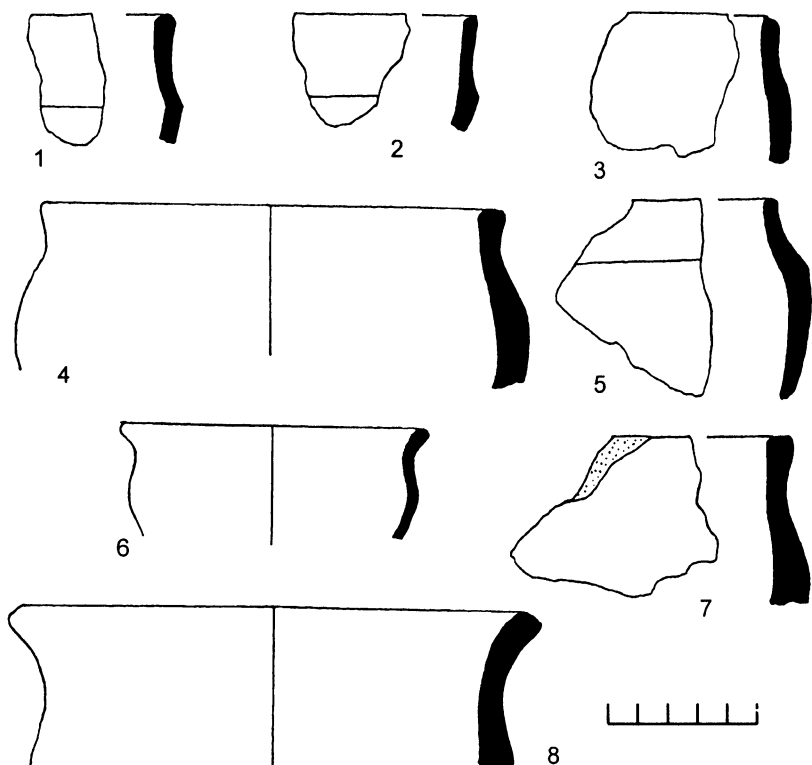

Рис. 12. Лепная керамика из раскопа 2

Вариант 1а. Венчик прямой, почти вертикальный. Край закруглен. Встречены единичные экземпляры с уплощенным или срезанным краем. В отдельных случаях определима форма сосуда. Это усеченно конические горшки, умеренно сужающиеся ко дну (рис. 10: 5, 8—11). Аналогии им достаточно широко известны на Северо-Западе: Старая Ладога, Новгород, Удомельское Поозерье, Нестеровичи, Золотое Колено и пр. (см. напр.: Смирнова 1976: 3—10; Сениченкова 1998: 13—15, 27, 29, рис. 1: 4; Конечский 1991: 116, рис. 7; Носов, Плохов 1991: 139—144, рис. 2: 7; Исланова 1997: 239, рис. 104: 1; Плохов, 2002: 142—143, рис. 1—2).

Вариант 1б. Венчик короткий, вертикальный. Слегка наклонен внутрь. Край закруглен. Тулово слегка раздуто (рис. 12: 5). Аналогии таким сосудам имеются в Ладоге (Сениченкова 1998: 15, 29, рис. 4: 1в; Плохов 2002: 47, рис. 4: 3).

Вариант 1в. Венчик сосуда слегка оттянут наружу. Край уплощен. Тулово резко сужается от плечика к низу (рис. 12: 2). Аналогии ему известны в Ладо-

ге, Удомельском Поозерье и т. д. (Сениченкова 1998: 29, рис. 4, 9; Исланова 1997: 234, рис. 99: 2, 3, 5).

Тип 2. Сосуды с округлым плечиком. В тех случаях, когда сохранность позволяет, прослеживается плавный переход от плечика к тулову. Венчик вертикальный, иногда слегка отогнутый (рис. 10: 1, 2, 7; 12: 3, 4, 7). Край закругленный или уплощенный. Аналогии таким горшкам широко известны в слоях X в. на поселениях Северо-Запада (Носов, Плохов 1991: 145, 149, рис. 8, 12; Исланова 1997: 242, рис. 107:1—4; Плохов 2002:150, рис. 5: 11, 16).

Тип 3. Сосуды с широкой горловиной и сильно отогнутым, уплощенным краем венчика. Тулово резко сужается ко дну (рис. 12: 6, 8). В коллекции 1984—85 гг. представлено лишь два экземпляра венчиков этого типа, причем оба они происходят из раскопа 2. Аналогии им известны в Удомельском Поозерье (Исланова 1997: 234, рис. 99: 2, 3, 5).

Тип 4. Горшки с каннелюрой (рис. 10: 3). Тип представлен одним реконструируемым сосудом из комплекса в кв. Г-3 и отдельными мелкими фрагментами стенок с каннелюрой. Реконструируемый горшок имеет почти вертикальный закругленный венчик, плечико с однорядной каннелюрой и усеченно-коническое тулово, резко сужающееся ко дну. Отметим сразу, что из-за измельченности фрагментов данного сосуда, а также из-за того, что профиль складывается не вертикально от венчика ко дну, а по спирали, мы допускаем возможность некоторой неточности реконструкции в придонной части. В 1995 г. при раскопках сопки № 4 Центральной группы (Заполье 1) был найден сосуд, использовавшийся в качестве погребальной урны (Платонова 2002: рис. 5: 25). По форме этот сосуд из сопки близок описанному горшку с каннелюрой. Индивидуальные погребения верхнего яруса сопки № 4, датируемые в диапазоне от второй четверти до конца X в., синхронны древнейшим слоям Передольского посада. Аналогии сосудам с каннелюрой известны в Городце под Лугой, на Золотом Колене, в Старой Ладоге (Ефимова 1977; Сениченкова 1998: 20; Носов, Плохов: 139, рис. 2: 6).

Таким образом, в ассортименте керамики из раскопов 1 и 2 имеются некоторые отличия. В раскопе 1 не найдено фрагментов лепных сосудов типа 3. В раскопе 2 не представлены фрагменты с каннелюрой. Можно отметить, что эти отличия касаются очень малочисленных типов сосудов.

В коллекции гончарной керамики из раскопок 1984—1985 гг. не представлено целых форм сосудов. Поэтому классификация их основана исключительно на фрагментах венчиков. Горшки изготовлены из теста с примесью дресвы, красноватого, бурого и черного цвета. Орнамент преобладает линейный и волнисто-линейный, изредка встречается штамп. В раскопе 1 выделяются комплексы, содержащие лепную и гончарную или только гончарную керамику. По характеру профилировки верхней части выделяются четыре типа сосудов (рис. 15):

Тип 1. Сосуды слабой S-видной профилировки. В характере отгиба венчика имеются два варианта. В одном случае это плавный изгиб (рис. 13: 6, 8, 12; 14: 2, 3), в другом случае — скорее перелом (рис. 13: 2, 4, 13; 14: 4, 5). Сосуды украшены линейным и линейно-волнистым орнаментом, который расположен, насколько позволяют судить фрагменты, по плечу и верхней части тулова. В ряде случаев орнамент поднимается до шейки. Этот тип является преобладающим в коллекции 1984—1985 гг. (27 экз.) и повсеместно встречается на древнерусских памятниках Северо-Запада конца X—XI вв. (Белецкий 1996: 62, рис. 52: IV; Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 74: 2, 4, табл. 84: 2, 4 и др.).

Тип 2. Сосуды, связанные генетически с типом 1. Они также имеют S-видную профилировку, но наблюдается более резкий изгиб венчика и выраженное округлое плечико. Орнамент по плечу линейный и линейно-волнистый. Данный тип характерен для древнерусских поселений второй половины XI — XII вв. (рис. 13: 10, 11, 14; 16: 2, 3).

Тип 3. Сосуды с вертикальным венчиком. Место перехода от венчика к плечу орнаментировано полосками или валиками, украшенными различным штампом, волнистым и линейным орнаментом. Тип представлен 1 венчиком и орнаментированными мелкими фрагментами (рис. 13: 3, 5; 14: 1). Горшки с вертикальным венчиком представляют собой редкий, но устойчивый тип на Северо-Западе (Горюнова 2002: 54—60, рис. 4: 2, 8; Королькова 2003: 289, рис. 3: 4—6). В керамических материалах Верхнего Полужья, кроме профилировки и орнамента, их отличает, как правило, хорошее качество теста и обжига. Дресва, используемая в качестве примеси, мельче, чем та, что используется при изготовлении сосудов других типов.

По технологии изготовления керамика с вертикальным горлом заметно отличается от основной массы сосудов, производившихся на поселении. Впервые эту керамику выделила на материалах Новгорода Г. П. Смирнова, высказавшая предположение о том, что некоторые варианты сосудов с вертикальным горлом могут быть привозными (Смирнова 1974: 17—22). Однако повсеместные находки и устойчивость этой формы — в том числе и на сельских поселениях Северо-Запада — говорят, скорее, за то, что подобная керамика изготавливалась в качестве столовой посуды в городских центрах Северо-Запада, откуда и шло ее распространение по ближайшим поселениям.

Тип 4. Сосуды, слабо профилированные в верхней трети тулова. Тип представлен единичным фрагментом сравнительно толстостенного горшка с широким горлом и слегка отогнутым краешком венчика. Орнаментирован многорядной неравномерной волной (рис. 13: 9). Это один из самых ранних типов гончарной керамики Северо-Запада (см.: Горюнова 1977: 52; 2002: 55, рис. 5: 6).

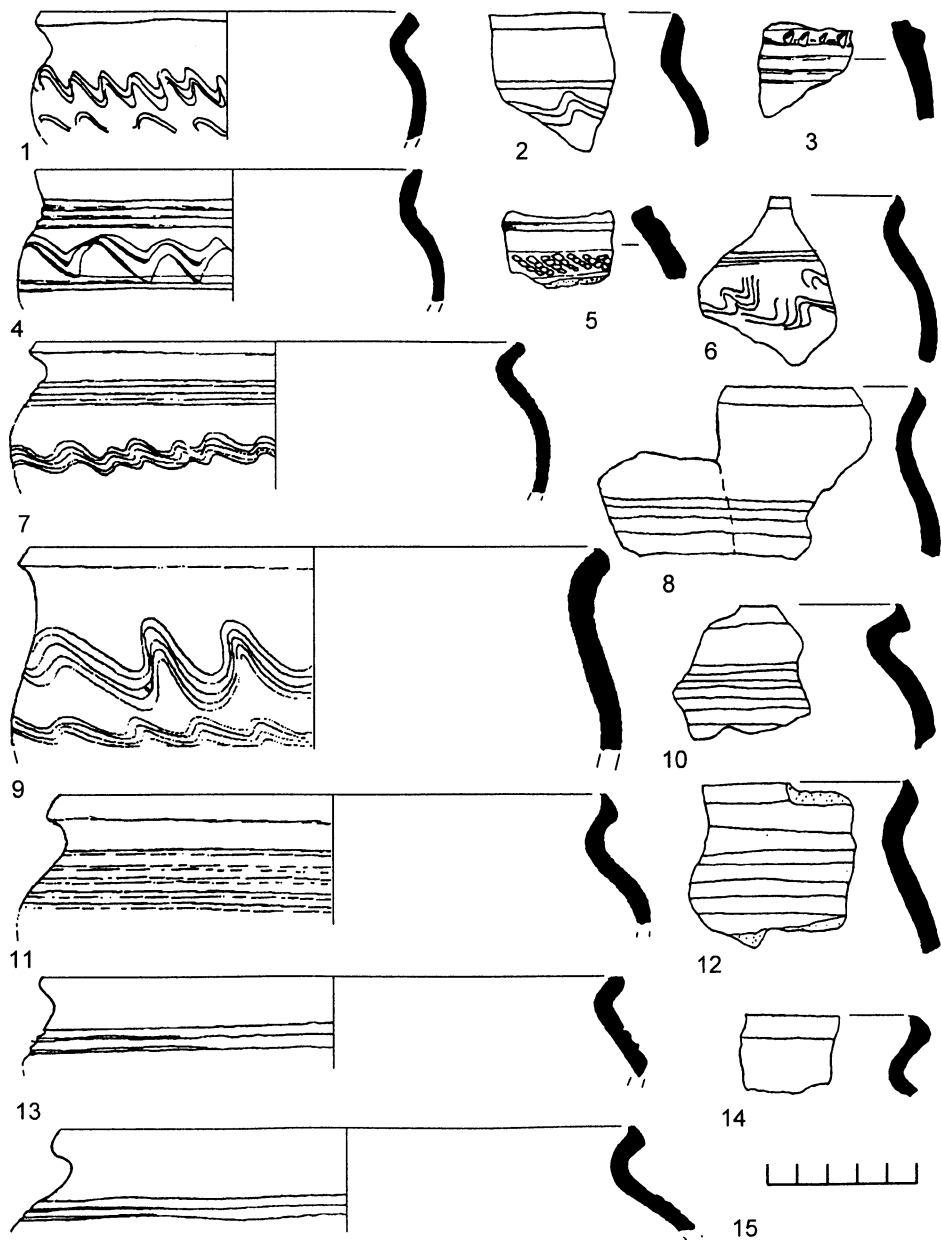

Рис. 13. Гончарная керамика из раскопа 1

Как уже говорилось выше, коллекция керамики, собранная в 1984 г., относилась к яме № 1, которая исследовалась и в 1985 г. (раскоп 1, кв. А-1), но не могла быть раскопана до конца, так как ее западная половина уходила под аллею, ведущую на кладбище. Яма углублена в материк на 0,5 м, заполнена черным и серо-коричневым гумусом. В нижней части заполнения ямы обнаружены исключительно лепные фрагменты. В верхней его части и в слое, непосредственно перекрывающем яму, керамический комплекс смешанный. Все определимые лепные фрагменты относятся к типам 1 и 2.

Помимо «стратифицированного» горизонта 3, некоторое количество лепной керамики содержится в нижней части слоя серо-коричневого гумуса (гор. 2), вместе с ранними для Северо-Запада формами гончарной керамики. Использование лепных сосудов на сельских поселениях верхнего Полужья, как минимум, до рубежа X—XI вв. подтверждается нашими наблюдениями над материалом селищ у дер. Большой и Малый Удрай (раскопки Н. И. Платоновой 1979—1985 гг.). Отметим также, что в рассмотренной коллекции 1984—1985 гг. не представлены лепные сосуды с орнаментом, однако в южной части раскопа 1 (1986 г.) таковые были найдены. Преобладающим видом орнамента на лепной посуде являлись пояски однорядного ямочного или гребенчатого штампа по плечу сосуда (рис. 11: 1—2).

Гончарная керамика представлена сосудами плавной S-видной профилировки с линейным и линейно-волнистым орнаментом (рис. 13: 7, 11). Здесь же в зачистке 1984 г. был обнаружен фрагмент раннегончарного сосуда типа 4, орнаментированного беспорядочной волной (рис. 13: 9).

Выразительный комплекс гончарной керамики происходит из серо-коричневого гумуса в северо-восточной части раскопа 1 (в кв. Г-3). Здесь представлены обломки горшков S-видной профилировки с линейно-волнистым орнаментом, а также фрагмент сосуда с вертикальным венчиком, который в месте перехода к плечу орнаментирован штампом (рис. 14: 1).

В целом, анализ керамики из раскопок Передольского посада играет большую роль в формировании наших представлений о хронологии нижних слоев поселения. В настоящий момент можно констатировать значительную близость передольского керамического комплекса той картине, которая выявляется на раннегородских поселениях Северо-Запада.

В настоящий момент можно отметить, что в рассмотренной части керамической коллекции Передольского посада сравнительно мало представлены типы 3 и 4 — ранние формы раннекруговой керамики, типичные для городских поселений Северо-Запада второй половины X в. Особенно важен единственный характер находок фрагментов сосудов типа 3, свидетельствующий, по-видимому, об отсутствии производства такой столовой керамики здесь, на месте. Но сравнительно малая выборка материала, которую представляет собой коллекция 1984—1985 гг. (северная часть раскопа 1, линии кв. 1—3) пока не позволяет делать на этой основе ответственные выводы.

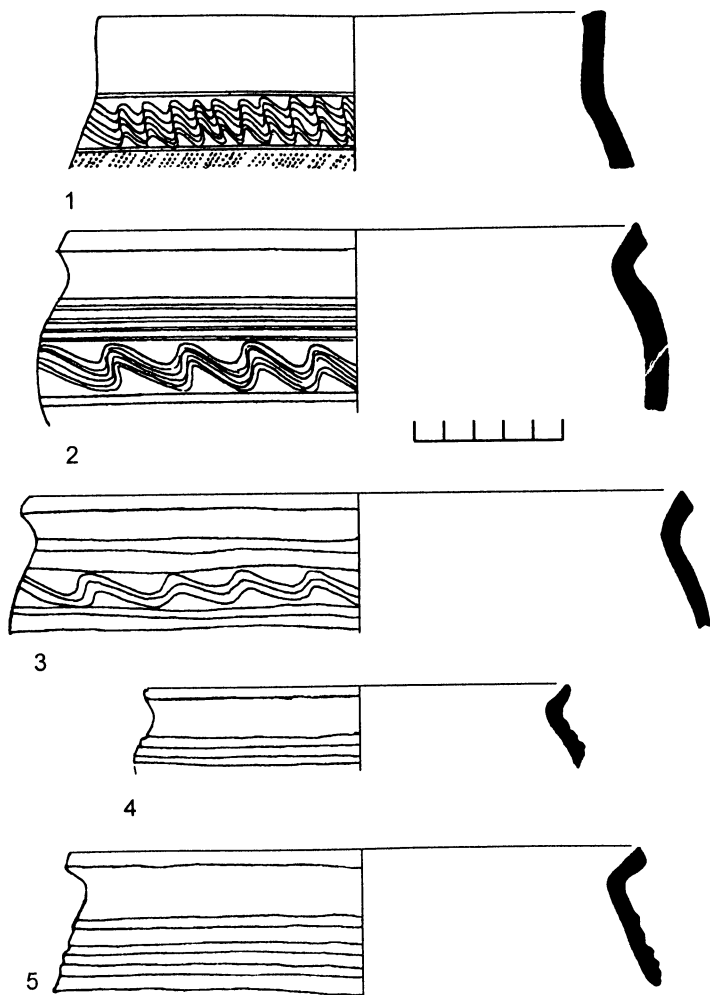

Рис. 14. Гончарная керамика из горизонта 2 раскопа 1 (серо-коричневый гумус): 1,2,4 — кв. Г-3; 3, 5 — кв. В-3)

Индивидуальные находки и их хронология. Список вещевых находок раскопа 1 насчитывает более 400 единиц. «Верхний» раскоп 1а в целом несколько беднее вещевым материалом (особенно, нижние горизонты). Это вряд ли можно объяснить сползанием материала по склону. В раскопе 1а, как и в раскопе 1, выявлены и углубленные комплексы, и отопительные сооружения из камней, так или иначе способные удержать артефакты от подобного сползания. Как уже говорилось выше, различия в характере материала, скорее всего, объясняются особенностями планировки и различными функциями построек одной и той же усадьбы.

В настоящей статье мы даем суммарную характеристику материалов для всех нижних отложений раскопов 1 и 1а, без детальной привязки их к отдельным прослойкам. Это последнее должно стать темой специальной публикации. Следует учесть, что немалое количество хронологически значимых предметов найдено в переотложенном виде, в поздних перекопах и т. д. Рассмотрение коллекции как единого целого и определение диапазона бытования основных категорий вещей позволит нам дать обобщенную характеристику памятника. В первую очередь, мы остановимся на тех категориях вещей, которые имеют более-менее надежные хронологические атрибуции.

Костяные изделия. Коллекция костяных предметов из раскопов на посаде представлена, в первую очередь, обломками одно- и двухсторонних костяных гребней, их футляров, а также шильев, иголок и игольников. Следует отметить, что только в раскопе 1а присутствуют обломки крупных односторонних составных гребней, которые можно отнести к 1 группе по О. И. Давидан (Давидан 1962: 95—103; 1968: 54—63). Это фрагмент боковой накладки гребня, целиком покрытой орнаментом в виде косой «решетки» в рамке из двойных продольных и тройных вертикальных линий (рис. 8: 13) и, с известными оговорками, крупный обломок срединной пластины гребня (рис. 8: 8). Судя по материалам Ладоги, подобные гребни характерны для горизонтов Е, в горизонте Д они единичны. На территории Новгорода (за исключением Рюрикова Городища) находки подобных гребней также редки.⁸ Верхняя граница бытования гребней I группы не выходит за рамки X в., возможно ограничиваясь его серединой или третьей четвертью.

⁸ Л. И. Смирнова (Smirnova 2005: 38—40), анализируя пропорции сечения гребней (именно этот параметр является определяющим при дифференциации 1 и 2 групп), по форме сечения объединяет в одну группу все плоско-выпуклые накладки, в то время как пропорции хронологически значимы для дифференциации накладок с правильным сегментовидным сечением. Опираясь на опубликованные рисунки, можно достаточно уверенно отнести к 1 группе лишь три новгородских гребня: Нер. 27—32—946 (середина X в. — 972 г.); Тр. 15—949 (датирован 968—995 гг.); Тр. 21—1584 (датирован 950—978 гг.) (Smirnova 2005: fig. 3.31: A46, A355; fig. 3.37: A326).

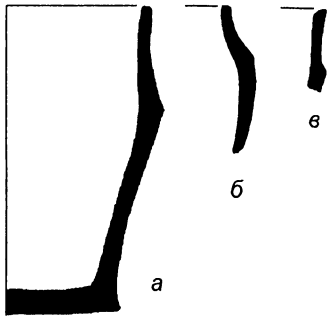
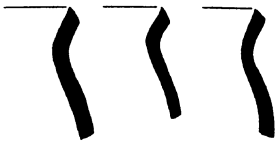
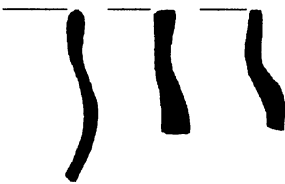
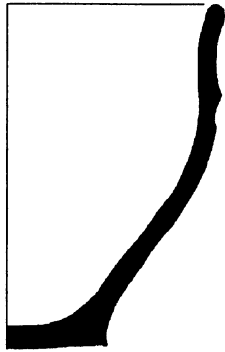
	ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА	ГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА
Тип 1		
Тип 2		
Тип 3		
Тип 4		

Рис. 15. Типы керамики Передольского погоста

Помимо того, во всех раскопах (включая шурф 1б) встречены обломки более узких, меньших по размерам наборных односторонних гребней (а также футляров для них), которые можно отнести ко 2-й группе по О. И. Давидан. Среди них встречены как неорнаментированные, так и украшенные геометрическим орнаментом из вертикальных и наклонных перекрещивающихся линий (рис. 7: 11, 20; 8: 11; 9: 5, 6, 9). Как правило, орнамент расположен зонами. Эти находки датируются по ладожской и новгородской дендрохронологическим шкалам — с конца IX до третьей четверти — конца XI в. (до 1096 г.)⁹ (Smirnova 2005: 17—105). Можно отметить один экземпляр из раскопа 1 — обломок накладки футляра, орнаментированной полосой кружкового орнамента и продольными линиями (рис. 8: 12). По О. А. Кондратьевой, такие гребни с кружковым орнаментом датируются в древнерусских памятниках X—XI вв. (Кондратьева 1995: 72—84). Однако следует отметить, что гребни с подобным орнаментом и почти прямоугольным (нередко с лицевой стороны слегка выпуклым) сечением накладок полностью отсутствуют в Бирке и в древнерусских памятниках не позднее X в. В Новгороде, судя по достаточно надежно датированным находкам из Неревского раскопа, они бытуют в 989—1096 гг.

Двухсторонних цельных гребней найдено 3 экз., все в раскопе 1. Два из них орнаментированы продольными линиями (рис. 7: 15), на одном орнамент отсутствует. Два гребня имеют трапециевидную форму, один — прямоугольную. Как показала Л. И. Смирнова (Smirnova 2005), различия в форме трапециевидных гребней (в том числе и почти неотличимых по форме от прямоугольника) определялись в первую очередь использованием разных частей рога лося и не влияют на хронологию. Датируются трапециевидные гребни, судя по многочисленным новгородским аналогам, 989—1268 гг. (при условной синхронизации с ярусами Неревского раскопа) (Колчин 1958: 100—102; 1982: 165—166). Прямоугольный гребень фрагментирован, поэтому его типологическая и, соответственно, хронологическая атрибуция существенно менее определенны: после 989 г.

Обломок костяного цилиндра (скорее всего игольника), орнаментированного линейным и кружковым орнаментом, найден в раскопе 1а (рис. 8: 16).

⁹ Новгородские даты, указанные с точностью до года, являются условными и соответствуют датам ярусов Неревского раскопа. Хронология второго по размерам и еще не завершенного Троицкого раскопа пока в достаточной мере не разработана (в силу, в первую очередь, существенно более сложной стратиграфии), что существенно ограничивает возможность опираться при датировке вещей на эти находки. Однако, несомненно, территория Троицкого раскопа заселяется несколько раньше Неревского. О возможностях и ограничениях датировки памятников Новгородской земли на основе датировки серийных находок из стратифицированных и дендрохронологически датированных раскопов в Новгороде см.: Лесман 1996 и др.

Подобные игольники достаточно редки и нигде не образуют серий. В настоящий момент имеются сведения о единичных находках в весьма удаленных друг от друга регионах — в Крыму, Белоруссии (в Витебске) и на Северо-Западе. Предположительно игольник можно отнести к XII—XIII вв.

Железные изделия. Коллекция железных изделий с Передольского посада включает элементы костюма (подковообразные и поясные пряжки, поясные крючки, кольца и костыльки для подвешивания и пр.), а также предметы домашнего обихода (ножи, шилья, кресала, обломки серпов и пр.), боевого или охотничьего оружия (наконечники стрел) и т. д. Хотя ни одна из этих категорий материала не образует здесь крупной серии, они, несомненно, представляют интерес с точки зрения хронологии и культурной характеристики комплекса.

Кольцо с завязанными концами и прикрепленным к нему костыльковым звеном (рис. 7: 1) датируется по новгородской хронологии (вместе со всеми металлическими завязанноконечными изделиями) периодом не позднее 1197 г.¹⁰ (рис. 7: 1). Древнейшее на Руси кольцо с завязанными концами найдено в самом нижнем горизонте Старой Ладogi. Распространение подобных колец на Руси связано со скандинавской традицией (Лесман 1996а). Подобные кольца с костыльковыми звеньями появляются не позже X в. и широко распространены в Скандинавии эпохи викингов (см. напр.: Arbman 1940: Taf. 113). На Руси они встречаются преимущественно на Северо-Западе.

Железная подковообразная пряжка круглого сечения, со спирально закрученными концами (рис. 7: 10) относится к типу, бытовавшему, по материалам Новгорода, не позднее 1197 г., в то время, как нижняя дата ее уходит в ранний железный век. Изящное калачевидное кресало с узким язычком и сильно отогнутыми, S-образными концами (рис. 7: 22) представляет собой вариант, достаточно редкий на Руси (см. в Новгороде Колчин 1959: 104, рис. 84, 3; в Финляндии см. Kivikoski 1973: 129, Abb. 1008). В целом время бытования на Руси калачевидных кресал с узким язычком определяется в пределах X—XII в., однако не позднее 1177 г. по новгородской дендрохронологической шкале.

Серия наконечников стрел включает шесть экземпляров. В раскопе 1 найдены один двушипный наконечник, происходящий из заполнения подпольной ямы (в Новгороде этот тип датируется не позднее 1134 г.) (рис. 7: 8) и один плоский черешковый ромбический без упора с максимальным расширением в нижней трети пера (рис. 7: 5) — новгородского типа по А. Ф. Мед-

¹⁰ Новгородские даты, указанные с точностью до года, являются условными и соответствуют датам ярусов Неревского раскопа. Предлагаемые в статье датировки основаны на данных новейших разработок одного из авторов по новгородской хронологии. В настоящий момент Ю. М. Лесманом подготовлены к печати работы «Хронология ювелирных изделий Новгорода» и «Хронология новгородских бус».

ведеву (Медведев 1959: 155—156, 165—166). Этот тип датируется 1006—1116 гг. В раскопах 1 и 3 найдено два ланцетовидных наконечника с упором (рис. 7: 6). Подобные наконечники появляются в IX в. и бытуют не позднее 1116 г. Два четырехгранных наконечника, один из которых найден в верхнем горизонте камней раскопа 3 (рис. 9: 3), а второй — в раскопе 1а, также относятся к типу ланцетовидных, но к позднему его варианту, известному на севере Европы (преимущественно провинция Даларна в Швеции — см. Serning 1966: Pl. 25. 12, 60. 5). На севере Руси их находки встречаются реже (в частности, известны несколько экземпляров из Довмонтова города в Пскове). Наиболее вероятная дата передольского наконечника — XI—начало XII вв.

Железные поясные крючки, по форме напоминающие «блесну», представлены в нижних отложениях раскопа 1 двумя экземплярами (там же найдено два аналогичных по форме бронзовых крючка с орнаментом типа «волчий зуб»). Подобные изделия (как железные, так и бронзовые) весьма многочисленны в славянских древностях Восточной Германии (показательно их отсутствие на территории Польши, за исключением района Гданьска, в Чехии и Словакии, а также в Скандинавии), где они датируются XI—XII вв. Самые ранние экземпляры, возможно, относятся ко второй половине—концу X в. В меньшем количестве они встречены на Руси. Однако целый ряд находок относится здесь, несомненно, к X в. (городище Монастырек в Среднем Поднепровье, Гнездово, где найдены и заготовки, Городок на Ловати). Встречаются они в Восточной Европе и в XI—XII вв. (с выходом в XIV в.) — в могильниках на Верхней и Средней Волге, в Новгороде, на Карельском перешейке; пять экземпляров найдены в культурном слое Новгорода в слоях XII—XIV вв.¹¹ Наиболее территориально близкой аналогией является находка в погребении № 1 каменной насыпи могильника Удрай 2, датированном XI в. (раскопки Н. И. Платоновой, 1980 г.). Следует отметить, что петли всех передольских экземпляров пластинчатые, развернутые в плоскости перпендикулярной поверхности крючка, в то время как западнославянские находки, а также все надежно датированные ранние (X в.) восточноевропейские имеют S-видные петли.

Обломок железного ключа с «бородкой» из трех зубцов, найденный на раскопе 3, представляет собой ключ от врезного замка с деревянным засовом. В Новгороде подобные изделия были распространены в период не позднее 1161 г., хотя в Северной Европе они продолжали бытовать и позднее (в русских деревнях эта простая конструкция замка встречается до XX в.) (Колчин 1959: 86—88; 1982: 161—162). Второй ключ, сильно коррозированный, найден в раскопе 1а и может быть предположительно отнесен (по размерам и форме головки) к типу ключей от цельнометаллического сундучного

¹¹ Ил. 14—23—99; Нер. 12—18—265; Люд. 16—14; Дуб. 20—27; Нут. б. п. 1979 г.

замка. Подобные изделия бытовали в Новгороде, начиная с конца XI в. до высокого средневековья (1096—1369 гг.) (Колчин 1959: 91—94; 1982: 61—62).

Коллекция ножей Передольского погоста включает мало целых изделий. В нижних отложениях встречены, преимущественно, обломки ножей типа 4 по Р. С. Минасяну, изготовленные (судя по тем экземплярам, которые подвергались металлографическому анализу или у которых вследствие коррозии и последующей реставрации уверенно распознается технологическая схема изготовления) по технологии трехслойного пакета и датируемые не позднее 1197 г. по новгородской шкале. Однако в раскопе 1 присутствует и ряд находок более позднего типа, датируемых в Новгороде после 1134 г. (Колчин 1959: 48—52).

Выборочное металлографическое исследование железных изделий из серо-коричневого гумуса раскопа 1 (пять ножей и их обломков, одно шило) и одного изделия из раскопа 3 (наконечник стрелы) было выполнено Л. С. Розановой в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН.¹² В двух случаях из пяти ножи оказались изготовлены по технологии трехслойного пакета (ан. № 5354, 5355), в одном случае использовалась чисто стальная заготовка (ан. № 5356). Были выявлены также технология сварки (1 экз., ан. № 5357) и наварки (1 экз., ан. № 5358) стального лезвия на железную основу. Все проанализированные сварные лезвия изготовлены с последующей закалкой на мартенсит (чисто стальной нож в наиболее науглероженных местах также имел структуру мартенсита).

Ланцетовидный наконечник стрелы из раскопа 3, изученный Л. С. Розановой, оказался откован из простой железной заготовки (ан. № 5359). Видимо, в данном случае твердость металла не имела принципиального значения. Напротив, железное шило из раскопа 1 было отковано из высокоуглеродистой стали, имевшей мелкозернистую структуру (ан. № 5360). В письме Л. С. Розановой к Н. И. Платоновой указывалось: «...Различие в производственной технологии (по сравнению с сельскими поселениями Приильменья IX—X вв. — *Авт.*) достаточно ощутимо. На сельских поселениях, прежде всего, нет технологии трех и пятислойного пакета <...> Безусловно одно, что технология многослойного пакета была достаточно сложна, и применять ее могли только мастера высокого класса, знающие все тонкости искусства сварки железа с высокоуглеродистой сталью». Впрочем, мы не можем пока уверенно утверждать, что ножи, изготовленные в технологии многослойного пакета изготавливались на Передольском поселении, а не привозились сюда.

Изделия из цветных металлов представлены, в основном, украшениями и деталями костюма из сплавов на основе меди. С известной долей условности

¹² Авторы выражают глубокую признательность Л. С. Розановой за эту работу.

ниже они именуются бронзовыми (анализы металла, к сожалению, пока не производились).

Бронзовые подковообразные фибулы встречались на Передольском посаде практически повсеместно. В раскопе 1 найдено три спиралеконечных фибулы, диаметром 2—4 см, с неорнаментированной дугой круглого сечения и узким щитком иглы (рис. 7: 18). Эти изделия по новгородской шкале датируются широко — до 1268 г. Подобные украшения известны в Восточной Европе, начиная с раннего железного века. В раскопе 1а найдена фибула со спирально закрученными концами, с четырехгранным сечением дуги, декорированная сплошным бордюром из тонких насечек (рис. 8: 3), что позволяет определить на основе новгородских находок ее верхнюю дату: не позднее 1161 г. Малая спиралеконечная застежка из раскопа 3 имеет треугольное сечение дуги (ребро на верхней поверхности). Она датируется не позднее 1197 г. В раскопе 1 найден обломок подковообразной пряжки с гранчатыми головками и ровным стержнем дуги многогранного сечения (рис. 7: 17). Он также имеет дату не позднее 1161 г. Другой обломок — с четырехугольными гвоздевидными орнаментированными концами, ровной дугой многогранного сечения и шейкой, слегка утончающейся под головкой, датируется по сочетанию этих признаков в пределах 1076—1161 гг. (рис. 7: 14).

Ременная гарнитура представлена пряжками, крючками и накладками. В раскопе 1а встречена одна лировидная пряжка слегка удлинённых пропорций, декорированная по поверхности насечками, расположенными между идущими вдоль краев линиями (рис. 8: 5). По сочетанию признаков она может быть датирована в диапазоне 1096—1197 гг. Обломок другой пряжки из того же раскопа имеет цельнолитой корпус, круглое сечение дуги; основание соединяется с боковой частью так, что образует выступ (рис. 8: 6). Это изделие датируется более широко — 1006—1224 гг.

Бронзовые поясные крючки, уже упоминавшиеся выше, орнаментированы, что позволяет определить их дату несколько точнее, чем для аналогичных железных изделий. Два экземпляра их, найденные в раскопе 1, орнаментированы «волчьим зубом», с одинарными кружками в треугольных чеках. Такой мотив декора в Новгороде бытовал между 1055 и 1281 гг.

Бронзовая литая ременная накладка с растительным (?) орнаментом из раскопа 1 имела плоскую нижнюю поверхность. По этому признаку она может быть отнесена к периоду не ранее 1116 г.¹³ Другая накладка неясного назначения была найдена в раскопе 3 (рис. 9: 4). Она орнаментирована по краям двойными гравированными линиями. Накладки такого типа известны на Руси, в Прибалтике и в Скандинавии — в комплексах XI—XII вв.

¹³ Следует отметить, что этот признак является датирующим для древнерусских изделий, но в Скандинавии такое сечение ременных накладок известно и в более раннее время. Асинхронность связана с различием технологических традиций.

Назначение большой литой накладки неправильно-ромбовидной формы, украшенной кружковым орнаментом (рельефным, углубленным и прорезным), а также зигзагообразной гравировкой (рис. 7: 13), не ясно, но, судя по сохранившимся гвоздикам, она не являлась частью поясной гарнитуры. Ранее одним из авторов уже высказывалось мнение, что перед нами накладка книжного переплета (Платонова 2006, в печати). В Новгороде прорезные накладки появляются после 1076 г.

В нижних слоях раскопов 1 и 1а встречено четыре обломка спиральных украшений — вероятнее всего, не перстней, а наконечников (рис. 8: 1—2). Верхнюю дату этих изделий на Северо-Западе установить пока сложно. Аналогии им есть в Ладоге (первая половина IX в.) и в сопках, в том числе в погребении № 10 сопки № 4 у Передольского погоста, раскопанной Н. И. Платоновой в 1995 г. Наиболее вероятной датой указанного комплекса является середина X в. (Платонова 2002: 192). Кроме того, аналогичные предметы встречены в поверхностных кремациях могильников Которска на верхней Плюссе (Кузьмин, Михайлова, Соболев 2000: рис. 3: 9, 11, 12, 21, 22, 28; 11: 10; 12: 12, 14).

Трапециевидные подвески, встреченные на Передольском посаде, относятся к двум разновидностям:

1) Простые неорнаментированные (4 экз., рис. 7: 12) или орнаментированные тонкой пунктирной линией (1 экз.). Были широко распространены на селищах XI—XII вв. (Платонова 1995: 67) и в курганных древностях Северо-Запада. Верхняя дата всех разновидностей трапециевидных подвесок по новгородской шкале — 1238 г.

2) Трапециевидные подвески, орнаментированные рельефными тиснеными линиями по краям (2 экз., рис. 8: 9, 10). Возможно, недоделанный экземпляр такой подвески был найден в раскопе 1. Он был орнаментирован, но не вырезан до конца из тонкого металлического листа и поэтому имеет необычное фигурное завершение верха. Эти изделия отражают сохранение в древнерусском уборе украшений предшествующей эпохи. Аналогии им представлены в Новгородской земле в поздних комплексах культуры длинных курганов и в древнерусском курганном могильнике Боково (раскопки Г. Н. Пронина 1979—1980 гг.). В целом они могут быть датированы IX—началом, возможно, первой половиной XI вв.

Из подвесок-бубенчиков в раскопах на посаде достоверно имеются только крестопрорезные, распространившиеся на Руси в X в. и бытовавшие, по новгородской шкале, не позднее 1161 г. (рис. 8: 15). В раскопах 1—1а представлены также обрывки бронзовых цепочек — как из спиральных колечек (рис. 8: 4), так и обычно именуемых «плетеными», точнее набранных из звеньев S-образной формы, завитки которых развернуты в перпендикулярных плоскостях (рис. 8: 7). Последние появляются в древнерусской культуре как скандинавское заимствование, но затем исчезают, чтобы появиться вновь почти век спустя. В Ладоге они известны с самого раннего периода

(гор. Е-3/3). В Новгороде наблюдается два периода их бытования: 1) до 1025 г.; 2) в диапазоне 1116—1369 гг.

Украшения рук представлены в раскопах 1 и 3 обломками литых ладьевидных браслетов (2 экз.). Один из них имеет орнамент в виде рельефных бороздок и углублений, по-видимому, имитирующих собой плетеный орнамент (рис. 7: 21). По-видимому, это поздний вариант данного типа изделий, датируемый не ранее XI в. (но не позднее 1161 г.). Второй обломок ладьевидного браслета имеет гранчатую головку-утолщение на конце и тоже датируется периодом до 1161 г. (рис. 9: 2). При датировке и культурной атрибуции следует, однако, учитывать, что ладьевидные браслеты (литые массивные с расширяющейся средней частью) подразделяются на две группы, различающиеся оформлением концов. У большинства браслетов (в частности, у найденных на территории Скандинавии) концы не имеют заметного расширения, хотя нередко и оформлены утолщением или выпуклыми валиками. От них отличаются часть браслетов, найденных восточнее Балтийского моря — они имеют приближающиеся по форме к треугольным щиткам расширения на концах (см. например Спицын 1896: табл. IV. 20; Седова 1981: рис. 38. 4; Korkkeakoski-Väisänen 1981: T. XI. 4; M. Mägi-Lõugas 1995: 300—302, Joon 16. 1, 2, 4; Хвошинская 2004: табл. CXVIII: 7, 9; CXXII: 8, 10 и др.), и относятся уже к XI—XII вв. Обе передольские находки относятся к первой группе. Помимо ладьевидных, в раскопе 1 был найден обломок витого двухпроволочного браслета, с неутонченными концами (рис. 7: 19). Такие браслеты (для его датировки важно также то, что он не утончается к концам) с неутонченными концами бытуют, судя по новгородским находкам, в 1025—1268 гг.

Перстней в раскопах на Передольском посаде очень мало, причем не всегда можно достоверно отличить проволочный перстенок от перстнеобразного височного колечка или просто кольца для подвешивания. В раскопе 3 найден пластинчатый незамкнутый перстень из почти ровной широкой (более 5 мм) пластины со скругленными, слегка заходящими концами (один конец обломан) (рис. 9: 8). По сочетанию признаков он датируется в диапазоне 1025—1299 гг. Широкосрединный перстень с завязанными концами, пластина которого орнаментирована по краям «волчьим зубом», найден в раскопе 1 (рис. 7: 9). По сочетанию формы, конструкции и орнамента он датируется 1055—1177 гг. по новгородской шкале. В раскопе 1 на границе гор. 1 и 2 найден перстень из светлого оловянистого сплава — круглощитковый, замкнутый, с простым переходом к кольцу. В отличие от предыдущих, это достаточно позднее изделие, датируемое не ранее середины XIII—XIV вв. В тех же отложениях найден обломок проволочной серьги в виде вопросительного знака. Такие серьги широко распространены в Новгородской земле и ряде других древнерусских регионов, являясь заимствованием из культуры монголов (Лесман 1998). Они входят в группу украшений, диагностичных для периода после монгольского завоевания. В Новгороде и Новгородской земле

подобные серьги получают распространение после 1313 г. В некоторых других регионах они известны раньше: в Черной Руси со второй половины XIII в., в Подонье, по-видимому, с середины XIII в. Проволочное украшение с заходящими концами, представляющее собой, скорее всего, перстнеобразное височное кольцо, может быть отнесено к периоду 1025—1268 гг. (рис. 7: 2).

Наконец, следует отметить находку в раскопе 1а обломка большого медного сосуда — кованого, с загнутым венчиком. Такие изделия бытовали в Новгороде после 1096 г.

Монетные находки. Находки монетного серебра были сделаны в раскопах 1 и 3. Примечательным является полное отсутствие в них западноевропейских монет, при наличии арабских. В раскопе 1 встречены обломки саманидских дирхемов: Исмаил-ибн-Ахмад: 892—907 гг.; Наср-ибн-Ахмад: 914—943. В раскопе 3 (точнее, в шурфе № 1 1985 г., вошедшем затем в раскоп 1986 г.) найден под дерном целый дирхем хорошей сохранности (Саманиды, Талиб-ибн-Ахмад, г. Сувар, 949/950 г.).¹⁴

Стеклянные и каменные изделия. Стеклянные бусы и особенно рубленый бисер являлись наиболее массовой и хронологически значимой категорией артефактов из нижних отложений посада. Кроме того, для датировки древнейших напластований, залегающих непосредственно над предматериком, большое значение имела находка в них обломка сосуда желто-коричневого стекла (предположительно, привозного из Средней Европы), датируемого, по мнению В. А. Галибина, не ранее второй четверти X в.¹⁵

Классификация и хронология бус раскопов 1 и 3 была впервые рассмотрена в диссертации одного из авторов данной статьи (Платонова 1988а). По ее подсчетам, коллекция бус из раскопа 1, за вычетом изделий XVIII—XIX вв., насчитывает 98 экз., из раскопа 3 — 13 экз. Подсчеты по раскопу 1а в настоящий момент не приводятся, учитывая его незавершенность.

Состав коллекции из раскопа 1 может быть описан следующим образом:

— *бисер рубленый* — 57 экз., из них желтого — 46 экз., синего — 5 экз., зеленого — 5 экз., бесцветного — 1 экз.

— *бисер бусинный* зеленовато-голубой — 1 экз.

— *лимоновидные* — 21 экз., из них желтых одночастных — 7 экз., желтых двухчастных — 3 экз., продольно-полосатых цветных и серых — 7 экз., золотистых одночастных — 1 экз., двухчастных — 1 экз., синих одночастных — 1 экз., синих двухчастных — 1 экз.; рубчатых желтых — 1 экз.

¹⁴ Определения И. Г. Добровольского, которому авторы выражают глубокую признательность (к сожалению, уже посмертно).

¹⁵ Находка сделана в раскопе 1, в кв. Г-3, в углистом слое над древней дневной поверхностью. Стекло сосуда имеет состав: Si-K(Na)-Ca(Mg). Анализ выполнен В. А. Галибиным в Лаборатории археологической технологии ЛОИА в 1986 г.

— *бочонковидные заглушенного стекла* — 4 экз., из них печеночно-красных — 2 экз., оранжевых — 2 экз.

— *зонные* — 5 экз., из них классических синих (навивка) — 3 экз., классических зеленых — 1 экз., цилиндрических синих (трубка) — 1 экз.

— *глазчатые* — 5 экз., из них черная со светло-серыми петельками и размещенными в них красными глазками в серых ресничках — 1 экз., черная с синими глазками в белых ободках — 1 экз., черная гладкая — 1 экз., желтые — 2 экз.

— хрустальные шарообразные — 1 экз.

— сердоликовые 14-гранные — 1 экз.

— сердоликовые бипирамидальные — 1 экз.

Коллекция из раскопа 3 (включая находки из шурфов 1985 г.) включает следующие типы бус:

— *лимоновидные* — 7 экз., из них желтых одночастных — 1 экз., синих одночастных — 1 экз., золотостеклянных одночастных — 1 экз., фиолетовых одночастных — 1 экз., серебростеклянных одночастных — 1 экз., серебростеклянных двухчастных — 1 экз., бесцветных одночастных — 1 экз.

— *бочонковидные заглушенного стекла печеночно-красные* — 1 экз.

— *глазчатые цилиндрические синие с рельефными глазками* — 1 экз.

— *молочно-белые заглушенного стекла с печеночно-красной волнистой инкрустацией* — 1 экз.

— *пронизки эллипсоидные гладкие полихромные* — 1 экз.

— хрустальные шарообразные — 1 экз.

— хрустальные многогранные — 1 экз.

Говоря о хронологии бус, следует отметить, что подавляющее большинство из них относится к типам, появляющимся на Северо-Западе еще в период формирования отложений слоя Е Старой Ладogi, то есть уже бытовавшим к началу X в. (см.: Львова 1968), когда по-видимому, были заселены раскопанные участки. Для этих типов мы указываем (там, где это возможно) лишь их верхние даты на основе новгородской хронологии. Некоторые типы (например, сердоликовые 14-гранные — см.: Рябинин 1995: 58) получают распространение в первой половине X в. (скорее всего во второй его четверти) — для них указана эта нижняя дата. Наконец, для ряда типов на основе новгородских находок можно определить как нижнюю, так и верхнюю дату их бытования. Некоторые группы бус пока не удастся надежно датировать, либо из-за малочисленности аналогов в Ладoge и Новгороде, либо из-за необходимости более детальной типологической атрибуции самих передольских находок (в первую очередь бус зонной формы). Бусы, таким образом, по своей датировке можно условно разделить на три хронологических группы:

1.1. Лимоновидные монохромные, кроме желтых (5 экз.) — до 1096 г.

1.2. Лимоновидные рубчатые (1 экз.) — до 1096 г.

1.3. Сердоликовые 14-гранные (1 экз.) — после 860-х, верхняя дата не очень надежна, но бытуют, по крайней мере, до 1096 г.

- 1.4. Серебrostеклянные лимоновидные (2 экз.) — до 1116 г.;
- 1.5. Бочонковидные печеночно-красные (3 экз.) — до 1116 г.;
- 1.6. Бочонковидные с глазками из обломков двухслойных палочек-цилиндров (глазки в ободках) (1 экз.) — до 1134 г.;
- 1.7. Желтые и золотостеклянные лимоновидные (14 экз.) — до 1161 г.;
- 1.8. Зонно-цилиндрические синие (1 экз.) — до 1161 г.;
- 1.9. Рубленый бисер (57 экз.) — до 1177 г.;
- 1.10. Бочонковидные оранжевые (2 экз.) — до 1197 г.;
- 1.11. Бочонковидные и цилиндрические глазчатые, глазки с ресничками (5 экз.) — до 1313 г, возможно распадаясь на два подпериода: до 1177 г. и 1238—1313 гг.
- 2.1. Лимоновидные продольно-полосатые (7 экз.) — 2 четверть X в. — 1076 г.;
- 2.2. Черные бусы с глазками в светлых петельках (1 экз.) — вторая четверть X в. — 1134 г.
- 3.1. Хрустальные шарообразные (2 экз.) — 989—1268 гг.;
- 3.2. Сердоликовые бипирамидальные (1 экз.) — 1025—1281 гг.;
- 3.3. Полихромные эллипсоидные (1 экз.) — 1055—1281 гг.
- 3.4. Бисер бусинный (1 экз.) — после 1096 г.

В целом, следует констатировать решительное преобладание (92 экз.) ранних типов бус, появляющихся на Северо-Западе не позднее IX в. и бытовавших в большинстве своем до XI или XII вв. Несколько более поздних, но лишь по времени появления (со второй четверти X в.), бус — 8 экз. Еще меньше бус XI—XIII вв. (3 экз.). Следует отметить, что среди рассматриваемых находок отсутствуют достаточно массовые на других древнерусских памятниках (включая и памятники Верхнего Полужья) типы, появляющиеся во второй половине—конце X в. и выходящие из употребления в течение XII в. (бочонковидные и цилиндрические и серебrostеклянные, гранчатой формы наборные из палочек с преобладанием стекла оранжевого цвета и др.). Более детальный анализ бус будет произведен в рамках специальной работы, посвященной бусам Передольского погоста, которая включит в себя и материалы раскопа 1а. Планируемая работа предполагает увязку всех находок бус с данными микростратиграфии и анализ их по встречаемости, что поможет сузить хронологические рамки коллекции и уточнить хронологию нижних отложений Передольского погоста.¹⁶

Сделанный обзор наиболее хронологически значимых находок на Передольском посаде позволяет отметить следующее. Находки, верхняя дата которых ограничена X в., единичны. Самыми массовыми в коллекции являются

¹⁶ В настоящее время такая работа начата совместно Я. В. Френкелем и Н. И. Платоновой.

артефакты, датируемые начальным периодом русской истории (до середины XII в.). Имеется также значительная серия вещей, бытовавших в узком диапазоне XII в. или в XII в. с выходом в более поздний период. Предметы, существовавшие преимущественно в XI в. (или со второй половины/конца X в. и до начала/середины XII в.), на этом фоне немногочисленны. Следует учесть, что значительная часть описанных выше находок из кости и металлов не распределяется равномерно по всей толще нижних отложений, а принадлежит гор. 2 (серо-коричневый гумус) или самой верхней части гор. 3. Именно этим объясняется значительный процент изделий, датируемых не ранее XI—XII вв. В нижней части гор. 3 предметов из металла и кости было неизмеримо меньше и лишь немногие из них являлись датирующими (как, например, обломки костяных гребней 1 группы по О. И. Давидан в раскопе 1а и двушипный наконечник стрелы в раскопе 1). Хронология нижней части напластований Передольского погоста устанавливается, в первую очередь, по находкам в них изделий из стекла (бус, обломка стеклянного сосуда и пр.). В настоящий момент нижнюю дату посада можно определить в пределах первой половины X в.

Предметы, относящиеся к XIII—XIV вв. и более позднему времени, в раскопах 1—1а единичны, а в раскопах 2—3 отсутствуют полностью. К числу их относятся обломок серьги в виде вопросительного знака, круглощитковый перстень из оловянистого сплава (см. выше), а также ряд находок из верхнего гумуса — пять экземпляров железных обувных подковок, датируемых в Новгороде не ранее XIV в., и навесной замок типа Е по Б. А. Колчину, датируемый не ранее XV в. (Колчин 1959: 83—84, 87, 108, 110, 111; 1982: 160—162). Все это атрибуты позднесредневековой культуры. Малое количество их в коллекции представляется весьма показательным.

Анализ стратиграфии раскопов на Передольском погосте позволяет сделать вывод: они дают нам, если не полностью единообразную, то, по крайней мере, непротиворечивую картину истории поселения. Следует вновь подчеркнуть, что горизонт с лепной керамикой выявляется практически повсеместно на территории, где отмечен культурный слой («черная земля»). Раннекруговая керамика не столь многочисленна, а древнерусская керамика развитых форм (XII—XIII вв. и позднее) представлена лишь на ограниченных участках. Это свидетельствует о том, что на ранних этапах рост Передольского посада шел очень быстро, «взрывообразно», а в дальнейшем интенсивность жизни на нем сократилась, размеры поселения заметно уменьшились.

По-видимому, именно в X в. застройка разрослась до 9 га (считая вместе территорию городища и посада). Такая обширная площадь, присутствие на поселении квалифицированных ремесленников, наличие в слое арабских монет и изящных импортных вещей, наконец — интенсивность накопления культурного слоя (как можно предполагать по его современному состоянию, долгое время сохранявшего характер типичного для восточноевропейских

городских поселений насыщенного органикой так называемого «мокрого слоя» — см.: Лесман 1997; 1998а), с полным правом позволяют нам причислить Передольский погост к числу крупных локальных административных центров Новгородской земли X в.

Оценивая статус поселения в X в., необходимо отметить случайную находку на поселении обломка княжеской геральдической подвески, изготовление которой С. В. Белецкий датирует 988 г., связывая ее с Владимиром Святým (Белецкий 2004: 247, 256, 314). Возможно, эта находка служит указанием, под чьей эгидой шло развитие Передольского поселения, хотя пик его расцвета ко времени Владимира, возможно, был уже пройден.

Следует отметить целую группу находок, как случайных, так и происходящих из раскопов на посаде (см. ниже), находящихся себе соответствие в памятниках Северной Европы второй половины X—XII вв. К числу их относятся ланцетовидные наконечники стрел (в том числе четырехгранного сечения, немногочисленных в Восточной Европе), ладьевидные браслеты и железное кольцо со звеном костыльковой цепочки. Все эти предметы имеют широкие аналогии в североевропейских древностях эпохи викингов и перехода к средневековью. Отметим также находки плетеных цепочек и молочно-белых бус с печеночно-красной инкрустацией, являющихся на Руси IX—X вв. несомненным скандинавским импортом (после раскопок 1990-х гг. таких бус на Передольском погосте собрано уже три экземпляра) и др. Можно обозначить и второе направление культурных связей данного поселения, на которое указывает находка средневропейского стеклянного сосудика X в.

Период расцвета поселения, по-видимому, был недолог. Уже во второй половине X в. интенсивность жизни на Передольском погосте, по-видимому, пошла на спад, а с XII в. его упадок стал еще заметнее.

Юго-восточный участок поселения и находки 2001 г. На первых порах, резким диссонансом такому выводу прозвучали результаты поверхностных сборов на юго-восточном участке поселения в 2001 г. Находки, происходящие с этого участка, были собраны местными краеведами С. С. и М. С. Алексашиными — на поле, после его глубокой вспашки. Предварительное сообщение об этой коллекции было сделано по горячим следам (Платонова, Алексашин 2002).¹⁷

Слой, откуда происходили основные находки, представлял собой вывороченные плугом пласты легкого суглинка, резко отличавшиеся от «черной земли» по цвету и структуре. Местами на светлом фоне обнаруживались

¹⁷ В 2001 г. С. С. Алексашиным была составлена опись всех этих находок и осуществлена их приблизительная топографическая привязка к плану-схеме (ориентиром послужили столбы линии ЛЭП). Предоставленные им сведения мы считаем вполне достоверными.

ограниченные пятна более темного слоя, отстоящие одно от другого на 50—100 м. По-видимому, культурные отложения имели тут структуру, обычную для древнерусских селищ с «сухим» слоем. Они были сильно повреждены распашкой и переотложены уже в старину, а в начале 2000-х гг. подверглись интенсивному разрушению в ходе сверхглубокой вспашки. В результате здесь были обнаружены (с помощью металлоискателя) целые серии предметов, датируемых: 1) IX—X вв.; 2) XII—XIII вв.; 3) эпохой позднего средневековья XIV—XVI вв. и нового времени.

Первая (ранняя) группа находок немногочисленна. Она представлена серией из семи монет:

- 1 — Аббасиды (?), ал-Мутамид, место чекана и год стерты, 870—892;
- 2 — Аббасиды, ½ монеты, место чекана и год стерты, конец IX—начало X вв.;
- 3 — Аббасиды, Харун ар-Рашид, 786—809, Мадинат ас-Салам;
- 4 — Саманиды, Исмаил ибн-Ахмад, аш-Шаш, 898 г.;
- 5 — Саманиды, Исмаил ибн-Ахмад, аш-Шаш, 899 г.;
- 6 — Саманиды, ½ монеты конца IX—начала X в., год обретен;
- 7 — подражание саманидскому дирхему Исмаила ибн-Ахмада (возможно, на монете, чеканенной в аш-Шаше в X в.).¹⁸

В эту группу находок входят также малая бронзовая литая круглая фибула со следами позолоты типа IIIС по И. Янссону, бытование которой синхронизируется с ранним периодом Бирки (конец IX — 970-е гг.) (Jansson 1984: 61, 63, 73), и обломок тонкой бронзовой скобки с кружковым орнаментом и сохранившимся острым тонким окончанием (ее целые скандинавские аналоги эпохи викингов симметричны и имеют по два загнутых острых окончания — напр.: из погр. 1 Grävsta 1, Skuttinge sn, Uppland, SHM inv. 19464:1; из погр. 4 Kipplingeberg, Bälunge sn, Uppland, SHM inv. 19512:4 и др.). Два последних предмета имеют близкие аналогии в Северной Европе и датируются средним этапом эпохи викингов (в целом синхронном раннему периоду Бирки). Топография этих находок на поле наводит на мысль о распаханном (монетно-вещевом?) кладе, зарытом, возможно, в X в. к юго-востоку от поселения.

Значительно шире и разнообразнее представлены в коллекции Алексашиных изделия двух более поздних групп (см.: Платонова, Алексашин 2002; Платонова 2006, в печати). Их подробное описание, должно стать темой отдельной публикации. В настоящий момент необходимо лишь кратко упомянуть важнейшие находки, необходимые для культурно-хронологической характеристики памятника. Таковыми являются: серия из пяти древнерус-

¹⁸ Определение монет произведено И. Г. Добровольским. Сведения получены от С. С. Алексашина.

ских свинцовых печатей;¹⁹ серия предметов христианского культа, включающая древнерусские изделия XII—XIV вв.

Древнейшая из найденных свинцовых булл (№ 1) относится к первой половине XII в. и является, по мнению В. Л. Янина, посадничьей, а по мнению С. В. Белецкого — княжеской. Печати, подобные № 2—3, с изображением на аверсе композиции «Благовещение», традиционно атрибутируются в литературе князю Всеволоду Мстиславичу и его сыну Ивану. Однако С. В. Белецкий считает, что «...владелец печатей на тему церковного праздника выступали в своей деятельности от лица храма или монастыря соответствующего посвящения». Указанные буллы, по его словам, «...могли принадлежать «строителям» Благовещенского монастыря в Новгороде (основан в 1170 г.) братьям Илье-Иоанну и Григорию-Гавриилу, занимавшим Софийскую кафедру соответственно в 1163—1186 и 1186—1193 гг.» (Алексашин, Белецкий 2002: 205).

Матрицы буллы, подобной передольскому экземпляру № 4, атрибутированы В. Л. Яниным князю Ярославу Изяславичу, княжившему в Новгороде в 1148—1154 гг. С. В. Белецкий считает такую персонификацию вполне вероятной, но не исключает в дальнейшем и иных трактовок. Наконец, булла № 5, по его мнению, принадлежала великому князю Дмитрию Александровичу, сыну Александра Ярославича Невского (ум. 1294). Более подробную аргументацию всех этих выводов и описание материалов см.: Алексашин, Белецкий 2002; Платонова 2006.

Серия предметов христианского культа древнерусского периода в коллекции С. С. и М. С. Алексашиных включает часть креста-мощевика из светлого металла с декором в виде геометризованного крина (датируется 1177—1313 гг. по новгородской шкале), а также бронзовую иконку-подвеску Богоматери с младенцем (третьей четверти XIII в. по заключению А. А. Песковой).²⁰ Помимо этих вещей, на пашне в юго-восточной части поселения были найдены обломки бронзовых и оловянных крестиков, датируемых эпохой позднего средневековья и новым временем, а также бронзовая иконка-подвеска Николай-чудотворец (XIX в.).

Статья М. И. Быстрова позволяет идентифицировать описанный юго-восточный участок Передольского посада со вторым участком «церковной земли», занятым в XVIII—XIX вв. усадьбами клира. В ней имеется указание, что причт церкви Покрова Богородицы «жил по дороге (прогону) к реке» (то есть именно там, где расположены раскопы I—Ia), в то время, как «*причт*

¹⁹ Эти печати были переданы С. С. и М. С. Алексашиными в Государственный Эрмитаж и ныне хранятся в отделе нумизматики.

²⁰ Авторы приносят благодарность А. А. Песковой за хронологическое определение этой находки.

главной церкви Николая Чудотворца жил на Новгородской большой дороге (курсив наш. — Авт.)» (Быстров 1880: 387). Таким образом, в новое время (и, по-видимому, еще в период новгородской независимости) именно этот участок являлся местом расположения усадеб клира главной приходской церкви.

Исторический комментарий. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в южной и особенно в юго-восточной части Передольского посада сохранились культурные остатки периода поздней Древней Руси и высокого средневековья, которые слабо прослеживаются в центральной части поселения. Безусловно, у С. В. Белецкого были основания в 2002 г., при первом знакомстве с этими новыми находками, «взять под сомнение существующее в научной литературе представление о том, что к середине XII в. поселение на месте Передольского погоста пришло в упадок» и посчитать, что найденная печать кн. Дмитрия Александровича «в определенной мере закрывает хронологическую лауну между торгово-ремесленным поселением X—XII вв. и историческим Передольским погостом XV—XVI вв.» (Алексашин, Белецкий 2002: 206). Однако в настоящий момент, после ревизии старых материалов и новых полевых работ, есть все основания говорить, что дело обстоит не так просто.

Находки вислых свинцовых печатей XII—XIII вв. недвусмысленно свидетельствуют, что и в этот период Передольский погост оставался звеном системы управления Лужской волостью Великого Новгорода. По-видимому, здесь находилась усадьба, принадлежавшая лицу, отправлявшему в округе административные функции. В ней и хранились документы. Но нельзя не отметить другое: не позднее XII в. весь облик поселения резко изменился.

Как площадь застройки, так и, разумеется, население Передольского погоста в этот период явно сокращаются. Исчезает высококвалифицированное местное ремесло (продукты его в округе сменяются привозными из города?). Если на раннем этапе здесь, по-видимому, постоянно проживали какие-то представители знати («лучшие люди» древнерусских летописей? княжеские люди?), то к концу XII в. они либо стянулись в Новгород, где «делалась большая политика», либо (что вероятнее!) перебрались за своим господином в другое княжество. Вместе с ними, по-видимому, ушли и ремесленники. Как хорошо показали раскопки в Новгороде, на Руси эти две категории населения были теснейшим образом связаны меж собой.

Гипотеза, выдвинутая одним из авторов настоящей статьи в 1991 г., заключалась в том, что в основе всех этих процессов лежали перемены в новгородских порядках владения землей, начавшиеся в первой трети XII в., во время княжения Всеволода Мстиславича (Платонова 1991). Именно тогда началось интенсивное «наступление» на княжеские права и привилегии, в дальнейшем приведшее к полному запрету князю и княжьим людям иметь земельные владения в новгородских волостях. Согласно известию ПВЛ под

947 г., земли по Мсте и Луге были «устроены» в середине X в. княгиней Ольгой, установившей там погосты, оброки и дани. Стоит задаться вопросом: как попало данное сообщение в летописный свод, составлявшийся в Киеве в начале XII в.?

Вопрос не праздный. Следует учесть: *летописная статья 947 г. в Лаврентьевском и Ипатьевском списках ПВЛ не является частью эпического предания о княгине Ольге*, которое могло веками сохраняться в устной передаче, обрастая сказочными подробностями, как песнь или сага. Напротив, данное известие, содержащее лишь сухое упоминание о «погостах, оброках и данях», установленных княгиней по р. Мсте и Луге, выглядит совершенно изолированным на фоне поэтических рассказов о мести Ольги за Игоря и ее путешествии в Константинополь — событий, запечатлевшихся в памяти современников и, конечно, долго передававшихся из уст в уста. Что же обусловило сохранность этого известия о старинных княжьих погостах, оброках и данях? На наш взгляд, только одно: на момент составления ПВЛ упомянутые в нем «уставы» княгини Ольги еще не потеряли своей актуальности.

Начало XII в. — это период княжения в Новгороде Мстислава Владимировича — будущего Мстислава Великого, последнего Рюриковича, способного удерживать в своих руках власть и над Севером, и над Югом Руси. И сам этот князь, и его сыновья, княжившие в Новгороде в первой половине XII в., безусловно, обладали правом на земельную собственность в Новгородской земле. Доказательством тому служат их жалованные грамоты новгородским монастырям (Грамоты... 1949: 139—141). Чрезвычайно интересным представляется анализ одной из таких грамот (на «Терпужский погост Ляховичи», 1134 г.), произведенный Е. Н. Носовым. Анализ исторической географии и археологических памятников, расположенных на территории княжеского «пожалования», привел исследователя к выводу, что «княжеское владение на Ловати вторично по отношению к земледельческим поселениям и сформировалось на том участке, который ... оставался еще свободным в начале II тыс. н. э.» (Носов 1997: 100).

Не следует ли из этого, что в предшествующий период (XI в.? начало XII в.?) имела место *активизация* княжеских усилий по захвату и освоению «свободных» земель? Так или иначе, к 1130-м гг. успел сформироваться некий фонд княжеских владений, преимущественно, по окраинам волостей, освоенных в X в. «сопочным» населением. Степень разработанности этих участков в земледельческом плане могла быть различной (ср.: княжеские волости Буйце и Терпужский погост Ляховичи). Но в целом, география волосток, пожалованных новгородским монастырям в первой половине XII в., указывает на то, что князьями «приватизировались», в первую очередь, участки вдоль водных и сухопутных путей, важные в стратегическом отношении (Носов 1994: 41—56; 1995: 99—100). Однако уже во второй трети XII в. начи-

нается постепенная передача их в руки новых, новгородских владельцев — на первых порах добровольная, путем пожалования.

Вопреки мнению Б. Д. Грекова и его последователей, последующий запрет князю и его людям владеть землей в Новгородчине не был единовременным «революционным» преобразованием 1136 г. В. Л. Янин вполне убедительно показал, что процесс этот, в действительности, растянулся на десятилетия (Янин 1977: 60—79). Но так или иначе, на протяжении второй трети XII—первой половины XIII вв. князья постепенно ограничивались в правах.

Имеет ли все это отношение к землям по р. Луге? На наш взгляд: да, имеет. Лужские погосты маркировали собой начало Лужского (как водного, так и «горного», сухого) пути из центра Новгородских земель непосредственно к Финскому заливу, минуя Ладожское озеро. Кроме того, в районе Передольского поселения находился перекресток зимних и летних путей по мелким речкам в р. Шелонь и в Псковскую землю. Стратегическое значение этих территорий несомненно. Правда, в данном случае мы имеем дело не с «окраинными» волостками, а с землями первоначального земледельческого освоения. Но не являлся ли рассказ об Ольгином «устроении», сохраненный летописью, свидетельством некоего *особого статуса* этих земель — той самой «старинной», что лежала в основе княжеских владельческих притязаний? Рискнем предположить: именно поэтому он не был забыт, а передавался из поколения в поколение и даже попал в киевский летописный свод.

Если наши предположения справедливы, период середина—вторая половина XII в., действительно, должен был явиться переломным для локальных центров, служивших, до поры, до времени, опорой княжеской власти в Новгородской земле. Однако центральное положение, естественно занимаемое Передольским поселением в пределах крупной земледельческой волости, обусловило сохранение за ним ряда административных функций — уже на иной основе.

В настоящий момент у нас нет данных о времени строительства первой приходской церкви на Передольском погосте. Однако появление там церкви (на первых порах деревянной) в очень ранний период (XII—XIII вв.) кажется вполне правдоподобным. Об этом свидетельствуют находки древнерусских христианских древностей указанного периода, сделанные на участке, чья традиционная принадлежность церкви представляется очень вероятной. Это позволяет поставить вопрос о возникновении здесь уже в древнерусское время *приходского центра*, который одновременно мог служить звеном административного управления. В этом смысле находка тут двух владычных булл второй половины XII в. (№ 2—3) кажется весьма знаменательной.

Именно с этого периода центры приходов могли стать одним из основных звеньев административного управления Новгородской землей, что вполне согласуется с усилением роли владыки в государственном устройстве Новгорода. Не тут ли следует искать объяснение административному делению

основного ядра Новгородчины на погосты-округа? К XIV—XV вв., когда большая часть новгородских земель уже оказалась в руках частных владельцев, оно, в известной мере, стало анахронизмом. Для более раннего времени (IX—X вв.) формирование такой системы выглядит еще проблематичнее. Если предположить, что в какой-то период эта церковно-погостская система реально начала работать, то таким периодом может быть, скорее всего, хронологический отрезок середины XII—XIII вв. Впрочем, не исключено, что роль церковных округов (зафиксированная писцовыми книгами московского времени) могла быть не столько административной, сколько учетно-фискальной — ср. аналогичную приходскую структуру, сохранявшуюся в Северной Европе до XX в.).

Подводя итоги, можно сказать следующее. Новооткрытые передольские древности позднерусского времени, действительно, можно рассматривать, как «мостик» между торгово-ремесленным поселением «княжеского» периода и историческим погостом XV—XVI вв. Однако предполагаемый «церковно-административный» центр второй половины XII—XIII вв. очень мало походил на тот «протогород», каким являлось Передольское поселение времен княгини Ольги или даже на меньший по масштабам локальный центр времен Владимира Святого и первых поколений его преемников. Вероятно, в указанный период здесь остались лишь усадьбы «церковных людей», представлявших приходскую администрацию. Характерно, что их дворы оказались вне пределов застройки X—первой половины XII вв. — на юго-восточной границе старого поселения, постепенно приходившего в упадок.

Высказанное предположение, на наш взгляд, является наиболее непротиворечивым вариантом объяснения накопившихся археологических материалов. Разумеется, гипотеза о возможном преобразовании системы погостов в XII—XIII вв. носит пока предварительный характер. Но источниковедческая база по проблеме протогородских поселений X—XI вв. в Новгородской земле, так и не ставших городами, будет разрабатываться далее. Последующее накопление фактов, обработка уже имеющихся материалов и всесторонний анализ как топографии поселений, так и отдельных категорий вещей помогут более детально соотнести хронологию этих памятников с историческими событиями.

Алексашин, Белецкий 2002 — Алексашин С. С., Белецкий С. В. Сфрагистические памятники Передольского погоста // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 204—207.

Белецкий 1996 — Белецкий С. В. Начало Пскова. СПб., 1996.

Белецкий 2004 — Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004. С. 243—319.

- Быстров 1880 — *Быстров М.* Остатки старины близ Передольского погоста, Лужского уезда, Санкт-Петербургской губернии (описание курганов и кладбищ этой местности) // Известия Императорского Русского Археологического общества. СПб., 1880. Т. 9, вып. 4. С. 381—410.
- Горюнова 2002 — *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и Старой Ладоги // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002.
- ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Давидан 1962 — *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. № 4. Л., 1962. С. 95—108.
- Давидан 1968 — *Давидан О. И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенков Старой Ладоги // АСГЭ. № 8. Л., 1968. С. 54—63.
- Ефимова 1977 — *Ефимова Н. А.* Лепная керамика из полуземлянок Городца под Лугой // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 98—101.
- Жеглова 1995 — *Жеглова Т. А.* Керамика городища Передольский погост // Ладога и Северная Русь. СПб., 1995. С. 29—31.
- Исланова 1997 — *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997.
- Киричников 1983 — *Киричников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1983.
- Колчин 1958 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 1. С. 92—111.
- Колчин 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. Вып. 65. С. 7—120.
- Колчин 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156—177.
- Кондратьева 1995 — *Кондратьева О. А.* Средневековые гребни с кружковым орнаментом из древнерусских находок // Проблемы истории северо-запада Руси. Славяно-русские древности. № 3. СПб., 1995.
- Конецкий 1991 — *Конецкий В. Я.* Комплекс памятников у д. Нестеровичи // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1991. С. 89—116.
- Королькова 2003 — *Королькова Л. В.* Гончарная керамика из раскопок селища Петровское-3 (р. Сясь) // Новгород и Новгородская земля. Великий Новгород, 2003. С. 287—292.
- Кузьмин, Михайлова, Соболев 2000 — *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. А.* Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. С. 70—82.
- Лесман 1996 — *Лесман Ю. М.* Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки) // *Archeologia Petropolitana*. V. 1. СПб., 1996. С. 52—65.
- Лесман 1996а — *Лесман Ю. М.* Двойной узел в средневековых ювелирных изделиях Восточной Европы // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников второго colloquium. СПб., 1996. С. 35—37.
- Лесман 1997 — *Лесман Ю. М.* Парадокс древнерусской Ладоги // Ладога и религиозное сознание. Материалы к третьим чтениям памяти Анны Мачинской. СПб., 1997. С. 27—34.
- Лесман 1998 — *Лесман Ю. М.* Монгольское завоевание в зеркале ювелирных украшений Новгородской земли // Славяне и кочевой мир. Средние века—раннее Новое время: Тезисы 17 конференции «Славяне и их соседи». М., 1998. С. 78—81.
- Лесман 1998а — *Лесман Ю. М.* Культурный слой поселений и характер вещевого комплекса // Поселения: среда, культура, социум: Материалы тематической конференции. СПб., 1998. С. 26—33.

- Львова 1968 — *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. I: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 15. С. 83—104.
- Медведев 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959. С. 121—191.
- Носов 1994 — *Носов Е. Н.* Новгородская волость Буйцы (историко-археологический комментарий) // ВИД. 1994. Вып. XXV. С. 41—56.
- Носов 2002 — *Носов Е. Н.* Еще раз о грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков, 2002. Т. II. С. 96—100.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя (новые материалы и исследования). СПб., 2005.
- Платонова 1985 — *Платонова Н. И.* Новые исследования древнерусских поселений в Новгородской земле (к вопросу о сельском домостроительстве) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 65—70.
- Платонова 1988 — *Платонова Н. И.* Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Платонова 1988а — *Платонова Н. И.* Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. НА ИИМК РАН, РА, ф. 35—2д, д. 419. 1988.
- Платонова 1991 — *Платонова Н. И.* Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 72—79.
- Платонова 2001 — *Платонова Н. И.* Инвентарь и датировка погребений в каменных ящиках в сопке № 4 у Передольского погоста // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. СПб., 2001. С. 112—117.
- Платонова 2002 — *Платонова Н. И.* О погребальном обряде Новгородских сопкок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 181—195.
- Платонова 2006 — *Платонова Н. И.* Передольский погост: поиски, находки, проблемы // Старая Русса и Приильмень в контексте древнерусской культуры — от тысячелетия к тысячелетию. Проблемы археологии и комплексного источниковедения. Великий Новгород, 2006.
- Платонова, Алексахин 2002 — *Платонова Н. И., Алексахин С. С.* Новые находки на Передольском погосте (перспективы дальнейших исследований) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 208—210.
- Плохов 2002 — *Плохов А. В.* Лепная керамика Рюрикова городища и Новгорода // Археологические вести. № 9. СПб., 2002. С. 141—154.
- Рябинин 1995 — *Рябинин Е. А.* Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналоги) // Ладога и Северная Русь. Материалы к чтениям, посвященным памяти Анны Мачинской. СПб., 1995. С. 56—61.
- Рябинин, Дубашинский 2002 — *Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 196—203.
- Седов 2002 — *Седов В. В.* Изборск — протогород. М., 2002.
- Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.

- Сениченкова 1998 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Старой Ладogi: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
- Смирнова 1974 — *Смирнова Г. П.* О трех группах новгородской керамики // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 17—22.
- Спицын 1896 — *Спицын А. А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20. СПб., 1896.
- Хвощинская 2004 — *Хвощинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли: По материалам могильника Залахтовье. СПб., 2004.
- Янин 1977 — *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
- Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka. Bd I. Tafeln. Uppsala, 1940.
- Jansson 1984 — *Jansson I.* Kleine Rundschpangen // Birka. Bd II: 1. Stockholm, 1984.
- Kivikoski 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finlands. Helsinki, 1973.
- Korkeakoski-Väisänen 1981 — *Korkeakoski-Väisänen K.* Manner-Suomen vikinki- ja ristiretki-ajan rannerenkaat ja niiden ornamenttiika // Karhunhammas 5. Turku, 1981.
- Mägi-Lõugas 1995 — *Mägi-Lõugas M.* Eesti vikingiaegsed käevõrud ja nende ornament // Muinasaja teadus. (3). Tallinn, 1995. S. 271—317.
- Platonova, Kashkevich, Anisimov, Blokhin 2003 — *Platonova N. I., Kashkevich V. I., Anisimov A. A., Blokhin N. N.* The new investigations of «Shum-Gora» // European Association of archaeologists. 9th Annual Meeting. 10—14 September 2003. Final Programme and Abstracts. St.-Petersburg, 2003. P. 42—43.
- Serning 1966 — *Serning I.* Dalarnas Jarnalder. Stockholm, 1966.
- Smirnova 2005 — *Smirnova L.* Comb-Making in Medieval Novgorod (950—1450) // British Archaeological Reports. International Series 1369. Oxford, 2005.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАДОГИ С БАЛТИЙСКИМ РЕГИОНОМ И СТРАНАМИ ВОСТОКА (по данным раскопок 2002 г.)

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

В июле 2002 г. Староладожская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Российской Академии наук при участии исторического факультета Ленинградского государственного областного университета и других вузов и организаций продолжала исследование раскопа 3 размером 11×12 м (рис. 1), заложенного в южной части «Земляного городища» Старой Ладogi Волховского района Ленинградской области. В этом месте располагалась значительно сnivelированная куртина «Земляного города», если употреблять терминологию средневековой поры. Выбор места раскопа обусловлен необходимостью определить характер культурного слоя на южной окраине городища, выявить элементы древней планировки, определить микротопографию данной территории, прилегавшей, возможно, к ручью и небольшому внутреннему водоему, подпитывавшемуся подземными ключами. Здесь можно было ожидать обнаружения следов концентрации ремесленных производств и части плотной деревянной застройки эпохи средневековья. По соседству с избранным для раскопок участком имели место изыскания археологов Н. И. Репникова и В. И. Равдоникаса, и при этом был обнаружен древнейший слой ладожского поселения VIII—X вв. Зафиксировать аналогичные слои надеялись и в раскопе 3. Далее, являлось существенным определить, в какой мере находящаяся здесь земляная крепость и существовавший в этом месте посад, соотносились с планировкой средневекового города Ладogi и прилегающими окрестностями. Постоянной задачей экспедиции является также выявление и изучение жилищ, хозяйственных построек, их окружения, находящихся в непотревоженном культурном слое под насыпным валом «Земляного города» XVI в. Особого внимания заслуживали и археологические находки, включая такие массовые как керамика.

Работы 2002 г. в целом были направлены на углубление наших знаний об истории и материальной культуре древнерусского города, на пополнение археологическими находками местного Староладожского музея-заповедника (этому музею передаются все обнаруженные предметы),¹ на сохранение

¹ Все находки, обнаруженные в раскопках 2002 г. переданы Староладожскому музею-заповеднику. Эти находки с добавлением других, найденных в разные годы, демонстрировались в Государственном Эрмитаже, Государственном Историческом музее в Москве,

памятников истории и культуры, находящихся в Старой Ладогe — древней столице Руси, которой в 2003 г. исполнилось 1250 лет.

В составе экспедиции принимали участие сотрудники ИИМК РАН А. Н. Кирпичников (начальник экспедиции), О. И. Богуславский (заместитель начальника экспедиции), В. И. Кильдюшевский (заместитель начальника экспедиции), студенты-практиканты (79 человек двумя группами по две недели) и преподаватели Ленинградского государственного областного университета, научные сотрудники Староладожского музея-заповедника, Российского этнографического музея, Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Казанского государственного университета, а также четверо студентов Университета в Стокгольме, двое — из Университета в Тронхейме и двое — из университета в Хельсинки.²

Раскопки велись на средства Комитета по культуре и туризму Администрации Ленинградской области, ОАО «Нева-ленд», ОАО «Лиговка», Объединения «Дорстройпроект», Санкт-Петербургского общественного фонда «Реформы и политика», Муниципального образования «Волховский район».

Основные задачи, поставленные экспедицией в сезоне 2002 г., удалось полностью реализовать.

Избранный для исследования участок «Земляного городища» расположен, как упоминалось, в его юго-восточной части (рис. 1). В этом месте находилась куртина, являющаяся частью укреплений «Земляного города», воздвигнутого в 1584—1586 гг. на территории существовавшего здесь ладожского посада. Упомянутая крепость, включая ее земляное основание, была реконструирована в эпоху Петра I. Подсыпана наружная сторона укреплений, по-видимому, повышена высота земляной насыпи. Раскоп 3 оказался заложенным на южной куртине «Земляного города», если говорить точнее, он прорезал ее северную половину и захватил слои, прилегающие к куртине со стороны крепостного двора. В интересах сохранности исторического памятника, южная наружная половина куртины оставлена в целости. Площадка, где расположен раскоп 3, имела плавный уклон к северу и практически сливалась по своему уровню с прилегающей дневной поверхностью крепостного двора. Дневная поверхность на месте раскопа 3 по сравнению с прилегающим с юга ровом высится на 6—7 м. В древности эти цифры составляли не

в новооткрытом в Старой Ладогe Музее археологии, а также в музее «700 лет — Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц». Находки из раскопок 2002—2004 гг. были показаны В. В. Путину во время его двукратного посещения Старой Ладоги 17 июля 2003 и 17 июля 2004 гг.

² Хочу отметить заслуги в деле организации и проведения экспедиции научного сотрудника Староладожского музея-заповедника А. И. Волковицкого, студенток Санкт-Петербургского университета И. В. Стасевич и Н. П. Келарь, преподавателей Ленинградского государственного областного университета Н. Н. Богемской и О. И. Вербоваго.

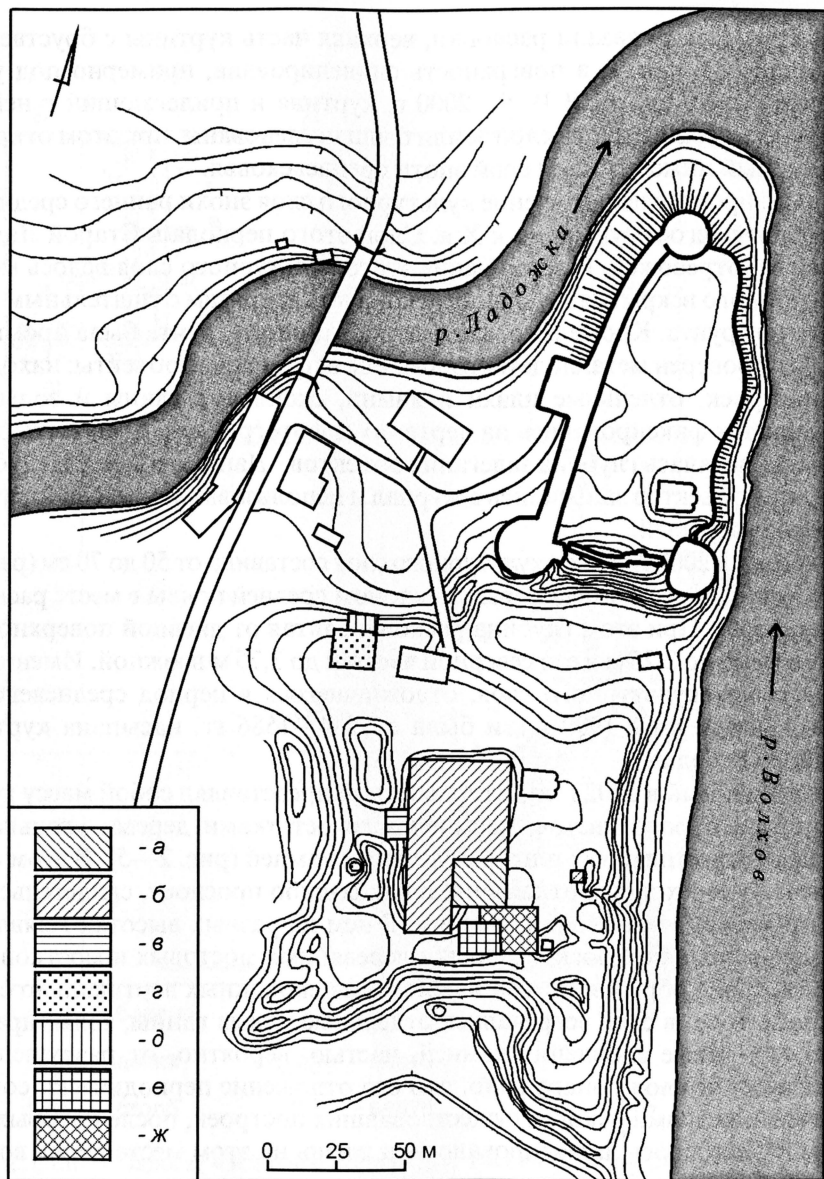

Рис. 1. Старая Ладога. «Земляное городище». План раскопов.

Условные обозначения: а — раскоп 1911—1913 гг.; б — раскоп 1938—1939, 1945—1950, 1957—1959 гг.; в — раскоп 1973—1975 гг.; г — раскоп 1984—1991 гг.; д — раскоп 1992—1998 гг.; е — раскоп 1999—2005 гг.; ж — раскоп 2006 г.

меньше 10 м. Как показали раскопки, верхняя часть куртины с бруствером была полностью скрыта, а поверхность снивелирована, примерно под уровень крепостного двора. В 1999—2000 г. куртина и прилегающий к ней со стороны крепостного двора слой земли были исследованы, при этом открылся культурный нижележащий слой эпохи средневековья.

В 2002 г. произведено изучение культурного слоя эпохи раннего средневековья, относящегося суммарно к X в. Слой этого периода в Старой Ладоге оказался непотревожен. Исследование этого культурного слоя велось методом послойного вскрытия площади раскопа по квадратам с тщательным размельчением грунта. Кроме того, часть отработанного грунта была промыта, весь грунт проверен металлодетектором. Все встреченные объекты: находки, части построек, отдельные плахи и камни, скопления глины и золы, — расчищались и фиксировались на чертежах и фотографиях. С помощью нивелира определялась глубина залегания объектов.³ Данные о месте и глубине нахождения объектов заносились в журнал и использовались при лабораторной шифровке вещей.

Изученная в 2002 г. толща культурного слоя составила от 50 до 70 см (различие измерений связано с некоторым наклоном древней почвы в месте раскопа с юга к северу). При этом глубина раскопа, считая от дневной поверхности, была доведена до 2,25 м в его северной части и до 3,75 м в южной. Именно на всю эту толщу культурного слоя, отложившегося в период средневековья (который изучается с 1999 г.), и была в 1584—1586 гг. насыпана куртина «Земляного города».

Исследованный в 2002 г. культурный слой представлял собой массу гумуса черного и бурого цветов, насыщенного остатками дерева, угольками, обломками известняковых плит и булыжных камней (рис. 2—5). В этом слое не встречено переходных отложений и каких-либо прослоек, свидетельствовавших о перерывах в его накоплении. В нем на разных высотах выявлены части деревянных построек, выкладки деревянных мостовых и мостков, отдельно лежащие обрубки бревен и основания вкопанных вертикально столбов. Кроме того, в слое встречались отдельные линзы глины, золы, древесный тлен, а также скопления камней, частью, вероятно, от разрушенных печей. Изучение слоя обнаружило, что его отложение периодически сопровождалось пожарами некогда существовавших построек, после которых пожарище разгребалось, нивелировалось, и жизнь на этом месте вновь возобновлялась. Каких-либо четких разграничительных прослоек не выявлено.

Постоянное возобновление городской жизни на месте пожарищ объясняет то обстоятельство, что при раскопках обнаруживались, как правило, только

³ Измерения производились от единого репера, установленного археологической экспедицией под руководством В. И. Равдоникаса.

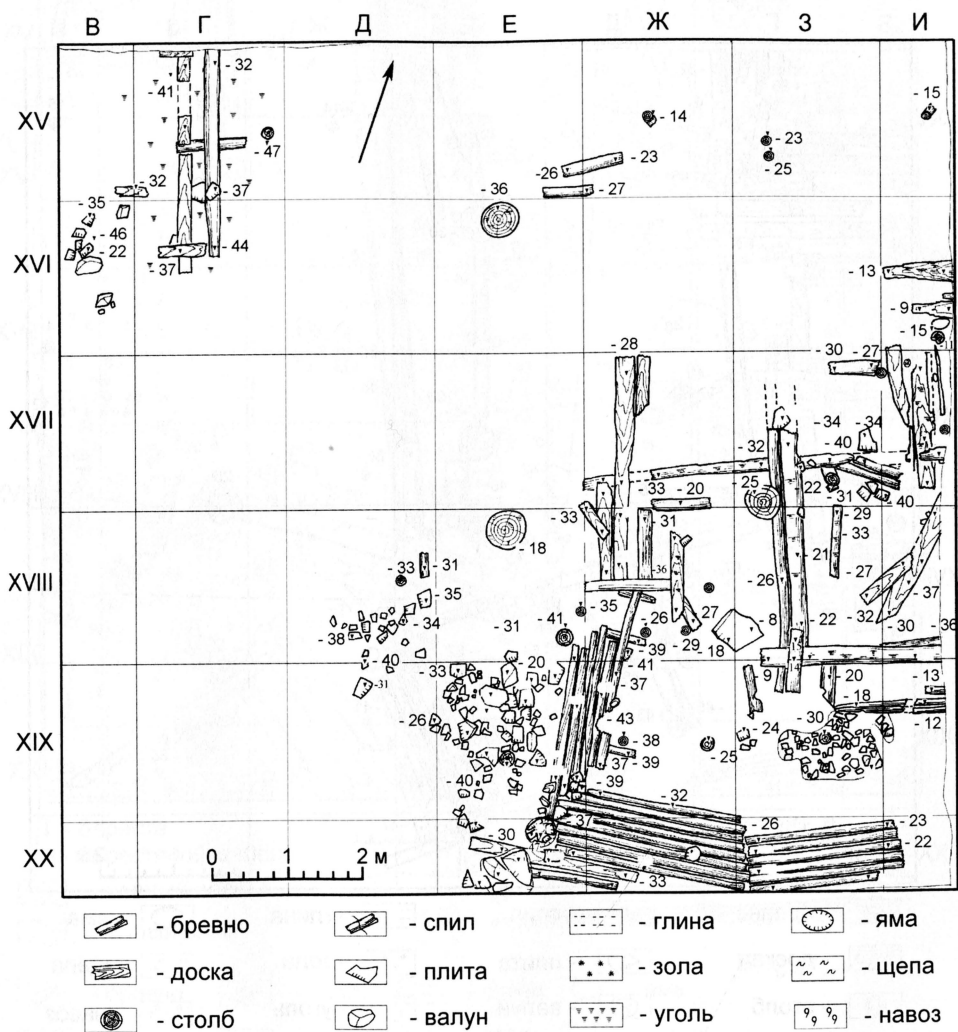

Рис. 2. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. План строительного горизонта «А»

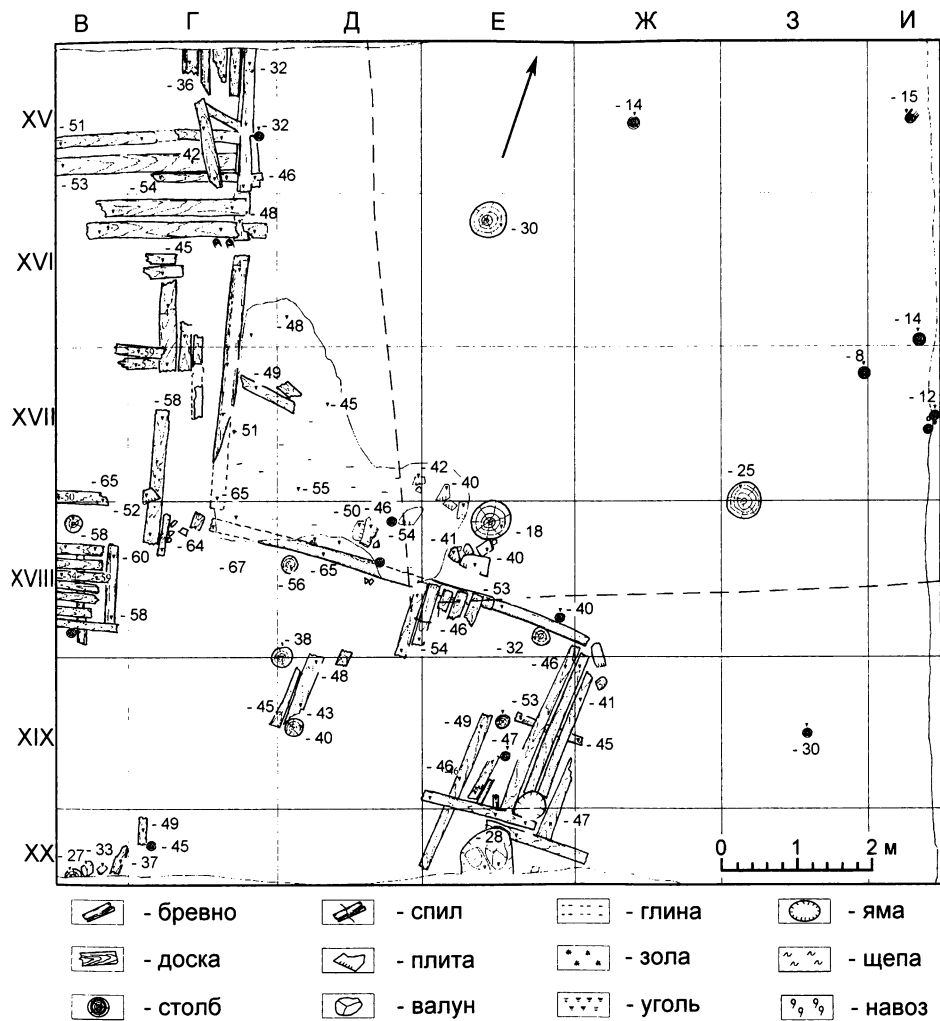

Рис. 3. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. План строительного горизонта «Б»

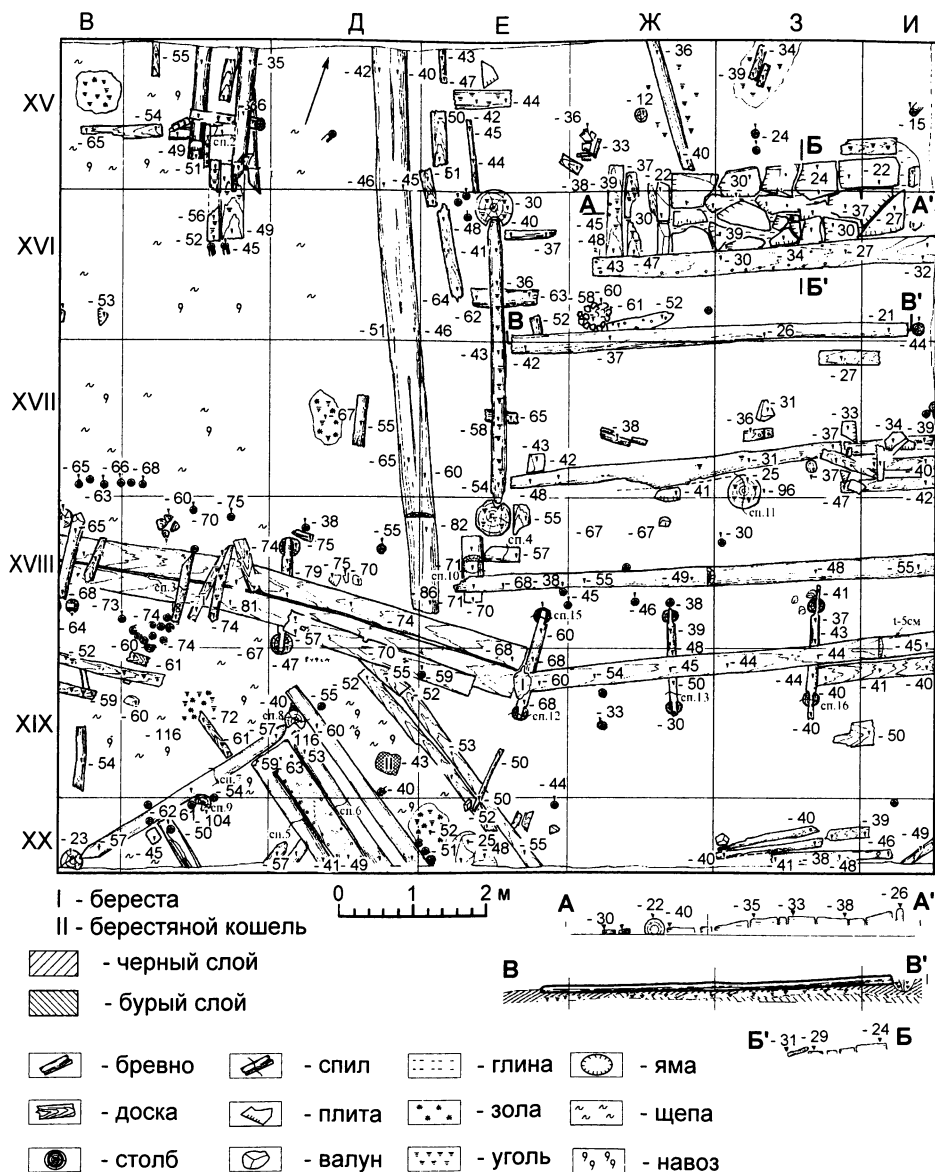

Рис. 4. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. План строительного горизонта «Б₂»

самые нижние остатки частью сгоревших «до основания», частью разбиравшихся сверху строений. Городская территория, видимо, ценилась и не оставалась пустопорожней. На обжитых местах в короткое время вновь и вновь отстраивались строения. В какой-то момент они горели в пожарах, периодически случавшихся в Ладоге. Горизонты пожарищ вбирали в себя почти полностью разрушенные постройки. Во время раскопок 2002 г. было зафиксировано три основных напластования, каждое со следами огня. Эти напластования мы условно называем строительными горизонтами; они обозначены литерами «А», «Б» и «В» с той оговоркой, что «Б» подразделено еще на два подгоризонта «Б₁» и «Б₂». Эти горизонты отражали определенные периоды жизни данного района средневекового города (рис. 2—4). Судя по находкам, которых зафиксировано 3185 экз., и аналитическим данным, эти строительные горизонты, как упоминалось, датируются в рамках X в. Следует заметить, что границы между горизонтами не везде были четкими, слои местами, так сказать, плавно наслаивались друг на друга. Разграничение ладожских строительных горизонтов достаточно условно, так как одни и те же постройки могли относительно длительно существовать, ремонтироваться, иногда, как бы прорастая в вышележащие слои. К тому же, на пространстве раскопа это происходило неравномерно, затрагивая часть сооружений, тогда как другие существовали в неизменном виде.

При изучении строительных горизонтов средневековой Ладоги так или иначе сохранившиеся производственные комплексы встречаются не столь редко. Их существование в домах жителей выдают регулярно фиксируемые в «пятне» домов и соотносимом с ними культурном слое находки бракованных и недоделанных изделий, сырья, а также ремесленных и торговых принадлежностей. Складывается представление, что в IX—X вв. городское жилье служило одновременно и мастерской, и складом, и лавкой. Археологические указания на присутствие в Ладоге универсального по своим занятиям сословия торговцев и ремесленников очень настойчивы, однако, не всегда замечались и верно истолковывались.

Строительный горизонт «А» толщиной в среднем от 10 до 40 см обнаружен на отметках — 5—50 см, считая от условной нулевой отметки, обозначенной на профилях раскопа 3. Он состоял из черного гумуса и был частью раскопан в 2001 г. В 2002 г. в этом напластовании в юго-восточном углу раскопа 3 в кв. ЗИ-XVII-XVIII расчищены нижние части сруба, имевшего следы пожара (рис. 2). Сохранившийся юго-западный угол этого сруба устроен из бревен, соединенных рубкой в обло. Восточная часть постройки располагалась вне пределов раскопа. Предположительная длина западной стенки сооружения около 6 м. С западной и южной сторон сруба открыты огибающие постройку мостки из бревен длиной до 2,5 м. Общая протяженность мостков около 5 м, шириной до 0,9 м. С западной стороны сруба к нему примыкал фрагментарно сохранившийся настил из досок, положенных на поперечные

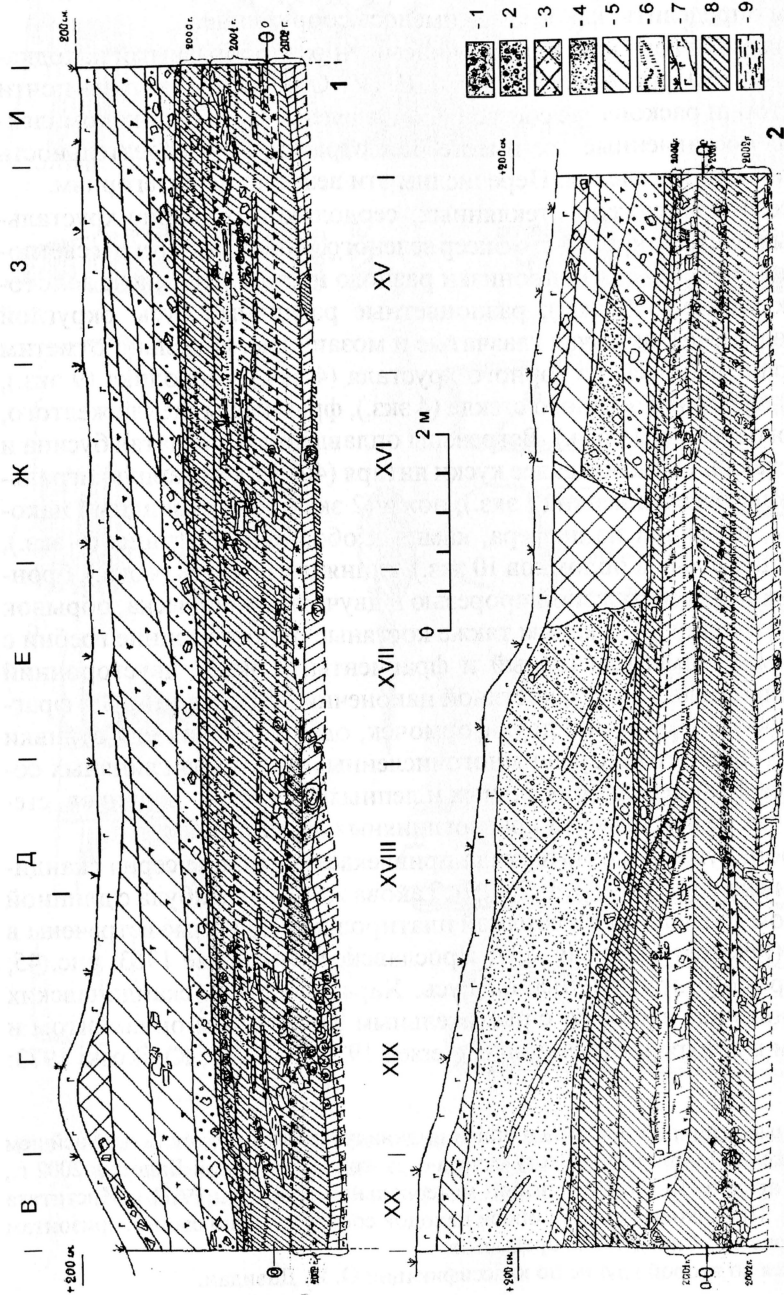

Рис. 5. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3: 1 — профиль северной стенки; 2 — профиль западной стенки.

Условные обозначения: 1 — щебень; 2 — песок с глиной и известковой крошкой; 3 — перекоп; 4 — песок; 5 — серый гумус; 6 — древесный тлен; 7 — дерн; 8 — черный гумус; 9 — глина; 10 — горелость, древесный уголь; 11 — камень; 12 — коричневый гумус; 13 — дерево: бревна, плахи; 14 — бурый гумус; 15 — щепа; 16 — навоз; 17 — зола

лаги. В северо-западном углу раскопа зафиксированы доски и бревна длиной до 3 м — след какой-то постройки. Однако эти остатки слишком незначительны, чтобы определить, какое здесь имелось сооружение.

Рассматриваемый горизонт оказался насыщен разнообразными находками числом свыше 550 (рис. 6—9, 12; табл. I, II, IV). Они распределялись почти по всей территории раскопа, не составляя определенных закрытых комплексов. Однако сопоставленные все вместе они отражали жизнедеятельность проживавшего здесь населения. Перечислим эти вещи по их категориям.

Больше всего обнаружено стеклянных, сердоликовых, горно-хрустальных и янтарных бус. Конкретно это бисер зеленого, синего, желтого и светло-прозрачного цветов (179 экз.);⁴ пронизки разного цвета, в том числе золотой и серебростеклянные (119 экз.); разноцветные различные бусы округлой формы (с вариантами), включая глазчатые и мозаичные. Отдельно отметим округлые и граненые бусы из горного хрусталя (4 экз.), сердолика (9 экз.), янтаря (1 экз.), трубочки зеленого стекла (4 экз.), фрагменты стекла желтого, синего, зеленого цветов (11 экз.). Встречены оплавленная глазчатая бусина и три обломка стекла. Отметим далее куски янтаря (40 экз.), янтарную игральную шашку, железные заклепки (7 экз.), ножи (2 экз.), ланцетовидный наконечник стрелы, пряслица из шифера, камня и обожженной глины (6 экз.), оселки из сланца (целых и обломков 10 экз.), глиняные грузила (4 экз.), бронзовые бубенчик с крестообразной прорезью и двучастная подвеска, обрывок золотой нити от парчи (?). Укажем также костяные односторонние гребни с геометрическим орнаментом (целый и фрагменты, 3 экз.);⁵ двусторонний гребень, костяные иглы (2 экз.), костяной наконечник стрелы; целый и фрагменты тиглей (4 экз.), обломки двух формочек, одна глиняная для отливки стержневидных предметов. Среди многочисленных обломков глиняных сосудов оказались фрагменты кружальных и лепных сосудов — венчиков, стенок и днищ, а также 4 фрагмента красноглиняных амфор.

В составе обнаруженного материала привлекает внимание серия скандинавских по типу вещей (табл. II: 1, 2, 4, 9). Такова железная фибула с длинной иглой и кольцом со следами серебряной платировки. Подобные встречены в Скандинавии (Petersen 1928: Fig. 237; Ярославское Поволжье 1963: рис. 45, 19), откуда вероятно привозились на Русь. Характерна для скандинавских древностей бронзовая застежка с растительным завитковым орнаментом и треугольником в центре композиции (Petersen 1928: Fig. 131; Kivikoski 1973:

⁴ Все найденные вещи перечислены в описи индивидуальных находок (в дальнейшем «опись»), приложенной к полному тексту отчета о раскопках в Старой Ладге в 2002 г., находящемуся в архиве Института истории материальной культуры РАН и Института археологии РАН. Порядковые номера описи находок соответственно своим горизонтам проставлены на рисунках найденных предметов.

⁵ Все относятся ко второй группе по классификации О. И. Давидан.

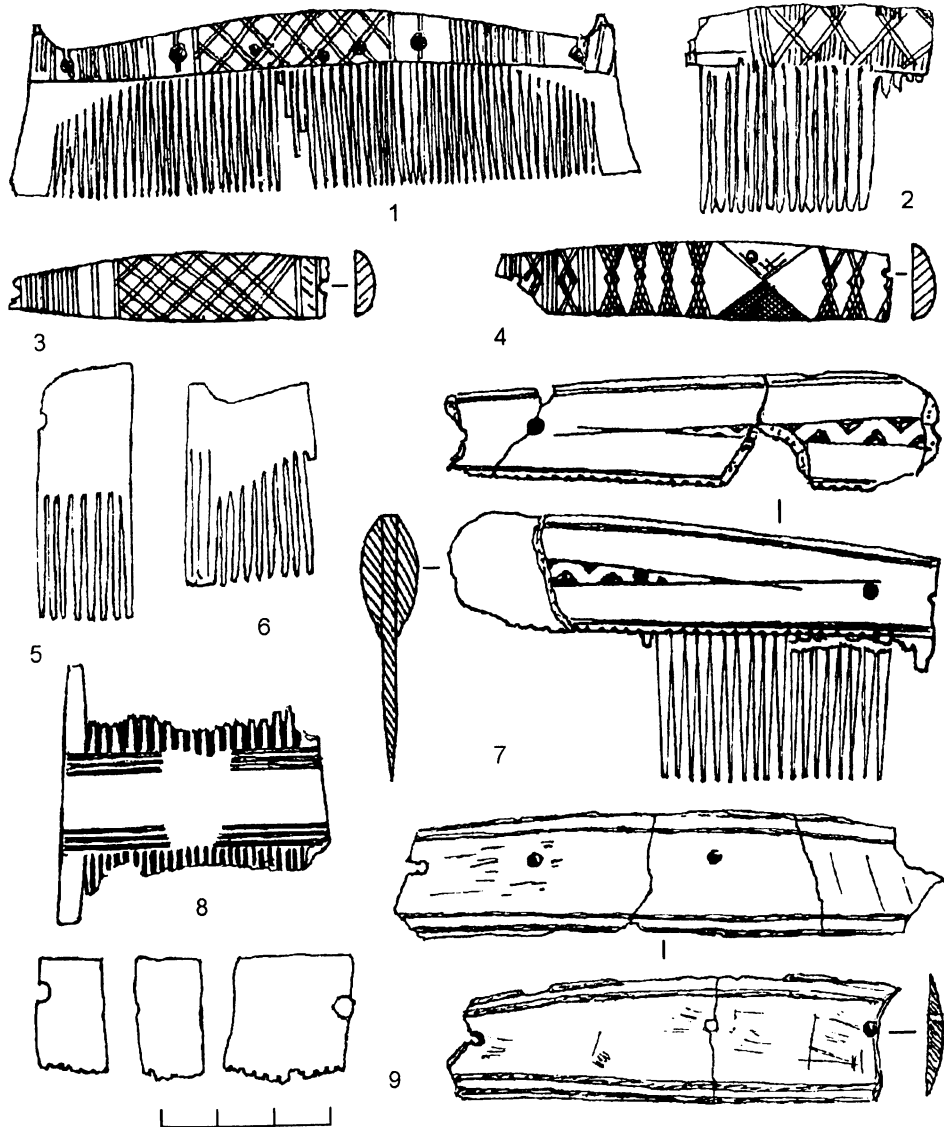

Рис. 6. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. Двусторонний и односторонние костяные гребни (горизонт «А»: 1 — № 265; 4 — № 695; 6 — № 177; 8 — 1060; 9 — № 1107; горизонт «Б₂»: 7 — № 1207; горизонт «В»: 3 — № 715)

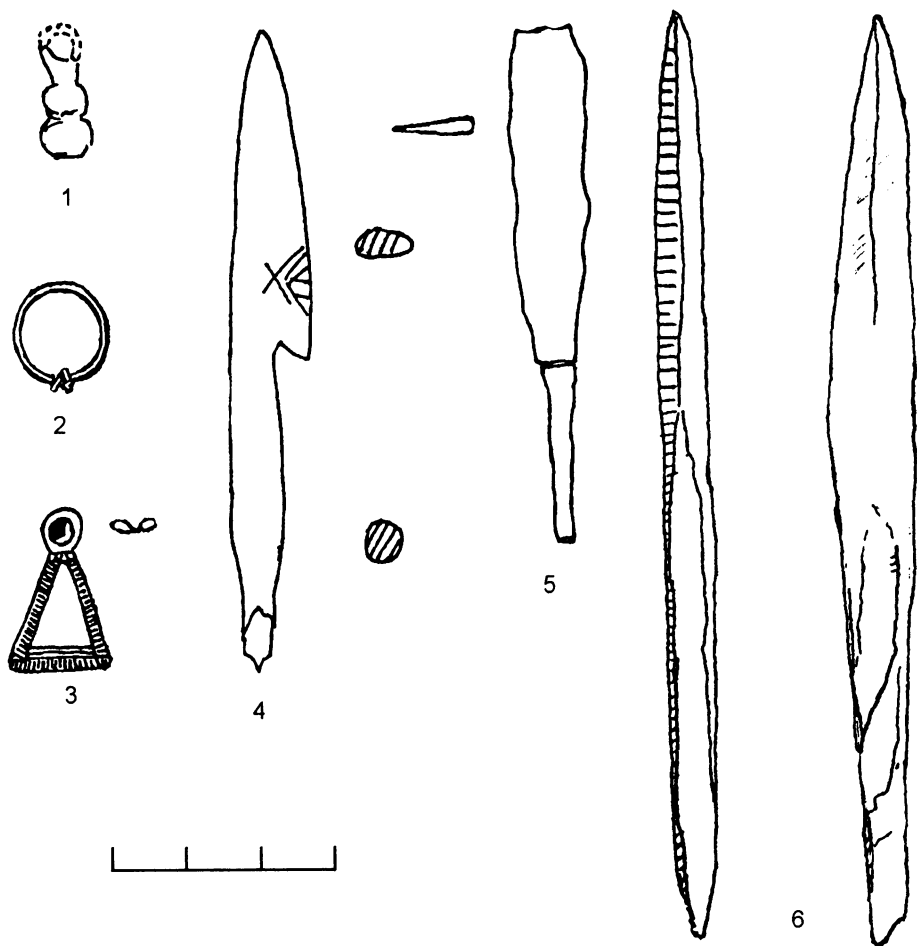

Рис. 7. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. 1 — бронзовая подвеска (горизонт «А», № 318); 2 — кольцо желтого металла (горизонт «Б₂», № 557); 3 — бронзовая подвеска (горизонт «В», № 3121), 4—6 — костяные наконечники стрел (горизонт «В», № 3087; горизонт «А», № 448); 5 — железный наконечник стрелы (горизонт «А», № 714)

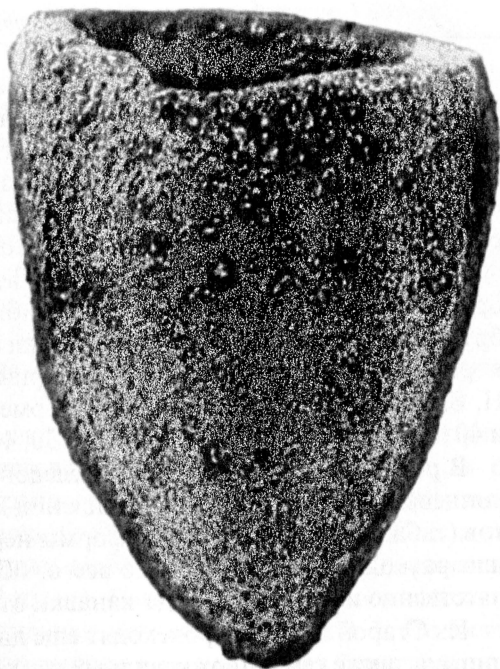

Рис. 8. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. Тигель (горизонт «А», № 306)

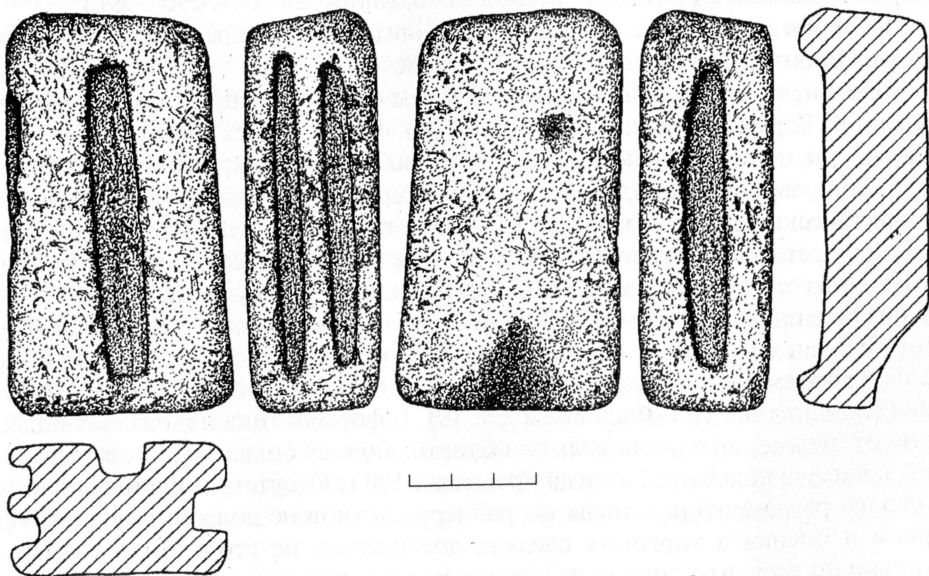

Рис. 9. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. Каменная изложница (горизонт «А», № 457)

Abb. 671). Отметим далее железный молоточек Тора и обломок ажурной бронзовой позолоченной накладки с ленточным плетением и масками от фибулы типа 51 по Я. Петерсену. На фрагменте различимы выпуклость и два кольцевидных углубления, обозначившие основание выпуклостей. Подобные украшения были особенно модными в Скандинавии и на Руси во второй—третьей четверти X в. (Ярославское Поволжье 1963: 77).

В составе находок горизонта «А» выделяется форма-изложница в виде бруска из слюдястого сланца (рис. 9; табл. II: 10). На трех продольных гранях бруска проделаны канавки для отливки стержневидных предметов трех размеров: длиной от 7 до 7,5 см; шириной от 0,5 до 1 см. По подсчетам Н. В. Ениосовой, отлитые в такой форме болванки из латуни имели вес 24, 32 и 40 г, а из серебра, соответственно 30, 40, и 50 г.

В раскопках 2002 г. во всех исследованных горизонтах обнаружены три концевых обломка глиняных изложниц для отливки стержневидных предметов (табл. II: 6—8). Подобные формы нередко оказываются поврежденными или расколотыми, что, скорее всего, объясняется необходимостью беспрепятственно извлечь из гнезда-канавки отливку.

Из Старой Ладogi происходят еще две каменные и одна глиняная изложницы, а также семь стержневидных слитков из сплавов на основе меди, изготовленные в такого же рода формах. В 2004 г. в жилище-мастерской открыты два слитка из золотистой латуни. Все перечисленные находки относятся ко второй половине IX—X вв. (Кирпичников, Ениосова 2004: 290—296).

На территории Руси раннесредневековые изложницы археологически редки. Они открыты на городищах Московской области и на Рюриковом городище. Значительно чаще данные образцы обнаруживают в Скандинавии, Северной Германии, Британии, Ирландии. Что касается ювелирных слитков, то они, по наблюдениям Н. В. Ениосовой, найдены кроме Старой Ладogi, в Тимерево, Гнездово, на Рюриковом, Сарском и Супрутском городищах и практически на всех торгово-ремесленных поселениях эпохи викингов Балтийского региона. Бронзовые, латунные, реже серебряные слитки служили, прежде всего, заготовками для выработки разного рода украшений. Но этим их назначение не исчерпывалось, они выступали и как платежное средство. Ибн-Фадлан сообщает о том, что русы в торговых целях использовали не только дирхемы, но и платежные слитки «в виде стандартных брусков металла» (Путешествие Ибн-Фадлана 1939: 79). В формах типа ладожской могли быть отлиты серии одинаковых или близких по весу болванок. Вес этих изделий зачастую колебался, иногда превышая 100 г. Отсутствие единых по весу и строго регламентированных по размеру слитков не должно смущать. Их прием и оценка в торговых сделках достигалась не столько по размеру, сколько по весу, что роднит их с весовым взвешиванием серебряных дирхемов. Карты распространения тех и других от Британии до Поволжья практически совпадают. Формы и слитки, характерные для торговых мест, свиде-

тельствуют о развитии международного ремесла, наличии «бродячих» мастеров и «странствующих» купцов, осуществлявших производственные и товарно-денежные операции на просторах Северной и Восточной Европы, в особенности, в странах, тяготевших к Балтийскому региону. Слитки и формы стали распространяться из стран Балтийской Европы, были восприняты в торговых центрах на водных путях на Восток. Нет неожиданного в том, что люди этих городов и поселений стали использовать слитки в собственных целях и в интересах дальней торговли. Таков был своеобразный ответ Запада на экспансию куфического серебра Востока. В какой мере платежные слитки конкурировали на рыночном поле с дирхемами, покажут будущие изыскания.

Примечательная находка была сделана в составе горизонта «А», в юго-восточном углу раскопа 3. Это вставка-печатка из горного хрусталя от перстня с надписью на арабском языке (табл. I: 27). На прозрачном камне перстня в зеркальном отражении (intaglio) вырезана арабская надпись в две строки по два слова в каждой. Надпись любезно расшифровал и перевел заведующий сектором Ближнего Востока Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук В. В. Полосин. Он сообщил, что упрощенная транскрипция надписи может быть передана как «Ма тауфики илла би-л-лахи». Это первая часть фразы суры II стиха 90 из Корана, которая может быть переведена следующим образом: «Нет помощи мне, кроме как в уповании на Аллаха». Целиком эта фраза в переводе академика И. Ю. Крачковского гласит: «Помощь моя только у Аллаха, на него я положился и к нему обращаюсь». Надпись выполнена разновидностью куфического шрифта красиво, профессионально, рукой опытного резчика. Она читается очень четко. Датировка по почерку затруднительна, поскольку достоверные синхронные аналогии надписи отсутствуют. Данные палеографии не противоречат датировке X в. Перстень, скорее всего, принадлежал какому-то восточному путешественнику, вероятно, купцу. Печатка предполагает присутствие грамотного человека, заботящегося о сохранности какого-то своего имущества. Славянин вряд ли мог использовать печатку далекого народа. Описанная вставка на территории Северо-Западной Руси обнаружена впервые. Сердоликовые вставки с арабскими надписями sporadически встречаются на территории Северо-Восточной Руси, в том числе дважды в курганах Тимерева у Ярославля. В переводе с арабского надписи читаются следующим образом: «Клянусь Аллахом», «Благодать от Аллаха», «Ибрагим ибн Али» (Ярославское Поволжье 1963: 104; Седых 2001: 181).⁶ В этом ряду изречение на вставке из Старой Ладogi самое пространное, можно сказать развернутое.

⁶ Благодарю В. Н. Седых за консультацию по данным находкам.

В итоге обзора находок горизонта «А», в частности украшений, выявляются две тенденции. Обнаруженные в этом напластовании тигли, литейные формочки, оплавленные бусы и фрагменты стекла, куски янтаря указывают на следы местного ювелирного производства, особенно бус из стекла и янтаря. Ряд таких вещей как фибулы, молоточек Тора, вставка восточного перстня, обломки амфор свидетельствуют о связях Ладоги со Скандинавией и Востоком (очевидно, по речным путям Восточной Европы). Вещи из янтаря, готовые изделия и сырье в виде пластин и минеральных образований привозились из юго-восточной Прибалтики и частью отделялись на месте. О местной работе свидетельствуют куски сырца. Высказанные наблюдения получают подтверждение при изучении нижележащих горизонтов.

Ниже рассмотренного горизонта черного гумуса «А» выявлен горизонт бурого гумуса, в верхней части которого почти по всей площади раскопа прослеживается прослойка древесного тлена. Наблюдается заметное понижение этого слоя в направлении от северо-восточного угла раскопа к северо-западному. Слой этот до 20 см толщиной условно подразделяется на два подгоризонта «Б₁» и «Б₂», хотя, несомненно, они относятся к одному строительному периоду (рис. 3—4). Подгоризонт «Б₁» представлен расчищенными в южной и западной частях раскопа настилами мостовой, пересекающимися почти под прямым углом в кв. ГХVII-XVIII. Ширина настила около 3 м. Он состоял из плах, уложенных на продольные лаги. Настил сохранился частично, видимо, был частью разобран. В кв. ВХVIII открыта компактно расположенная вымостка шириной 2 м. В раскопе зафиксирована ее восточная часть. В кв. ГДХVII-XVIII лаги настила перекрыты слоем серой глины толщиной до 20 см. Скорее всего, это расплывшееся основание глиняной печи. Вся центральная и восточная часть раскопа была занята остатками «большого дома», возникновение которого связано с подгоризонтом «Б₂», к описанию которого здесь и переходим (табл. III: 1).

Нижние выкладки этой крупной постройки занимали северо-восточную часть раскопа. Удалось выявить значительную часть этого сооружения (другие части оказались за пределами раскопа). Постройка в плане имела прямоугольную форму и была ориентирована длинной осью с запада на восток. Ее заполнение отличалось от окружающего культурного слоя и представляло черный гумус с примесью угля. Весьма необычна планировка дома, имевшего двучастную структуру и состоявшего из центрального помещения и располагавшейся по его периметру галереи. Центральная основная часть дома имела стены каркасно-столбовой конструкции: они, судя по нижнему ряду, были набраны из горизонтально положенных бревен диаметром 20—22 см, впущенных в мощные опорные столбы диаметром 45—50 см (выявлено три таких столба в юго-западной части дома). Расстояние между столбами составляло 3,5—4 м. Под нижнее бревно западной стены были положены подкладки из обрубков бревен. В центре помещения располагался открытый

очаг прямоугольной формы размером 1,2×3,6 м, сложенный из крупных известняковых плит на глиняном растворе (табл. III: 2). С западной и восточной сторон очаг ограничен плитами, вкопанными в грунт торцами. Очаг был перекрыт значительной линзой золы (до 15 см толщиной). Вокруг отопительного устройства обнаружены корабельные доски с нагельными отверстиями. В 0,7—0,8 м к югу от очага расчищено бревно диаметром 25 см, длиной 6 м, вероятно, лага от пола или основание скамьи или лежанки. На расстоянии 0,8—1,0 м от центрального помещения с западной и южной сторон открыты бревна наружной галереи. Длина расчищенных бревен достигала 7 м, в северной и восточной частях раскопа они продолжались за его пределы. Их диаметр достигал 30—40 см. Местами они обгорели и, вероятно, были несколько сдвинуты со своего первоначального места. Они соединялись, по-видимому, рубкой «в обло». Выемка у торца бревна, характерная для этой техники, зафиксирована в юго-западном углу галереи.

Таким образом, особенность описанного двучастного сооружения заключалась в комбинации в составе одного комплекса каркасно-столбовой и срубной домостроительной техники. Такое сочетание для археологически выявленных построек Старой Ладogi зафиксировано впервые. С некоторой долей осторожности, первую можно сопоставить со скандинавской, вторую — со славянской традицией.

Полученные результаты, с учетом определенной симметрии в разбивке плана постройки, позволяют без риска серьезной ошибки, представить ее общие размеры, а именно: центральное отапливаемое помещение занимало площадь не менее 10,5×8,3 м, а дополненное галереями — примерно 10×16 м (рис. 10). Добавим, что у западной стены галереи дома в кв. ДХVII-XVIII зафиксировано глиняное пятно, вероятно, от наружной печи; как упоминалось выше, оно впервые было выявлено при изучении горизонта «Б₁».

К югу от стены галереи, на расстоянии 20—30 см от нее, расчищены остатки настила мостков из широких (25—32 см) досок толщиной 4—5 см со следами выемок и отверстий, что свидетельствует об их вторичном использовании (табл. III: 1). Длина расчищенных досок более 6 м, они явно продолжались за пределы восточной и западной стенок раскопа. Этот настил пролегал через весь раскоп по направлению с запада на восток и, образуя угол, огибал большую постройку. Длина расчищенной части настила в общей сложности составляет 12 м. Настил имеет особую, как бы подвесную конструкцию. Доски опирались на лаги из бревен длиной 1,2—1,4 м, которые, в свою очередь, были впущены в столбы, вкопанные по обе стороны настила на расстоянии 1—1,2 м друг от друга. Всего зафиксировано пять пар таких столбов с расстоянием 2—3 м между парами. Таким образом, эта конструкция позволяла закрепить доски настила на некоторой, видимо, небольшой высоте над уровнем земли. Поток воды, если она стекала на землю с крыши большого дома, отводился в сторону от дома, проходя под настилом. Восточная часть насти-

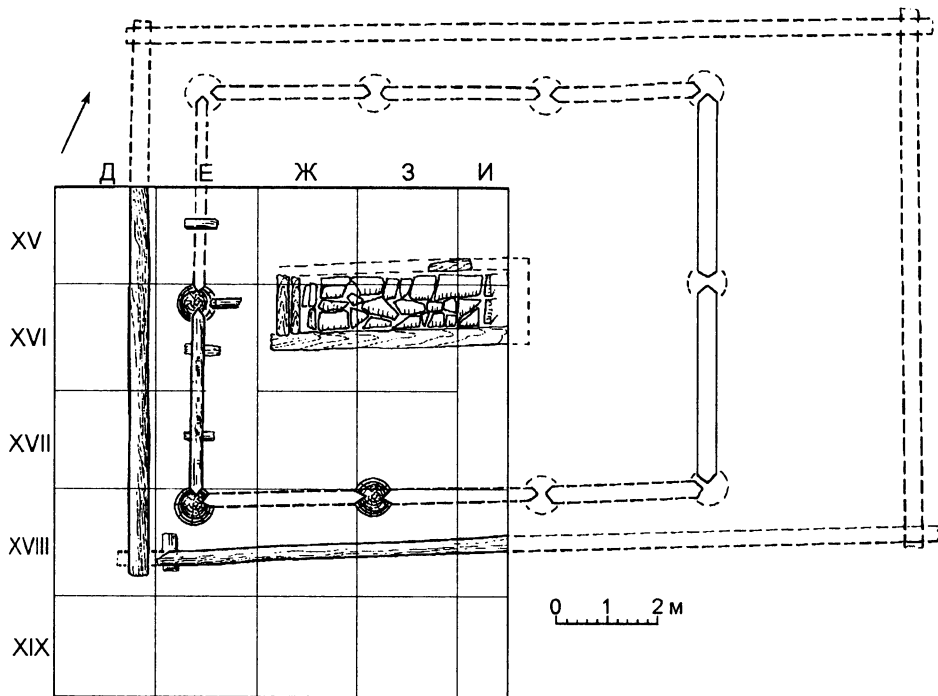

Рис. 10. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. План большого дома с элементами реконструкции

ла слегка обгорела. Устройство было, несомненно, одновременно дому. Через какое-то время на этом месте возник второй ярус настилов, описанный выше при характеристике горизонта «Б₁».

В заполнении большого дома, состоящем из черной земли, обнаружено около 140 различных изделий (рис. 6: 9 — № 1209; 7: 2 — № 557; табл. I: 5 — № 616, 6 — № 1057, 7 — № 709, 12 — № 681, 15 — № 658). В их числе зеленый, желтый, синий, светло-прозрачный бисер (67 экз.); золото- и серебростеклянные пронизки (7 экз.), разноцветные бусы (из стекла — 10 экз., из сердолика — 5 экз., из горного хрусталя — 4 экз.), фрагменты цветного стекла (2 экз.), янтарная подвеска, обломки янтаря (11 экз.), колечко желтого металла, возможно от булавки-бусодержателя; ряд железных предметов, включая ножи (2 экз.); заклепки от ладей (2 экз.); фрагмент костяного наборного гребня, костяные лошिला (2 экз.); костяные навершия (2 экз.); фрагменты оселков (2 экз.); пряслице из сланца; фрагменты тигля (2 экз.); немногочисленные обломки глиняных лепных и раннегончарных сосудов, включая серо- и краснолощенные; фрагмент красноглиняной амфоры. С западной стороны рас-

смаатриваемого дома в кв. ГХVIII на отметках — 0,5—0,59 м от 0 обнаружено скопление бисера зеленого цвета в количестве 2156 экз. По-видимому, речь идет о партии единовременно изготовленных бус, припрятанных возле дома, но так и не востребованных (табл. IV).

Обнаруженная большая постройка обращает внимание своими архитектурными особенностями. Дома с галереями, которые окружали основной покой и служили для прохода, хранения вещей, теплоизоляции в раскопках Старой Ладogi встречались неоднократно, однако постройка, описанная выше, по своей вместимости и некоторым деталям необычна. Только в 1973 и 1981 гг. Е. А. Рябинин открыл подобную по размерам и планировке постройку, датированную 894—920 годами (Рябинин 2002: 15 сл.). Ее общие размеры почти точно совпали с размерами нашего дома. Оба сооружения были одноэтажными (Кирпичников, Сарабянов 2003: 92, примеч. 20).⁷ Мощные столбы, поддерживавшие крышу дома, свидетельствуют в пользу немалой высоты его стен, перекрытых вероятно задернованной кровлей. При такой конструкции отапливаемая камера представляла своеобразный высокий зал, а дым очага, если и скапливался под кровлей, то не мешал его обитателям. Похоже, что ладожские «зальные» дома строились по одинаковым замыслам и были сходны по своей функции.

Тайну назначения таких сооружений приоткрыл арабский путешественник Ибн-Фадлан. В 922 г. он видел аналогичные постройки на Средней Волге. Купцы-русы, пишет Ибн-Фадлан, «причаливают свои корабли на реке Итиль (Волге) <...> строят на ее берегу большие дома из дерева. И собираются их в одном таком доме десять или двадцать, когда больше, когда меньше. Там у каждого из них длинная скамья, на которой располагается он сам с девушками-красавицами для продажи» (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу 1939: 79).

Приведенные слова поразительно соответствуют облику ладожских домов с большим общим помещением, центральным очагом и пространством, достаточным для установки длинных скамей. Названное арабским очевидцем число живущих в доме, несомненно, соответствует составу корабельной команды, занимавшейся торговлей на водных путях Восточной Европы. И в этом случае мы находим археологические подтверждения. О судовых и отчасти ремесленных занятиях жителей описанного ладожского дома свидетельствуют использованные в его строительстве корабельные доски, а также ладейные заклепки, обломки тиглей, янтаря, амфор. Женское присутствие выдают оброненные бусы, целая партия зеленого бисера, найденная у стены дома, предназначенная очевидно для продажи. Как пишет Ибн-Фадлан,

⁷ Представление о том, что большой дом, раскопанный в 1973 и 1981 гг. был двухэтажным ошибочно (Кирпичников, Сарабянов 2003: 92, прим. 20).

именно зеленые бусы очень ценились на Востоке, и ими русы старались украшать своих жен.

Дома, сходные с ладожскими и описанные Ибн-Фадланом, могли строиться в торговых городах и местах, расположенных на великих речных путях Восточной Европы «из варяг в арабы» и «из варяг в греки». Они служили постоянными дворами для купцов. В таких домах останавливались члены торговых судовых команд, прибывших для участия в ярмарках, пережидая зиму, ремонтируя корабли, запасаясь местными товарами, попутно занимаясь выработкой или отделкой украшений из янтаря, стекла, бронзы или латуни. Купеческий большой дом и найденные в нем вещи свидетельствуют о дальней торговле и международных связях средневековой Ладоги со странами Балтийского региона и Востока. Такие дома возводились самими судовыми командами, там, где они нуждались в остановках. Ладожские строения теперь в определенной мере позволяют представить их устройство и конструкцию, которые можно считать типовыми.

Обнаруженный в раскопе 3 дом, очевидно, был стационарным и существовал не менее 10—15 лет до того, как его уничтожил пожар. Снаружи дом, как упоминалось выше, огибали проходные мостки и дополняла хозяйственная постройка. В юго-западном углу раскопа в слое бурого гумуса с примесью щепы и навоза расчищена часть хозяйственной клети со стенами каркасно-столбовой конструкции, явно одновременной жилому комплексу (рис. 4; табл. V: 1). Выявлен ее северо-восточный угол и одна сторона длиной 3,2 м. У восточной стенки этой клети расчищена корабельная доска шириной 38—40 см, толщиной 2,5—3 см, по краям которой просверлены отверстия с шагом 24—25 см. В некоторых из них сохранились остатки деревянных нагелей. По соседству с клетью выявлены части бревен, досок и плах, возможно составлявшие вымостку или настил.

В клети и окружении большого дома при расчистке, кроме упоминавшегося скопления бисера, были обнаружены: бисер зеленого, синего, желтого цвета (10 экз.), одночастные серебро-стеклянные пронизки (18 экз.), бусы мозаичные, из горного хрусталя и сердолика (16 экз.), обломки зеленого стекла (2 экз.), зеленая (?) трубочка, янтарная фишка (табл. I: 18 — № 96) и обломок янтаря, фрагменты тиглей (5 экз.), обломок глиняной формочки для отливки стержневидных болванок цветного металла (табл. II: 6 — № 661), части ладейных заклепок (2 экз.), двусторонний костяной гребень и орнаментированные накладки односторонних гребней (2 экз.), костяная игла.

В процессе изучения деревянных сооружений большого дома было взято 16 спилов для дендрохронологического анализа. Их исследование было проведено сотрудницей археологического отдела Псковского музея-заповедника М. И. Кулаковой. Судя по восьми определенным образцам, в целом сооружения слоев «Б₁» и «Б₂» датируются промежутком между 922 и 940 гг., а сам большой дом и тяготеющие к нему сооружения в юго-западном секторе рас-

копа 3 возникли в 922/923—930 гг.⁸ Большие дома Ладogi в определенной мере знаковый признак. Период их существования — конец IX—первая половина X вв. — соответствовал расцвету налаженной международной торговли.

На уровне 32—70 см (в основном 38—60 см) от нулевой отметки в сезоне 2002 г. начато изучение следующего строительного горизонта «В». Следует заметить, что слой «В₂» переходит в нижележащий довольно плавно, без каких-либо прослоек. Горизонт «В» улавливается по бурому гумусу с включениями щепы и местами навоза. В 2002 г. удалось изучить его толщину от 10 до 20 см. Здесь обнаружены следы сплошной горелости, выразившиеся в наличии углистых включений и золы. Какие-либо деревянные постройки отсутствуют. Зафиксированы лишь отдельные плахи, обрубки бревен и основания столбов большого дома и подпорок настила, огибавшего этот дом с южной стороны. Данный горизонт только начал изучаться, будут ли в нем строительные остатки, покажут будущие изыскания.⁹ В той части, в какой данный слой исследован в 2002 г., складывается впечатление, что пожарище, связанное с этим слоем, было, по-видимому, основательно разобрано и сnivelировано.

При разборке горизонта «В» обнаружено значительное количество залежавших без определенного порядка находок, очень сходных с теми, что найдены в вышележащих напластованиях (рис. 6; 7; табл. I; II). По категориям своего использования они подразделяются следующим образом. На первом месте по численности находятся стеклянные и иные бусы, а именно: бисер (76 экз.), бусы из цветного и прозрачного стекла (25 экз.), сердолика (3 экз.), горного хрусталя (6 экз.), одно- и многочастные пронизки (16 экз.). Отметим далее трубочки синего стекла (3 экз.), фрагмент бесцветного стекла, куски янтаря (8 экз.), накладки костяных гребней (3 экз.), роговые пластины-заготовки гребней (3 экз.). Также обнаружены фрагменты тиглей (5 экз.), обломок глиняной формочки для отливки стержневидных изделий, оселки из сланца (5 экз.), бронзовая подвеска треугольной формы с рифлеными краями, обломок бронзовой оковки, нож, ладейные заклепки (4 экз., целые и фрагментированные), железная игла от фибулы, каменное грузило, обрывок тонкой золотой проволоки парчовой ткани. Встречены многочисленные обломки лепной и гончарной керамики, а также фрагменты красноглиняных амфор (3 экз.). Упомянем два деревянных крюка. Обилие в этом перечислении бус, видимо, не случайно и свидетельствует об их привозе извне и местном производстве. Ремесленные работы по изготовлению украшений под-

⁸ М. И. Кулакова по поводу проведенных ею анализов спилов пишет следующее: «При накоплении материала первоначальные датировки коллекции 2002 г. получили уточнения. Это стало возможным при работе с коллекцией 2003 г., в которой было достаточное количество многолетних стволов для получения надежных привязок, поэтому часть спилов, собранных в 2002 г. получили более ранние датировки».

⁹ Полное исследование слоя «В» произведено в 2003 г. (Кирпичников 2004: 251).

тверждают обломки тиглей и пиленный рог. Датировка строительного горизонта «В», вероятно, первая четверть X в.

Специально следует сказать о находках глиняной посуды. Во время раскопок было обнаружено в общей сложности свыше 3200 обломков этой посуды. Из них 2255 кружальных, остальные лепные. Примерно на половине найденных фрагментов стенок и венчиков сохранилась линейная и волнистая орнаментация. Реже встречены украшения тулова в виде полукругов, треугольников, ромбов, расположенных наискось овалов. Перечисленные элементы орнаментации наносились как порознь, так и (что было чаще всего) в различных комбинациях. Целых сосудов не обнаружено.

Ассортимент ладожской посуды достаточно традиционен и дает возможность представить ее типологию, основываясь на формах изгиба горловины (рис. 11—12). Приводим описание типов найденных венчиков сосудов и подсчет этих находок, насчитывающих в общей сложности 587 экз. Таковы образцы с волнообразно изогнутым, заостренным к оконечности венчиком (тип I), формы с наружным утолщением и наклонным срезом обода (тип II), образцы с косым срезом края плавно изогнутого венчика (тип III), сосуды с полулунным в профиле очертанием горловины и мягким очертанием края (тип IV), с грибовидным краем венчика (тип V), с плавно изогнутым в сечении венчиком и внутренним валиком (тип VI), с утолщенным наружу горизонтально срезанным верхом (тип VII), с относительно слабо изогнутым в профиле венчиком и скошенным внутрь сосуда краем (тип VIII), с вытянутым, слегка отогнутым венчиком и горизонтальным срезом его обода (тип IX), с прямой вертикальной горловиной (тип X). Типы I—X характеризуют кружальные формы, тип XI лепные сосуды. Последние более или менее стандартны: имеют вертикальную горловину, переходящую в слабо изогнутое в профиле тулово. В представленном наборе особенно популярными были изделия типов I, II, III, V, VII, VIII, насчитывающие в своих рубриках от 17 до 87 экз. Судя по обнаруженному материалу, диаметр кружальных глиняных горшков 10—34 см, обычно 16—24 см, диаметр днищ 6—16 см, обычно 8—14 см.

Таблица 1

Фрагменты глиняных сосудов, найденных в раскопе 3.

Типолого-статистическое распределение по изученным строительным горизонтам

Горизонты	Типы											Обломки стенок		Обломки днищ	
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	гонч.	лепн.	гонч.	лепн.
«А»	53	17	63	2	16	1	14	23	6	8	104	1350	197	82	8
«Б1», «Б2»	20	20	16	—	1	—	1	2	1	—	118	299	118	1	21
«В»	2	7	8	—	2	—	2	7	3	—	73	192	445	21	30

Обращает внимание послойное распределение кружальных и лепных образцов. В слое «А» кружальные образцы господствовали, в 2—7 раз пре-

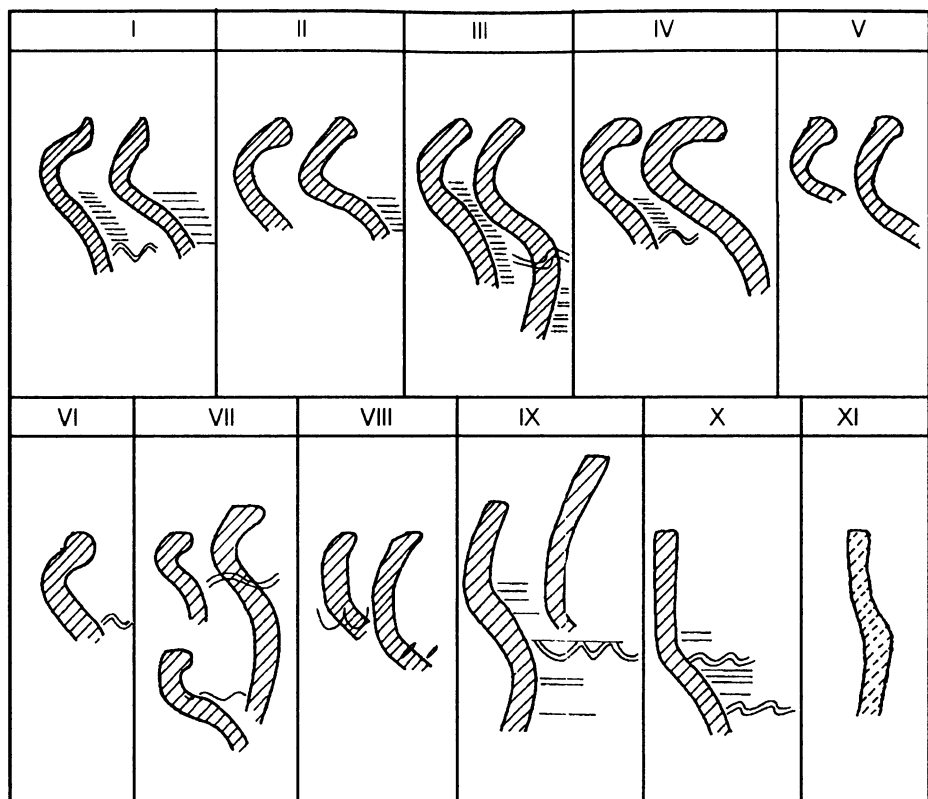
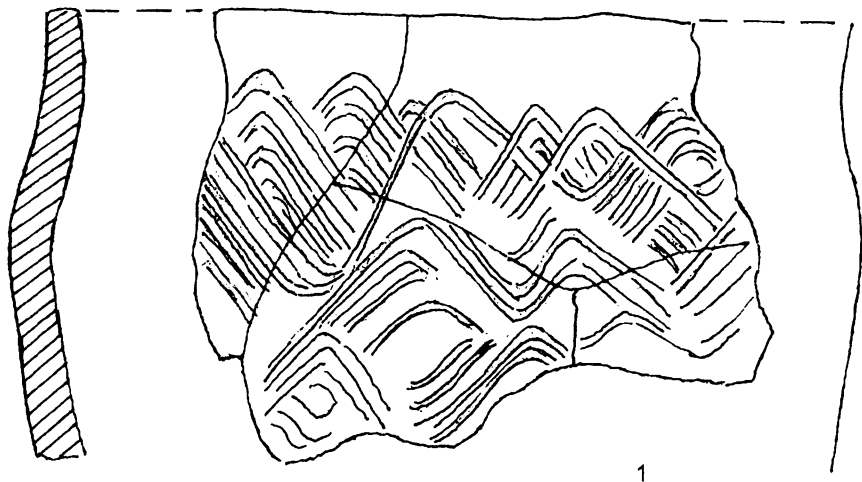
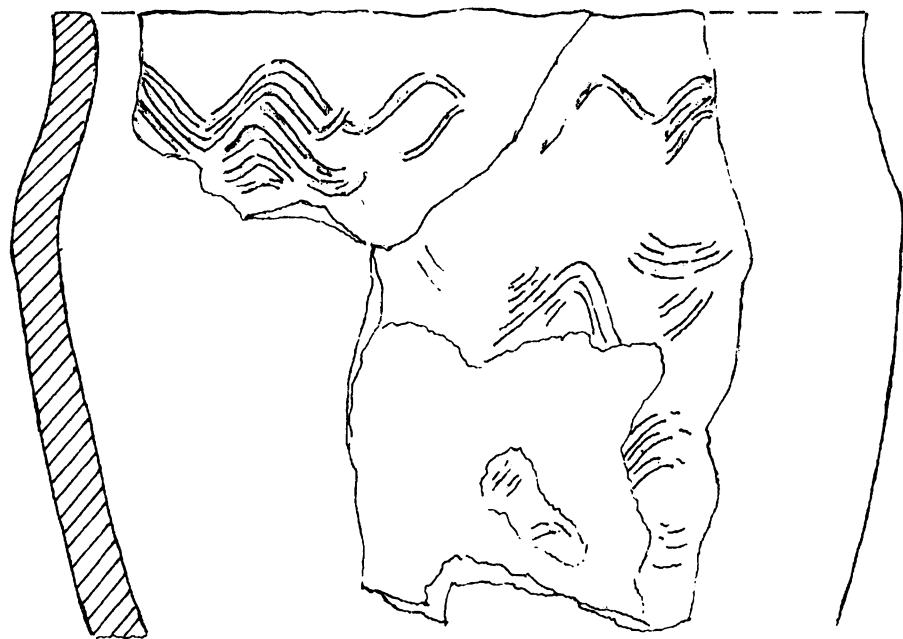

Рис. 11. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. Венчики сосудов. Типологическая схема кружальных (типы I—X) и лепных (XI) форм керамики

1

2

Рис. 12. Старая Ладога. «Земляное городище». Раскоп 3. Образцы кружалных сосудов с волнистым орнаментом (горизонт «А», № 351, 562)

вышая количество лепные. В слоях «Б₁», «Б₂» лепная посуда по численности теснит кружальные формы, составляя примерно четвертую часть всех находок. В слое «В» лепные образцы примерно в два раза превышают количество кружальных.

В составе редких форм отметим обломок миски, 13 стенок рифленых красноглиняных амфор толщиной от 0,8 до 1,5 см, единичные образцы серо- и чернolощеной посуды.

В целом, раскопки в Старой Ладогe в 2002 г. выявили сложный, насыщенный археологическими находками, культурный комплекс. Его характеризуют интенсивная торговая и строительная деятельность, международные транспортные связи на великих евразийских путях, простирающиеся от стран региона Балтики до арабского Халифата.

Староладожская археологическая экспедиция приложила решающие усилия, чтобы в 2003 г. было отмечено 1250-летие Старой Ладogi.¹⁰ Для правительства Ленинградской области и правительства Российской Федерации

¹⁰ С нападками по отношению Староладожской археологической экспедиции выступил Д. А. Мачинский (Мачинский 2004: 9 и сл.). Возражать этому автору сложно, так как его высказывания есть смесь сердитых установок, неких завещательных предназначений и большой неосведомленности и предвзятости в делах экспедиции. Ограничусь несколькими примерами. Д. А. Мачинскому не понравилось, что предсказанный им юбилей — 1250-летие Старой Ладogi, состоялся, так сказать, без ссылки на «первоисточник». Заслугу Д. А. Мачинского в отношении этого предсказания, никто не отрицал. Не следует забывать, что экспедиции потребовалось несколько лет непрерывных усилий, чтобы указанный юбилей стал реальностью и о нем в декабре 2002 г. появился указ президента РФ. К слову сказать, в книге «Ладoga и эпоха викингов» Д. А. Мачинский с подачи А. Н. Кирпичникова опубликовал «Постановление Санкт-Петербургского научного центра о праздновании 1250-летия Старой Ладogi» (Ладoga... 1998: 142—143). Тогда обошлось без обид. Наш оппонент далее категорически предлагает «препятствовать любым попыткам досыпать «полую сопку» (в которой, по преданию, мог быть захоронен князь Олег Вещий) и оснастить ее какими-либо постройками». Действительность оказалась явно не в пользу этого наказа. Склоны сопки интенсивно разрушаются толпами взбирающихся на нее туристов, а яма в центре насыпи (незасыпанный в прошлом раскоп) превращена, мягко выражаясь, в свалку. Спасать этот памятник, в том числе реставрационными методами, надо, и как можно скорее. Д. А. Мачинский также требует не публиковать в сборниках исторического содержания «портретов представителей светского или церковного начальства и их благословляющих статей», так как это «прокладывает дорогу культу начальствующих персон». Конечно, перехлест здесь не нужен. Отметим, однако, что статья оппонента издана в сборнике «Старая Ладoga. Международная археологическая экспедиция-школа», где помещены фотографии «начальствующих лиц». Экспедиция, надо сказать, гордится тем, что Старую Ладogu, что в истории России беспрецедентно, дважды, в 2003 и 2004 гг. посетил руководитель государства президент В. В. Путин. В целом жаль, что известный исследователь стал тратить силы на то, чтобы, хотел он этого или нет, попытаться разобщить специалистов, занимающихся изучением прошлого Северной России.

были подготовлены и разосланы документы и справочные материалы о древностях Старой Ладogi и ее исторической значимости. Удалось добиться принятия в декабре 2002 г. президентского указа о праздновании 1250-летия Старой Ладogi, основанной в 753 г. Большую роль в появлении этого указа сыграл, наряду с губернатором Ленинградской области В. П. Сердюковым, тогдашний советник президента по экономическим вопросам А. Н. Илларионов. По инициативе экспедиции в Старой Ладогe состоялась организованная правительством Ленинградской области международная научно-практическая конференция «Ладoga: истоки русской государственности и культуры». Экспедиция представила материалы для новооткрытого в Старой Ладогe в 2003 г. музея археологии и выставок, которые тогда же были развернуты в музеях Санкт-Петербурга и Москвы.

-
- Кирпичников, Сарабьянов 2003 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладoga древняя столица Руси. СПб., 2003.
- Кирпичников 2004 — *Кирпичников А. Н.* Раскопки Староладожского «земляного городища» в 2003 г. // *Старая Ладoga. Первая международная археологическая школа-экспедиция.* СПб., 2004.
- Кирпичников, Енисосова 2004 — *Кирпичников А. Н., Енисосова Н. В.* Литейные формы для производства слитков из Старой Ладogi // *Восточная Европа в средневековье.* М., 2004.
- Ладoga... 1998 — *Ладoga и эпоха викингов.* СПб., 1998.
- Мачинский 2004 — *Мачинский Д. А.* Глеб Лебедев и Ладoga // *Ладoga и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской.* СПб., 2004. С. 3—15.
- Путешествие Ибн-Фадлана 1939 — *Путешествие Ибн-Фадлана по Волге.* Л., 1939.
- Рябинин 2002 — *Рябинин Е. А.* Новые данные о «больших домах» Старой Ладogi // *Старая Ладoga и проблемы археологии Северной Руси.* СПб., 2002.
- Седыx 2001 — *Седыx В. Н.* Новые данные к истории Великого Волжского пути // *Великий Волжский путь. Материалы круглого стола.* Казань, 2001.
- Ярославское Поволжье 1963 — *Ярославское Поволжье X—XI вв.* М., 1963.
- Petersen 1928 — *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
- Kivikoski 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.

ШУМ-ГОРА: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО НЕРАЗРУШАЮЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА¹

Е. Н. НОСОВ,² Н. И. ПЛАТОНОВА,²
В. И. КАШКЕВИЧ,³ Н. Н. БЛОХИН,³
М. В. ШИТОВ,⁴ М. П. КАШКЕВИЧ,⁴ Б. С. КОРОТКЕВИЧ⁵

Введение. Комплекс памятников у Передольского погоста (Новгородская обл., Батецкий р-н, д. Подгорье) включает весьма обширное поселение «раннегородского типа» X—XII вв., небольшое древнерусское селище XII—XIV вв., примыкающее к нему с юго-востока (см. статью Н. И. Платоновой и др. в настоящем сборнике), а также остатки исторического погоста писцовых книг XV—XVI вв. и погребальные памятники, топографически связанные с поселением. Эти последние представлены, в первую очередь, группой сопок, расположенных в поле между дд. Подгорье и Заполье (на расстоянии от 15 до 150 м друг от друга). Когда-то их было не менее 10 (Быстров 1880; Платонова 1991). Раскопки двух насыпей (№ 3—4), проведенные в 1985 и 1995 гг. Н. И. Платоновой, позволили отнести время их сооружения ко 2—3 четв. X в., установить целый ряд особенностей их структуры и характера функционирования как погребальных памятников (Платонова 2002).

Центральная группа сопок у Передольского погоста включает один памятник, к которому обычные методы современного археологического изучения неприменимы. Это Шум-гора (сопка № 5), представляющая собой уникальный «большой» курган с уступом (террасой) на середине высоты (табл. VI: 1). Высота Шум-горы от основания, по данным новейшей съемки 2004 г., составляет 12 м. При этом высота от низшей точки на планшете (то есть, с учетом естественной возвышенности) — 13,5 м. Диаметр сопки, согласно тем же новейшим данным, варьирует в пределах 70—75 м (табл. VI: 2). Можно считать эту сопку самой высокой из всех известных сохранившихся «больших курганов» I—II тыс. н. э. в Северной и Восточной Европе, включая «королевские курганы» Скандинавии и Дании. Раскопки «на снос» означали бы уничтожение уникального памятника. Именно в связи с этим нами было

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 04-06-80384 и 04-06-80009) и Программы Фундаментальных исследований ОИФН РАН № 9, 1 (проект «Северная Русь и народы Балтики»).

² ИИМК РАН, Санкт-Петербург.

³ ФГУ НПП (Федеральное Государственное Унитарное научно-производственное предприятие) «Геологоразведка», Санкт-Петербург.

⁴ СПбГУ, Геологический факультет, Санкт-Петербург.

⁵ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

начато исследование Шум-горы с использованием геофизических методов (Platonova et al. 2003).

Началу этих исследований предшествовал долгий период определения возможных методик. Как известно, в России и ближнем зарубежье существует несколько научных групп, разрабатывающих геофизические методы изучения археологических памятников. В настоящее время на практике установлено, что, например, при поиске и исследовании локальных, изометричных в плане, контрастных по физическим свойствам объектов (гончарных горнов, столбовых и хозяйственных ям и пр.) наиболее эффективными являются магнито- и каппаметрические методы. Для выявления пространственных характеристик древних стен, крепостных сооружений и пр. обычно применяется электропрофилирование. Однако использование этих геофизических методов для исследования внутреннего строения «земляных» курганов зачастую оказывается малоперспективным ввиду их слабой контрастности по магнитным и электрическим свойствам и необходимости учета рельефа.⁶ Для расчленения толщи курганной насыпи (учитывая априорную информацию о строении подобных сооружений) необходимо в первую очередь использовать геофизические методы, которые, с одной стороны, обладают высоким разрешением, с другой — направлены на выделение скоростных неоднородностей. Такими методами, на наш взгляд, являются методы радиолокации и сейсморазведки.

Геолокационное исследование Шум-горы 2002 г. Принцип действия георадара основан на излучении коротких электромагнитных широкополосных импульсов и приеме отраженных сигналов различной амплитуды от границ геологических слоев, строительных конструкций и отдельных объектов в грунте, а также водоносных горизонтов, на которых скачкообразно изменяется электропроводность контактирующих тел. Основной величиной, фиксируемой при проведении георадарных работ, является время пробега электромагнитной волны (в наносекундах) от передающей антенны к отражающему или дифрагирующему объекту и обратно к приемной антенне.

Геолокационный метод изучения археологических и исторических памятников является сравнительно новым. Он начал входить в практику в течение последних 15 лет, и до сих пор приемы исследования остаются недостаточно разработанными с методической точки зрения. В Северо-Западном регионе большинство примеров успешного использования георадаров связано с изучением конструктивных особенностей архитектурных сооружений.

⁶ Еще в 1975 г. Г. С. Лебедевым и геофизиком М. М. Бочаровым (ЛГУ, физико-математический факультет) была предпринята первая попытка применить эти методы на Шум-горе. В работах принимала участие Н. И. Платонова. Попытка не дала ощутимых результатов, в связи с чем геофизические исследования Шум-горы надолго прекратились.

С 30 октября по 2 ноября 2002 г. группа специалистов Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ) провела полевые предварительные георадарные работы на сопке Шум-гора.⁷ При проведении работ был использован георадар марки SIR System 2000 производства фирмы GSSI (США), а также дипольные антенны 5106 с центральной частотой излучения 200 МГц и 3200MLF с центральной частотой излучения 40 МГц.

Целью этих работ являлось: а) изучение внутреннего строения кургана; б) поиски в кургане археологических объектов; в) оценка размеров археологических объектов; г) разработка методики георадарных работ для последующих детализационных исследований.

Никакой информации об этих исследованиях своевременно не появилось в печати (за исключением «желтой прессы», узревшей в них сенсацию). В заключении авторов отчета о результатах проведенных работ указывалось, что выполненная работа носила рекогносцировочный и даже экспериментальный характер. Однако проведенное исследование показало возможность использования георадарного профилирования для археологических целей. Целью работ являлось обследование строения «предположительного культового искусственного каменно-земляного сооружения в виде насыпного (сложенного) кургана. При этом важно было установить наличие пустот или полостей внутри кургана, которые могли бы служить указанием на наличие в этом месте древнего захоронения».

По мнению авторов, «поставленная цель была фактически достигнута». При профилировании в основании кургана, по его террасе, а также на поверхности вершины прослежено в пространстве семь аномалий на радарограммах (три аномалии по периметру основания кургана, три аномалии по его террасе и одна аномалия в центральной части основания всего сооружения). Обработка первичных радарограмм с применением специальных программных средств и их последующая геологическая интерпретация легли в основу целого ряда ответственных выводов, сделанных авторами отчета.

Главным, с их точки зрения, явилось то, что удалось «опознать и отделить (разграничить) существующий естественный геологический разрез (не нарушая рыхлые, покровные, скорее всего, песчано-глинистые отложения) от антропогенной (нарушенной) части того же разреза». Особый интерес представляет строение той части искусственного разреза, которая связана с наличием известняковых плит (глыб, обломков). Именно эти различия, по мне-

⁷ Научным руководителем работ являлся докт. геол.-мин. наук М. А. Спиридонов. В отчете, подготовленном им и его коллегами (Спиридонов и др. 2002), не упомянуто, кто осуществлял археологические наблюдения в ходе полевых работ. Только из устных сообщений известно, что эти работы проводились по инициативе передольских краеведов С. С. и М. С. Алексашиных, привлечших к ним Г. С. Лебедева.

нию авторов, могли указывать на способы и стадии возведения сооружения. Кроме того, «принципиальное значение имеет результат прямого и расчетного установления на радарограммах довольно крупной зоны, выявляемой на глубине 13—15 м от вершинной кромки кургана. С учетом внушительных размеров (ориентировочно 9×3 м) этой полости и ее достаточно определенно вытянутых очертаний можно предположить прямую связь этого объекта с центром захоронения (погребальной нишей, саркофагом и т. п.)» (Спиридонов и др. 2002).

Одним из главных результатов георадарного исследования стала «прослеженная от основания кургана до его террасы линейная аномалия, которая в свою очередь с той же долей вероятности интерпретируется как проход, туннель или подкоп. Таким образом, имеют место несколько значимых фактов, указывающих на прямую связь георадарного профилирования с возможным решением археологических задач». В то же время авторами отмечалось, что по целому ряду объективных причин проведенные наблюдения сопровождались неблагоприятными обстоятельствами. Во-первых, время, отведенное для исследований, было «весьма ограничено». Во-вторых, отсутствовали материалы геологической привязки (дешифрирования) геофизических (георадарных) данных, поэтому большая часть выводов носит предварительный характер.

Наконец, погодные условия — снежный покров и высокое увлажнение также создавали трудности, как в ходе полевых наблюдений, так и при обработке радарограмм, на которых возникли помехи от неблагоприятного внешнего воздействия.

Тем не менее, по заключению авторов, «общий результат проведенных исследований, даже с учетом перечисленных трудностей, представляется значительно важным с научно-практической точки зрения. Надо полагать, что в настоящий момент вполне очевидна практическая продолжения и расширения аналогичных исследований, которые, в данном случае, только подошли к возможному решению обширного круга археологических задач» (Спиридонов и др. 2002).

Гипотеза о наличии некой полости, туннеля или погребальной ниши («саркофага») под насыпью Шум-горы, несмотря на все оговорки авторов о «предположительности» их выводов, сразу привлекла внимание — к сожалению, не только специалистов, но и «желтой прессы», и телевидения. Этими последними она была немедленно тиражирована как рассказ о находке места захоронения «князя Рюрика и его верной дружины», причем все оговорки, разумеется, снимались. Между тем, в данном случае любые скороспелые, сенсационные выводы абсолютно неуместны, учитывая:

а) неразработанность методики геолокационного изучения объектов такого рода, характеризующихся сложной геометрией и невыясненностью литологического состава;

б) высокую сложность интерпретации данных исследования многометровой толщи курганной насыпи.

Цитированный отчет, переданный в отдел полевых исследований ИА РАН, был внимательно изучен специалистами, в том числе сотрудниками нашего проекта. Главное критическое замечание можно сформулировать так: в отчете, по сути, представлен *только* фактический материал геофизических наблюдений (безусловно, очень интересных). Но его геолого-геофизическая интерпретация, а тем более, попытка создания модели памятника, отсутствуют. Между тем, георадар — это не всевидящее око, прозревающее глубины Земли. Это прибор, результаты работы которого необходимо интерпретировать и осмысливать прежде, чем передавать их неспециалистам или представителям иных наук, не способным самостоятельно оценить полученные данные. В свою очередь, методику работы необходимо адаптировать к конкретному классу объектов.

Первичная обработка результатов георадиолокационного профилирования путем перебора различных процедур и видов обработки в пакете РАДАН позволила авторам отчета визуализировать радарограммы в виде графических файлов. Не имея возможности воспроизвести этот иллюстративный материал в рамках данной статьи, мы отсылаем читателя к оригиналу, хранящемуся в архиве ИА РАН. В настоящий момент приведем лишь наиболее серьезные замечания рецензентов, касающиеся интерпретации конкретного материала:

1. Применение линейного усиления по глубине существенно искажает соотношение амплитуд отраженного сигнала. Электромагнитные волны затухают в любой среде (кроме вакуума). Но обычно они затухают по нелинейному (экспоненциальному) закону. Поэтому, усиливая сигнал линейно, мы подавляем глубинные аномалии и, напротив, делаем ярче аномалии поверхностные. Одновременно с усилением полезного сигнала, усиливаются и помехи, в том числе кратные волны. Получается, что ярче всего выделяется верхняя часть разреза, а глубже мы, скорее всего, наблюдаем переусиление помехи типа кратных волн, связанных с переотражением волн от приповерхностных горизонтов. Именно этим, скорее всего, объясняется четкая «слоистость» отложений на большинстве разрезов.

2. При рассмотрении части разрезов создается впечатление, что выделяемые на них границы — это просто необоснованно «задранные» сигналы-помехи, в том числе аппаратные. Так повторяющееся практически на всех радарограммах отражение около 540 нс очень устойчиво по времени, абсолютно горизонтально на изображении и теряется только в случае суперпозиционного наложения других сигналов от локальных аномалий. Можно предположить, что связано оно не с реальной физической границей, а с неоднородностями внутри приемопередающего канала (например, недостаточно согласованное соединение разъемов).

3. Не вполне понятно появление «ячеистой» структуры на нескольких разрезах. Она вполне может быть обусловлена как аппаратными помехами, так и использованием во время работы мобильных телефонов.

4. Расчет глубин сделан авторами, исходя из «среднего» значения скорости распространения электромагнитных волн, равной 6 см за 1 наносекунду. Однако в различных средах эта скорость может различаться в 2—3 раза. Принимая скорость постоянной, можно впасть в ошибку при расчете глубин аномалий.

Указанные замечания, безусловно, не сводят на нет ценности собранного в 2002 г. фактического материала. Этот материал обязательно должен учитываться в ходе дальнейших геофизических исследований. Они лишь помогают понять: такие задачи, как исследование сложнейших археологических объектов щадящими методами, не могут решаться «наскоком». Конкретные заключения о структуре памятника должны предваряться разработкой соответствующих методик и более тщательным анализом результатов, полученных в поле. Учитывая все сказанное, следует заключить: на основании данных 2002 г. нельзя всерьез говорить ни о «погребальной нише» ни о «туннеле» в насыпи Шум-горы.

Инженерная сейсморазведка в геологии и археологии. В последние годы для решения инженерно-геологических, гидрологических, экологических и других задач, требующих применения неразрушающих технологий и обеспечивающих высокую детальность исследований, все чаще применяются сейсмические методы разведки с последующей томографической обработкой результатов. Сейсмотомографические построения позволяют получать трехмерное изображение среды, с большой точностью выделять локальные неоднородности, отличающиеся по своим скоростным характеристикам от вмещающей среды, определять их геометрию и пространственное положение, а в некоторых случаях и внутреннее строение этих неоднородностей. Метод неоднократно и успешно применялся рядом авторов настоящей статьи для решения таких задач, как выявление ослабленных зон трещиноватости и участков размыва по бортам плотин гидроэлектростанций, под промышленными и жилыми объектами (Плярвинская ГЭС, Эстония, Санкт-Петербургский метрополитен, Военно-морской музей), исследование прочностных свойств грунтов (Морской порт, Усть-Луга), поиски карстовых полостей (Ижорское плато), а также традиционных для сейсморазведки поисково-геологических задач.

С 1950-х гг. методы сейсморазведки успешно применялись для выявления и уточнения расположения древних камерных погребений, стен и различного рода засыпанных углублений типа траншей, канав и т. д. (Франтов, Пинкевич 1966).⁸ Чаще всего использовался метод преломленных волн, подразуме-

⁸ Авторы признательны А. В. Чернецову за указание, что метод сейсморазведки использовался в ходе архитектурно-археологических исследований памятников Старой Рязани

вающий наличие в разрезе преломляющей (высокоскоростной) границы, постоянство скорости в покрывающей толще и относительно ровной поверхности, на которой располагались источники упругой энергии и приемники. Применение же сейсмической томографии для изучения археологических объектов является совершенно новым, пионерским направлением в геоархеологии. Особенности объектов курганного типа являются сложный рельеф, отсутствие в них ярко выраженных преломляющих и отражающих границ и наличие локальных скоростных неоднородностей малого размера. В таких условиях сейсмическая томография является чуть ли не единственным методом, позволяющим исследовать строение подобных археологических памятников, не прибегая к раскопкам. В методическом плане указанный подход практически не имеет аналогий ни в отечественной, ни в мировой практике геофизического изучения археологических памятников. Не случайно метод сейсморазведки даже не упомянут в авторитетном новейшем руководстве по геоархеологии, изданном в США (Goldberg, Holliday, Ferring (eds.) 2001). Следует подчеркнуть, что в методическом плане указанный подход еще требует специальной разработки, применительно к различным видам объектов, актуальных в средневековой археологии. Но перспективность его в настоящий момент совершенно ясна. Только он позволяет разработать адекватную археофизическую модель памятников, сложенных средами, слабо контрастными по магнитным и электрическим свойствам (именно к такой категории памятников относятся сопки Передольского погоста, представленные почво-грунтовыми насыпями с включениями валунного материала). Предпосылками для использования сейсморазведки являются здесь *ощутимая контрастность изучаемых объектов по скоростям* (песок, пустоты, валуны и пр.) и высокая разрешающая способность используемой аппаратуры.

Сейсмотомографическое исследование Шум-горы. Основаниями для опробования метода сейсмотомографии на Шум-горе явились накопленный опыт и априорные представления о внутреннем строении сопок Передольского погоста, полученные в ходе раскопок 1985 и 1995 гг. (Платонова 2002). По результатам этих исследований авторы имели возможность составить условную физико-геологическую модель сопочной насыпи. Предполагалось, что тело кургана (вмещающая среда) в основном представлено рыхлым мелкозернистым сухим песком, скорости распространения упругих колебаний (V_p) в котором лежат в интервале от 0,2—0,5 км/с. По периметру и во внутренних частях сопки ожидалось скопление различных по форме и размеру валунов, представленных гранитами или диабазами, которые по своим скоростным

(озвучено 24.09.04 в ходе дискуссии по докладу Н. И. Платоновой на конференции «Старая Русса и Приильменье в контексте древнерусской культуры — от тысячелетия к тысячелетию. Проблемы археологии и комплексного источниковедения»).

характеристикам ($V_p = 2\text{—}5$ км/с) резко отличаются от вмещающей среды. Не исключалось и присутствие пустот и полостей, заполненных рыхлым низкоскоростным материалом, отличным от песка. Первые же результаты показали, что длина продольных волн, распространяющихся от источника к приемнику, составляет первые метры, подтвердив принципиальную возможность выделения скоростных неоднородностей размером около 1 м. Следует отметить: линейные размеры Шум-горы таковы (табл. VI: 2), что упругие колебания, возбуждаемые с одной стороны кургана, уверенно регистрировались с противоположной, позволяя, тем самым, проводить наблюдения практически в любой плоскости.

На первом этапе работ было решено с наибольшей детальностью исследовать расположенную выше террасы верхнюю часть Шум-горы, поэтому в этой части кургана пункты приема устанавливались с максимальной возможной плотностью. Всего было проложено четыре профиля через 45 градусов. В качестве чувствительных элементов применялись сейсмоприемники GS-20DX производства СП «ОУО-Геоимпульс». Регистрация возбуждаемых колебаний велась с использованием инженерной 24-х канальной сеймостанции «Диоген-24—12». Длина записи составляла 1024 отсчета, шаг дискретизации по времени — 0,25 мс.

Взаимно перпендикулярные профили № 1 и № 2 северо-восточного и северо-западного направлений соответственно (табл. VI: 2) пересекались на вершине сопки в точке, принятой нами за условный «0». Пункты приема, общее количество которых составляло 24, располагались через 2 м. Система из двух других профилей западного и северного направлений (№ 3 и № 4) была развернута на 45 градусов относительно первых двух. Расстояние между сейсмоприемниками на третьем и четвертом профилях было увеличено до 5 м с тем, чтобы крайние пункты приема располагались как можно ближе к основанию сопки. Первая расстановка обеспечивала максимальное пересечение лучевых траекторий в верхней части кургана, выше террасы, вторая — более длинные профили — охватывала также и краевые части кургана, что позволило восстановить скоростные характеристики среды на нижнем уровне.

Обязательным условием при проведении наземных геофизических работ является учет рельефа. Для этого по линиям профилей была сделана нивелирная съемка участка (табл. VI: 2). Для улучшения отношения сигнал-помеха использовались группы из трех сейсмоприемников на пикет и накопления сейсмического сигнала. Для большей помехоустойчивости каждая группа сейсмоприемников устанавливалась в предварительно сделанные лунки и прикрывалась сверху слоем дерна. Источник упругих колебаний (8-килограммовую кувалду) перемещали по линиям профилей с шагом 2 м и 5 м с выносом за последний пункт приема на 20 м. Такая расстановка позволила по-

лучить лучевую схему (табл. VII: 1), пригодную для построения объемной скоростной модели заданного объекта.

Полевые материалы, полученные в ходе этих работ, детально описаны в специальной статье (Кашкевич, Блохин и др. 2005, в печати). Томографическая обработка полученных данных была проведена с использованием программы Dogstomo (Дитмар П. Г., Рослов Ю. С.). В качестве априорной модели послужила однородная скоростная модель со средней скоростью 0,5 км/с, скомпонованная из кубических ячеек с линейным размером грани 2,3 м. Размер ячейки определялся плотностью лучевой информации в изучаемой модели и превышал минимально допустимые линейные размеры неоднородности при данной длине волны. Полученная в результате обработки трехмерная скоростная модель (табл. VII: 2) позволяет получать вертикальные и горизонтальные сечения, что дает возможность детального послойного изучения внутреннего строения объекта (по крайней мере, для верхней части кургана).

На вертикальных скоростных разрезах (табл. VIII: 1) тело кургана можно условно разделить на две части, граница между которыми проходит на уровне 9,5 м ниже вершины: верхняя представлена рыхлым, низкоскоростным материалом со средними скоростями $V_p = 0,25\text{—}0,30$ км/с; нижняя, мощностью около 4 м, представлена более плотными высокоскоростными породами со скоростями около 0,6 км/с. На периферии и в центре нижнего яруса нечетко прослеживаются области аномально высоких скоростей с $V_p = 1,0\text{—}1,5$ км/с, вызванные, вероятнее всего, скоплением валунов. Это предположение не противоречит имеющимся представлениям о внутреннем строении сопки. Заниженные значения скоростей (по сравнению со скоростями продольных волн в магматических горных породах) вызваны, по-видимому, тем, что промежутки между отдельными валунами небольшого размера заняты низкоскоростным рыхлым материалом (возможно, песком), вследствие чего отсутствует жесткий контакт между высокоскоростными включениями. Кроме того, валунный материал в течение длительного времени находился в условиях сезонного изменения температуры и влажности, что могло привести к образованию трещиноватости и, как следствие, вызвать уменьшение скорости. Еще одной причиной является осреднение значений скорости по всей элементарной ячейке (2,3×2,3×2,3 м) при том, что объемное содержание высокоскоростных включений может составлять лишь первые десятки процентов.

В верхнем ярусе на вертикальных разрезах в центральной части четко выделяется область пониженных скоростей, где скорость распространения упругих колебаний уменьшается до 0,2 км/с. Верхняя граница низкоскоростной области находится примерно в 5 метрах ниже вершины холма (условного нуля). В вертикальной плоскости область имеет неправильную трапециевидную форму, увеличиваясь в размерах от 2—3 метров в верхней части до 8—

10 метров на глубине около 9 м, и расположена непосредственно над центральной высокоскоростной аномальной зоной нижнего яруса. Заслуживает внимания тот факт, что границы низкоскоростной области «размыты». Это указывает не на резкое изменение скорости, как в случае с высокоскоростными зонами нижнего яруса, а на постепенное уменьшение ее значений к центру кургана. Можно предположить, что центральная часть Шум-горы выполнена из некоего материала, упругие свойства которого мало отличаются от свойств вмещающей среды (песка), а с течением времени и под влиянием различных внешних факторов эта граница стала еще менее четкой и трансформировалась в переходный градиентный слой. Этот слой сложен материалом, по своим характеристикам напоминающим торф.

Проанализировав первые результаты сейсмических исследований на Шум-горе, можно подвести следующие итоги.

— Шум-гора не является объектом естественного происхождения, так как средние скоростные характеристики самого кургана и основания, на котором он стоит, значительно разнятся.

— Скоростное строение сопки крайне неоднородно, скорости меняются в интервале от 0,2 км/с до 1,6 км/с.

— В центральной части сопки находится зона пониженных скоростей. Размер ее увеличивается сверху вниз от 1,5—2 м на уровне 5 м до 8—9 м на уровне 8 м. Указанная часть насыпи имеет, таким образом, рыхлую структуру, несколько отличную, как от ниже-, так и от вышележащих горизонтов.

— Практически все отдельно расположенные высокоскоростные объекты размером 1—2 м (вероятно, крупные валуны или скопления камней) находятся на глубине от 5 до 8 м от вершины и образуют некое подобие окружности (табл. VIII: 2). Одна высокоскоростная зона, находящаяся на северо-восточном склоне сопки выделяется большим (до 3—4 м) размером и залегает несколько глубже остальных. Таким образом, наибольший интерес, как следует из приведенных материалов, представляет собой та часть насыпи, которая находится ниже 5 м от вершины, то есть участок, лежащий непосредственно ниже террасы. Именно здесь наблюдается наибольшая скоростная дифференциация пород.

— В нижнем ярусе Шум-горы четко выделяется зона аномально высоких скоростей, расположенная в центральной части точно под низкоскоростной областью верхнего яруса. Для наиболее детального и достоверного изучения насыпи, начиная от террасы и ниже, необходимо условно разделить эту область на 6—7 взаимно перекрывающихся секторов и последовательно проводить сейсмические работы в каждом из них с использованием площадной системы наблюдений. Это, с одной стороны, позволило бы обеспечить необходимую плотность сейсмических лучей, с другой — за счет перекрытий, контролировать качество и достоверность получаемой информации. В на-

стоящий момент эта работа частично уже проведена, а полученные результаты находятся в стадии обработки.

Заключение. Подводя итоги, можно сказать: первые и, несомненно, положительные результаты сейсмических исследований на Шум-горе позволяют надеяться на успешное их продолжение не только на этом интереснейшем объекте, но и на других археологических памятниках, требующих применения неразрушающих технологий.

Настоящая публикация и содержащиеся в ней выводы отнюдь не являются окончательными. Они отражают лишь один из этапов работы по проекту, связанному с разработкой и адаптацией метода сейсмотомографии к изучению археологических объектов. Подготовка настоящей статьи обусловлена необходимостью информировать научную общественность о ходе исследований Шум-горы, по праву считающейся уникальным памятником ранне-средневековой археологии.

Быстров 1880 — *Быстров М.* Остатки старины близ Передольского погоста, Лужского уезда, Санкт-Петербургской губернии (описание курганов и кладбищ этой местности) // *Известия Императорского Русского Археологического общества*. 1880. Т. 9, вып. 4. С. 381—410.

Кашкевич, Блохин, Анисимов, Кашкевич, Платонова, Шитов 2005 — *Кашкевич В. И., Блохин Н. Н., Анисимов А. А., Кашкевич М. П., Платонова Н. И., Шитов М. В.* Опыт применения малоглубинной сейсморазведки для решения археологических задач // *Вопросы геофизики*. СПб., 2005. Вып. 38.

Платонова 1991 — *Платонова Н. И.* Укрепленные поселения Лужской волости // *Материалы по археологии Новгородской земли*. 1990. М., 1991. С. 72—79.

Платонова 2002 — *Платонова Н. И.* О погребальном обряде Новгородских сопков (по материалам Передольского погоста) // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб., 2002. С. 181—195.

Спиридонов, Мануйлов, Кропачев, Ликсушенков, Акулов, Рябчук 2002 — *Спиридонов М. А., Мануйлов С. Ф., Кропачев Ю. П., Ликсушенков С. М., Акулов В. Б., Рябчук Д. В.* Отчет о геофизических исследованиях с помощью георадара SIR System-200 древнего кургана «Шум-гора». СПб., 2002. Хранится в архиве ИА РАН (Москва).

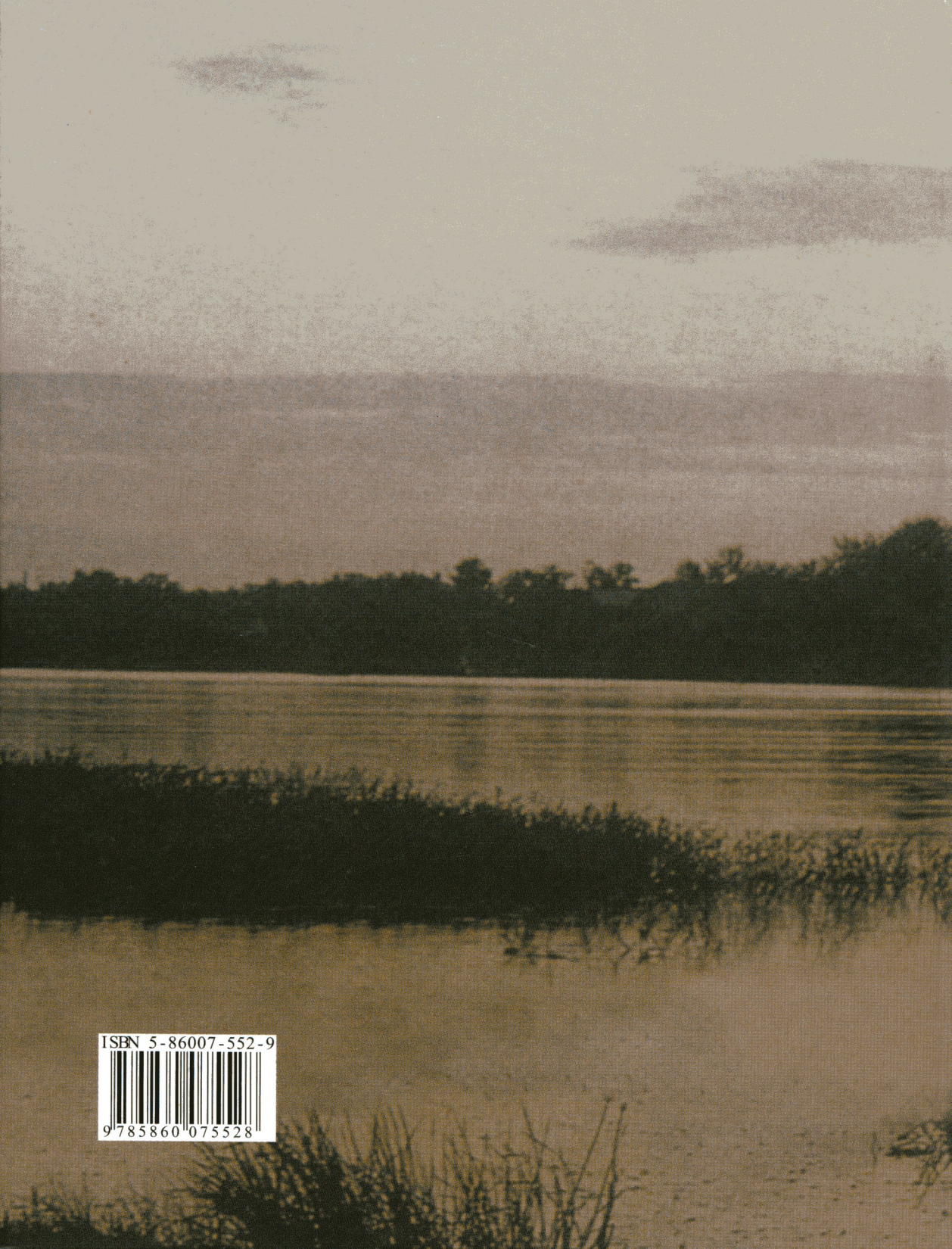
Франтов, Питкевич 1966 — *Франтов Г. С., Питкевич А. А.* Геофизика в археологии. Л., 1966.

Goldberg, Holliday, Ferring 2001 — *Goldberg P., Holliday V. T., Ferring C. R.* (eds.). *Earth Sciences and Archaeology*. Kluwer Academic / Plenum Publishers. New York; Boston; Dordrecht; London; Moscow, 2001.

Platonova, Kashkevich, Anisimov, Blokhin 2003 — *Platonova N. I., Kashkevich V. I., Anisimov A. A., Blokhin N. N.* The new investigations of «Shum-Gora» // *European Association of archaeologists. 9-th Annual Meeting. 10—14 September 2003. Final Programme and Abstracts*. St.-Petersburg, 2003. P. 42—43.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИП	— Археологическое изучение Пскова. Псков.
АО	— Археологические открытия. М
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М., Л.
МАР	— Материалы по археологии России. СПб.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
НИС	— Новгородский исторический сборник Л., Новгород.
НА ИИМК РАН	— Научный архив ИИМК РАН
ПАВ	— Петербургский археологический вестник
СА	— Советская археология. М.
СГАИМК	— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
SHM	— Statens Historiska Museum. Stockholm.

ISBN 5-86007-552-9

9 785860 075528